

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ЖУРНАЛ**

INTERNATIONAL RESEARCH JOURNAL

**ISSN 2303-9868 PRINT
ISSN 2227-6017 ONLINE**

Екатеринбург
2016

Периодический теоретический и научно-практический журнал.
Выходит 12 раз в год.
Учредитель журнала: ИП Соколова М.В.
Главный редактор: Миллер А.В.
Адрес редакции: 620075, г. Екатеринбург, ул. Красноармейская,
д. 4, корп. А, оф. 17.
Электронная почта: editors@research-journal.org
Сайт: www.research-journal.org

**№ 11 (53) 2016
Часть 2
Ноябрь**

Подписано в печать 18.11.2016.
Тираж 900 экз.
Заказ 26161
Отпечатано с готового оригинал-макета.
Отпечатано в типографии ООО "Компания ПОЛИГРАФИСТ",
623701, г. Березовский, ул. Театральная, дом № 1, оф. 88.

Сборник по результатам LVI заочной научной конференции International Research Journal.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Журнал имеет свободный доступ, это означает, что статьи можно читать, загружать, копировать, распространять, печатать и ссылаться на их полные тексты с указанием авторства без каких либо ограничений. Тип лицензии CC поддерживаемый журналом: Attribution 4.0 International (CC BY 4.0). Журнал входит в международную базу научного цитирования **Agris**.

Номер свидетельства о регистрации в Федеральной Службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: **ПИ № ФС 77 – 51217**.

Члены редколлегии:

Филологические науки: Растягаев А.В. д-р филол. наук, Сложеникина Ю.В. д-р филол. наук, Штрекер Н.Ю. к.филол.н., Вербицкая О.М. к.филол.н.

Технические науки: Пачурин Г.В. д-р техн. наук, проф., Федорова Е.А. д-р техн. наук, проф., Герасимова Л.Г., д-р техн. наук, Курасов В.С., д-р техн. наук, проф., Оськин С.В., д-р техн. наук, проф.

Педагогические науки: Лежнева Н.В. д-р пед. наук, Куликовская И.Э. д-р пед. наук, Сайкина Е.Г. д-р пед. наук, Лукьянова М.И. д-р пед. наук.

Психологические науки: Мазилев В.А. д-р психол. наук, Розенова М.И., д-р психол. наук, проф., Ивков Н.Н. д-р психол. наук.

Физико-математические науки: Шамолин М.В. д-р физ.-мат. наук, Глезер А.М. д-р физ.-мат. наук, Свиштунов Ю.А., д-р физ.-мат. наук, проф.

Географические науки: Умывакин В.М. д-р геогр. наук, к.техн.н. проф., Брылев В.А. д-р геогр. наук, проф., Огуреева Г.Н., д-р геогр. наук, проф.

Биологические науки: Буланый Ю.П. д-р биол. наук, Аникин В.В., д-р биол. наук, проф., Еськов Е.К., д-р биол. наук, проф., Шеуджен А.Х., д-р биол. наук, проф.

Архитектура: Янковская Ю.С., д-р архитектуры, проф.

Ветеринарные науки: Алиев А.С., д-р ветеринар. наук, проф., Татарникова Н.А., д-р ветеринар. наук, проф.

Медицинские науки: Медведев И.Н., д-р мед. наук, д.биол.н., проф., Никольский В.И., д-р мед. наук, проф.

Исторические науки: Меерович М.Г. д-р ист. наук, к.архитектуры, проф., Бакулин В.И., д-р ист. наук, проф., Бердинских В.А., д-р ист. наук, Лёвочкина Н.А., к.ист.наук, к.экон.н.

Культурология: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Искусствоведение: Куценков П.А., д-р культурологии, к.искусствоведения.

Философские науки: Петров М.А., д-р филос. наук, Бессонов А.В., д-р филос. наук, проф.

Юридические науки: Грудцына Л.Ю., д-р юрид. наук, проф., Костенко Р.В., д-р юрид. наук, проф., Камышанский В.П., д-р юрид. наук, проф., Мазуренко А.П. д-р юрид. наук, Мещерякова О.М. д-р юрид. наук, Ергашев Е.Р., д-р юрид. наук, проф.

Сельскохозяйственные науки: Важов В.М., д-р с.-х. наук, проф., Раков А.Ю., д-р с.-х. наук, Комлацкий В.И., д-р с.-х. наук, проф., Никитин В.В. д-р с.-х. наук, Наумкин В.П., д-р с.-х. наук, проф.

Социологические науки: Замараева З.П., д-р социол. наук, проф., Солодова Г.С., д-р социол. наук, проф., Кораблева Г.Б., д-р социол. наук.

Химические науки: Абдиев К.Ж., д-р хим. наук, проф., Мельдешов А. д-р хим. наук.

Науки о Земле: Горяинов П.М., д-р геол.-минерал. наук, проф.

Экономические науки: Бурда А.Г., д-р экон. наук, проф., Лёвочкина Н.А., д-р экон. наук, к.ист.н., Ламоттке М.Н., к.экон.н.

Политические науки: Завершинский К.Ф., д-р полит. наук, проф.

Фармацевтические науки: Тринева О.В. к.фарм.н., Кайшева Н.Ш., д-р фарм. наук, Ерофеева Л.Н., д-р фарм. наук, проф.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

INDIRECT SPEECH ACTS IN OFFICIAL STYLE OF ENGLISH VARIANTS (INTERACTION OF PRAGMATIC AND NON-PRAGMATIC ASPECTS)	6
ПОЛЕ ЭМЕРДЖЕНТНОСТИ КАК МОДЕЛЬ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ТЕКСТА.....	8
АНАГРАММА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕМАТИЗАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....	11
КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ: ПРОБЛЕМА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ РЕПЛИК СОБЕСЕДНИКОВ	14
ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЦИИ ЧОРОНА – РИТУАЛЬНОЙ ПОСУДЫ ЯКУТОВ	17
К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	20
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕРМИНА «БИЛИНГВИЗМ».....	22
ОСНОВНЫЕ ТАКТИКИ ПСИХОЛОГИЗАЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	25
ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ	27
О МОТИВЕ РОДНИКА В ПОЭТИКЕ ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА	31
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ: СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА, ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ, ТЕКСТВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ М.А. ШОЛОХОВА)	33
LITERARY STUDIES AS THE MEANS OF FACILITATING CROSS-CULTURAL COMMUNICATION	37
РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ	39
ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА «КРАСАВИЦА»	42
ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕССЫ ДАГЕСТАНА	44
РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ИНТЕРВЬЮ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ С М. АРГЕРИХ).....	46
РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.....	48
К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ВИДОВРЕМЕННЫХ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ	50
«ТОЛЕРАНТНОСТЬ» НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С ВЛИЯНИЕМ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА.....	53
ПРИЕМЫ ЭСТЕТИКИ «ТЕАТРА АБСУРДА» КАК СПОСОБ РАЗОБЛАЧЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА	55
В ПЬЕСЕ С. МРОЖЕКА «ПРЕКРАСНЫЙ ВИД»	55
ЖАНРОВОЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ПРИЧУДЛИВЫХ ПРИТЧ» («FANTASTIC FABLES») АМБРОЗА БИРСА	58
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	60
ПОЛИКОДОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ	62
ОБРАЗ ПРЕСТУПНИКА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	65
СТРУКТУРНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ СКАЗУЕМОГО В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ	67
ДИСКУРС-АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	70

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

АНАЛИЗ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ	73
ПРИМЕНЕНИЕ ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА AUTODESK REVIT В ОБСЛЕДОВАНИИ ЗДАНИЙ	75

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ / GEOGRAPHY

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В АРКТИКЕ.....	78
ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРМОВЫХ УГОДИЙ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ХМАО-ЮГРЫ	83

БАЗОВЫЕ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ.....	85
---	----

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

ИНТОНАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ЗАСТОЛЬНЫХ ПЕСЕН <i>АРХИИН ДУУНУУД</i> ЗАПАДНЫХ БУРЯТ	88
О КОМПОЗИЦИОННОМ CRESCENDO В «НЕАПОЛИТАНСКОЙ ПЕСЕНКЕ» ЧАЙКОВСКОГО	91

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

СУБЪЕКТ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	95
МУЗЕЙ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ	98
УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ И ФРАНЦУЗСКИЕ ГРАММАТИКИ ИЗ УСАДЕБНОЙ БИБЛИОТЕКИ СЕМЬИ ХУДОЖНИКА В.В. ВЕРЕЩАГИНА	101
КРЕАТИВНАЯ ДИНАМИЧНОСТЬ – ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА РУССКОГО АВАНГАРДА НАЧАЛА XX ВЕКА.....	104

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / BIOLOGY

АНАЛИЗ АНАТОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОБЕГОВ НЕКОТОРЫХ ПЛОДОВЫХ КУЛЬТУР В УСЛОВИЯХ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	108
АДАПТАЦИЯ РЕСПИРАТОРНОЙ СИСТЕМЫ СТУДЕНТОВ К УЧЕБЕ В ВУЗЕ.....	111
РЕГУЛИРУЮЩАЯ РОЛЬ КРИОПРОТЕКТОРОВ И АНТИОКСИДАНТОВ ПРИ ХРАНЕНИИ ГЕНОПЛАЗМЫ ПЛОДОВЫХ И ЯГОДНЫХ КУЛЬТУР	115
ВЛИЯНИЕ ФРУКТОЗЫ НА ПРОРАСТАНИЕ СЕМЯН И РАЗВИТИЕ ПРОРОСТКОВ <i>FAGOPYRUM ESCULENTUM</i>	119
PROPERTIES OF STRAIN OF <i>EXIGUOBACTERIUM MEXICANUM</i>	123
ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ ВЫРАЩИВАНИЯ НА АКТИВНОСТЬ КИСЛЫХ ФОСФАТАЗ АМАРАНТА.....	127
МИКОБИОТА МОРСКИХ ЭКОСИСТЕМ КАК ИСТОЧНИК ТАКСОНОМИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ МИЦЕЛИАЛЬНЫХ ГРИБОВ.....	131
статья изъята: ВЕГЕТАТИВНЫЙ СТАТУС В СПОРТЕ	134
MINED-LAND RECLAMATION IN PRIMORSKY TERRITORY	136
ГУМУСНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕРНОЗЕМОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ.....	138
HUMUS STATE OF SOIL IN FARMLAND OF SOUTH ZAURALYE	138
статья изъята: ПРОДУКЦИЯ ЦИТОКИНОВ, ФАКТОРОВ РОСТА, РАСТВОРИМЫХ ФОРМ ИХ РЕЦЕПТОРОВ В ФАЗУ РАЗРЕШЕНИЯ ВНЕБОЛЬНИЧНОЙ ПНЕВМОНИИ НА ФОНЕ НИЗКОИНТЕНСИВНОЙ ДЕЦИМЕТРОВОЙ ТЕРАПИИ	141

ВЕТЕРИНАРНЫЕ НАУКИ / VETERINARY SCIENCE

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОБИОТИКА В КАЧЕСТВЕ КОНСЕРВАНТА ПРИ ЗАГОТОВКЕ РАСТИТЕЛЬНЫХ КОРМОВ	151
ВЛИЯНИЕ АЛБЕНДАЗОЛА НА МИКРОФЛОРУ КИШЕЧНИКА	153
статья изъята: РОЛЬ РЕГУЛЯТОРНЫХ СИСТЕМ ОРГАНИЗМА ТЕЛЯТ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ БИОВЕСТИНА.....	155
USAGE EFFICIENCY OF THE NEW VITAMIN-ENZYMЕ PREMIX IN POULTRY RATIONS.....	159
К ВОПРОСУ О ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫХ РАССТРОЙСТВАХ У ПОРОСЯТ И УЩЕРБЕ, НАНОСИМОМ СВИНОВОДСТВУ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ.....	161
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ТОКСИЧНОСТИ МАЗИ ГЕНТАДИОВЕТ	165

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ / CHEMISTRY

ЭФФЕКТЫ ВЫРЕЗАНИЯ ОБЪЕМА ИОНА И ПЕРЕЭКРАНИРОВАНИЯ ДИЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РАСТВОРИТЕЛЯ В НЕЛОКАЛЬНО-ЭЛЕКТРОСТАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СОЛЬВАТАЦИИ.....	167
--	-----

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / PHILOLOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.198

Агапова С.Г.¹, Гущина Л.В.², Неустроев К.С.³¹ORCID: 0000-0003-3954-393, Доктор филологических наук, Профессор
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия²ORCID: 0000-0002-7434-133X, Кандидат филологических наук, Доцент
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия³ORCID: 0000-0001-9911-0776, Кандидат филологических наук, Доцент
Институт финансового контроля и аудита, Ростов-на-Дону, Россия**КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОМ СТИЛЕ ОСНОВНЫХ ВАРИАНТОВ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАГМАТИЧЕСКИХ
И НЕПРАГМАТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ)****Аннотация**

В настоящей статье рассматриваются косвенные речевые акты в официальном стиле различных вариантов современного английского языка, основываясь на идеях Д. Кристалла, А. Вежбицкой, Ф. Тромпеназа и др. Целью работы является выявление предпосылок использования косвенных речевых актов в различных вариантах английского языка. Авторы обсуждают роль культуры и объясняют важность таковой в процессе коммуникации, включая в контекст обсуждения идею культурного и социального коммуникативного инвентаря. В заключении авторы приходят к выводу о том, что дифференциация вариантов английского языка отражает вариативность коммуникации и выступает как предпосылка динамических характеристик деловой речи, включая использование косвенных актов.

Ключевые слова: косвенные речевые акты, официально-деловой стиль, прагматика, прагмалингвистика, варианты английского языка.

Agapova S.G.¹, Gushchina L.V.², Neustroyev K.S.³¹ORCID: 0000-0003-3954-393, PhD in Philology, Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia²ORCID: 0000-0002-7434-133X, PhD in Philology, Associate Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia³ORCID: 0000-0001-9911-0776, PhD in Philology, Associate Professor,
Institute of Financial Control and Audit, Rostov-on-Don, Russia**INDIRECT SPEECH ACTS IN OFFICIAL STYLE OF ENGLISH VARIANTS (INTERACTION
OF PRAGMATIC AND NON-PRAGMATIC ASPECTS)****Abstract**

The present paper deals with indirect speech acts in the official style in different variants of the English language. It is based on the ideas of D. Crystal, A. Wierzbicka, F. Trompenaars and others. The aim of the present article consists of revealing prerequisites of use of indirect speech acts in different variants of the English language. The authors discuss the role of culture and explain its importance in the process of communication, introducing the idea of the cultural and social "communicative stock". In conclusion, it summarizes that the differentiation of English variants reflects the variability of communication and performs as a prerequisite of dynamic characteristics of official and business languages, including the use of indirect speech acts.

Keywords: indirect speech acts, official style, pragmatics, pragmalinguistics, Englishes.

Introduction

The modern science about language, including Germanic studies, tends to the multidimensional and profound interpretation of objects, which is characteristic of the latest knowledge (that has been pointed out in recent works by S.G. Agapova [1, 9-12], I.P. Khutyz [3] and others). The space which dynamically connects the conventional commonality and poorly studied variability is the official style itself and serves an adequate object for the mentioned above tendency. The freedom of interpretations, which is basic for linguistic knowledge, can be verified and specified only by those communicative phenomena which correspond to such dynamics, namely indirect speech acts in different variants of a certain language.

Hence, *the aim* of the present article consists of revealing prerequisites of use of indirect speech acts in different variants of the English language and thus seems to be doubtless.

It is known that a special feature of language systems of modern languages is the mobility and flexibility of all their levels caused by their tendency to adjust to communicative requirements of extremely dynamic reality. In societies of different countries changes occur (in particular, economic ones), then influence and determine the specifics of representatives' lifestyle from various cultures. No doubt they do influence the discourse practices, which are characteristics of the speakers of the given languages: "...indeed the change in discourse is an inherent element of the economic change" [5, 2].

Material and Methods

One of the main methods of how to solve communicative problems of the globalized reality is the recognition of the status of English as the world communicative means (lingua franca). Such attitude to the most important means of interaction of reality could not but affected those forms which English is taking at the moment. So, a number of modern linguists who study the ways of development of the English language, for example, David Crystal (2006), note that the presence fact is characteristic not just of English, but of a great deal of its quite independent variants (the so-called 'Englishes') [4]. That is why at the international conference devoted to the analysis of the status of English as the global communicative means (Verona,

2008), D. Crystall spoke about the future of the English languages (the future of Englishes), but not just of the language, thus recognizing the legal independent status of all its existing options (for example, Indian or Singapore) [4].

The official style in this way is specifically representative. And its compliance to the mentioned above tendencies is provided, in particular, with those acts which integrally connect the standard and the dynamics, first of all, by indirect speech acts.

Certainly, such approach to the status of the international means of communication is relative. For instance, when speaking about the Indian variant of English (Hinglish), scholars underestimate its status to some extent, without equating it to the standard and even underestimating linguistic capabilities of the English-speaking population of India. However, it is obvious that in order to exchange information effectively, interactants of the XXI century do not need to speak perfect English with a royal pronunciation (RP): it is enough to speak English with the presence of a "cultural" component and to find a common language according to communicants' desire. That is why sometimes the modern variant of English can be characterized by a certain deculturalisation. As English has already been spoken not only by its native speakers, but also by a great number of other people, the process of losing some components of meanings and cultural associations which refer English only to the society of its speakers seems to be quite natural. Therefore, in order to remain the language of international communication, the English language system has to lose its originally unique cultural colouring [6, 60].

Discussion

Despite the necessity to review some requirements to master English by the modern language personality taking into account its practical skills of communication, it is impossible to neglect the importance of cultural sensibleness (a social context of language functioning and its speakers) for effective communication. The culture binds meanings whose interpretations depend upon people's experience. The culture immerses us in the important context in which we meet, understand each other and interpret the world around us: "It (culture) provides people with a meaningful context in which to meet, to think about themselves and face the outer world" [7, 24]. Therefore, no matter what universal means of communication English is, the availability of the background information about cultural identifying features of the addressee remains the major factor in achieving some positive communicative result. The addresser's sensibleness of unique features of the English speakers' language world pictures seems important as their specifics of partitioning the reality has influenced the formation of grammatical, syntactic, semantic and other levels of language. Uniqueness and importance of "cultural baggage" of modern English were shown by A. Wierzbicka in her work "English Meaning and Culture" (2006). In her opinion, the cultural and historical heritage of the English language still continues to remain despite the fact of being turned into the language which is capable to adjust to communicative requirements of representatives of various societies: "The fact that English 'can rapidly evolve' doesn't mean that it has no cultural core, no internal legacy of cultural meanings" [8, 299].

To some extent, this observation explains, at first sight, the contradictory nature of the tendencies occurring in the modern world. On the one hand, the world community tends to globalization and unification of certain communicative practices (for example, in the professional sphere).

On the other hand, even the European Union states try to keep their originality and cultural uniqueness. Certainly, the intensification of cultures' tendency to preserve their traditions and specifics can turn out to be a certain response to the tendency of the uniform economic space, standardization of business practices, maintenance of a single corporate culture, deleting of political borders, etc.

Not only the language knowledge is important in making the process of communication successful which results in a desirable communicative way. So is the cultural and social "communicative stock". Thus, Dutch scientist F. Trompenaars, dealing with the issues of cross-cultural communication in a business environment, defines the following cultural levels which influence the pragmatics of communicants' interaction: the external – obvious level; the average level which covers regulations and values of any society; the cultural core which comprises world outlook views that influence forms of the organization of reality, perception and solution of problems [7, 21-23]. It is obvious that these three levels correspond to the environment influence: the way native speakers treat the building of their relations with colleagues and friends; the tendency to universal or particular worldview. Universalists consider that when making a decision, it is necessary to adhere to standards which are accepted everywhere in the culture they live in (the accomplishment of certain universal rules). Particularists take decisions depending on a situation, circumstances, paying much attention to the personal relations. General rules do not play such role in the similar society. For instance, in the process of business communication, the universalist cannot trust a particularist, who, in his opinion, always puts his friends' and relatives' interests above others' ones. In his turn, the universalist can doubt the particularist's offers as when in need he will not be able to help even his friends [7, 31].

Communicants, depending upon their cultural belonging, can be individualists, or collectivists. This fact forms their behavioural choices, stereotypes, the attitude towards the category of time, reality, etc. Cultural varieties have been created for a long time and, as a rule, they are not realized by communicants (to a certain stage).

The corresponding communicative stock, being created under the influence of the national character and lifestyle, finds its reflection in the native speakers' discourse. It is obvious that nowadays any language is very sensitive to extralinguistic factors and reacts rather quickly, trying to take into account different requirements of reality. M. Krongauz determines the necessity of transformations in the language as follows: the language which exists in the changing world and does not change itself, ceases to perform its function [3]. We will not be able to use it when speaking about this world just because we will not have enough words. And it is not so important whether the speech is about some house horned owls, new technologies or new political and economic realities.

The conceptual specifics of representatives of any culture which influence the acceptance and interpretation of reality are also the most important component of the communicative stock. For instance, the idea of the American Dream in the context of French society can turn into "the French Nightmare". The fact that Americans, having no penny to bless themselves with, can achieve some social and financial success (nouveau riche) seems wild for the Frenchman. In French culture the history is appreciated. The feeling of the past is important when choosing a business partner, but not the present and future, as it often occurs in American culture [7, 10].

Conclusion

So, the differentiation of English variants reflects the variability of communication and performs as a prerequisite of dynamic characteristics of official and business languages, including the use of indirect speech acts. The interrelation between their pragmatic and non-pragmatic aspects appears as an intrinsic line. The specifics of the national mentality reflects in this, having been developed for a long time, and determines the interpretation of events and their linguistically fixed codification.

Список литературы/ References

1. Агапова С.Г. К вопросу о тексте и текстовых категориях // Лингвистика: традиции и современность. Ростов н/Д: ПИ ЮФУ, 2009. С.9-12.
2. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: РАН, 2008.
3. Хутиз И.П. Социальная обусловленность языковых реализаций как категория лингвистической прагматики. Краснодар: КубГУ, 2006.
4. Crystal D. English as a Global Language (2 ed). Cambridge: CUP, 2003.
5. Fairclough N. Language and Globalization. London; New York, 2006.
6. Santipolo M. English as the Paradox of Internationalization // International Conference on Global English. Book of Abstracts. Verona, 2008. P. 60-61.
7. Trompenaars F., Hampden-Turner C. Riding the Waves of Culture. New York: Publicum, 1998. P. 10-31.
8. Wierzbicka A. English meaning and culture. Oxford: OUP, 2006. P. 200-299.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Agapova S.G. K voprosu o tekste i tekstovykh kategoriakh [On the problem of text and textual categories] // Lingvistika: traditsii i sovremennost' [Linguistics: traditions and modernity]. Rostov-on-Don: PI SFU, 2009. P. 9-12. [in Russian]
2. Krongauz M.A. Russkij jazyk nag rani nervnogo sryva [The Russian language is close to the edge]. M.: RAS, 2008. [in Russian]
3. Khutyz I.P. Social'naja obuslovlennost' jazykovykh realizacij kak kategorija lingvisticheskoj pragmatiki [Social conditionality of language realization as a category of linguistic pragmatics]. Krasnodar: KSU, 2006. [in Russian]
4. Crystal D. English as a Global Language (2 ed). Cambridge: CUP, 2003.
5. Fairclough N. Language and Globalization. London; New York, 2006.
6. Santipolo M. English as the Paradox of Internationalization // International Conference on Global English. Book of Abstracts. Verona, 2008. P. 60-61.
7. Trompenaars F., Hampden-Turner C. Riding the Waves of Culture. New York: Publicum, 1998. P. 10-31.
8. Wierzbicka A. English meaning and culture. Oxford: OUP, 2006. P. 200-299.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.041

Альбеков Н.Н.

Кандидат филологических наук,

Чеченский государственный университет Министерства образования и науки Российской Федерации

ПОЛЕ ЭМЕРДЖЕНТНОСТИ КАК МОДЕЛЬ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ТЕКСТА

Аннотация

В статье рассматривается гипотеза возможности прогнозирования модели текста на основе поля эмерджентности. Предполагается, что на основе речевой ситуации возникает поле эмерджентности, в котором обозначена граница структурно-семантической модели, прогнозируемой в качестве вербальной формы данной речевой ситуации. Возникновение поля эмерджентности наблюдается при анализе разных переводов одного и того же произведения, ведь любой текст, который необходимо вербально интерпретировать, сам является моделью речевой ситуации. Основная задача, которая ставится в статье, заключается в попытке обозначения нечеткой модели, которая способна с максимальной долей вероятности рассчитать объем нечетких лингвистических множеств на уровне лексических единиц в рамках поля эмерджентности, потенциально применимых в качестве языкового материала для данной речевой ситуации.

Ключевые слова: поле эмерджентности, модель, нечеткие лингвистические множества, речевая ситуация, нечеткая модель, мотивация.

Albekov N.N.

PhD in Philology,

Chechen State University

THE FIELD OF EMERGENCE AS A MODEL OF PROGNOSTICATION OF A TEXT

Abstract

The article discusses the hypothesis of possibility of a model prognosticating a text based on field of emergence. It is assumed that on the base of a communicative situation there caused a field of emergence, which denotes the boundary of structural and semantic model, prognosticated as a verbal form of the communicative situation. The cause of the field of emergence observed in the analysis of different translations of the same text, because any text that should be interpreted verbally can be assumed as a model of the communicative situation. The main task, which is placed in the article is an attempt to determine a fuzzy model, which is capable in maximal degree of probability to calculate the volume of linguistic fuzzy sets at the lexical level, that potentially useful as language material for a communicative situation within the field of emergence.

Keywords: the emergence of a field model, fuzzy linguistic plurality, speech situation, fuzzy model, motivation.

Из всех нелинейных систем языковую систему можно считать наиболее исследуемой, так как она более других подвергается эмпирическому анализу. Язык состоит из многообразных элементов, которые в комплексе образуют семантические единицы. Комплексность или сложность единиц языковой системы является одним из условий приобретения ею семантической значимости [1]. Однако вопрос, возможно ли прогнозировать вариант текста наиболее адаптированный к конкретной речевой ситуации, возможен ли алгоритм, прогнозирующий модель текста в такой сложной системе как язык остается спорным.

Л. С. Выготский, определяя взаимосвязь процессов мышления и речи, отмечает возможность выражения центральной идеи в общей формуле, т.е. предполагается, что отношение мысли к слову, это, прежде всего, процесс [4]. Согласно Л. П. Глухову, Выготский определяет несколько (точнее пять) фаз порождения речи: это – мотивация, мысль, опосредование мысли во внутреннем слове, опосредование мысли в значениях внешних слов и опосредование мысли в словах, или акустико-артикуляционная реализация речи [5].

Мы полагаем, что мотивация, если рассмотреть ее с точки зрения порождения вербальной системы, является следствием самой речевой ситуации, ибо речевая ситуация образует поле эмерджентности, в котором мотивация для каждого субъекта речи строго индивидуальна [3, 8]. Это означает, что на основе речевой ситуации возникает поле эмерджентности, в котором обозначена граница структурно-семантической модели, прогнозируемой в качестве вербальной формы данной речевой ситуации. Вариативность вербальной формы строго индивидуальна и зависит от множества факторов как лингвистических, так и экстралингвистических. Необходимо отметить, что именно в структурно-семантической оригинальности, неповторимости и проявляется эмерджентность каждого из вариантов текста. Исходя из того, что вариативная форма вербализации речевой ситуации строго индивидуальна, встает вопрос, можно ли прогнозировать вербальную модель речевой ситуации вне зависимости от индивидуума, т.е. субъекта речи. Возможно ли проектирование нечеткой модели вербальной формы речевой ситуации в рамках поля эмерджентности? *Поле эмерджентности это структурно-семантически обозначившаяся ситуативная реальность, возникающая в результате преодоления детерминированным хаосом точки бифуркации, на основе которой прогнозируются определенные вербальные модели развития речевой ситуации.*

В поисках ответа на выше обозначенный вопрос, нами была проведена работа по определению лингвистического потенциала (в аспекте используемых языковых ресурсов) поля эмерджентности, возникающего на основе определенной речевой ситуации. В качестве материала для анализа нами были изучены более 1600 текстов разных художественных и информационно-публицистических произведений, посвященных теме: *любви, дружбы, работы, досуга, учебы, семьи*. В процессе проведения наших исследований мы использовали методы а) статистических подсчетов, т.е. частотность употребления тех или иных лексических единиц, наличие в тексте лексических единиц, не имеющих прямого отношения к теме, типы синтаксических конструкций и др. б) case method, для определения экстралингвистических факторов.

Простейшим материалом эмпирического определения лингвистического потенциала поля эмерджентности являются разные варианты текста, отражающие одну и ту же речевую ситуацию. Возникновение поля эмерджентности на основе речевой ситуации проще всего можно наблюдать при анализе разных переводов одного и того же произведения, ведь любой текст, который необходимо вербально интерпретировать, сам является моделью речевой ситуации [6]. Бесспорно, что в каждом переведенном варианте проявляется эмерджентность, т.е. свойство, присущее только данному варианту, приобретенное в силу целостности и законченности формы, структурной и стилистической оригинальности, целостности и законченности семантической составляющей [2].

Необходимо отметить, что мы далеки от идеи или претензий создания универсальной модели прогнозирования варианта текста на основе поля эмерджентности. Как отмечает А. Леоненков, процесс системного моделирования при решении сложных проблем занимает достаточно продолжительное время, в течение которого, вообще говоря, может измениться как само содержание исходной проблемы, так и наличие необходимых для ее решения ресурсов [7].

Основная задача данного исследования заключается в попытке обозначения нечеткой модели, которая способна с максимальной долей вероятности рассчитать объем нечетких лингвистических множеств в рамках поля эмерджентности, потенциально применимых в качестве языкового материала для данной речевой ситуации. Под термином *нечеткая модель* понимается информационно-логическая модель системы (в нашем случае текста), построенная на основе теории нечетких множеств и нечеткой логики. В качестве речевой ситуации, которая порождает разные варианты интерпретаций, т.е. переводов, возьмем сонет 90 В. Шекспира.

Чтобы с максимальной долей вероятности определить поле эмерджентности на лексическом уровне, с помощью компьютерной программы Statanaliz, мы провели анализ динамики роста количества лексических единиц в более двадцати вариантах перевода данного сонета (ЛЕ - без учета частиц и предлогов). При каждом новом подсчете прибавлялся один новый вариант, тем самым определяя количество прибавляющихся лексических единиц. Результаты мы отображали в таблице:

Таблица 1

№	кол-во объединенных вариантов	кол-во употребленных ЛЕ	кол-во употребленных ЛЕ 2 и более раз	общее кол-во употребленных ЛЕ с учетом повторов
1	Два. Подстрочник +Маршак.	90	19	135
2	Три + А. Кушнер	130	29	209
3	Четыре. + 1В. Микушевич 1	165	33	263
4	Пять. Жеребило Т.В. 1	192	47	349
5	Шесть + Жеребило Т.В. 2	201	75	422
6	Семь + В. Микушевич 2.	229	77	474
7	Восемь + М. Чайковский Н.	263	85	540
8	Девять + В. Гербель	297	98	629
9	Десять + С.И. Турухтанов	335	104	707
10	Одиннадцать + Р. Бадыгов	362	109	765
11	Двенадцать + В. Бойко	385	120	767
12	Тринадцать + А. Кузнецова	404	123	853
13	Четырнадцать + А. Ситницкий	426	134	1075
14	Пятнадцать + Б. Лейви	464	138	1118
15	Шестнадцать + С. Степанова	483	145	1136
16	Семнадцать + А.М. Финкеля	499	154	1155
17	Восемнадцать + Т. Щепкина- Куперник	513	159	1160

В 18 – 20 вариантах в масштабе всего произведения (где оригинал состоит из 64 лексических единиц) происходит возрастание количества до 672 – 820 лингвистических единиц.

Приведенный анализ показал следующие результаты:

- речевая ситуация, вербализованная в художественном произведении может иметь неограниченное множество интерпретаций.
- в пределах 8 – 12 вариантов вербальной интерпретации, динамика увеличения количества нечетких лингвистических множеств на уровне лексики текста наблюдается, в среднем 25 – 30 % .
- в пределах 22 – 26 вариантов интерпретации, наблюдается уменьшение роста лексических единиц в среднем до 3 – 1 % .

Результаты исследования позволяют сделать выводы: *а)* любая речевая ситуация образует поле эмерджентности; *б)* на уровне лексических единиц можно с наибольшей долей вероятности определить масштабы (границы, потенциал) поля эмерджентности; *в)* на основе нечетких лингвистических множеств, обозначающихся в пределах поля эмерджентности, можно смоделировать наиболее эффективный вариант интерпретации речевой ситуации.

Список литературы/ References

1. Альбеков Н.Н. Энтропия в поле эмерджентности в аспекте лингвокультуры // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-21. С. 4805-4808.
2. Альбеков Н.Н. Сложность как одно из свойств поля эмерджентности. // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 5270
3. Альбеков Н.Н. Поле эмерджентности в структуре речевой ситуации. // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 404.
4. Выготский. Л. С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. – Издательство "Лабиринт", М., 1999. – 352 с.
5. Глухов В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.

6. Жеребило Т.В. 2003. Лингвостилистическая абстракция как метод исследования. Магас: Пилигрим, 2003.
7. Леоненков А. Нечеткое моделирование в среде MATLAB и fuzzyTECH. Санкт-Петербург «БХВ-Петербург» 2005.
8. Albekov N.N. The Field of Emergence in the Aspects of Communicative Situation. // Journal of Neurology and Neurological Disorders. Volume 3 – Issue 1. ISSN: 2454-4981

Список литературы на английском языке / References in English

1. Albekov N.N. Entropiya v pole emerdjntnosti v aspekte lingvokulturi. [Entropy in the field of emergence in the aspects of linguistic culture] // Fundamentalnie issledovaniya. [Fundamental Research] 2015. № 2-21. Pp 4805-4808. [in Russian]
2. Albekov N.N. Slojnost kak odno iz svoystv polya emerdjntnosti [The complexity as one of the properties of the field of emergence] // Fundamentalnie issledovaniya [Fundamental Research] 2015. № 2. S. 5270 [in Russian]
3. Albekov N.N. Pole emerdjntnosti v structure rechevoy situatsii [The field of emergence in the structure communicative situation] // Sovremeniye problemi nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. 2015. № 2. S. 404. [in Russian]
4. Vygotsky. L.S. Mishleniye i rech [Thinking and speech] 5 ispr. Izdatelstvo "Labirint" [Ed. 5, Corr. - Publishing house "Labyrinth"], M., 1999. - 352 p. [in Russian]
5. Glukhov V.P. Osnovi psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics] Uch. posobie dlya sdudentov [A manual for students of pedagogical institutes]. - M.: AST: Astrel, 2005. - 351 p. [in Russian]
6. Zhrebilo T.V. Lingvisticheskaya abstraktsiya rfr metod issledovaniya [Linguistic abstraction as a method of research] Magas: Pilgrim, 2003. [in Russian]
7. Leonenkov A. Nechetkoe modelirovanie v srede MATLAB i fuzzyTECH [Fuzzy modeling in MATLAB and fuzzyTECH]. Sankt-Peterburg "BKHV-Peterburg" [S-Pittsburg "BKHV-Peterburg"]. [in Russian]
8. Albekov N.N. The Field of Emergence in the Aspects of Communicative Situation. // Journal of Neurology and Neurological Disorders. Volume. – Issue 1. ISSN: 2454-4981

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.219

Асратян З.Д.

Кандидат филологических наук, доцент,

Набережночелнинский государственный педагогический университет

АНАГРАММА КАК СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕМАТИЗАЦИИ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация

Цель статьи – рассмотреть анаграмму как семантическое понятие, которое выражается через центральное в тематическом и концептуальном смысле слово художественного текста. Это слово может как присутствовать в тексте, так и проявляется через повторы букв и звуков, формирующих это слово. Плотность повторов подчиняется синергетическим законам. В статье рассматривается, как применяются основные синергетические законы в тексте. На примерах из американской поэзии показана тематическая и концептуализирующая роль анаграммы. Способы, методы и результаты исследования могут использоваться при лингвистическом анализе текста.

Ключевые слова: анаграмма, синергетика, повтор, сильные позиции текста.

Asratyan Z.D.

PhD in Philology,

Naberezhnye Chelny State Pedagogical University in Naberezhnye Chelny

ANAGRAM AS SYNERGETIC ASPECT OF IMAGINATIVE TEXT THEMATIZATION AND CONCEPTUALIZATION

Abstract

The aim of the article is to analyze anagram as a semantic notion which represents a central thematic and conceptual word in an imaginative text. This word may be found in the text ready-made or may be reflected in it in a dissembled form by the repetitions of its letters and sounds. The density of repetitions is determined by synergetic laws. The article shows how the main synergetic laws work in a text. Analyses of American poetry prove thematic and conceptual function of anagram. The ways, methods and results of the investigation may be applied for a linguistic analysis of text.

Keywords: anagram, synergetics, repetition, strong text positions.

Изучение анаграммы связано с именем Ф. де Соссюра, который, по словам В.В. Иванова, «наметил путь к новому пониманию взаимоотношений звучания и значения» [1]. Изучая произведения древних поэтов, Ф. де Соссюр заметил, что звуковые повторы в них составляют тему произведения, а именно, имя божества или героя, которому это произведение посвящено. В более поздних произведениях он также обнаруживал анаграммы, в качестве которых могли быть имена собственные людей, названия местностей и даже имена нарицательные [2].

В.А. Лукин называет анаграммой «такой способ формально-семантической организации текста, при котором повторы звуков и слогов (букв и их комбинаций) воспроизводят центральное в смысловом отношении слово данного текста». Причем это слово может как присутствовать в тексте, так и отсутствовать в нем в целом виде, «тогда оно неявно, «по частям» вводится в текст» [3]. К этому следует добавить, что информативность таких повторов зависит не только, да и не столько от частотности этих повторов, сколько от их выделенности и, следовательно, значимости. Анаграмма, по мнению В.А. Лукина, - «это явление прежде всего семантического характера, активно участвующее в

создании цельности текста» [4]. При этом следует помнить, что анаграмма, как правило, не результат «умствований» автора, а до определенной степени результат самоорганизации текста как синергетической системы.

По определению М.А. Можейко, синергетика – это новое научное направление, «репрезентирующее собой естественнонаучный вектор развития теории нелинейных динамик в современной культуре» [5]. Она занимается изучением «процессов самоорганизации и образования, поддержания и распада структур в системах самой различной природы (физических, химических, биологических и т. д.)» [6].

Нелинейный характер текста обеспечивается, с одной стороны, «свободой» выбора автора, который отражается и в концептуальном пространстве текста, и в его эстетической составляющей, а с другой, «свободой» интерпретации этого текста читателем. Еще один важный принцип становления системы в синергетике – ее *незамкнутость* – проявляется в процессе прочтения текста: закрытое пространство текста открывается читателем, становится частью его культурного дискурса. И, наконец, в основе *неустойчивости* открываемого читателем дискурса лежит множественность его возможных интерпретаций, обусловленных и субъективными (читательскими), и объективными характеристиками (эпоха, страна и т.д.).

В рамках синергетического подхода текст рассматривается как природный объект, подчиняющийся универсальным законам организации и самоорганизации. В тексте выделяются сильные и слабые позиции, чередование которых обуславливает его ритм. Инвариант структуры текста, по мнению Г.Г. Москальчук, «определяет иерархию частей целого, размер частей статистически подчиняется закону золотого сечения, отражающему идею однонаправленного во времени разворачивания (экспансии) структуры». Пропорциональные отношения на основе золотого сечения при этом выступают как регулятор и посредник «между физическими параметрами языковой материи текста в процессах его структурной организации и самоорганизации и факторами, которые обусловлены биологической природой человека» [7].

Золотое сечение – это гармонический центр текста (0,618 от объема всего произведения). Другими сильными позициями текста являются его начало, конец, заглавие, эпиграф. И.В. Арнольд в качестве таковых рассматривает разного рода выдвигания. «Иерархия сильных и слабых позиций текста, – по мнению Г.Г. Москальчук, – выступает в качестве одного из формообразующих факторов» [8]. В своем исследовании Г.Г. Москальчук показала, что «формообразование текста как смыслового целого осуществляется <...> по физическим законам. Одним из текстообразующих факторов выступает повтор как физический параметр текста, определяющий его целостность» [9]. Плотность повторов находится в зависимости от позиций текста и достигает наибольшей интенсивности в сильных позициях. Помимо начала, конца и гармонического центра в стихотворном тексте особой выделенностью обладают рифмующиеся слова и рифмующиеся звуки.

В данной работе хотелось бы проанализировать синергетические аспекты баллады Эдгара Аллана По «Улялюм» (*Ulalume*) [10]. В этом произведении наиболее часто рифмуется дифтонг [ou] (1, 2, 3, 9 и 10 строфы), с ним перекликаются звуки [ɔ:] (4 строфа) и звук [u:] (8 и 10 строфы).

Эти же звуки подкрепляются стилистическим приемом ассонанса, который также способствует их выделенности:

And conquered her scruples and gloom; ...

... in the lonesome October ...

She replied: "Ulalume – Ulalume! - ...

... I roamed with my Soul -

Функцию создания жуткой атмосферы печального для лирического героя места выполняет ассонанс с повторяющимся звуком [u:]: *In the ghoul-haunted woodland of Weir*, который несколько раз повторяется в тексте.

Среди согласных наиболее частотными и стилистически выделенными являются звуки [s-z] и [l], которые встречаются как в рифмующихся словах: *sober - October, sere - year, Soul - roll - Pole, senescent - liquescent - crescent, sighs - dies - skies, mistrust - we must - the dust, finger - sink her, light - to-night, dreaming - gleaming, gloom - tomb - Ulalume, ghouls - wolds - souls, ban it - planet*, так и внутри строк как фонетический прием аллитерации:

The skies they were ashen and sober; ...

Said: "Sadly this star I mistrust - ...

Таким образом вырисовывается основное в смысловом отношении слово *Soul*, неприкаянная душа поэта, которая не может найти себе покоя после смерти возлюбленной. Тема баллады (возвращение к могиле возлюбленной) предиктируется к ключевому слову *Soul*, выделенному анаграммой как вместилищу той боли, которую испытывает лирический герой произведения.

Аналогичный анализ стихотворения М. Уиддемер «Мать – тем, кто развязывает войны» [11], выявляет ключевой звуковой комплекс [eik] (*ache*).

Данное анаграммированное ключевое слово можно считать концептом этого стихотворения. Рассмотрим концептосферу *боли* в данном произведении, ее субъект, предикат, причины и следствия.

1. Субъект боли – мать, потерявшая своего сына в бессмысленной войне, развязанной по низменным, эгоистичным причинам: *for your selfish quarrel's sake ...; for pride of your shining spear ...*

2. Предикат – глагол *ache*, который выявляется через представленную в тексте анаграмму.

Однако было бы неправильно считать предикатом данного субъекта только постоянную тупую боль. Острая, перехватывающая дыхание боль также присутствует в этом произведении. Она выражена через непосредственную эмотивную информацию, передаваемую при помощи ряда стилистических приемов, которые отражают эмоциональное состояние повествователя.

Прежде всего, это грамматическая метафора: употребление настоящего времени глагола *to be* вместо прошедшего времени: *This is* (выделено мной, – З. А.) *my son that you have taken ...*.

Следующий прием – это умолчание, когда не хватает сил продолжать: *This, that I built of all my years, ...* .

Эмотивная информация обеспечивается также при помощи параллельных конструкций, синтаксических повторов.

3. Причина боли – смерть сына, погибшего в бессмысленной войне.

4. Следствием в данной концептосфере является угроза матери тем, кто развязывает войны, причем угроза как проклятие, которое тем более сильно, что правда на стороне матери: *Guard lest your gold-vault walls be shaken* – .

Анализ этих, как и многих других произведений, показывает, что анаграмма в поэтическом произведении выявляет ключевые слова не только в тематическом, но и в концептуальном плане.

Список литературы/ References

1. Иванов В.В. О языковых причинах трудностей перевода художественных текстов / В.В. Иванов. – М., 1967. – С. 37.
2. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. Соссюр. – М.: Издательство «Прогресс», 1977. – С. 34.
3. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: учеб. для филол. спец. вузов / В.А. Лукин. – М.: Издательство «Ось-89», 1999. – С. 74.
4. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: учеб. для филол. спец. вузов / В.А. Лукин. – М.: Издательство «Ось-89», 1999. – С. 75.
5. Можейко М.А. Синергетика // Всемирная энциклопедия: Философия XX века (Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов) / М.А. Можейко. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2002. – С. 677.
6. Данилов Ю.А. Что такое синергетика? // Нелинейные волны. Самоорганизация / Ю.А. Данилов, Б.Б. Кадомцев. – М.: Наука, 1983. [Электронный ресурс]. URL: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_227.htm (дата обращения: 22.08.16).
7. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс: автореф. дисс... д-ра. филол. наук 10.02.19: защищена 20.01.99: утв. 17.09.99 / Москальчук Галина Григорьевна; науч. консультант В.А. Пищальникова. – Барнаул, 1999. – С. 8.
8. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс: автореф. дисс... д-ра. филол. наук 10.02.19: защищена 20.01.99: утв. 17.09.99 / Москальчук Галина Григорьевна; науч. консультант В.А. Пищальникова. – Барнаул, 1999. – С. 18.
9. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19: защищена 20.01.99: утв. 17.09.99 / Г.Г. Москальчук; науч. консультант В.А. Пищальникова. – Барнаул, 1999. – С. 3.
10. Американская поэзия в русских переводах. XIX-XX вв. Сост. Джимбинов С.Б. На англ. яз. с параллельным русск. текстом. – М.: Радуга, 1983. – С. 52–57.
11. Widdemer M. A mother to the War-Makers // *Factories, poems*. – New York, 1917. – P. 36–37.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Ivanov V.V. O yazykovykh prichinah trudnostey perevoda hudozhestvennykh tekstov [Language-caused Problems of Imaginative Literature Translation] / V.V. Ivanov. – M., 1967. – P. 37. [in Russian]
2. Saussure F. Trudy po yazykoznaniiu [Works on Linguistics] / F. Saussure. – M.: Progres, 1977. – P. 34. [in Russian]
3. Lukin V.A. Hudozhestvennyi tekst. Osnovy lingvisticheskoy teorii I elementy analiza [Imaginative Literature Text. Linguistic Theory Foundations and Elements of Analysis] / V.A. Lukin. – M.: Os', 1999. – P. 74. [in Russian]
4. Lukin V.A. Hudozhestvennyi tekst. Osnovy lingvisticheskoy teorii I elementy analiza [Imaginative Literature Text. Linguistic Theory Foundations and Elements of Analysis] / V.A. Lukin. – M.: Os', 1999. – P. 75. [In Russian]
5. Mozheiko M.A. Sinergetika [Synergetics] // *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya XX veka* [World Encyclopedia: XX Century Philosophy; edited by A.A. Gritzanov] / M.A. Mozheiko. – M.: Sovremennyy literator. 2002. – P. 677. [In Russian]
6. Danilov Yu. A. Chto takoe sinergetika? [What Is Synergetics?] // *Nelineinye volny. Samoorganizatsia* [Nonlinear Waves. Selforganization] / Yu.A. Danilov, B.B. Kadomtzev. – M.: Nauka. 1983. URL: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_227.htm (date of access: 22.08.2016). [In Russian]
7. Moskal'chuk G.G. Struktura kak sinergeticheskii protses [Structure as Synergetic Process]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.19: defence of thesis 20.01.99: approved 17.09.99. – Barnaul. 1999. – P. 8. [In Russian]
8. Moskal'chuk G.G. Struktura kak sinergeticheskii protses [Structure as Synergetic Process]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.19: defence of thesis 20.01.99: approved 17.09.99. – Barnaul. 1999. – P. 18. [In Russian]
9. Moskal'chuk G.G. Struktura kak sinergeticheskii protses [Structure as Synergetic Process]: dis. ... of PhD in Philology: 10.02.19: defence of thesis 20.01.99: approved 17.09.99. – Barnaul. 1999. – P. 3. [In Russian]
10. *Amerikanskaya poezia v russkikh perevodakh. XIX – XX* [American Verse in Russian Translation. XIX-XX centuries; edited by S.B. Dzhambinov]. – M.: Raduga. 1983. P. 52–57. [In English]
11. Widdemer M. A mother to the War-Makers // *Factories, poems*. – N. Y, 1917. P. 36–37. [In English]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.153

Борисенко В.А.

Кандидат филологических наук,

Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КОНВЕРСАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИНТЕРВЬЮ: ПРОБЛЕМА ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ РЕПЛИК СОБЕСЕДНИКОВ**Аннотация**

Организация последовательности речевых ходов участников политического интервью предопределяется институциональным характером беседы. Роли интервьюера и респондента оказываются предварительно определенными, институционально закрепленными. Если интервьюер имеет возможность задавать только вопросы, то он не в праве – по крайней мере, эксплицитно – выражать собственные суждения, критиковать или поддерживать смысловую позицию респондента, как и противостоять этой позиции или защищать ее. Соответствующим образом, если респондент берет на себя роль адресата, отвечающего на вопросы, он не может проявлять инициативу по инициации вопросительных реплик, комментировать свои предварительно выраженные суждения, вводить изменения в обсуждаемые темы (которые задаются интервьюером), прибегать к критическим замечаниям в отношении общей идеологической позиции интервьюера и СМИ, которые данный интервьюер представляет. Вместе с тем, как показали наши наблюдения, организация последовательности речевых ходов собеседников может приобретать в политическом интервью вариативные формы.

Ключевые слова: политическое интервью, разговорный анализ, последовательность диалогических реплик, вариативная организация речевых действий собеседников.

Borisenko V.A.

PhD in Philology,

Southern Federal University (Rostov-on-Don)

**POLITICAL INTERVIEW CONVERSATIONAL ANALYSIS:
THE PROBLEM OF INTERLOCUTORS' TURN-TAKING****Abstract**

The sequential organization of interlocutors' speech actions in the political interview is predetermined by the conversation institutional character. The interviewer and the respondent's roles turn out to be previously defined, institutionally fixed. If the interviewer is to ask questions, he has no opportunity to explicitly express his / her judgments, criticize or maintain the respondent's position, oppose or defend it. The respondent respectively taking the role of the addressee has no opportunity to initiate the interrogative utterances, comment his / her previously expressed judgments, change the topic of the discussion, or make critical remarks on the basic ideological position of the Mass-Media the interviewer belongs to. Along with this, the sequential organization of interlocutors' speech actions may acquire variative forms.

Key words: political interview, conversational analysis, sequential turn-taking, variative organization of sequential turn-taking.

Конверсационный анализ фокусирует исследовательское внимание преимущественно на проблемах значения, смысла и контекста в рамках диалогического взаимодействия собеседников, однако, в отличие от других форм дискурсивного анализа, представляет взаимосвязь семантики и контекстуального фактора с опорой на последовательность реплик участников разговора, инвариантные модели этих реплик [1, С. 141–142]. Фактически, разговорный анализ разрабатывает теорию, в соответствии с которой последовательность речевых действий собеседников предстает основным аспектом социального контекста взаимодействия, а значения и смыслы последующих речевых действий предопределяются последовательностью предшествующих действий; социальный контекст – это динамически порождаемый феномен, получающий системное выражение в структурной организации взаимодействия индивидов.

Данная теория базируется на следующих трех взаимосвязанных постулатах, в соответствии с которыми собеседники, конструируя ход развития текущей беседы:

1) принимают во внимание предшествующий ход взаимодействия, что детерминирует зависимость общения от контекста;

2) эмпирически проектируют и нормативно учитывают тот факт, что исходная реплика является стимулом для инициации стимулирующей реплики, что порождает, поддерживает и обновляет контекст для последующих речевых ходов участников беседы;

3) манифестируют понимание структурных, коммуникативных и иллокутивных параметров предшествующего речевого действия, что создает основу для взаимопонимания участников беседы, предопределяет архитектуру intersubjectивности в рамках данного взаимодействия.

Указанные постулаты, в свою очередь, рассматриваются как:

– результат действия определенных социально структурируемых процедур, предполагают анализ таких параметров беседы, как стимулирующие и реагирующие реплики, контекст взаимодействия, intersubjectивность, поскольку эти параметры предстают объектами речевых действий собеседников;

– моральные обязательства собеседников, игнорирование которых приводит к тем или иным коммуникативным неудачам и конфликтам.

Конверсационный анализ эффективно применяется к исследованию институциональных форм беседы [2, С. 155–157]. В процессе речевого взаимодействия конструируется контекст беседы, актуализуются институциональные императивы, которые предопределяют модели последовательной реализации реплик собеседников. Если речевое взаимодействие обладает специфическим институциональным характером, последовательность реплик и текущий

контекст находят соответствующее отражение в речевом поведении собеседников, которое ограничивается институциональными рамками взаимодействия. Другими словами, в условиях институционального взаимодействия деятельность собеседников организуется особым образом. В этой связи, П. Дрю и Дж. Хэритидж выявляют шесть особых доменов, в которых системно отражается специфика институционального взаимодействия:

1. организация реплик собеседников на уровне диалогического единства;
2. целостная структурная организация речевого взаимодействия;
3. организация последовательности диалогических реплик;
4. конструирование отдельно взятой диалогической реплики;
5. выбор лексических средств;
6. эпистемологическая и другие формы асимметрии между установками собеседников [3].

В рамках данной публикации сосредоточим наше внимание прежде всего на специфике первого домена в рамках политического интервью.

Общая цель интервьюера заключается в том, чтобы вовлечь интервьюируемого субъекта в разговор, который спонтанно наполняется теми или иными темами с опорой на разнообразных вклад участников взаимодействия в освещение рассматриваемой проблематики. В политическом интервью, однако, участники испытывают определенные ограничения. Так, роль интервьюера (И) ограничивается инициацией вопросов, а роль респондента (Р) – предоставлением обоснованных ответов на данные вопросы. В соответствии с данными ограничениями политическое интервью выявляет следующую модель своего разворачивания: 1. И: Вопрос → Р: Ответ; 2. И: Вопрос → Р: Ответ и т.д.

Как показывают наши наблюдения, некоторые из обозначенных выше речевых действий все же имеют место в рамках политического интервью, но, как мы увидим, исключительно в плане организации реплик собеседников в диалогическом единстве, что, в свою очередь, порождает некоторую напряженность в общении. Изменения в процессе обмена репликами может также санкционироваться одним из участников политического интервью.

Важными прагматическими следствиями действия ограничений, актуальных для политического интервью, предстает то, что:

- интервьюер осуществляет жесткий контроль над интеракционным развитием процесса общения;
- вопросительные реплики интервьюера устанавливают, своего рода, «повестку дня» для реактивных реплик респондента, обеспечивают контекст для этих реплик и перспективу их действенной оценки со стороны третьего участника интервью – читателей или слушателей.

Если в беседе участвует два или более респондента, вопросительные реплики интервьюера предопределяют, кто из респондентов призван взять на себя роль адресата, возможна ли аналогичная роль для другого респондента при обсуждении конкретной проблематики. Интервьюер занимает доминирующую позицию в определении перспективы развития беседы при обсуждении актуальной социально-политической проблематики, тематического разнообразия данного обсуждения, как и момента окончания беседы. Указанную позицию можно рассматривать как результат того, что интервьюер придерживается правил обмена репликами, общих конвенций организации политического интервью, выявляет значительную компетенцию для реализации интеракционного потенциала беседы и одновременно осуществления контроля над этим потенциалом.

На уровне политического интервью обмен репликами между участниками исследуется нами как нормативная система, реализуемая с опорой на конвенции и правила институционального взаимодействия. Вместе с тем, эти правила не всегда последовательно соблюдаются интервьюером и респондентами, что позволяет говорить о вариативной вопросно-ответной организации взаимодействия собеседников, некоторой степени спонтанности, присущей данной разновидности институциональной беседы. В частности, после обмена репликами между интервьюером и первым респондентом второй респондент может также предпринять опережающую попытку высказываться по обсуждаемой проблеме без предварительного обращения к нему интервьюера.

В беседе, в которой обнаруживается несколько участников, второй респондент имеет потенциальную возможность дать ответ на вопрос, который был задан первому респонденту, а именно самостоятельно инициировать свой комментарий по обсуждаемой проблематике сразу же после того, как первый респондент дал ответ на поставленный интервьюером вопрос. В подобном контексте взаимодействия второй респондент, как правило, предварительно выражает речевой акт просьбы с целью заручиться возможностью высказаться, таким образом не нарушая легитимности своего речевого вклада в поступательное развитие беседы. В примере (1) второй респондент, воспользовавшись паузой между ответом первого респондента и последующим вопросом интервьюера, реализует реквестивный акт просьбы и, получив разрешение, выражает личностное суждение по обсуждаемой проблеме:

(1) **И:** *What is the Muslim Brotherhood trying to do and what are the drastic measures against its footing in the streets of Cairo?* **Р1:** *The Muslim Brotherhood is trying to take the country away from its basic values of hope and progress...* **Р2:** *May I say something on the subject?* **И:** *Yes, sir.* **Р2:** *The army have intervened, at the will of the people, so we should be supporting the new government at doing that...* [4, Р. 48].

В данном случае второй респондент, осознавая ситуативную ограниченность своих коммуникативных прав вносить вклад в развитие разговора, иницирует просьбу предоставить ему такую возможность. Получив разрешение, он представляет дополнительный комментарий по обсуждаемой в интервью проблематике.

Интересно заметить, что второй респондент может реализовать свое реактивное высказывание и без предварительного получения разрешения со стороны интервьюера. Иницировав реквестивный речевой акт, данный респондент сразу же переходит к изложению своей позиции относительно исходно заданного вопроса. Ср.:

(2) **И:** *Will the tension extend beyond Celtic Manor's walls into Newport and across Britain?* **Р1:** *There is no evidence whatever that the scale of operations diminish tension.* **Р2:** *Can I make a point about that? Almost 10, 000 officers will be drawn from across the rest of the UK to Wales as we expect there to be protests for seven to ten days...* [5, Р. 21].

Поскольку второй респондент, иницировав просьбу, сразу же переходит к освещению своей позиции в отношении заданного интервьюером вопроса, его реквестивный речевой акт приобретает формальный характер.

Между двумя высказываниями в составе своей реагирующей реплики второй респондент не делает какой-либо паузы. В связи с этим сама просьба приобретает в контексте текущего общения двойную иллокутивную нагрузку, поскольку может рассматриваться не только как запрос о возможности внести речевой вклад в разворачивание интервью, но и как высказывание, непосредственно предвещающее выражение точки зрения, прагматический способ привлечения внимания интервьюера и первого респондента к этой точке зрения.

Вариативность вопросно-ответной организации политического интервью обнаруживается и в случае, когда второй респондент, после того, как первый респондент дал ответ на поставленный интервьюером вопрос, спонтанно берет на себя роль интервьюера и задает вопрос первому респонденту, возможно, в попытке опередить интервьюера. Ср. [Ким – интервьюер, мистер Салаам – первый респондент]:

(3) “**И:** *Do the Israelis think they can work with Fatah in that area after this?* **P1:** *Well, let me to...* **P2:** *Kim, may I ask Mr. Salaam a question? Is there anybody from Hamas there? The rockets launched by Hamas had landed in that area, and it was these rockets which may have been responsible for the school killings.* **P1:** *That's a supposition we have to take into account...*” [6, P. 30].

Второй респондент спонтанно берет инициативу по уточнению вопроса, предварительно заданного интервьюером, реализует речевой акт просьбы с целью заручиться поддержкой со стороны интервьюера, который можно рассматривать как оправдание для последующего изложения собственного мнения относительно обсуждаемых в интервью политических событий.

Таким образом, речевое поведение участников политического интервью испытывает воздействие со стороны вопросно-ответной организации беседы. Политическое интервью служит своеобразным информационным источником для широких слоев общественности в отношении текущей социально-политической ситуации в мире. В рамках данной разновидности институциональной беседы интервьюер функционирует как, своего рода, катализатор, задача которого состоит в том, чтобы:

- обеспечить контекст, в котором респонденты обнародуют актуальную информацию о текущих социально-политических событиях в мире, выражают суждения относительно этих событий;
- предопределить оптимальный момент выражения респондентом своей позиции относительно рассматриваемой в интервью проблематики.
- допустить вариативную последовательность реализации стимулирующей и реагирующей реплик с целью введения некоторой степени спонтанности в беседу.

Первичным реципиентом информации, освещаемой в политическом интервью, выступает массовая аудитория. Вариативность вопросно-ответного развития политического интервью способствует поддержанию внимания аудитории к той информации, которая обнародуется в беседе с известными политическими деятелями. В результате сама беседа лишается кулуарного характера и стимулирует аудиторию к участию в обсуждении актуальных социально-политических событий, происходящих в мире.

Список литературы/ References

1. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Текст репортажа в аспекте критического дискурс-анализа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 6. С. 140–145.
2. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
3. Drew P., Heritage J. Analyzing talk at work: an introduction // Talk at work. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 3–65.
4. Times. 2014. August, 7. 64 p.
5. Newsweek. 2014. August, 15. 67 p.
6. The Independent. 2014. July, 23. 72 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Tekst reportazha v aspekte kriticheskogo diskurs-analiza [The reportage text in the aspect of critical discourse analysis] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2015. T. 14. # 6. S. 140–145. [in Russian]
2. Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funkcional'nost [Sentence and text: consistency and functionality]. Kollektivnaja monografija [Collective monograph]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 s. [in Russian]
3. Drew P., Heritage J. Analyzing talk at work: an introduction // Talk at work. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 3–65.
4. Times. 2014. August, 7. 64 p.
5. Newsweek. 2014. August, 15. 67 p.
6. The Independent. 2014. July, 23. 72 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.202

Васильев В.Е.¹, Николаева А.М.²¹Кандидат исторических наук,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

²ORCID: 000-0002-8651-5587, Кандидат филологических наук,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

Выполнено при финансовой поддержке проекта РГНФ 15-14-14004

ОСОБЕННОСТИ ОРНАМЕНТАЦИИ ЧОРОНА – РИТУАЛЬНОЙ ПОСУДЫ ЯКУТОВ**Аннотация**

В статье раскрывается культурологическое значение чорона – самой известной этнографической реалии якутского народа. Приводятся гипотезы о его происхождении, об эволюции образа чорона как символа плодородия и изобилия, обосновано его значение в веровании якутского народа. До сих пор нет единого мнения насчет происхождения чорона. Точно можем утверждать, что подобные сосуды существовали у якутов изначально, но они были без ножек. Якутские чороны, которые мы имеем сейчас, возникли в результате своеобразного скрещения местных форм круглодонных сосудов и заимствованной формы сосудов других народов. Однозначно, чорон прошел длительную эволюцию. Окончательно оформление чорона произошло, по всей вероятности, довольно поздно, что нашло отражение в устных народных преданиях об Элляе, которого легенды персонифицируют как изобретателя кумысной посуды. В настоящее время чороны имеются только у якутов. Сделано лингвистическое описание названий орнаментов чорона, приведена этимология, семантика и символика узоров.

Ключевые слова: якуты, чорон, орнаментация, этнография, лингвокультурология, традиционная культура, символ, семантика.

Vasilyev V.E.¹, Nikolayeva A.M.²¹PhD in History

Institute for humanities research and indigenous studies of the north,

²ORCID: 000-0002-8651-5587, PhD in Pilology,

Institute for humanities research and indigenous studies of the north

FEATURES ORNAMENTS CHORON – YAKUT RITUAL DISHES**Abstract**

The article deals with the cultural value of choron, the most famous ethnographic realities of the Yakut people. Are hypotheses about its origin, the evolution of the choron image as a symbol of fertility and abundance, justified his value in the beliefs of the Yakut people. So far there is no consensus about the origin of Choron. Similarly, we can say that such vessels existed in Yakuts originally, but they were without legs. Yakut chorons that we have now emerged as a result of a peculiar crossing of local forms of round-shaped vessels and other nations borrowed vessels. Definitely, Choron was a long evolution. Finally Choron design was, in all probability, rather late, as reflected in the oral folk tales about Ellyae whose legend personified as the inventor koumiss utensils. Currently, there are only chorons Yakuts. In article was a linguistic description of the choron names, ornaments, etymology, semantics and symbolism patterns.

Keywords: yakut, choron, ornamentation, ethnography, cultural studies, traditional culture, symbol, semantics.

Кубок чорон является атрибутом ритуала кумысопития, когда первыми угощаются божества и духи предков. В мифах они появлялись в виде священных оленей, лошадей и птиц, приносящих плодородие. Архаичный образ чрева богини-матери в виде кубка чорон сохранилось и позже, когда главным божеством выступала богиня Айысыт – богиня, дарующая жизнь на земле.

Археолог А. Н. Алексеев, развивая идею А. П. Окладникова, склоняется к мнению, что чорон отражает симбиоз культуры палеоазиатов и тюрков. Так, на основе классификации керамики кулун-атахской культуры А. И. Гоголева исследователь доводит начало формирования кубка до эпохи позднего неолита. «На вставные ножки, принесённые тюрками, могли поставить глиняные сосуды, существовавшие у палеоазиатов. Поэтому кумысные сосуды свидетельствуют о смешанном характере кулун-атахской культуры, выросшей на базе культуры «малых домов» [1, С. 32-53]. Но возможно и более раннее бытование ножек-подставок в Якутии. Древнейшие прообразы трёх ножек горшков и кубков восходят к аналогам из Китая, где треножки и триподы появились в IV тыс. до н.э. [1, С. 45]. Спустя почти 20 лет, А. Н. Алексеев вводит уточнения в своё видение эволюции ритуальных кубков, считая перспективным поиск прототипов среди металлических котлов. Автор считает, что чороны на поддонах были связаны с котлами хуннов, имевшими выраженный венчик и орнаменты, как и на якутских кубках, а сосуды на трёх ножках могут восходить к китайским триподам или же к гуннским котлам на трёх ножках [2, С.56]. Можно предположить, что прообразом сосуда чорон был желудок зверя, наполненный готовой пищей для удачливых охотников. Позднее образ желудка был перенесён на утробу женщины, чья беременность связывалась с употреблением пищи (души) из чрева тотемного духа. Видимо, беременность жриц магическим образом влияла на плодovitость всех зверей и птиц. Кубок чорон олицетворял богинь-праматерей, в т.ч. и духа-хозяйку земли. Богиня Вселенной Аан Алахчын, выходящая из корня мирового древа, наглядно показывает сохранение образа чрева родной земли в орнаментах и формах кумысных сосудов.

Само слово «чорон» (як. чороон) произошло от «чорой», «чорот», что означает 'держать поднятым вверх, вытягивать'. Каждый чорон украшают пояса стилизованного геометрического орнамента. Приведем сохранённые донны названия орнаментов:

Дьарбаа. В словаре Э. Пекарского данное слово объясняется как узор, орнамент, т.е. как общее название всех узоров: «Дьарбаа – фигура, узор, вышивка» [10, С. 708]. В Большом толковом словаре якутского языка смотрим: «ДЬАРБАА. узор, орнамент, нанесенный полосой» [3, С. 317]. Здесь данное слово толкуется как название

определенного узора. А в этимологическом словаре находим: «Дьарбаа – кайма, каемка. Длинная и узкая нашивка из какой-л. материи» [12, С. 172]. В якутском языке *дьарбаа* – это еще название рыбы хариус, у которой по бокам темные рисунки в виде полос. Слово *дьарбаа* заимствовано из монгольских языков. Письм.-монг. *чаруба* означает 'черта, борозда'. По-видимому, *дьарбаа* – это рисунок в виде черты, борозды и в основном бывает по краям изделия.

Рельефно вырезанный линейный узор называется *томторбо ойуу*. «Томтой. ср. тюрк. тумда, тумта. Выпячиваться, выдаваться. Томторбо (томторбон) от томтой+рбо 'кольцеобразное возвышение, выпуклый перехват» [10, С. 2550].

Кэрдийс ойуу (*кэрдийс* 'зарубка, насечка, засечка') – по Йохельсону, мелкий зигзагообразный узор, по Мандару – разновидность *охторуу ойуу*. В словаре Пекарского: «*Кэрдийс ойуу* украшение зарубками, резьба бороздками» [10, С. 2726].

Тараах ойуу (*тараах* 'гребень'). Иногда называют *от ойуу* (*от* 'трава'). Для установления истинного названия данного узора потребуется время, – пишет Б.Ф. Неустроев – якутский народный мастер, кузнец Мандар Уус. *Тараах ойуу* представляет собой ребристый орнамент в виде коротких-длинных или одинаковых параллельных отрезков, расположенных вертикально, отдельными группами или тесно друг другу. Немецкий этнограф Улла Йохансен выявила якутские термины и расшифровала якутскую символику. Она пишет: «Например, наверху у каждого чорона есть *тараах ою* (гребенчатый узор), который, оказывается, является символом плодородия во всех культурах. Треугольник – символ женской плодовитости» [4, С. 40]. Эта вертикальная линия также является символом стабильности и гармонии трёх миров Вселенной. Орнамент гребня наиболее архаичен и полисемантичен. Он может ассоциироваться с шерстью тотемных животных, гривой священных лошадей, золотыми лучами солнца, волосами богинь деторождения, которые во время ритуалов плодородия обычно распускались.

Хабарба ойуу (*хабарба* 'глотка, горло, кадык'). Ребристый рисунок. В отличие от *от* и *тараах ойуу*, *хабарба ойуу* представляет собой более широкие рисунки. Дыхательное горло коровы бывает ребристым, мы полагаем, наверное, отсюда и название *хабарба ойуу*. Иногда этот узор называют *тарбах ойуу*. *Тарбах* 'палец'. Это, наверное, потому, что они представляют собой глубокие бороздки, будто нанесены пальцем по сырой глине. *Таналай ойуу* (*таналай* 'нёбо') состоит из закруглений, напоминающих нёбный свод. «*Таналай ойуу* – похожий на нёбо узор. Особый вид узора». [10, С. 2726].

Арочный орнамент в виде дуг, одинаковых или разных по размеру, называется *биэ эмийэ* 'кобылий сосок'. Дуги данного узора могут располагаться вогнутой стороной как верх, так и вниз. Узор, обращенный вогнутой стороной вверх, напоминает арочный орнамент. А узор, обращенный вогнутой стороной вниз, по-другому еще называют *сарбынньах ойуу* (от *сарбы* 'свисать'). Владимир Йохельсон (по рекомендации РАН работал в составе Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции 1897-1904 гг., по условиям контракта все научные результаты этой экспедиции становились исключительно собственностью Американского музея естественной истории) пишет: «Этот узор обращен вогнутой стороной или вниз, или вверх. Схожий орнамент был найден на глиняных горшках эпохи неолита в Западной Европе и был назван немецкими археологами *Schnurgehänge* – именем, перекликающимся с якутским» [5, С. 59]. В некоторых источниках этот узор называют *тынгырах ойуу* 'рисунок в виде ногтей', и объясняют это их сходством с человеческими ногтями. До сих пор не определен конкретный узор, который бы назывался именно *тынгырах ойуу*. Йохельсон, например, односторонний зигзагообразный узор тоже называет *тынгырах ойуу*. В комментариях он пишет, что *тынгырах ойуу* означает ногтевой узор и изображает человеческие ногти [5, С. 58], а по иллюстрации в книге Йохельсона *тынгырах ойуу* совпадает с зигзагообразным рисунком, что совсем не напоминает человеческие ногти. Это можно объяснить тем, что зигзаг напоминает не человеческие ногти, а когти. В якутском языке ногти и когти – это *тынгырах*. Йохельсон рисовал и писал названия орнаментальных мотивов со слов местных жителей, и вполне возможно, одни и те же рисунки в разных местностях назывались по-разному, и наоборот. Йохельсон пишет, что узоры *тынгырах ойуу* 'ноготь' и *тарбах ойуу* 'палец' берут начало от якутских гончарных работ. [5, С. 59].

Ынах ойуу (*ынах* 'корова') – орнамент в виде рогатого скота. «К сожалению, я до сих пор не встречал старца, знающего подлинное название этого узора» – пишет Б. Ф. Неустроев-Мандар Уус [8, С. 44]. Узор напоминает своими очертаниями детские игрушки, изображающие коров. Такие орнаменты можно увидеть на чоронах середины XIX в. Можно предположить, что это связано с тем, что у якутов культ лошади в это время постепенно стал равняться с культом рогатого скота. Начали устраиваться *Ынах Ыһыаба*, *Оһус Ыһыаба* – Ысыах, посвященные крупному рогатому скоту.

Ещё в советское время искусствовед И. А. Потапов обнаружил личные тамги мастеров на дне кумысных кубков, датированных XVIII–XIX веками. Эти знаки, имеющие аналоги на наскальных петроглифах Лены, передавались от отца к сыну, и мастера могли унаследовать несколько знаков. Автор отметил важную деталь: раструбы кубков почти всегда украшались гребенчатым орнаментом *тараах ойуу*, а тулова – арочным орнаментом, но в ранних сосудах совсем отсутствуют спиралевидные и растительные мотивы [13, С. 10]. Примечательно то, что ранние сосуды были лишены витиеватых узоров.

Сейчас представляется сложным привести точные исконные названия орнаментов и определить, какие виды узоров нужно считать древнейшими, какие поздними или перенятыми у других народов. Можем лишь утверждать, что до XVIII в. узоры на чоронах были несколько простыми, а на предметах XIX в. они сложнее и разнообразнее. Первоначально орнаментальные полосы выявляли конструктивные части чоронов – венчик, тулова, ножку. В более поздних изделиях узор становится изысканней, мельче и покрывает всю поверхность предмета.

Названия многих узоров имеют символическое значение и связаны с бытом, основными занятиями народа. Например, узор *илим хараба* 'ячейка сети' связано с рыболовством, *ынах ойуу* 'коровка', *биэ эмийэ* 'кобылий сосок' – со скотоводством. Кроме того, некоторые названия отражают способ нанесения изображений – *кэрдийс ойуу* 'зарубки', *тынгырах ойуу* 'ноготь узор'. Много наименований узоров названы по внешнему сходству с органами животных (*хабарба ойуу* – похож на горло, кадык, *таналай ойуу* – на нёбный свод, *тонобоһс ойуу* – на позвонок), предметами (*тараах ойуу* похож на гребень, *көбүөр ойуу* – на сосуд для хранения кумыса, *тордуйа ойуу* – на пуговку). Особый

ритуально-символический смысл имело число орнаментальных поясов. Так, поскольку наиболее почитаемым числом было девять, то число поясов чаще всего – девять.

В XXI в. мы вновь обрели наш чорон в виде символа счастья, богатства и изобилия. Чорон стал культовым брендом Республики Саха и заслуженно может считаться уникальным произведением искусства. Орнаменты на чоронах имеют богатую семантику, глубокий философский смысл и требуют дальнейшего, более детального исследования.

Список литературы/ References

1. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996.
2. Алексеев А.Н. О происхождении якутских чоронов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – Якутск: ИГиПМНС СО РАН, 2015. – № 1 (10). С. 53-60.
3. Большой толковый словарь якутского языка. Т. 3. Новосибирск: Наука, 2006.
4. Йохансен Улла. Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование. – Якутск, 2008.
5. Йохельсон В.И. Кумысный праздник и декоративное оформление кумысных сосудов. – Якутск: СММК-Мастер, 2015.
6. Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII века. – Якутск: Як. кн. изд., 1971.
7. Кочешков Н.В. Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры: проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XX–XXI веков. – СПб: Наука, 1997.
8. Неустроев Б.Ф.-Мандар Уус. Узоры и орнаменты саха. – Якутск, 2007.
9. Окладников А.П. Якутия до присоединения к Русскому государству. – М.-Л., 1955.
10. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка в 3-х т. – М.-Л.: Наука, 1959. Т. 3. 3858 стлб.
11. Петрова С.И. Традиционная якутская одежда: символика и семантика. Электронное пособие по спец. 071500 Народная художественная культура. – Я., 2013.
12. Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2003.
13. Потапов И.А. Якутская народная резьба по дереву. – Якутск: Кн. изд-во, 1972.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alekseev A.N. Drevnjaja Jakutija: zheleznyj vek i epoha srednevekov'ja. [The ancient Yakutia: the Iron Age and the Times of Middle Ages]. – Novosibirsk: Izd-vo In-ta arheologii i jetnografii SO RAN, 1996. [in Russian]
2. Alekseev A.N. O proishozhdenii jakutskih choronov [On the origin of the Yakut Choron] // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. [Northeast humanitarian Gazette]. – Jakutsk: IGIIPMNS SO RAN, 2015. – # 1 (10). S. 53-60. [in Russian]
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka. [The Great Dictionary of the Yakut language]. – Т. 3. Novosibirsk: Nauka, 2006. [in Russian]
4. Johansen Ulla. Ornamental'noe iskusstvo jakutov: istoriko-jetnograficheskoe issledovanie. [Ornamental art of Yakuts: historicaethnographic research]. – Jakutsk, 2008. [in Russian]
5. Johel'son V.I. Kumysnyj prazdnik i dekorativnoe oformlenie kumysnyh sosudov. [Kumysnyh holiday and decorativekumysnyh registration of vessels]. – Jakutsk: SMIK-Master, 2015. [in Russian]
6. Konstantinov I.V. Material'naja kul'tura jakutov XVIII veka. [The material culture of the Yakut of the XVIII century.]. – Jakutsk: Jak. kn. izd., 1971. [in Russian]
7. Kocheshkov N.V. Tjurko-mongoly i tunguso-man'chzhury: problemy istoriko-kul'turnyh svjazej na materiale narodnogo dekorativnogo iskusstva HH–HHI vv. [Turko-Mongols and Tungus-Manchu: problems of historical and cultural ties to the material of Decorative Folk Art XX–XXI centuries.]. – SPb: Nauka, 1997. [in Russian]
8. Neustroev B.F.-Mandar Uus. Uzory i ornamenti sakha. [Patterns and ornaments Sakha]. – Jakutsk, 2007. [in Russian]
9. Okladnikov A.P. Jakutija do prisoedinenija k Russkomu gosudarstvu. [Yakutia before joining the RussianState]. – М.-Л., 1955. [in Russian]
10. Pekarskij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka v 3-h t. [Dictionary of the Yakut language]. – М.-Л.: Nauka, 1959. Т. 3. 3858 stlb. [in Russian]
11. Petrova S.I. Tradicionnaja jakutskaja odezhda: simvolika i semantika. Jelektronnoe posobie po spec. 071500 Narodnaja hudozhestvennaja kul'tura. [Traditional Yakut clothes: symbols and semantics.]. – Jakutsk, 2013. [in Russian]
12. Popov G.V. Jetimologicheskij slovar' jakutskogo jazyka. [Etymological dictionary of the Yakut language.]. – Novosibirsk: Nauka, 2003. [in Russian]
13. Potapov I.A. Jakutskaja narodnaja rez'ba po derevu. [Yakut folk woodcarving]. – Jakutsk: Kn. izd-vo, 1972. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.203

Гацайниева А.К.

Кандидат филологических наук, ст. преподаватель,

Дагестанский государственный университет (филиал) в г. Дербенте

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**Аннотация**

В статье рассматриваются основные типы фразеологизмов, описывающих различные качества человека: внешность, характер, социальное положение, поведение, с точки зрения антропоцентрического подхода к анализу английского этноса. Природа межличностных отношений в любых общностях достаточно сложна. В них проявляются как сугубо индивидуальные качества личности - её эмоциональные и волевые свойства, интеллектуальные возможности, так и усвоенные личностью нормы и ценности общества.

Учитывая то, что социальное поведение человека является частью общества и находит отражение в языке, объединив данные социологии и лингвистики, мы выделяем семантические группы английских фразеологизмов, характеризующих социальное положение и взаимоотношения человека в коллективе, оценивающие внутренний мир человека и его поведение в обществе.

Ключевые слова: антропоцентризм, антропоцентрические фразеологизмы, социальное положение человека, внутренний мир человека, поведение человека в обществе, внешняя характеристика человека.

Gatsainieva A.K.

PhD in Philology, Senior Lecturer, Daghestan State University (branch) in Derbent

ON THE PROBLEM OF FUNCTIONING OF THE ANTHROPOLOGICAL IDIOMS IN ENGLISH**Abstract**

The article considers basic kinds of phraseological phrases describing different qualities of a man: appearance, disposition, social position, behavior, from the point of view of anthropological approach to the analyses of the English ethnos. The nature of interpersonal relations is rather complicated in any society. It covers both personal traits of an individual (emotional, powerful, intellectual abilities) and norms and values learned in the society.

Taking into consideration the fact that a man's social behavior is a part of society reflected in the language, and basing on the data of sociology and linguistics, we distinguish semantic groups of the English idioms which characterize social status of a man and his relations within the society, as well those which evaluate his inner state and social behavior.

Keywords: anthropocentrism, anthropocentric idioms, social position of a man, inner state of a man, a man's social behavior, a man's portraiture.

Как известно, язык рефлектирует весь окружающий мир человека: его обычаи и традиции, культуру, менталитет, историю и географию. Все это как бы хранится в языке, передается и переходит из поколения в поколение [Багаутдинова 2007: 29]. Мы провели комплексный анализ английских идиом, с целью сопоставления фразеологизмов английского языка с оценкой человека в рамках различных тематических групп. В частности, анализ показал, что возможно деление групп фразеологизмов с оценкой внутреннего мира человека на такие подгруппы как:

1. уровень интеллектуального развития;

2. жизненный опыт.

В семантическом ряду «уровень интеллектуального развития человека» возможно противопоставление по признакам «низкий уровень интеллектуального развития - высокий уровень интеллектуального развития». В семантическом разряде «высокий уровень интеллектуального развития» наиболее часто встречается лексема *head* «голова». Например,

to have a head on one's shoulders - иметь голову на плечах;

two (three) heads above someone - на голову выше.

В данном семантическом ряду встречается также лексема «ум - *mind*». Например, *common sense* «здравый смысл», *full of wits* «очень умный».

Иногда происходит обыгрывание слов *head* - *mind* «голова - ум»: *clear (lucid) mind* («ум») - светлая голова (светлый ум). В разговорной речи также встречается выражение *someone's brain is working* - голова (котелок) варит. В этой идиоме употребляется слово *brain* «мозги» в значении «голова». Эта лексема встречается также во фразеологической единице *someone is a man (woman) of brains* «с головой», «умный человек».

В этом подряде так же различаются идиомы библейского содержания. Например, *as wise as Solomon* (букв.: «мудрый, как Соломон»). Таким образом, английские ФЕ представляют голову человека (вернее, его умственные способности), как вместилище ума. В семантическом ряду «низкий уровень интеллектуального развития» также присутствует лексема *голова* - *head*. Например, *empty head* - пустая голова (башка), *cabbage-head* (букв.: «голова-капуста») мякинная голова (башка).

Английская ФЕ *a fool always rushes to the fore* (букв.: «дурак всегда рвется вперед») - дуракам закон не писан - также отражает отношение социума к глупости. В этой группе идиом также возможно найти фразеологизмы, отражающие географические названия. Например, о глупом человеке говорят *as dull as Dublin University graduate* (букв.: «тупой, как выпускник Дублинского университета») [Амосова 1963: 67]. Сюда же входит и идиома *a bit weak in the top storey* - не все дома, чердак не в порядке.

В семантическом ряду со значением «богатство, достаток» лексема *money* доминирует по количеству употреблений: *one is rolling on the money* (букв.: «катается на деньгах») - денег куры не клюют, *live at a high rate* (букв.: «жить на высоком уровне») - «жить на широкую ногу», *live in a bed of roses* (букв.: «жить в постели из роз»), *be safe and comfortable as if in Abraham's bosom* (библ. букв.: «как в лоне Авраамовом») [Амосова 1963: 78].

В семантическом ряду «бедность, нужда, безвыходное положение» встречаются такие идиомы как *to live from hand to mouth* «жить впроголодь», *someone doesn't have penny to his name* «нет даже пенни», *one might put rope round one's neck* «хоть в петлю лезть». Безвыходное положение описывается в таких фразеологизмах как *be at the end of one's tether*, *be at a deadlock* «доходить (доводить) до точки». Английские ФЕ типа *as poor as charity* «бедный как милостыня», *as bare as the palm of your hand* «голый как ладонь руки», *as poor as church mouse* «беден как церковная крыса», *be pretty well starved* «свистеть в кулак» тоже заполняют данный семантический ряд [Амосова 1963: 74].

Нами выделена еще одна группа идиом о человеке: со значением «взаимоотношения в коллективе». О человеке, с которым трудно ужиться, кого непросто понять, или тот, кто с трудом поддается влиянию коллектива, говорят *a hard (tough) nut to crack* «крепкий орешек», хотя эта идиома может быть использована и о проблеме в целом. В любом коллективе встречаются люди, которых нельзя не заметить, люди, резко отличающиеся характером, взглядами, привычками от остального коллектива, что нашло свое отражение в таких фразеологизмах, как: *a white crow* «белая ворона», *a black sheep* «черная овца».

Следует отметить, что идиомы с семантикой «поведение человека», как правило, национально специфичны: в них заметны отличительные черты национального сознания [Багаутдинова 2007: 38]. Такие идиомы играют большую роль в национальной языковой картине мира, а по своему происхождению датируются древнейшим слоем лексем. В то же время, они неоднородны и обладают большим семантическим диапазоном.

Вообще, концепт «поведение (человека)» в теории антропоцентризма занимает важное место. Исследование данного концепта дает возможность понять и детально расположить поведенческую картину мира человека, мотивировать его действия и поступки, что считается главным типом самореализации индивида. Эти характеристики, вместе взятые, в свою очередь, напрямую связаны с психоэмоциональным состоянием, моральными качествами, характером и т.д. индивида [Алефиренко 2005: 90]. Более того, анализ этого концепта на материале фразеологизмов выявляет особенности и конкретные характеристики и стереотипы поведения, которые говорят о менталитете носителей того или иного этноса или культуры.

Принимая во внимание все вышеизложенное, анализ данного концепта в рамках фразеологической картины мира англичан представляется довольно интересным с антропоцентрической точки зрения. В частности, наибольший практический интерес вызван тем фактом, что подавляющее число идиом, входящих в данный концепт, отражают семантическую группу «поведение человека». Причем они, благодаря своей образности, основанной на смысловой двуплановости (совмещении актуального и первоначального смыслов), не только обозначают конкретные виды поведения человека, включая национальные стереотипы, но и отражает культуру, историю, быт, менталитет, социально-экономическую жизнь, образ мышления народа, особенности его языка.

Описывая человека в ярости, англичане говорят *flash fire* «сверкать огнем».

О скромном поведении человека говорят *cast down (drop) one's eyes* - опустить, потупить взор.

Встречается и идиома: *bad eye* - «дурной глаз».

В семантическом разряде «говорить, сплетничать, пустословить» не во всех исследуемых языках употребляется лексема *tongue*, несмотря на то, что является локусом такой формы поведения. Например, в английском *wag one's tongue* «чесать (молоть) языком». О человеке, который может говорить на любую тему и не теряет ни при каких обстоятельствах, говорят: *someone has a quick tongue* - язык хорошо подвешен.

В отдельную группу можно выделить субстантивные фразеологизмы:

long tongue - длинный язык, *sharp tongue* - острый язык, *loose tongue* - язык без костей.

Таким образом, человек всегда был и остается в центре описания в языковой картине мира в английских фразеологизмах.

Список литературы/ References

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. - М., 2005. - 200 с.
2. Амосова Н.Н. Фразеология английского языка. - М., 1963. - 258 с.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. - М., 1995. - 312 с.
4. Багаутдинова О.Б. Почему так? Знакомые английские слова в необычных выражениях: словарь-пособие. - М., 2007. - 356 с.
5. Буянова З.М., Коваленко Е.В. Личное имя как культурный символ: стереотипы и мифы. - М., 2004. - 134 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Alefirenko N.F. Spornye problemy semantiki [Disputable problems of semantics]. - M., 2005. [in Russian]
2. Amosova N.N. Frazeologhia angliyskogo yazyka [The English Phraseology]. - M., 1963. [in Russian]
3. Apresyan Yu.D. Leksicheskaya semantika [lexical semantics]. - M., 1995. [in Russian]
4. Bagautdinova O.B. Pochemu tak? Znakomye angliyskie slova v neobychnykh vyrazheniyakh: slovar-posobie [Why is it so? Familiar words in unusual usage: dictionary-reference book]. - M., 2007. [in Russian]
5. Buyanova Z.M., Kovalenko E.V. Lichnoe imya kak kul'turny simvol: stereotypy i mify [Proper names as cultural symbols: myths and stereotypes]. - M., 2004. [in Russian].

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.049

Денисова Е.А.

Кандидат филологических наук, доцент,

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К ИЗУЧЕНИЮ ТЕРМИНА «БИЛИНГВИЗМ»**Аннотация**

В статье рассматриваются различные подходы к определению термина «билингвизм» в отечественном и зарубежном языкознании. Многообразие определений и подходов в изучении билингвизма влечёт за собой разнообразие классификаций. Вопрос стратегий и механизмов переключения языков также является актуальным при изучении данного языкового явления. Установлено, что билингвизм является одним из основных механизмов интеграции человеческого общества и представляет собой обобщение теоретического и практического коммуникативного опыта, взаимодействие различных народов и культур. В современном обществе понятие «билингвизм» соотносится с систематизацией межнациональных отношений, обеспечением условий для взаимодействия и взаимообогащения национальных культур, а также построения эффективной языковой политики в том или ином государстве.

Ключевые слова: билингвизм, кодовое переключение, уровни владения языками.

Denisova E.A.

PhD in Philology, associate professor,

Leningrad State University after A.S. Pushkin

THEORETICAL PREREQUISITES TO THE TERM STUDY "BILINGUISM"**Abstract**

The article concerns different approaches to the definition of the term "bilingualism" in native linguistics and abroad. The variety of definitions and approaches in bilingualism studying causes a multiple variety of classifications. The question of strategies and code-switching mechanisms draw the linguists' attention in the studies of the linguistic phenomenon. In the research it was stated that bilingualism is one of the human society's integration mechanisms and represents the generalization of theoretical and practical experience in communication, the interaction of different nations and their cultures. It proves that, in the modern society the term "bilingualism" is relevant to the system of multicultural relationships, the guarantee of conditions for the interrelation and mutual enrichment of national cultures, and moreover for the effective language policy developing in any state.

Keywords: bilingualism, code-switching, levels of language acquisition.

Проблемы билингвизма волнуют учёных в области лингвистики, социологии, философии, психологии и других смежных дисциплинах на протяжении долгих лет. Лингвисты трактуют это явление по-разному: «владение иностранным языком на одном уровне с родным, практически в совершенстве» [4,40]; «знание двух или более языков, независимо от уровня их усвоения» [11]. Также, «если человек владеет неродным языком в такой степени, что может на нём общаться; знание второго языка с самого элементарного уровня до владения им на продвинутом уровне» [9,10].

Данные противоречивые определения зарубежных и отечественных лингвистов свидетельствуют о наличии различных узкого и широкого подходов к изучению языкового явления «билингвизм»: *узкий* подход относят к высокому уровню знания приобретённого языка, *широкий* – определяет билингвизм как владение вторым языком на любом уровне начиная с элементарного. Другие определения «билингвизма» касаются как уровня владения языками, так и механизма их использования. В.Д. Бондалетов говорит о «существовании языков у человека, первый язык – родной (L1), а второй – приобретённый (L2)» [3]; по мнению Н.Б. Мечковской «сбалансированный билингвизм встречается довольно редко, поскольку в жизни редки случаи употребления обоих языков в одинаковых пропорциях». Обычно, большее употребление конкретного языка обуславливается определёнными условиями: сферой деятельности, местом жительства, основным языком в семье [8,25].

По причине многообразия определений и подходов в изучении билингвизма наблюдается и разнообразие его классификаций. Так, Г.М. Вишневская, выделяет два вида билингвизма в зависимости от условий, в которых происходило овладение языками: *естественный* билингвизм, возникший в естественных условиях, без какого-либо целенаправленного изучения, при наличии большого контакта с носителями, и *искусственный* билингвизм, приобретённый в результате осознанного освоения языка [7]. Классификация Е.М. Верещагина основана на уровне владения языком и включает три уровня: *рецептивный* (умение понимать произведения на втором языке); *репродуктивный* (умение воспроизводить то, что было услышано или прочитано); *продуктивный* (способность понимать, воспроизводить и самостоятельно строить высказывания) [6]. В.Д. Бондалетов выделяет: *индивидуальный билингвизм* (владение двумя или более языками одним конкретным индивидом) и *массовый (коллективный) билингвизм* относят к социолингвистическому аспекту, т.к. речь идёт о сосуществовании нескольких языков в одном обществе, которыми обладает большое количество людей, проживающих на одной территории и объединённых общей культурой [3]. В.И. Беликов и Л.П. Крысин выделяют три вида *индивидуального билингвизма*: *субординативный* билингвизм, при котором второй язык воспринимается через призму первого, сравнивая с ним и опираясь на него. Этот тип прослеживается в классификации Г.М. Вишневской и характерен при искусственном билингвизме; *координативный* билингвизм, в котором языки существуют независимо друг от друга; *смешанный* билингвизм – L1 и L2 воспринимаются в сознании говорящего на них как равноправные коммуникативные системы, которые не смешиваются при восприятии и синтезе речи [2].

У. Вайнрайх определяет билингвизм как «попеременное переключение одного языка на другой» [5]. Попеременное использование двух или более языков в рамках одного языкового акта называют переключением кодов

(code-switching, language mixture, language alternation). С социолингвистической точки зрения переключение кодов рассматривается как средство этнической самоидентификации, средство преодоления межкультурных барьеров, в то время как в психолингвистике учёные пытаются установить мыслительные операции, стимулирующие процесс кодового переключения.

К. Бекер выделяет следующие стратегии переключения языков: *эмфатическое средство* (приём создания контраста); *переменная форма дискурса* (переход от повествования к вопросу или комментарию, другой теме); *изоляция* (незнание языка на который переходит переключение) [9].

По мнению Л.П. Крысина и В.И. Беликова, способность к кодовым переключениям свидетельствует о высоком уровне знания языков, на которые происходит переключение. Механизм кодовых переключений обеспечивает взаимопонимание между участниками коммуникативного акта. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному коду (или субкоду) воспринимаются как аномалия и могут приводить к коммуникативным конфликтам [2, 375].

Кодовое переключение отличается от таких явлений, как заимствование языковых единиц и их вкрапление в речь, поскольку переключаясь на другой код, по мнению тех же лингвистов, «говорящий использует языковые средства в полном соответствии с фонетическими, грамматическими и иными свойствами языковых элементов». При заимствовании слово или какая-либо другая единица подчиняется (полностью или частично) фонетическому и грамматическому законам заимствующего языка. При вкраплении сохраняется «иносистемный» облик вкрапливаемого элемента, но этот элемент употребляется в некоем «застывшем» виде, не изменяясь в соответствии со словоизменительными моделями или с моделями синтаксическими [2, 28].

Как правило, кодовое переключение мотивировано; наряду с этим в речи билингвов часто встречается смешение кодов, когда переход от одного языка к другому не имеет мотивировки. Граница кодов может проходить даже внутри тесно связанного словосочетания, так что определение принадлежит одному языку, определяемое – другому, глагол одному языку (с соответствующей морфологией), а зависимые от него слова – другому и т.п. Фактически, переключение кодов считается одним из социально мотивированных типов речевых умений, поэтому билингвы нередко используют переключение кодов в качестве «социолингвистического средства» или «приема» для достижения определённых целей. Прежде всего, для выражения солидарности говорящего с определенной социальной группой; для исключения из разговора нежелательных слушателей; для выражения отношения говорящего к слушателю; для произведения на слушателя впечатления [1, 64-66]. Вслед за этим рассмотрим некоторые функции переключения кода.

А. В. Жиганова выделяет *дискурсивную функцию*, которая заключается в выделении в тексте нужного фрагмента при переключении кода. *Контекстуализирующую*, позволяющую при помощи иноязычных выражений более подробно описать ситуацию, охарактеризовать предмет/человека. *Интертекстуальную функцию*, которая связывает описываемое событие или объект с другими, чаще всего, реально существующими предметами/текстами. *Референциальную*, обозначающую объекты, заимствованные из другой культуры и *текстообразующую функцию*, заполняющую лексические пробелы (например, когда в языке-доноре отсутствует какое-либо понятие, которое говорящий или пишущий намерен использовать) [8:3-5].

Главное отличие кодового переключения от других лингвистических явлений, характеризующих ситуацию многоязычия в том, что оно может рассматриваться как коммуникативная стратегия в речи билингва. Прагматическая особенность кодового переключения заключается в сознательном действии, преследовании определённой цели при переходе на другой язык, способствующего определённому коммуникативному акту. При переключении с одного языка на другой говорящий демонстрирует своё *отношение к различным компонентам речевого акта, например к адресату, сообщению, референту*. Рассмотрим некоторые стратегии на материале произведения английского писателя Э. Бёрджесса «Эндерби» (Burgess Anthony «Enderby»), где типы, вышеуказанных отношений выражены посредством кодового переключения следующим образом: 1) воздействие на адресата (отношения между персонажами) передается при помощи *структурирования высказывания* на сообщение и обращение: «What do you mean, hombre?» - «Many happy returns, cher maotre!». Иногда обращение не выражено соответствующими грамматическими средствами, однако переключение на другой код может его имплицировать, т.е. указывать адресата. Рассмотрим ситуацию, представленную несколькими адресатами, владеющими разными кодами: “Plenty to celebrate. Mucho”, he added for John’s benefit [13]. Слова автора (added to John) демонстрируют то, что иноязычные элементы в данном контексте представляют собой обращение, несмотря на испанское слово, выраженное наречием. Вслед за этим следует *аккомодационное кодовое переключение*: сознательное переключение говорящего на код адресата с целью понравиться или угодить ему. К примеру, чтобы достичь своей цели - выехать из города, герой романа Э. Бёрджесса “Эндерби” пользуется французским кодом (родным языком собеседника) в разговоре с местным жителем, от которого он полностью зависим. Тот, в свою очередь, переключается с французского на английский язык (т.е. приспосабливает свою речь к речи собеседника) для достижения собственной цели - получения денег: «Enderby: Je veux à aller Tanger. Driver: Demain? Enderby: Maintenant. Driver: Impossible. Enderby: Regardez. I am not going to that bloody hotel. Une femme. Une question d’une femme. Il faut que j’éviter une certaine femme. Driver: Une femme? Tu veux une femme? Enderby: Just the opposite. J’essaie à éviter une femme, comme j’ai déjà dit. Driver: Tu veux garçon? Enderby: Let’s get this straight. I want to get away. Comment puis-je get to bloody Tangier? Driver: Avion parti. Chemin de fer. You got money, Charlie? Enderby: I thought it would come to that» [13]. 2) отношение к сообщению выражено структурированием текста на различные отрезки: переключение при переходе от косвенной речи к прямой. Кодовое переключение при цитировании является наиболее частотным видом переключения. Цитирование наблюдается как в рамках всего произведения (иноязычный эпиграф), так и в речи персонажей для передачи либо чужих слов, либо собственных, но произносимых в другом контексте: «Ali knocked and I called adelante. “Este pais”, he said “es catolico, pero se dice Allah”» [13]. В данном случае, цитирование является коммуникативной стратегией, поскольку при передаче чужих слов говорящий, выступает в роли аниматора и отстраняется от цитируемого отрезка сообщения. Он снимает с себя

ответственность за произнесенные им слова. Иноязычный код также может выступать в роли эвфемизма, тем самым нейтрализуя возникающие негативные ассоциации, или обращение к другому коду происходит с целью соотношения определённой ситуации с новым местом и временем действия. 3) Отношение к референту. В сознании, каждый говорящий имеет определенную оценочную ассоциацию. При чередовании кодов, он демонстрирует свое отношение к предмету речи, раскрывая внутренний мир персонажа: «There is no luna. That's what it's called? Isn't it? Luna. Better than moon. Lunar. Lunation. Endo-lunar. I thought the luna would be here to meet me» [13]. Выбор испанского языка подчеркивает романтическую, мечтательную натуру мисс Боланд: для нее луна – это символ прекрасного и возвышенного. Помимо экспрессивной коннотации, в этом контексте прослеживается ассоциативный ряд, возникающий на основе испанского слова «luna», связанного с профессией персонажа: мисс Боланд – астроном. Язык является не столько средством передачи информации, но и средством ее выделения: «Cerrado. Ferme. Geschlossen. Shut up bloody shop». Такое кодовое переключение является важным стилистическим средством в произведениях Э. Берджесса, используемого для передачи главной идеи произведения. Так, в романе “Эндербий” основная мысль (неизбежность и непредсказуемость жизненных обстоятельств) повторяется в речи разных героев при переключении на разные коды.

В заключении отметим, что момент перехода с одного языка на другой в условиях билингвальной коммуникации всегда обусловлен вполне объективными мотивами, основанными, прежде всего на стремлении говорящего (собеседника) к более адекватному общению. Однако подобный взгляд, по мнению современных лингвистов на данное явление кажется упрощённым в ряде случаев, когда условием для смены кода служат стремления совершенно иного порядка, например, желание говорящего заявить о собственном социальном статусе; стремление к ограничению круга «коммуникантов», например, в профессиональной сфере и т.д. Особенно важным является то, что с процессом глобализации в современном мире и проявлением межнациональных контактов всё больше повышается интерес к проблемам билингвизма, поскольку число билингвов увеличивается, происходит смешивание языков, культур.

Список литературы/ References

1. Багана Ж., Блажевич Ю. С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки / 2010. – №12 – том 6 – 63-67с.
2. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика, Москва.: РГГУ, 2001. - 439 с.
3. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. М.: Просвещение, 1987. - 160с.
4. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. - 606с.
5. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика. Вып. III. 1999. – с.7-42.
6. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия. М., 1969. – 160с.
7. Вишневская Г.М. Билингвизм и его аспекты. Иваново, 1997.
8. Жиганова А.В. Функциональная специфика переключения кода в современных дискурсивных практиках (на материале английского и немецкого языков). Нижний Новгород, 2014. – 178 с.
9. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект-Пресс, 2000. – 207 с.
10. Проценко Е.А. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике // Вестник Воронежского государственного университета: Лингвистика и межкультурная коммуникация №1/2004. – с. 123-127
11. Розенцвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. с.5-24.
12. Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. – с.61-80.
13. Burgess A. «Enderby». Heinemann, 1968.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bagana J, Blazhevich U.S. K voprosu o perekluchenii kodov [To the question of code-switching] // Nauchnie vedomosti Belgorodskogo gosudarsvennogo universiteta. Seria: Gumanitarnie nauki /2010. - №12 – tom 6 – 63-67p. [in Russian].
2. Belikov V.I., Krysin L.P. Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]. M: RGGU, 2001. - 439 p. [in Russian]
3. Bondaletov V.D. Sotsialnaya lingvistika [Social Linguistics]. M: Prosveshenie, 1987. – 160 p. [in Russian]
4. Bloomfield L. Yazyk [Language]. M.: Progress, 1968. – 606 p. [in Russian]
5. Weinriech U. Odnoyazychie I mnogoyazychie [Monolinguisim and multilinguism]// Novoe v lingvistike. Vyp. III. 1999. – p. 7-42. [in Russian]
6. Vereshagin E.M. Psihologicheskaya i metodicheskaya haracteristica dvuyazychia [Psychological and methodological characteristics of bilingualism].M., 1969. – 160 p. [in Russian]
7. Vishnevskaya G.M. Bilingvism and ego aspect [Bilinguism and its aspects]. Ivanovo, 1997. [in Russian]
8. Zhiganova A.V. Phunctionalnaya spetsifika perekluchenia koda v sovremennih discursivnih praktikah (na materiale angliyskogo i nemetskogo yazikov) [Functional specification of code-switching in modern discursive practices (on the material of the English and German languages). Nizhniy Novgorod, 2014. – 178 p. [in Russian].
9. Mechkovskaya N.B. Sotsialnaya lingvistika [Social Linguistics]. M.: Aspect-Press, 2000. – 207 p. [in Russian]
10. Protsenko E.A. Problema perekluchenia kodov v zarubezhnoy lingvistike [Problem of code-switching in foreign linguistics] // Vestnik Voronezhskogo universiteta: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsia, №1/2004. – p. 123-127. [in Russian]
11. Rozentsveig V.U. Osnovniye voprosi teorii yzikovih kontaktov [Main questions of the language contacts theory] // Novoye v lingvistike, vyp.VI. Yazikovie kontakti, M., 1972. p.5-24. [in Russian]
12. Haugen E. Yazikovoy contact // Novoye v lingvistike, vyp.VI. Yazikovie kontakti, M., 1972. – p. 61-80. [in Russian]
13. Burgess A. «Enderby». Heinemann, 1968. [in English]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.034

Донцова А.А.

Аспирант, направление «Языкознание и литературоведение» профиль «Теория языка»,
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь**ОСНОВНЫЕ ТАКТИКИ ПСИХОЛОГИЗАЦИИ ПОВЕСТВОВАНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ****Аннотация**

В статье проводится анализ основных средств психологизации художественного повествования как способа предельной языковой экспликации психоэмоционального фона произведения. Психологизация приобретает статус интенциональной стратегии по описанию чувств и мыслей героев художественного произведения. Доказывается глубинная имманентная связь фокусов автора и читателя в рамках создания психологически нагруженного повествования. Основными приёмами психологизации признаются форма повествования, психологический анализ, художественная деталь и умолчание.

Ключевые слова: психологизм повествования, стратегии психологизации, психоэмоциональный фон, внутренний монолог, умолчание.

Dontsova A.A.

Postgraduate student, major «Linguistics and literature studies», specification «Language theory»,
North-Caucasus Federal University, Stavropol**MAIN TACTICS OF NARRATION PSYCHOLOGISATION WITHIN LITERARY TEXT****Abstract**

The article contains analysis of the main instruments of psychologisation of narration in fiction as a method of the utmost linguistic explication of the psychoemotional background of a piece. Psychologisation is currently acquiring the status of an intentional strategy of description of the characters' emotions and thoughts. The existence of a deep immanent connection between the author's and the reader's focuses in the context of the psychological narration is proved in the article. Narrative form, psychological analysis, detail and paralipsis are recognized as the main instruments of psychologisation.

Keywords: psychologism of narration, strategies of psychologisation, psychoemotional background, internal monologue, paralipsis.

Проблема психологизации художественных произведений на сегодняшний день является весьма актуальной, в то же время её теоретический анализ все ещё не предоставляет единой и непротиворечивой теории психологизации. Сложность и значимость этого явления обусловлены его спецификой: объективной наукоёмкостью (нахождение на стыке психологии, языкознания и философии), с одной стороны, и непосредственной связью с большинством основных проблем литературоведения, с другой.

Прежде, чем обратиться к непосредственному анализу стратегий психологизации повествования, необходимо отметить, что в рамках нашего исследования под психологизацией понимается «стремление к полному, глубокому описанию чувств и мыслей героев художественного произведения» [8]. Это понятие тесно связано с психологизмом в литературе, что, согласно определению А. Б. Есина, является особым художественным качеством, выраженным в освоении и изображении средствами литературы внутреннего мира героя, отличающегося особой подробностью и глубиной [3, 313].

Наиболее четко тенденции к предельной психологизации повествования прослеживаются в литературе конца XIX – начала XX вв. Именно в это время остро встал вопрос об описании внутреннего мира человека в связи со сменой классической парадигмы на антропоцентрическую, произошёл перенос «центра тяжести» с воспроизведения социальной реальности на личность человека [7]. Новый облик художественного психологизма можно проанализировать с помощью более пристального изучения стратегий его воплощения в творчестве различных писателей. Подход к этой проблеме должен учитывать многие аспекты: в первую очередь, необходимо соотносить психологизм и специфику произведения, его стиль, отражённую в нём концепцию личности, следующим этапом в исследовании средств и тактик психологизации будет компаративный анализ взаимосвязей психологизма и повествовательной организации произведения, подтекста. Кроме того, особого внимания заслуживает триада «автор – герой – читатель» и их взаимодействие [5].

«Психологизация» литературы привела к активной разработке и использованию разнообразных художественных средств, необходимых авторам для адекватного изображения внутренних, душевных переживаний героев. Однако следует отметить, что речь идёт не только о накоплении психологических форм, приёмов и средств, то есть об обогащении литературы новыми ресурсами (символы, техники, пространственно-временные эксперименты и т.д.), а о переходе психологизма в целом в метастилевое явление [5]. Как отмечает Н. С. Лейтес, «психологизм заявляет о себе сегодня не только как средство раскрытия внутреннего мира личности или надличностных духовных процессов, но и как действенный сюжетопределяющий и структурообразующий фактор» [6, 54].

При рассмотрении явления психологизма А. Б. Есин в своих трудах оперирует понятием «форма психологического изображения». Однако в данной статье под формами будут пониматься стратегии психологизации, поскольку оба данных понятия обозначают общий план действий и установление их последовательности автором для описания психологического состояния персонажей. Таким образом, исследователь выделяет прямую, косвенную и суммарно-обозначающую формы изображения. Осуществление первой стратегии в рамках литературного произведения происходит путём художественного изображения внутреннего мира действующих персонажей, выражаемого посредством их внутренней речи, образов памяти и воображения. Косвенная форма психологического изображения, то есть анализ персонажа извне характеризуется психологической интерпретацией автором речевых, мимических, жестовых и других особенностей внешнего проявления психики персонажа. Под суммарно-

обозначающей формой понимается краткое обозначение происходящего во внутреннем мире героя через авторский комментарий. [3, 320-321].

Для осуществления психологического изображения в произведении писатель использует ряд приёмов, описанных А. Б. Есиным. Он выделяет: форму повествования, психологический анализ, представленный четырьмя основными формами (самоанализ, внутренний монолог, поток сознания и диалектика души), художественную деталь и умолчание [3, 321].

Каждый из представленных приёмов играет особую роль в психологизации повествования в зависимости от выбранной автором стратегии. Например, изображение персонажа изнутри невозможно без использования повествования от первого лица, что, в свою очередь, сопровождается применением одной из форм психологического анализа или их совокупностью. Следует отметить, что психологизация в художественном произведении имеет место быть, когда происходит глубокое и полное раскрытие внутреннего мира персонажа. Естественное, спонтанное, развернутое размышление героя представлено в форме *внутреннего монолога*, в котором обязательно сохраняется речевая манера персонажа. Когда мысли персонажа подчинены его внутренней логике и можно проследить, как он пришёл к тому или иному решению, можно говорить о диалектике души. Отличной формой психологического анализа является поток сознания, когда мысли хаотичны, никак не упорядочены и не связаны логически, «от текста к тексту, от когнитивного типа понимания к распрямляющему, это производит не стабильные застывшие схемы, а включает в их состав меру неопределённости, вариативности» [1].

Косвенное психологическое изображение, в свою очередь, происходит зачастую через описание внешности, жестов, мимики и речевых особенностей героев. Кроме того, внутренние переживания героя могут передаваться через описания пейзажа или интерьера. Таким образом, становится очевидным, что для воплощения данной стратегии психологизации применяются повествование от третьего лица и художественные детали. В данном конкретном случае рефлексия в понимании психологизма «не является предметной и осязаемой, она не ощутима в своей процессуальности, но до тех пор, пока реципиент не наталкивается на определённые трудности в понимании смысла, пока не рождается трансформация модификации/уточнения отношения актуализируемых квантов к ситуации при неудачах в коммуникативном акте, а затем исправление их в результате феноменологической рефлексии» [2, 56].

Писатель также может отказаться от описания переживаний персонажа напрямую или косвенно и вместо этого предоставить читателю возможность самостоятельно интерпретировать поведение и чувства героя. В этом случае применяется третья форма психологического изображения – суммарно-обозначающая, когда автор ограничивается кратким комментарием и тогда уже «многогранность и многомерность смысловых конструктов порожаемая многомерностью онтологических картин повторяет структуру сознания» [2, 57] автора и позволяет читателю самому вскрывать психоэмоциональный фон. Следовательно, основным приёмом, используемым для реализации данной стратегии, является умолчание.

Выбор или создание собственной стратегии психологизации в произведении зависит от авторского замысла. По мнению отечественных литературоведов, главной причиной психологизации повествования является тематика произведения и психологические особенности героев. Создавая внутренние монологи, автор обращает внимание на объективные черты личности, отличающие её от окружающих, делает возможным проследить внутреннее развитие героя. При этом объективная действительность переосмысливается писателем, преобразуется в произведении его опытом, взглядами, идеями. Таким образом, как отмечает А. Б. Есин, основным условием возникновения психологизма являются не объективные свойства характеров, а то, как они осмысливаются автором [4, 28].

Таким образом, мы приходим к выводу о возможности осуществления различных тактик психологизации через три основные формы психологического изображения – прямую, косвенную и суммарно-обозначающую. Для этого автор применяет ряд способов и приёмов психологизации, к которым относятся форма повествования, психологический анализ, художественная деталь и умолчание. Выбор и сочетание данных приёмов зависит от выбранной автором стратегии психологизации повествования, от его индивидуально-авторской картины мира и художественного замысла.

Список литературы/ References

1. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. – 2014. № 4. – URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=13920>
2. Бредихин С.Н. Константы интенциональности, субъективности и модальности в герменевтическом понимании смысла // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. № 3 (44). – С. 54–58.
3. Есин А. Б. Психологизм // в кн. Введение в литературоведение: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. шк., 2004. – 313-328 с.
4. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы: кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.
5. Золотухина О. Б. Эволюция психологизма Германа Гессе. – URL: <http://ebooks.grsu.by/zolotuhina/index.htm>
6. Лейтес Н. С. Конечное и бесконечное. Размышление о литературе XX века: мировидение и поэтика: учеб. пособие по спецкурсу. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993. – 120 с.
7. Проскурнин Б. М. Художественный психологизм до и после Фрейда (русский и зарубежный опыт). – URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenti/2008/vol1/3/5.pdf>
8. Энциклопедический словарь, 2009. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/es/>

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bredikhin S. N. Skhemopostroenie v ramkakh metaedinits germenevticheskogo protsessa ponimaniya i interpretatsii [Scheme derivation within metaunits of hermeneutic processes of understanding and interpretation] // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya [Modern problems of science and education]. – 2014. № 4. – URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=13920> [in Russian]

2. Bredikhin S.N. Konstanty intentsial'nosti, sub"ektivnosti i modal'nosti v germenevicheskom ponimanii smysla [Constants of intentionality, subjectivity and modality in hermeneutical conception of sense] // Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Questions of cognitive linguistics]. – 2015. № 3 (44). – S. 54–58. [in Russian]
3. Esin A. B. Psikhologizm [Psychologism] // v kn. Vvedenie v literaturovedenie: ucheb. posobie / pod red. L. V. Chernets [Lib. Introduction into literature studies: student training manual / ed. by L. V. Chernets]. – M.: Vyssh. shk., 2004. – 313-328 s. [in Russian]
4. Esin A. B. Psikhologizm russkoy klassicheskoy literatury: kn. dlya uchitelya [Psychologism of Russian classic literature: instructor's manual]. – M.: Prosveshchenie, 1988. – 176 s. [in Russian]
5. Zolotukhina O. B. Evolyutsiya psikhologizma Germana Gesse [Hermann Hesse's psychologism evolution]. – URL: <http://ebooks.grsu.by/zolotuhina/index.htm> [in Russian]
6. Leytes N. S. Konechnoe i beskonechnoe. Razmyshlenie o literature XX veka: mirovidenie i poetika: ucheb. posobie po spetskursu [Finite and eternal. Reflection on the literature of the XX century: worldview and poetics: student training manual on specialty course]. – Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 1993. – 120 s. [in Russian]
7. Proskurnin B. M. Khudozhestvennyy psikhologizm do i posle Freyda (russkiy i zarubezhnyy opyt) [Fictional psychologism before and after Freud (Russian and international experience)]. – URL: <http://philologicalstudies.org/dokumenty/2008/vol1/3/5.pdf> [in Russian]
8. Entsiklopedicheskiy slovar', 2009 [Encyclopedic dictionary, 2009]. – URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.120

Езан И.Е.¹, Неборская Л.Н.²¹ORCID: 0000-0002-7662-611X, Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет²ORCID: 0000-0001-8818-8404, Кандидат филологических наук, доцент,
Минский государственный лингвистический университет**ЭЛЛИПТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ В НЕМЕЦКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ****Аннотация**

Настоящая статья посвящена анализу особенностей синтаксиса немецкой разговорной речи, обусловленных такими характеристиками, как спонтанность, неофициальность и эмоциональность общения. Используя методы лингвистического описания и контекстного анализа диалогической интеракции, представленной в виде транскрипта аудиозаписи немецкого ток-шоу «Domian», были установлены типы элиминации компонентов в эллиптических конструкциях, всесторонне изучена их контекстная и ситуативная обусловленность. Несмотря на дискуссионность некоторых лингвистических понятий (неполное предложение, недвусоставное предложение, эллипс и т.д.) был обоснован выбор термина «эллипс», а также важность изучения эллиптических конструкций как средства экономии языковых средств без ущерба для содержания высказывания.

Ключевые слова: синтаксис немецкой разговорной речи; неполное предложение, эллипс, контекст, дихотомия устная-письменная, диалогическая интеракция, языковая экономия.

Ezan I.E.¹, Neborskaya L.N.²¹ORCID: 0000-0002-7662-611X, PhD in Philology, associate professor, Saint Petersburg State University²ORCID: 0000-0001-8818-8404, PhD in Philology, associate professor, Minsk State Linguistic University**ELLIPTIC STRUCTURES IN GERMAN CONVERSATIONAL SPEECH****Abstract**

This article analyzes syntactical peculiarities of the German conversational speech characterized by spontaneity, informality, and emotional communication. Using the methods of linguistic and context description of dialogic interaction, presented as a transcript of the German talk show «Domian», we distinguished types of components elimination in elliptical structures, comprehensively examined their contextual and situational conditionality. Despite the controversial nature of some linguistic concepts (incomplete sentence, ellipse, etc.) we justified the choice of the term "ellipse" and the importance of studying elliptic structures as a way of saving language means, without influence on the content of the utterance.

Keywords: syntax of German conversational speech; incomplete sentence, ellipse, context, dichotomy of oral-written form, dialogical interaction, linguistic economy.

Одной из основных особенностей устной разговорной речи в силу ее спонтанности, неподготовленности и ситуативности является трансформация объема высказывания, под которой понимается расширение или сокращение высказывания или добавление и опущение элементов предложения. В грамматической традиции с этими понятиями связаны понятия распространенного предложения и неполного предложения. Термин «неполное предложение» имеет давнюю традицию применения в отечественной германистике и русистике и является достаточно спорным и неоднозначным. Еще В.Д. Девкин предлагал заменить его термином «недвусоставное предложение», имея в виду «бесподлежащие предложения», «бессказуемностные предложения», «безобъектные предложения» и т.д. [2, С. 13]. Неполное предложение как термин представляется в определенном смысле универсальным, так как с его помощью можно описать любую конструкцию с элиминированными повторяющимися синтаксическими компонентами, возводимыми к одной пропозиции [4, С. 163]. По сути, такая трактовка напрямую соотносится с понятием эллипс и, соответственно, эллиптических предложений - «пропуск в речи или тексте подразумеваемой языковой единицы, структурная "неполнота" синтаксической конструкции» [1, С. 592]. Понятие «неполное

предложение» также не является традиционным в исследованиях по данной проблематике среди немецких лингвистов. Для такого типа конструкций более распространенным является обозначения «эллипс» и «эллиптическое предложение» („Ellipse“, „elliptischer Satz“). В рамках коммуникативной грамматики под эллипсисом понимаются ситуационно или контекстно обусловленные образцы речевого поведения. Ситуационная обусловленность речевого поведения индивидов «проникает» в формальную структуру и имплицитно «оставляет в ней следы». Это означает, что говорящий/пишущий и слушающий/читающий автоматически продуцируют и, соответственно, воспринимают эти эллиптические конструкции. Другими словами, говорящий предполагает, что его партнер по коммуникации точно в такой же степени как и он располагает знанием и вовлечен в ситуацию.

Следует заметить, что некоторые грамматисты оспаривают наличие в языке эллипсов как таковых, и обозначают эти конструкции как самостоятельные, регулярные, завершённые синтаксические формы, не являющиеся отклонением от нормы. Предлагаются следующие терминологические варианты: «компактные структуры» („kompakte Strukturen“), «высказывания, равноценные предложению» („satzwertige Äußerungen“), «предложения-эквиваленты» („Satzäquivalente“) [6, p.187].

Материалом для нашего мини-исследования послужил транскрипт аудиозаписи немецкого культового ток-шоу «Domian» от 26.11.2009, радиопередачи интерактивного характера. Транскрипт выполнен в соответствии с требованиями GAT TO/GAT 2 - системы транскрибирования для анализа устной речи [7].

Современные исследователи разговорной речи очень часто обращаются к модели П. Коха и В. Остеррайхера, к предложенной авторами концепции устной и письменной речи, представляющей собой дихотомию устности-письменности (Schriftlichkeit-Mündlichkeit). Согласно данной модели все произведения речи могут быть распределены между двумя полюсами - «концептуальная устность» (konzeptionelle Mündlichkeit) и «концептуальная письменность» (konzeptionelle Schriftlichkeit) [8].

Прототипическим проявлением «концептуальной устности» является спонтанная диалогическая интеракция между друзьями, родственниками и т.д., протекающая в режиме «здесь и сейчас». Ток-шоу «Domian», основанное на имитации диалога именно в формате доверительной беседы, позволяет интерпретировать данный вид диалогической интеракции между ведущим и слушателем как «концептуальную устность». Учитывая канал передачи информации, мы имеем дело с т.н. «медиаушной устностью» (medial mündlich). Телефонный разговор в рамках ток-шоу (своего рода служба «Телефон доверия») обладает, согласно П. Коху и В. Остеррайхеру, такими характеристиками, как интимность общения (рассказ о проблемах из личной жизни, ожидание понимания и помощи), высокая эмоциональность, коммуникативное сотрудничество, диалогичность, спонтанность, непредсказуемое развитие темы беседы, ситуативная вовлеченность партнеров по коммуникации [8, p.201].

Таким образом, анализ синтаксиса диалогической интеракции радио-ток-шоу выявляет определенные закономерности, описание которых представляют собой как теоретическую, так и практическую значимость [3].

Как показал анализ практического материала самым частотным типом элиминации является элиминация левого актанта (подлежащего), грамматически выраженного 1) первым лицом единственного числа. В данном случае презентная парадигма единственного числа достаточно хорошо дифференцируема морфологически и не требует обязательного местоименного обозначения, например:

DO (DOMIAN): möchte gerne mit euch über DIEses milieu sprechen

MA (MAIK): bin von den DROgen weg

DO: wünsch dir alles GUte weiterhin

MA: hab eben_da_so noch meine AUSbildung gemacht

2) Глагол начальной позиции в неполных предложениях может быть соотнесен и с субъектом во втором лице единственного числа: DO: äh hast eine faMilie / DO: warste da fünfzehn / DO: machst das seit drei JAHRen.

3) В качестве субъекта может выступать производитель действия – одушевленное лицо, грамматически выраженное в форме третьего лица единственного числа:

XE (XENIA): is suiZIDgefährdet

MA: sie hatte Finanzielle schwierigkeiten, hatte dann eben_da_so: äh ihre WOHNung verloren und so weiter

DO: die is MIT in die therapie gegangen;

MA: NE; is nich

CH (CHRIS): man TRIFFT sich halt irgendwo, fährt (-) mit denen: (-) irgendwo HIN

DO: hmhm

CH: lässt sich abholen

Согласно классификации эллипсов, предложенной К. Ганзель и Ф. Юргенсом, данный тип конструкции можно отнести к т.н. ситуационному эллипсу („Situative Ellipse“), а именно эллипсу лица („Person-Ellipse“) [6, p. 184].

Некоторые случаи начальной позиции глагола в неполных глагольных предложениях можно объяснить отсутствием субъектного местоимения *das* (*es*), указывающего на большие семантические единства, на предложения или группу предложений предыдущего или последующего текста. Таким образом, всё содержание предложения или группы предложений осмысливается как субъект неполного предложения. В классификации К. Ганзель и Ф. Юргенса это т.н. эллипс события („Ereignis-Ellipse“) [6, p. 185]: JU: <<lachend>> ja ich komm natürlich aus nem soZIALen beruf, is ja KLAR; ne?

Эллиптические предложения с глаголом в начальной позиции встречаются довольно часто, поэтому можно поставить вопрос о некоторой тенденции к их нормализации для данных условий общения. По П. Ауэру, все описанные типы начальной позиции глагола настолько частотны, что о них следует говорить уже как о надрегиональной особенности синтаксиса разговорного немецкого языка [5].

С обсужденным типом эллипса связана проблема их двоякой интерпретации: некоторые лингвисты трактуют такие конструкции в традиции русистики как односоставные определенно-личные предложения, обосновывая это тем, что речь идет о своеобразной «редукции» модели, явной «выводимости» актанта из предиката, которым он поглощен,

без явной опоры на контекст. Другие интерпретируют данную структуру как находящуюся на границе элиминации элементов модели предложения при реализации ее в некотором высказывании и редукции модели предложения, основанной на семантических отношениях между предикатом предложения и его актантами [4, С. 167].

Элиминация, ведущая к появлению эллиптических предложений, весьма продуктивна при построении развернутых текстов. Традиционно ее связывают с вопросно-ответными единствами, которые предполагают «неназывание» в ответной реплике всех элементов вопроса [4, С. 168].

В формате ток-шоу, основной целью которого является беседа как минимум двух коммуникантов, такие вопросно-ответные единства являются типичными. Одного названия предмета с вопросительной интонацией оказывается вполне достаточно, чтобы слушающий понял, «в какой связи находится данный предмет с теми или иными сторонами действительности» [2, С. 23]. Это могут быть как переспросы, уточняющие вопросы, так и неуверенная констатация, требующая подтверждения. Например:

DO: kann man sagen !NUR! sex mit prostituierten?

JU: ja NUR;

DO: NUR. also keine beZIEhung,

JU: ja

DO: kein: keine FREUNdin?

DO: und das in _nem SAUnacub? über INternet , oder äh auf der STRAße?

DO: zwanzig bis dreißig tausend euro im MONat? TEUres auto? äh: tolle WOHNung, oder äh: : luxuriöse wohnung,

JU: JA

DO: Elgentumswohnung?

Или:

DO: seit WANN draußen?

MI (MIMI): äh seit drei JAHren jetzt

DO: und _und äh wie lange hast du damals drin gearbeitet?

MI: eineinhalb JAHre

DO: was FÄHRste _denn für _en _wagen?

CH: nur n FORD

Приведенные примеры наглядно демонстрируют следующие типы элиминации: элиминация предиката и левого актанта (подлежащего), повтор элиминированных моделей в одной реплике, что свидетельствует об определенной эмоциональной реакции на реплику собеседника, когда происходит повтор вопросов в сопровождении специфической интонации, выражающей удивление, одобрение, неудовольствие, сомнение и т.д.

В транскрипции ток-шоу встречается также повтор части реплики собеседника:

JU: weil ich dann mit ihr so _ein paar KÖRper äh wahrnehmungssachen gema (h) cht ha (h) b; hahaha

DO: !KÖRperwahrnehmungssachen!

CH: nur n FORD

DO: n ford na oKAY

CH: vierRAUMwohnung;

DO: vierRAUMwohnung; Eigentumswohnung?

CH: JA. Nein MIEte;

DO: NEIN; MIEte

Вопросно-ответная структура разговорной речи предполагает еще один тип элиминации, а именно элиминацию предиката и всех актантов за исключением предикативного атрибута, выраженного либо именем прилагательным, либо наречием. Здесь предикативный атрибут относится к предыдущему высказыванию или подразумеваемому элементу речевой обстановки, а также выступает в роли добавления, предложения-эхо, уточняющего вопроса или ответа.

UW: äh: is mir zu inTIM;

DO: SCHWIErig

Весьма продуктивны в такого рода разговорной речи предложения, состоящие из модальных наречий.

DO: die WOLlen das;

JU: geNAU

Т.н. адъективные и адverbные предложения встречаются как в вопросительных, так и в ответных репликах:

DO: und JETZT? was machst du aktuELL?

JU: äh: (-) FREIberuflich; sagen wir mal SO

В немецкой разговорной речи встречаются эллиптические предложения с элиминированным финитным глаголом, основанные на элиминированных формах перфекта, плюсквамперфекта, пассива или на элиминации конструкции второго причастия с sein. Воспринимаемое как остаток временной или залоговой аналитической формы, причастие оказывается достаточным для вполне однозначного выражения самостоятельной мысли:

CH: und hab halt (--) MICH angeboten;

DO: hmhm

CH: dass ich MINderjährig bin, sondern halt (-) VOLLjährig, und (--) halt mal so _en bisschen geSPIELT

Кроме того, т.н. партиципные предложения могут выступать в виде эмоциональной реакции на сказанное, то есть как предложения-эхо:

DO: das heißt diese neun wochen haben dich KOMplett umgekrempelt,

MA: (natürlich) kom* KOMplett umgekrempelt.

Таким образом, понятие „неполное предложение“ и сопряженное с ним понятие „эллипс“ не следует отождествлять только с опущением компонентов структуры. Об опущении компонентов речь может идти с позиций

существования некой идеальной и абстрактной структуры предложения и без учета таких факторов, как тема, коммуникативная ситуация, отношения между коммуникативными партнерами и т.д. Во избежание несколько негативной коннотации, присущей самому слову „опущение“, более позитивным и подходящей представляется номинация „экономия языковых средств“, так как подобные структуры выполняют функцию полного отражения действительности при использовании минимума средств.

Список литературы/ References

1. Бельчиков Ю.А. Эллипсис / Ю.А. Бельчиков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь; под общ. ред. В.Н. Ярцевой. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2000. – С. 592.
2. Девкин В.Д. Особенности немецкой разговорной речи / В.Д. Девкин. – М. : Международные отношения, 1965. – 308 с.
3. Езан И.Е., Неборская Л.Н. Структурно-семантические особенности неполных предложений в немецкой разговорной речи / И.Е. Езан, Л.Н. Неборская // Сборник статей по материалам LXIII международной научно-практической конференции «В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии». – Новосибирск : Изд. АНС «СибАК», 2016. – № 8 (63). – С.52-62.
4. Зеленецкий А.Л., Новожилова О.В. Теория немецкого языкознания / А.Л. Зеленецкий, О.В. Новожилова. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 400 с.
5. Auer P. Zur Verbapitzenstellung im gesprochenen Deutsch / P. Auer. – Berlin : „Deutsche Sprache“, 1993. – № 23. – S.193 – 222.
6. Gansel Ch., Jürgens F. Textlinguistik und Textgrammatik / Ch. Gansel, F. Jürgens. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. – S. 184 – 188.
7. Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2 (GAT 2) [электронный ресурс] // Gesprächsforschung - Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion. – Mannheim: Verlag für Gesprächsforschung, 2009. – № 10 – S. 353-402. – URL: <http://www.gespraechsforschung-ozs.de/heft2009/px-gat2.pdf> (дата обращения: 28.10.2016)
8. Koch P., Oesterreicher W. Mündlichkeit und Schriftlichkeit von Texten / P. Koch, W. Oesterreicher // Textlinguistik. – Tübingen : Narr, 2008 – S. 199-215.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bel'chikov J.A. Ellipsis [Ellipce] / J.A. Bel'chikov // Jazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar'; edited by V.N. Jarceva [Linguistics. Great Encyclopedic Dictionary]. – 2nd edition. – М. : Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija, 2000. – p.592. [in Russian]
2. Devkin V.D. Osobennosti nemeckoj razgovornoj rechi. [Features of German conversational speech] / V.D. Devkin. – М. : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1965. – 308 p. [in Russian]
3. Ezan I.E., Neborskaja L.N. Strukturno-semanticheskie osobennosti nepolnyh predlozhenij v nemeckoj razgovornoj rechi [Structural-semantic features of incomplete sentences in the German conversational speech] / I.E. Ezan, L.N. Neborskaja // Sbornik statej po materialam LXIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii “V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii” [A collection of articles based on LXIII international scientific-practical conference “In the world of science and art: Philology questions, art and culture”]. – Novosibirsk: ANS “SibAK”, 2016. – № 8 (63). – p. 52-62. [in Russian]
4. Zeleneckij A.L., Novozhilova O.V. Teorija nemeckogo jazykoznanija [The theory of German Linguistics] / A.L. Zeleneckij, O.V. Novozhilova. – М.: Izdatel'skij centr “Akademija”, 2003. – 400 p. [in Russian]
5. Auer P. Zur Verbapitzenstellung im gesprochenen Deutsch [To the top position in spoken German] / P.Auer. – Berlin: „Deutsche Sprache“, 1993. – № 23. – S.193 – 222. [in German]
6. Gansel Ch., Jürgens F. Textlinguistik und Textgrammatik [Text linguistics and text grammar] / Ch. Gansel, F. Jürgens. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009. – S. 184 – 188. [in German]
7. Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2 (GAT 2) [Conversational analytic transcription system 2 (GAT 2)] [Electronic resource] // Gesprächsforschung - Online-Zeitschrift zur verbalen Interaktion [Conversation research - online journal for verbal interaction]. – Mannheim: Verlag für Gesprächsforschung, 2009. – № 10. – S. 353-402. –URL: <http://www.gespraechsforschung-ozs.de/heft2009/px-gat2.pdf> (accessed: 28.10.2016)
8. Koch P., Oesterreicher W. Mündlichkeit und Schriftlichkeit von Texten. [Verbality and writing of texts] / P.Koch, W. Oesterreicher // Textlinguistik [Textlinguistics]. – Tübingen: Narr, 2008. – S. 199-215. [in German]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.194

Коптева Г.Г.

ORCID: 0000-0002-0173-3586, Кандидат филологических наук,

Сибирский государственный университет путей сообщения

О МОТИВЕ РОДНИКА В ПОЭТИКЕ ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА**Аннотация**

В статье рассматривается несколько стихотворений Василия Федорова, посвященных роднику в окрестностях его родной деревни Марьевки, в которой прошло детство поэта, и которая навсегда стала для него самым главным местом в жизни. Именно там возникло у Федорова особенное – трепетное отношение к «малой родине» и ее водным объектам. Здесь выявляется также функциональное назначение родника с точки зрения мифопоэтической. Родниковая вода у Федорова архетипически способна и петь, и звенеть, и даже быть разумной. Но не это самое главное ее предназначение. Ее главная функция – очищение; и таковой же является, по его собственному решению, задача поэта в отношении марьевского родника. Да, родник способен освежить, обновить и тело человека, и душу, однако и сам периодически нуждается в очищении.

Ключевые слова: архетип; мотив; родник, субъект; мифопоэтический подход; сакральный; функция очищения; любовь к малой родине.

Kopteva G.G.

ORCID: 0000-0002-0173-3586, PhD in Philology,

Siberian Transport University

ABOUT MOTIVE OF A SPRING IN VASILY FEDOROV'S POETICS**Abstract**

In this article Vasily Fedorov's some poems, devoted to a spring in vicinities of his native village Maryevka, where the poet's childhood has passed and which for ever became his most important place in life, are considered. There has arisen at Федорова especial - the quivering attitude to « the small native land » and its water objects. Also functional purpose of a spring from the point of view of мифопоэтической Here comes to light. Spring water at Федорова архетипически is capable both to sing, and to ring, and even to be reasonable. But not this its most important applicability. Its main function - clarification; and those is, under its own decision, a problem of the poet concerning марьевского a spring. Yes, the spring is capable to freshen, update both a body of the person, and soul, however and itself periodically requires clarification.

Keywords: an archetype; motive; a spring, the subject; the myth and poetic approach; sacred; function of clarification; love to the small native land.

«В русской литературе, как и в славянской мифологии, и архетип, и мотив воды в большинстве случаев являются носителями поздних семантических пластов, то есть вода чаще всего выступает как **начало очищающее** (здесь и далее выделено мной – Г.К.) с утратой первоначальной диалектики падения-воскресения» [1, 190], – отмечает Н.Е. Меднис. В поэтике Василия Федорова вода (и родник – соответственно) сохраняет черты архетипа на уровне «авторского бессознательного» и становится мотивом, в качестве одного из элементов эстетической системы.

В свое время Леонид Решетников справедливо утверждал в одной из статей, что самым главным местом в жизни для Василия Федорова была его родная деревня Марьевка. Все пути-дороги, и мифопоэтические, в том числе, вели поэта, в конечном счете, именно туда. По мнению В.Н. Топорова, «движение по пути в мифопоэтическом пространстве превращает потенциальность пути в актуальную реальность и подтверждает ...доступность для каждого познания пространства, его освоения, достижения его сокровенных ценностей» [2, 487]. Такими сокровенными, навсегда актуальными ценностями для Василия Федорова являлись, среди прочих, водные объекты родного края: река, озеро, родник и т.п., с мотивикой которых, как правило, когезийно сплетаются в его творчестве мотивы человеческой озабоченности сохранностью природы, порой тяжело переживаемой вины перед нею, страха оставить любимые места «без присмотра». Одним из таких был марьевский родник. В контексте аксиологическом невозможно было бы говорить о нем как об объекте, так как для поэта он – личность, индивидуум «видящий, а не наблюдаемый, субъект, а не объект» [3, 19]; более того, родник этот обладает собственным голосом и сознанием. Рассмотрим несколько стихотворений поэта, посвященных ему.

Стихотворение «Звенит...» сообщает реципиенту, что у этого родника светлые глаза, где «в камешках-зрачках» отражается множество «дум заветных», и лицо у него «почти что человеческое», так что пройти мимо его запустения просто невозможно – ведь именно он роднит с «родимой природой» лирического героя стихотворения: «Он гибнет на миру, / Не зная сострадания. / Вот я его беру / На перевоспитанье. // Вновь делаю певцом, / Почти Козловским сразу, / Он просветлел лицом, / Прозрел десятиглазо» [4, с. 227]. Высокая одухотворенность, мифопоэтичность объекта (если не сказать «субъекта») подчеркивается концовкой стихотворения: «Как мило, / Как легко, / Как радостно с нехмурым / Общаться с родником, / Как с творческой натурой! // Хоть труд и небольшой, / Но, **лик** его очистив, / Добрался я душой / До самых главных истин. / Звени!...» [4, с. 227-228]. Добиться душой до самых главных истин – задача первоочередная для любого человеческого существа, и задача эта нелегкая, но оказывается, что путь к ее решению может лежать и через очищение источника в родном краю. Заметим, кстати, что русские слова *родной* и *родник* – однокоренные.

Слово «лик» как синоним лица часто встречается у Федорова в стихотворениях, посвященных природе (в первую очередь, марьевской); тем самым манифестируется в тексте особая сакральность ее, природы, составляющих, ведь лик это, изначально, – лицо на иконе. А сама процедура очищения родника фактически превращается в священный обряд, в процессе исполнения которого обретаются ключевые, главные для человеческой сути и сущности смыслы. Та же тема продолжает свое развитие в стихотворении «У родника». «Ты, мой родничок, – моя душа», – эти слова помогают

прочувствовать глубокое переживание лирического героя: «Бычки / Ни капли / Из него не выпили; / Ни капельки не выпив, / Ископытили, / Втоптали в грязь / Бесхитростный лоток, / Что я принес тебе / Взамен бетона...» [4, с. 229]. Указанный лоток герой принес сюда, чтобы сохранить родник от захирения, исчезновения с лица земли, которое может ему угрожать по причине человеческой небрежности. Вот если б тот «журчал на крымском юге», тогда его «одеди бы в бетон», а пока... бычки, которых привела сюда беспечная телятница, свели на нет все усилия марьевского поэта, так что нужно повторять всю процедуру снова: «Ну что ж, поправлю, / Что-то сдвину, сторону – / И закурлычет вновь / Твой вечный сток. // Но все-таки боюсь, / Всегда боюсь, / Когда я с ним / Надолго расstaюсь, / Боюсь, что без меня / И хан Гирея / Мой родничок / Однажды захиреет» [4, с. 229-230]. *Giréi* – династия ханов, правившая Крымским государством с начала XV века до присоединения его к Российской империи в 1783 году. Основателем династии был первый хан Крыма **Хаджи Гирей**. Вот если бы, по представлениям поэта, этот хан в свое время проживал и охотился в его родных местах, тогда в силу исторической значимости и марьевский родничок стал бы объектом особой сохранности; пока же его сакральность, скрытая красота и особая ценность остро ощутимы только лирическим героем (суть автором) стихотворения.

Оправданными представляются реципиенту опасения лирического героя, поскольку не у всякого человека, в том числе и проживающего в данном локусе, встретишь столь заботливое как у столетней «Кузьмихи», либо у самого Василия Федорова, отношение к земле и ее благам. Стихотворение «Кузьмиха» эксплицитно выявляет скрытую подоплеку особенного, трепетно-заботливого отношения Федорова к водным объектам родного края. С детских лет явилась для него примером, достойным подражания, одна из самых старых – столетних (!) жительниц его деревни: «На диво / Бородатым мужикам, / Она весь день / Помалу, помаленьку / То родники почистит, / То ступеньки / На спусках / К приозерным родникам. // Те родники, / Что родила гора, / Бежали к озеру, / Уже разумны, / Звенели, / Как натянутые струны / Под призрачной рукою гусяра» [4, 225]. *Разумны* – многозначительный эпитет, выявляющий, с одной стороны, качественное свойство воды как безличной мудрости, с другой, – важность того дела и долга, добровольно на себя взятого, которое периодически исполняла старая Кузьмиха. Иначе говоря, этот природный феномен – **родник** – обретал свою изначальную форму-содержание именно под ее руками. И это имело колоссальное значение в мире, поскольку в каждом роднике, по утверждению лирического субъекта, «есть тайна **жизни**». Для самой подслеповатой Кузьмихи «жизнь / Была уже темна, / Но на горе, / Прислушиваясь к пенью, / Вдруг обретала / Слух она и зренье, / Когда смолкала / Хоть одна струна. ... / Она спускалась с заступом, / Как другом, / Мудрила что-то над струной, / И та / Через минуту / Набухала звуком» [4, 225]. Родник, таким образом, поставлен поэтом в параллель с русским народным музыкальным инструментом, обладающим способностью и расслаблять и радовать. Исполнив работу, со своим вечным присловьем «Ин да!» старуха уносила домой свое «сухонькое тело».

**А в руслах
Родниковая вода,
Подобно гусям,
Пела, пела, пела!** [4, 225].

Итак, родниковая вода у Федорова архетипически способна и пить, и звенеть, и даже быть разумной. Но не это самое главное ее предназначение. В стихотворении – три лирических персонажа: старая Кузьмиха, родник и уже пятидесятилетний на момент речи лирический герой; и функциональные предназначения всех троих тождественны. Точнее, у них одна и та же функция в рамках данной лирической ситуации, эта функция – очищение. Да, родник способен освежить, обновить и тело человека, и душу, однако он и сам периодически нуждается в очищении, а иначе – «может умереть». Это понимает лирический герой, достигнувший возраста зрелости, если не сказать больше, и вот теперь уже «Кузьмixin заступ» – у него в руке. Функциональная параллель человека и родника подчеркивается заключительной строфой стихотворения: «В тени / Берегового закутка / Два голоса, / Две ноты трепетаний: / Один глубокий – / Из земной гортани, / Другой звончее – / С моего лотка» [4, 226]. Человеческий голос и голос родника мифопоэтически сливаются, таким образом, в единое музыкальное произведение, манифестирующее неразрывную связь человека и природы, ту связь, о которой люди часто забывают и которой неправомерно пренебрегают.

Мы рассмотрели три стихотворения поэта Василия Федорова, аксиологически объединенные одной идеей – очищения, сохранения природы, в широком смысле. В подборке «Назаркина гора» они помещены рядом и следуют друг за другом, лишь чуть в иной последовательности. Глубоко трепетное отношение Федорова к родникам (и не только) родного края когезивно связано с его постоянной и неискоренимой никакими испытаниями любовью к малой родине, к Родине вообще. Целый ряд его стихотворений посвящен водным объектам Мпарьевки и России – озерам, рекам, морям. Мотив воды в творчестве Федорова исследователями не рассматривался, поэтому работа в таком направлении может быть продолжена.

Список литературы/ References

1. Меднис Н.Е. Текст и его границы // Меднис Н.Е. Поэтика и семиотика русской литературы – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 232 с.
2. Топоров В.Н. Пространство и текст // Из работ Московского семиотического круга. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 455 -515
3. Меерсон О. Персонализм как поэтика: Литературный мир глазами его обитателей. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2009. – 432 с.
4. Федоров В.Д. На родине моей выпали снега... – Стихотворения и поэмы. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. – 264 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Mednis N.E. Tekst i ego granicy [Text and its borders] // Mednis N.E. Pojetika i semiotika russkoj literatury [Poetics and semiotics of the Russian literature]. – М.: Jazyki slavyanskoy kul'tury, 2011. – 232 p. [in Russian]

2. Toporov V.N. Prostranstvo i tekst [The space and the text] // Iz rabot Moskovskogo semioticheskogo kruga [From works of the Moscow semiotics circle]. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1997. – P. 455 -515 [in Russian]
3. Meerson O. Personalizm kak pojetika: Literaturnyj mir glazami ego obitatelej [Personalizm as poetics: The literary world through the eyes of its inhabitants]. – SPb.: Izdatel'stvo «Pushkinskij Dom», 2009. – 432 p. [in Russian]
4. Fedorov V.D. Na rodine moej povypali snega... – Stihotvorenija i pojemy [On my native land the snows have fallen... - Poems]. – Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. – 264 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.200

Кочетова Л.П.

Соискатель кафедры теории языка и русского языка
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИАЛОГ: СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА, ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ, ТЕКСТВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ М.А. ШОЛОХОВА)

Аннотация

Художественный диалог представляет собой идеализированную реальную речевую ситуацию, его языковую составляющую можно рассматривать в качестве своеобразного компромисса между двумя противоположными тенденциями – реалистично воссоздавать повседневное межличностное взаимодействие и быть интегрированной частью виртуального мира текстового произведения, в определенной степени конвенционализированной и стереотипной. Авторы вводят диалог в художественную канву текста для определенных целей – обеспечения дальнейшего разворачивания событийной линии повествования и раскрытия эмоционально-волевого состояния персонажа.

Ключевые слова: художественный диалог, прямая речь, косвенная речь, персонаж, читательские впечатления от текста, авторский замысел.

Kochetova L.P.

Postgraduate of language theory and the Russian language department,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

FICTION DIALOGUE: MEANINGFUL LOAD, PRAGMATIC FUNCTIONS, TEXTUAL ACTUALIZATION (ON THE MATERIAL OF M.A. SHOLOKHOV'S PROSE)

Abstract

Fiction dialogue is the idealized real speech situation, its linguistic component could be considered as the distinctive compromise between two opposing tendencies – to reproduce realistically the everyday interpersonal conversation and be the integral part of textual virtual world. To some degree it is conventionalized and stereotypical. The authors introduce dialogues in the literary textual outline for particular purposes – providing the further development of narrative eventful line and revealing the character's emotional and volitional state.

Keywords: fiction dialogue, direct speech, indirect speech, character, readers' impressions of the text, author's conception.

Важным смысловым сегментом художественного текста предстает то, что персонажи говорят друг другу: моделируемые автором диалоги дают возможность читателю познакомиться с интересами, целями, образом мышления участников событий и, более того, взаимоотношениями между персонажами. Наиболее яркая презентация речи обнаруживается в художественном диалоге, воспринимая который, читатель воображает, что слышит голоса персонажей. Прямая речь рассматривается в лингвистике текста как своеобразная норма репрезентации диалогов в художественном тексте, поскольку она вносит яркость в повествование, высвечивая его драматизм и характеризую образы персонажей в аксиологическом свете [1, С. 3]. В более детальном представлении художественный диалог, т.е. прямая речь персонажей, выполняет в тексте следующие функции:

1) прерывает поток общего повествования, замедляет развитие сюжета и концентрирует читательское внимание на определенном событии, оценочном отношении персонажей к этим событиям;

2) выявляет черты характера персонажей в соответствии с их речевым поведением, обеспечивает читателя возможностью судить о личностях персонажей с опорой на то, что о них говорят другие персонажи и как они реагируют на сказанное о них;

3) создает прагматический фон для формирования читательских впечатлений об исторической обстановке, актуализованной в повествовании: информация, выявляемая в диалогических взаимоотношениях, проливает свет на настроения и проблемы, материальные и духовные ценности общества, чья жизнь отражена в тексте.

4) способствует развитию сюжета: то, что персонажи говорят друг другу, может рассматриваться как важная составная часть разворачивания событийной линии повествования, поскольку сюжет реализуется не только в повествовательных сегментах текста, но и в диалогах персонажей.

В отношении последней функции прямой речи выдвигается также мнение, что, хотя художественный диалог способствует развитию сюжета, его главная смысловая нагрузка все же заключается в представлении психологических характеристик личностей персонажей. Ср.:

(1) «После ухода Бунчука Листницкий минут пять ходил молча, потом подошел к столу. Меркулов, косо наклонив голову, рисовал. Тонко очиненный карандаш стлал дымчатые тени. Лицо Бунчука, перерезанное обычной для него скупой, словно вынужденной улыбкой, смотрело с белого квадрата бумаги. – Сильная морда, – отводя руку с рисунком, сказал Меркулов и поднял на Листницкого глаза. – Ну, как? – спросил тот. – Черт его знает! –

догадываясь о существовании вопроса, ответил Меркулов. – Парень он странный, теперь объяснился, и многое стало ясным, а раньше я не знал, как его расшифровать. Знаешь, ведь он огромным успехом пользуется у казаков, в особенности у пулеметчиков. Ты не замечал этого? – Да, – как-то неопределенно ответил Листницкий» [2, С. 35].

Диалог, содержащийся в данном текстовом фрагменте, не сообщает читателю какую-либо информацию о текущем развитии сюжета художественного повествования, прямая речь репрезентируется рассказчиком (за которым скрывается имплицитный автор [3, С. 237], [4, С. 114]) в целях дать характеристику взаимоотношений между персонажами.

В лингвистике текста понятие «художественный диалог» используется для обозначения тех сегментов текста, в которых репрезентируется прямая речь персонажей, включая глаголы или глагольные сочетания, вводящие эту речь [5, С. 38]. Термин «прямая речь» определяется как последовательность высказываний, воспринимаемая читателями в качестве дословного отражения слов и структур, которые используются персонажами для выражения мыслей и чувств. Художественный диалог дословно воспроизводит прямую речь персонажей, которую они, по замыслу автора, инициируют в воображаемом мире текста. Он может быть описан как авторская попытка художественно отразить функционирование естественного повседневного (идеального) языка на уровне речевого взаимодействия персонажей, как иллюзия спонтанного разговора между реальными индивидами.

В связи с этим можно полагать, что художественный диалог в определенной степени является изоморфным естественному взаимодействию собеседников в реальном мире (более подробно об этом см. [6, С. 1022]). Естественный диалог характеризуется исследователями такими параметрами, как наличие грамматических непоследовательностей, смысловая и структурная незавершенность, спонтанная смена тем обсуждения [7], [8]. Подобные характеристики намеренно задействуются авторами художественных текстов при конструировании прямой речи персонажей для производства различного рода коммуникативных эффектов – отражения эмоционального состояния персонажей, их желания тщательно взвешивать произносимые слова и т.д.

На первый взгляд, художественный диалог имеет много общего с естественным взаимодействием собеседников в реальных ситуациях, отражает его сущностные признаки. Так, в примере (2) фрагмент диалогического общения персонажей выявляет связную последовательность утверждений и суждений, восклицательных экспрессивных высказываний, лексику разговорного и диалектного характера, прагматические маркеры, которые указывают на спонтанность общения:

(2) *«Большой изжелта-красный сазан поднялся на поверхность, вспенил воду и, угнув тупую лобастую голову, опять шархнул вглубь. – Давит, аж рука занемела... Нет, погоди! – Держи, Гришка! – Держу-у-у! – Гляди, под баркас не пуцай!.. Гляди! Переводя дух, подвел Григорий к баркасу лежащего на боку сазана. Старик сунул было с черпалом, но сазан, напрягая последние силы, вновь ушел в глубину. – Голову ему подымай! Нехай глотнет ветру, он помирнеет»* [2, С. 123].

Речевые особенности анализируемого текстового фрагмента объективно воспроизводят лингвистическую реальность с учетом временного, пространственного и социального факторов. Читатель воспринимает диалог персонажей как достоверный, типичный для изображаемых в тексте событий.

Прагматические условия порождения повседневного диалога в рамках реальной действительности отличаются иным характером. Диалог как совместная речевая деятельность собеседников – источник и механизм решения бесконечного множества неречевых задач и иллюкативных целей. Показателем реального диалога, как указывают исследователи, выступает высокая степень неясности выражения намерений собеседников; слово, воспроизведенное в условиях реального речевого взаимодействия, в большей степени предопределено контекстом текущей ситуации общения [9, С. 283], [10, С. 258]. Язык повседневного реального общения оказывается контекстуально зависимым от экстралингвистической информации [11, С. 133], которая на уровне художественного текстового воплощения получает сознательное и эксплицитное выражение с опорой на определенные языковые средства. Диалог в художественном тексте является более информативным, чем повседневное реальное общение, поскольку имманентно связан с поступательным развитием сюжета текстового произведения.

В этой связи художественный диалог может быть представлен такими прагматическими разновидностями, как:

- конфронтационный диалог: ссоры, обсуждения, в которых персонажи обнаруживаются в явной или скрытой оппозиции по отношению друг к другу;
- инструктирующий диалог, в которых персонажи сообщают друг другу информацию о политических событиях, технических достижениях, событиях, важных для читательского понимания сюжета текста;
- сотруднический диалог, который содержит последовательность стимулирующих и реагирующих реплик, в совокупности выявляющих информацию о текущих повествовательных событиях, личностях персонажей и характере их взаимоотношений.

Согласно нашим наблюдениям, подавляющее большинство художественных диалогов манифестируют собой оптимальное комбинирование указанных трех типов. Поэтому считаем целесообразным трактовать конфронтационный, инструктирующий и сотруднический разновидности речевого общения персонажей как соответствующие функции художественного диалога, которые одновременно могут проявляться в текстовом произведении. Данные функции диалога проливают свет на прагматический тип взаимоотношений между персонажами, их социальные, языковые и психологические личности, способствуют созданию в тексте информационного фона, интерпретируя который, читатель извлекает информацию о социально-психологических реалиях общества, запечатленного в тексте. С опорой на художественный диалог автор программирует перспективу читательского восприятия текста.

В тот или иной момент разворачивания событийной линии текста рассказчик осуществляет выбор между диалогом и повествованием описательного характера, комбинируя данные художественные техники отражения внутреннего мира персонажа. Прямая речь, как мы указали выше, является нормой для презентации речи персонажа. И поскольку она является нормой, то должны обнаруживаться весовые факторы для ее нарушения. Выявляются

определенные основания того, почему другие формы представления речевой деятельности персонажей оказываются для рассказчика более оптимальными, чем прямая речь.

Например, воспроизведение речевых актов рассказчика может обеспечивать минимальное суммирование не выраженных явно высказываний персонажей, т.е. служить как, своего рода, повествовательный фон в случае, если форма и содержание соответствующих высказываний предстает относительно несущественной для развития событийной линии текста, конструируя «задний план» для более оптимальных дискурсивно-презентационных форматов повествования. Ср.:

(3) «Бунчук кончил умыванье и, растирая лицо черствым холстинным полотенцем, сказал: – Я перед уходом высказал офицерам свои взгляды... Знаешь, смешно так вышло... После моего ухода пулеметчиков, несомненно, будут трясти, может быть, кто-либо из ребят под суд пойдет, но раз доказательств нет, какой разговор? Я надеюсь, что их рассеют по разным частям, а нам это на руку: пусть оплодотворяют почву... Ах, какие ребятки там есть! Кремневой породы. – Я получил от Степана записку. Просит прислать парня, знающего в военном деле. Ты поедешь к нему. Но вот как с документами? Удастся ли? – Какая работа у него? – спросил Бунчук и поднялся на цыпочки, вешая на гвоздь полотенце. – Инструктировать ребят. А ты все не растешь? – улыбнулся хозяин. – Незачем, – отмахнулся Бунчук. – Особенно при теперешнем моем положении. Мне надо быть с гороховый стручок ростом, чтобы не так заметно было. **Они проговорили до серой зорьки.** А через день Бунчук, переодетый и подкрашенный до неузнаваемости, с документами на имя солдата 441-го Оршанского полка Николая Ухватава, получившего чистую отставку по случаю ранения в грудь, вышел из местечка, направляясь на станцию» [2, С. 64].

За прямой речью персонажей, выявляющей важную для читателей информацию, следует описательное представление последующей речевой деятельности этих персонажей. Возможно, рассказчик посчитал, что содержание дальнейшего диалога персонажей является несущественным для читателя, поскольку не отражает событийную линию текущего повествования, а поэтому он вводит описательное представление последующего речевого взаимодействия персонажей, делая акцент на его длительности. Очевидно, что в данном случае важным оказывается не содержание разговора, а его длительность, что отражает дружеский характер взаимоотношений между персонажами.

В рамках презентации речевой деятельности персонажей рассказчик отдает приоритет косвенной речи, если для контекста повествования существенным оказывается пропозициональное содержание диалога, а не его лексико-грамматическая форма (как это имеет место в случае актуализации прямой речи). В художественном тексте косвенная и прямая речь формируют своеобразный контраст, поскольку отражают дискурсивный сдвиг от точки зрения рассказчика – к выражению непосредственного мнения персонажа. Прямая речь дает возможность персонажам говорить за себя, косвенная речь в определенной степени предполагает интерпретацию речи персонажей со стороны рассказчика. Прямая и косвенная речь могут комбинироваться рассказчиком в рамках взаимосвязанных высказываний. Например:

(4) «В этот же день вечером Листницкий в разговоре с офицерами своей сотни и других сотен остро и прямо поставил вопрос: с кем они идут? – Господа офицеры! – говорил он со сдержанным волнением. – Мы живем дружной семьей. Мы знаем, что представляет каждый из нас, но до сей поры многие большие вопросы между нами остались невырешенными. И вот именно теперь, когда отчетливо намечаются перспективы расхождения верховного с правительством, нам необходимо ребром поставить вопрос: с кем и за кого мы? Давайте же поговорим по-товарищески, не кривя душой...» [2, С. 237].

Предваряя прямую речь персонажа, рассказчик суммирует ее в форме косвенной речи, а затем право голоса непосредственно предоставляет персонажу. Очевидно, что данная речь занимает в тексте сильную смысловую позицию, а поэтому от краткого суммирования ее пропозиционального содержания (в форме косвенной речи), рассказчик переходит к обнародованию ее лексико-грамматической выраженности (в форме прямой речи). При актуализации косвенной речи читатель ощущает значительную дистанцию между ним и персонажем, определенную степень психологической отчужденности. Вследствие этого, поскольку речь персонажа важна для читательского осмысления идейной направленности текста, рассказчик дублирует изложение пропозиционального содержания этой речи ее непосредственным воспроизведением. Повтор высказываний персонажа в формах косвенной и прямой речи дает возможность рассказчику сделать логический акцент на их значимости, сфокусировать читательское внимание на них.

Таким образом, различные формы презентации речи персонажей избираются рассказчиком не случайно, их актуализация предопределяется определенными стилистическими основаниями, необходимостью нахождения оптимальных способов разворачивания событийной линии художественного текста, намеренностью процессов управления читательскими впечатлениями от текста. В частности, прямая речь задействуется рассказчиком для отражения индивидуальности речевой деятельности персонажа, характеристики образов персонажей и последующего разворачивания событийной линии художественного текста.

Список литературы/ References

1. Кудряшов И.А. Феномен коммуникативной свободы в устном и письменном дискурсе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 43 с.
2. Шолохов Н.А. Тихий Дон. М.: АСТ, 2015. Т.2. 928 с.
3. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Проблема выражения точки зрения автора и персонажа-рассказчика в художественном тексте // European Social Science Journal. 2013. № 8–1(35). С. 235–242.
4. Kudryashov I.A. Character and author images as the central literary text categories // Вопросы. Ответы. Гипотезы: наука XXI века: Сборник научных докладов. Варшава: Sp. z.o.o. «Diamond trading tour», 2014. С. 113–114.
5. Предложение и текст: системность и функциональность. Коллективная монография. Ростов-на-Дону: АкадемЛит, 2015. 412 с.
6. Головинова П.А., Кудряшов И.А. Косвенный экспрессивный акт как отражение эмоционального опыта говорящего субъекта в диалогическом взаимодействии // В мире научных открытий. 2015. № 11.2(71). С. 1020–1028.

7. Котова Н.С., Кудряшов И.А. Эпистемический статус собеседников и эвиденциальные средства его манифестации в диалогическом взаимодействии // В мире научных открытий. 2015. № 11.2(71). С. 1084–1095.

8. Головинова П.А., Кудряшов И.А. Проблема дифференциации прямых и косвенных экспрессивных актов в аспекте соотношения информационного и иллокутивного модулей // Евразийский союз ученых. 2015. № 10–3(19). С. 95–98.

9. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Диалогическое движение в современной лингвистике: прагматическое исследование личности в информационном обществе // Социокультурные среды и коммуникативные стратегии информационного общества: Труды Международной научно-теоретической конференции. СПб: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015. С. 281–289.

10. Кудряшов И.А., Головинова П.А. Проблема категоризации эмоционального состояния субъекта диалогической речи в современной лингвистике // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 12(52). С. 256–261.

11. Кудряшов И.А., Макова Т.А. Косвенный комиссивный акт как реакция на побудительный стимул в диалоге // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: Материалы III-й Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Донское книжное издательство, 2013. С. 132–138.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kudrjashov I.A. Fenomen komunikativnoy svobody v ustnom i pis'mennom diskurse [Phenomenon of communicative freedom in oral and written discourse]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 2005. 43 s. [in Russian]

2. Sholohov M.A. Tihij Don [The quiet flows the Don]. M.: AST, 2015. T.2. 928 s. [in Russian]

3. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Problema vyrazheniya tochki zreniya avtora i personazha-rasskazchika v hudozhestvennom tekste [Author and character-narrator's point of view expressing problem in the literary text] // European Social Science Journal. 2013. # 8–1(35). S. 235–242. [in Russian]

4. Kudrjashov I.A. Character and author images as the central literary text categories // Voprosy. Otveti. Gipotezy: nauka XXI veka: Sbornik nauchnykh dokladov. Varshava: Sp. z.o.o. «Diamond trading tour», 2014. S. 113–114.

5. Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funktsional'nost' [Sentence and text: consistency and functionality]. Kollektivnaya monografiya [Collective monograph]. Rostov-na-Donu: AkademLit, 2015. 412 s. [in Russian]

6. Golovinova P.A., Kudrjashov I.A. Kosvennyy jekspressivnyy akt kak otrazhenie jemotsional'nogo opyta govorjashhego sub'ekta v dialogicheskom vzaimodejstvii [Indirect expressive act as the reflection of speaker's emotional experience in dialogic interaction] // V mire nauchnykh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2015. # 11.2(71). S. 1020–1028. [in Russian]

7. Kotova N.S., Kudrjashov I.A. Jepistemicheskij status sobesednikov i jevidencial'nye sredstva ego manifestacii v dialogicheskom vzaimodejstvii [Interlocutors' epistemic status and evidential means of its manifestation in dialogic interaction] // V mire nauchnykh otkrytij [In the world of scientific discoveries]. 2015. # 11.2(71). S. 1084–1095. [in Russian]

8. Golovinova P.A., Kudrjashov I.A. Problema differenciacii prjamyh i kosvennyh jekspressivnyh aktov v aspekte sootnosheniya informacionnogo i illokutivnogo modulej [The problem of differentiating direct and indirect expressive acts in the aspect of informative and illocutive module correlation] // Evrazijskij sojuz uchenykh [Scientists'Eurasian Union]. 2015. # 10–3(19). S. 95–98. [in Russian]

9. Klemenova E.N., Kudrjashov I.A. Dialogicheskoe dvizhenie v sovremennoj lingvistike: pragmaticheskoe issledovanie lichnosti v informacionnom obshhestve [Dialogic movement in contemporary linguistics: personality pragmatic investigation in informative society] // Sociokul'turnye sredy i kommunikativnye strategii informacionnogo obshhestva [Social and cultural spheres and communicative strategies of informative society] : Trudy Mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii. SPb: Sankt-Peterburgskij politehnicheskij universitet Petra Velikogo, 2015. S. 281–289. [in Russian]

10. Kudrjashov I.A., Golovinova P.A. Problema kategorizacii jemotsional'nogo sostojaniya sub'ekta dialogicheskoy rechi v sovremennoj lingvistike [Categorization problem of emotional state dialogic speech subject in contemporary linguistics] // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanitarian scientific investigations]. 2015. # 12(52). S. 256–261. [in Russian]

11. Kudrjashov I.A., Makova T.A. Kosvennyy komissivnyy akt kak reakcija na pobuditel'nyj stimul v dialoge [Indirect commissive act as a reaction to imperative stimulus in the dialogue] // Jazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstvija [Language and law: actual problems of interaction]: Materialy III-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov-na-Donu: Donskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. S. 132–138. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.032

Крюкова Е.И.

ORCID: 0000-0002-8055-7460, Кандидат филологических наук, Доцент

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК СРЕДСТВА УПРОЩЕНИЯ ПРОЦЕССА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**Аннотация**

В настоящей статье рассматривается роль литературных исследований как средства упрощения процесса межкультурной коммуникации, основываясь на идеях Дж. Каллера, Л. Гроссберга, С. Нельсона, П. Трайхера, Э. Истопа и других. Проведение исследований в области различных культур является актуальным для гуманитарных наук начала 21 века. В статье подчеркивается тесная взаимосвязь культурных и литературных исследований. Доказывается, что литературные исследования обрабатывают культурные артефакты как "тексты", которые будут считаны и интерпретированы соответствующим образом. В заключении автор приходит к выводу о роли литературы в контексте культурных исследований как определенного речевого действия и /или текстового события

Ключевые слова: литературные исследования, межкультурная коммуникация, значение, интерпретация, культурные исследования.

Kryukova E.I.

ORCID: 0000-0002-8055-7460, PhD in Philology, Associate Professor

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

LITERARY STUDIES AS THE MEANS OF FACILITATING CROSS-CULTURAL COMMUNICATION**Abstract**

The article deals with literary studies as the means of facilitating cross-cultural communication. It is based on the ideas of J. Culler, L. Grossberg, C. Nelson, P. Treicher, A. Easthope and others. The author defines cultural studies as the major activity in the Humanities of the current century arose out of literary studies as the application of techniques of literary analysis to other cultural materials. It is proved that literary studies treats cultural artifacts as "texts" to be read rather than objects that are simply there to be counted. In conclusion the present paper summarizes that when dealing with the problems of literary studies in view of the means of cross-cultural communication, we might define literature as a speech act or textual event that elicits certain kind of attention.

Keywords: literary studies, cross-cultural communication, meaning, interpretation, cultural studies.

Introduction

Cultural studies as the major activity in the Humanities in the 2000s has enormously enriched the study of literary work. The field of cultural studies has become widely interdisciplinary and difficult to define. The project of cultural studies in its broadest conception is to understand functioning of culture, particularly in the modern world is how cultural productions work and how cultural identities are constructed and organized, for individuals and groups, in the world of diverse and intermingled communities, state power, media industries and multinational corporations. In principle cultural studies includes and encompasses literary studies, examining literature as a particular cultural practice. Cultural studies arose out of literary studies and in principle there is no conflict between literary and cultural studies. Cultural studies arose as the application of techniques of literary analysis to other cultural materials. It treats cultural artifacts as "texts" to be read rather than objects that are simply there to be counted [1, 43-55; 2; 3, 2-4].

So, *the aim* of the present article is to prove that literary studies may gain when literature is studied as a particular cultural practice and works are related to other discourses. In principle cultural studies, with its insistence on studying literature as one signifying practice among others, and on examining the cultural roles with which literature has been invested, can intensify the study of literature as a complex intertextual phenomenon [4, 109].

Material and Methods

Arguments about the relation between literary and cultural studies can be grouped around two broad topics: 1) what is called the "literary canon" (the works regularly studied in schools and universities and deemed to form "our literary heritage"); 2) the appropriate methods for analysing cultural objects.

Literature that is widely taught today includes writings by women and members of other historically marginalised groups. These writings are often studied as representations of the experience and thus culture of the people in question (in the US, of Afro-Americans, Asian Americans, Native Americans and African Latinos, as well as women). Such writings thought bring to the fore questions about how far literature creates the culture it is said to express or represent. Is culture the effect of representation rather than their source or cause?

There are three lines of response to such questions. The first is that "literary excellence" has never determined what it studies (what has changed is an interest in choosing works to represent a range of cultural experience as well as a range of literary forms).

Second, application of the criterion of literary excellence has historically been compromised by non-literary criteria involving race, gender, for instance. Finally, the notion of literary excellence itself has been subjected to debate: does it enshrine particular cultural interests and purposes as if they were the only standard of literary evaluation?

As for the models of analysing in literary and cultural studies, when cultural studies was a renegade from literary studies, it applied literary analyses to other cultural materials. Freed from the principle that has long governed literary studies (that the main point of interest is distinctive complexity of individual works) cultural studies could easily become a kind of non-quantitative sociology, treating works as instances or symptoms of something else rather than of interest in themselves.

The suspension of the demand for immediate intelligibility, the willingness to work at the boundaries of meaning operating oneself to unexpected, productive effects of language and imagination, and the interest in how the meaning and pleasure are produced – these dispositions are particularly valuable, not just for reading literature but also for considering other cultural phenomena, though it is literary study that makes these readings practices available.

Discussion

Now let us turn to the conception of culture. There are valid meanings of the word "culture". It may be – intellectually and socially "cultured" person, it may refer to the arts – literature, painting, the opera, etc. The word "culture" means as well – an integral system of learned behaviour patterns that are characteristic of the members of any given society. Culture is the total way of life of any group of people. When these patterns of culture, which are built into each other of us, encounter other and different patterns of culture (as occurs when you go from your own culture group to live in another, for example), conflict, dissonance, and disorientation are the almost inevitable results. One of the key points here is that every culture is ethnocentric, it thinks its own solutions are superior and would be recognized. To each group, their own view of the world appears to be the "common sense", or "natural" view. For example, let us take Americans and the cultural characteristics of cleanliness (Gr. Green mocked in his "The Quiet American"). Americans consider themselves among the cleanest people in the world and they are quick to criticize many other cultures as being "dirty". But consider the following:

1. When American bathe, they soak, wash and rinse their bodies in the same water (they would never wash clothes and dishes that way). The Japanese who use different water for each step, find the American way of bathing hard to understand and even dirty.
2. A Hindu from India considers it "dirty" to eat with knives, forks, or spoons instead of with his own clean fingers.
3. Is it dirty to spit and blew your nose on the street or to carry it around with you in a little piece of cloth which you keep in your pocket?
4. Many people in the world cannot understand why in so many American homes the toilet is placed so near the kitchen.

Of course we recognize that in any culture consisting of a large number of people, the whole range of possible human values and behaviors will probably be found, if only in a few individuals. When we talk of American or French or Chinese values we mean those which predominate within that group, sometimes we make preconceived stereotypes about the nations, we generalize by using the past incidents to predict the behavior of the nationality. We may ever generalize and arrive, for example at a more broad attitudes, like "time is money" – the Western approach, and "time is fluid" – the Eastern approach.

By lowering our defenses and viewing ourselves through the eyes of the people from other cultures – from what is called the "cross-cultural" perspective – we can get a strikingly refreshing view of ourselves. We believe that every culture has a rough balance between positive and negative aspects along with the positive in the process of examining a culture or value system does not constitute an attack on that culture. For me to become more aware of my cultural self in its fullest dimensions is a source of strength because it reinforces my real worth rather than ethnocentric view of reality.

Communication takes place in the medium of one's culture, which facilitates and reinforces it but also hides it. We stumble over it continuously – even if we have learned the language. That's because not only do languages vary from country to country, but so do communication styles and, especially, codes of non-verbal communication. Also, words do not always translate from one language to another exactly as we would like.

"Perception" is at the heart of cross-cultural communication. We misperceive, misinterpret and misunderstand each other all the time, even when we share many values, attitudes, beliefs and ways of doing, being and thinking. When you are in your own culture there are dozens of little clues which help to convey meaning – gestures, facial expressions, body language, eye contact, voice inflections – all occur automatically and are interpreted immediately without conscious thought. Cross-cultural communication is a medium for finding out what expectations are creating trust and communicating sincerity and good will. It is a method of anticipating problems and solving them. It is a channel for reaching out and establishing links with people.

Conclusion

If we now return to the problems of literary studies in view of the means of cross-cultural communication we might define literature as a speech act or textual event that elicits certain kind of attention. When reading a book, readers interpret it to themselves, they do it formally when they talk to their friends about a book (interpretation may involve playing "the game": so what is this work about?). This question is appropriate even for simple texts. As for models of interpretation they are the accounts of what they take to be particularly important to cultural studies. In our case the mode of interpretation should be mapped into our target-facilitating cross-cultural communication. What is very important in this – is not the answer you come up with (answers may be predictable). It is important how you get there, what you do with the details of the text.

Список литературы/ References

1. Culler J. Literary Theory: A Very Short Introduction. Oxford, 2006. P. 43-69.
2. Easthope A. Literary into Cultural Studies. London: Routledge, 1991. P.109.
3. Grossberg L., Nelson C., Treichler P. Cultural Studies. New York: Routledge, 1992. P.2-4.
4. Klein R. Cigarettes are Sublime // Cultural studies. Durham, NC: Duke University Press, 1993.
5. Klein R. Eat Fat // Cultural studies. New York: Pantheon, 1996.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.036

Лазаревич С.В.¹, Ерофеева А.В.², Хайбулина Д.Р.³¹ORCID: 0000-0001-6950-0327, кандидат филологических наук, доцент,ФБГОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е.Алексеева»,
доцент кафедры «Иностранные языки»ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И.Лобачевского», факультет "Высшая школа общей и прикладной физики",²ORCID: 0000-0002-2990-5087, доцент кафедры «Иностранные языки»,

ФБГОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е.Алексеева»,

³ORCID: 0000-0002-7400-3066, старший преподаватель ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского»,
факультет "Высшая школа общей и прикладной физики"**РОЛЬ ИЗУЧЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА В СОВРЕМЕННОМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ****Аннотация**

Целью данной статьи является описание жаргонизмов с оценочным значением, активно используемых англоговорящей молодежью, а также важность изучения данного пласта лексики в современных условиях. При этом выделяются следующие тематические группы: внешность человека, внутренний мир человека, социальный статус, расовые проблемы, национальность, межличностные отношения, гендерные проблемы, наркотики и алкоголь. Наиболее продуктивными являются тематические подгруппы: алкоголь, наркотики и гендерные отношения. Основным методом исследования является описательный метод с приведением примеров сленгизмов, имеющих оценочное значение в современном молодежном сленге английского языка.

Ключевые слова: сленг, сема, тематическая группа, жаргон, социолект, аббревиатура.

Lazarevich S.V.¹, Erofeeva A.V.², Khaybulina D.R.³¹ORCID: 0000-0001-6950-0327, PhD, assistant professor, Nizhny Novgorod State Technical University, «Foreign Languages» department in Nizhny Novgorod; assistant professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN),
Advanced School of General and Applied Physics,²ORCID: 0000-0002-2990-5087, PhD, assistant professor, Nizhny Novgorod State Technical University,
«Foreign Languages» department,³ORCID: 0000-0002-7400-3066, senior teacher, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN),
Advanced School of General and Applied Physics in Nizhny Novgorod**THE ROLE OF YOUTH ENGLISH SLANG STUDY IN MODERN EDUCATIONAL PROCESS****Abstract**

The aim of this article is to describe slang words, which are widely used by modern youngsters. Due to the common usage of this part of the language it's very important for the learners to get to know such lexemes. We emphasize the following theme groups: appearance, inner world, social background, race problems, nationality, interpersonal relations, gender problems, drug abuse and alcohol. The most productive theme groups are gender problems, drug abuse and alcohol. We used the descriptive method of the research and showed the examples of widely spread slang words with evaluative meaning, which are often used by English speaking young people.

Keywords: slang, seme, theme group, jargon, sociolect, abbreviation.

Одной из задач данной статьи является задача изучения развития эмоциональной и коммуникативной компетенции в освоении английского языка. Навыки владения разговорным английским языком необходимы для работы в молодежных международных проектах при разработке планов различного рода сотрудничества.

Подготовка специалистов в настоящее время актуализирует способность к свободному общению с партнерами на английском языке. Важным психологическим конструктом, влияющим на характер взаимопонимания участников диалогового общения, служит эмоционально-экспрессивная коннотация. Обучение коммуникативным навыкам и умениям способствуют установлению межличностного взаимодействия с окружающими. Развитие эмоционально-волевой сферы способствует снижению агрессивности, импульсивности, конфликтности, а также способствует повышению уверенности в себе и собственных силах, развитию коммуникативной сферы, формированию потребности в общении, развитию эмоционального интеллекта средствами английского языка.

Данные научных исследований и практика вузовской подготовки свидетельствует о трудностях, возникающих на уровне межличностного понимания и общения на иностранном языке в связи с активным использованием сленгизмов. Активен процесс перехода сленгизмов в литературный язык. Все большие и большие слои населения активно используют сленгизмы и жаргонизмы вместо литературных слов. Современное изучение предполагает знание разговорного пласта языка, общение с людьми, навыки работы в группе, владение большим количеством социальных ролей, обеспечивающих развитие коммуникативной компетенции, выделяет диалогическое взаимодействие, активизацию методов обучения и гуманизацию образовательного процесса.

Учитывая процессуальный характер развития иноязычной языковой компетентности, мы полагаем, что основой ее становления может стать развитие эмоционального интеллекта средствами иностранного языка.

Эмоциональное самосознание и эмоциональный самоконтроль в ходе общения распознает эмоции и может оценить их действие. Развитие социальной чуткости — это проявление интереса к другим и готовность помочь, способность побудить к действию.

В ранней юности у многих учащихся исследователи отмечают тенденцию подчеркнуть собственную индивидуальность, непохожесть на других. Это выражается в активном использовании сленговых образований. Широкое распространение молодежного сленга свидетельствует о крайнем лингвоцентризме современной молодежи.

Знание о Человеке с его свойствами и возможностями, достоинствами и недостатками обретает личностный смысл в процессе общения. В связи с этим на уроках иностранного языка живейшую реакцию вызывает проблематика межличностных отношений, чувств, в особенности те моменты, когда необходимо осмыслить и оценить нравственную позицию личности.

Регистр сленговых коннотаций в русском и английском жаргонах весьма широк: от ласкательно-уменьшительных до пейоративного. Compliment и похвала играют разные роли в диалоговом общении. Похвала — это позитивная оценка деятельности или подкрепление в ходе успешной работы. Compliment — это способ выразить одобрение независимо от того, что человек сделал. Развитие эмоционального интеллекта студентов с решением общеобразовательных и предметных задач способствует реализации одного из более эффективных коммуникативных подходов к преподаванию языка.

Сленговые примеры, в которых есть различного рода эмоциональные характеристики, помогают проникнуться жизнью товарищей, воспитывать сочувствие, сопереживание.

В рамках данной статьи была предпринята попытка проанализировать сленгизмы, широко используемые англоговорящей молодежью и имеющие ярко оценочное значение.

Под термином «сленг» мы понимаем социальную разновидность речи, которая характеризуется специальным лексиконом и словообразовательными особенностями. В молодежном жаргоне тематическая группа «Оценочные значения» занимает значительное место. Под тематической группой мы понимаем совокупность лексем, относящихся к одной реалии.

Основным материалом послужили данные в «Словаре английского молодежного сленга» под редакцией А.Ю.Калинина. [4]

Оценочное значение в английском молодежном сленге выражают жаргонизмы, входящие в следующие тематические подгруппы: 1) внешность человека; 2) внутренний мир человека; 3) социальный статус; 4) расовые проблемы, национальность; 5) межличностные отношения; 6) гендерные проблемы; 7) наркомания и алкоголь.

В тематической подгруппе «Внешность» выделяются следующие разделы: а) тело человека: bush, breaver – борода, mince pies, window lights – глаза, boobs, tits, jugs – груди, think-piece – башка, котелок, chocolate face, fish talk, trap, hole in the head, gang, gob, cakehole – рот; б) физические свойства человека: ginger – рыжеволосый, Doris – некрасивая женщина, fancy pants – женоподобный мужчина, shafts – женские ноги, north eye – косоглазый, pudding face – толстое, невыразительное лицо, cream faced – бледный, Jack Sprat – карлик, all thumbs, all tits and teeth – женщина с большой грудью и крупными зубами, , slaphead – лысый, bange bunny – красивый, stout fellow – толстый мужчина, whale – толстый, dog sick – болезненный, biffa – девушка с толстыми ляжками, Mutt'n Jeff – глухой, face-on-stick – худой красивый парень; в) оценка внешности slob(-)foot – неуклюжий, long drink of water – очень важный человек, cutie pie – красотка, мужчина невысокого роста.

В тематической группе «Внешность» выделяется группа «оценка внешности»: dressed to kill – модно одетый, pants, fly, go-go, kinky, snazzy, swell – стильный, zoot suit – стилига, hung (-) up – старомодный.

Следующей тематической группой является «Внутренний мир человека и его оценка». Лексемы этой тематической группы подразделяются на следующие типы: умный – глупый: savvy, slick, on the beam, berk, creep, nut, shitter, airhead; злой – down on, Radio Rental, up in arms; жадный – tight as a fart, tigh-ass(ed), tigh-fisted; грубый – hard-boiled, cheeky, butter head; храбрый – gutsy; честный – kosher, clean living; зануда – nice Nellie, anorak (о мужчинах), drag, neb; нахальный, наглый: bare face, cheeky, fresh, off base, lairy, oil can; веселый: up, zip, zippy, zippo; странный – old ball, kook, queer beer, zombie; страстный – hot pants, red(-)hot.

Лексемами, отражающими социальный статус человека, его оценку подразделяется на следующие разделы: богатый: loaded, razor(-)neck, sitting, pretty, well fixed, swell (богатый мужчина), money-honey – богатый любовник; бедный: ropey, dosser (бедняк), white trash – беднота (о людях со светлым цветом кожи); служащий: collar – клерк, деревенский житель: bumble-fuck, fall off the turnip truck (деревенщина); рабочий - cloth cap, hunk (иммигрант из стран центральной Европы), pay dues (работать в сфере обслуживания); оценка социального статуса – hunk, razor-back (работяга), big cheese (большая шишка), big fart (важная персона).

Лексемы, входящие в тематическую подгруппу «Расовые различия и национальность» в исследуемом нами материале немногочисленны и носят в основном презрительную эмотивную окраску. Например, kraut – немец, coso – чернокожий, цветной, hook nose – еврей. Некоторые из них имеют положительную коннотацию: birds eye maple – сексапильная молодая мулатка, pink toes – хрупкая девушка, негритянка, ring-tail – японец, chinky – китаец-разносчик еды, yellow girl – мулатка.

В последние десятилетия мир захлестывает мощная волна увлечения наркотиками и алкоголем. Тематическая подгруппа «Наркотики и алкоголь» включает большое количество сленгизмов, отражающих нравственное состояние значительной части современной молодежи. [5; 6] Эта подгруппа представлена следующими лексемами: а) наркотики: goof ball (в таблетках), hook (героин), junk, stuff; б) наркоман: acid head, goof, up against; в) состояние наркотического опьянения: knocked out, junked up; г) алкоголь: booze, sherbet (алкогольный напиток), three (point) two booser, bottle man, juicer, piss-head – алкоголик, whistle (принимать наркотики), banjaxed, cabbaged, caned, fresh, ready, rotten, tacy, dead trunk (мертвецки пьяный), full as an egg (пьяный в доску), tank (пьяница), red tape (бренди).

Тематическая подгруппа «Межличностные отношения» представлена небольшим количеством морфем: ace, man, pal, solid yak (дружбан), fella (good), fellow, (me)old cap, fruit, son (дружище).

Большое место в современном молодежном сленге занимают лексемы, относящиеся к тематической подгруппе «Гендерные отношения». Например: little Mary (женские половые органы), easy dig (легко соблазняемая – о женщине),

each way - бисексуальный, angle face – сексапильная девушка, stuff – сексапильный мужчина, gandy – сексуально возбужденный, bit of fresh – сексуальность.

В исследуемом нами материале активны процессы метафорического и метонимического переноса значения слова.

Метафора – это выражение понятия словом, за которым в первичном распределении номинаций закреплено значение, осознаваемое как вторичное ономазиологическая функция слова, уже занятого каким-то другим понятием. Иначе говоря, метафора – это выражение понятия словом, за которым в первичном распределении номинаций закреплено выражение иного понятия, связанного с первым семантикой связью. [8, 465] При этих процессах используется звуковая оболочка, уже существующая в языке. Метафора предполагает наличие общей семы у сравниваемых единиц. Под семой понимается минимальная предельная единица плана содержания. Например: angle face – женоподобный мужчина – метафора по сходству признаков (общая сема – ангельский), chick(en) – трусишка – метафора по признаку (общая сема – пугливый), hole in the head – рот (общая сема – есть, питаться, loaf of bread – голова – метафора по сходству формы (общая сема – круглый), mince pies – глаза – метафора по сходству признаков (общая сема – свет).

Метонимические процессы переосмысления значения слов в английском молодежном сленге также активны. «Метонимия – это троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе с одного класса объектов на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию». [8, с.476] Например, butter and egg – богатый деревенский житель, шикующий в городе – метонимия: предмет – признак (масло и куриные яйца), chocolate drop – чернокожий, черномазый – метонимия: предмет – признак (темно коричневый), yellow girl – мулатка – метонимия по признаку: предмет – признак (желтый), hook nose – еврей: метонимия по признаку предмет – признак (крючковатый нос), heavy cream – толстушка: метонимия по признаку предмет – признак (жирный), pink toes – хрупкая женщина, нергитянка: метонимия предмет – признак (розовые пальцы на ногах).

Имеются случаи фразеологических сочетаний идиом: sugar daddy – старый богатый человек.

Можно сделать вывод, что в данной тематической группе основным словообразовательным процессом является создание сложных слов и фразеологических сочетаний: Mystic Mag (нога), Bernie flint (нищий, без гроша в кармане), big cheese (босс). Основным коннотативным значением является презрительная эмотивно-эмоциональная окраска. Например: hook-nose (еврей), bitch (сука, стерва), brown nose (подхалим, лизоблюд).

Список литературы/ References

1. Гоулман Д. Эмоциональное лидерство: искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. - М., 2005.
2. Ерофеева А.В. Педагогический диалог в процессе изучения иностранного языка в вузе: автореферат дис. ...канд. пед. наук / Н. Новгород: Ерофеева А.В. 2014. – С. 22.
3. Ерофеева А.В. Развитие эмоционального интеллекта студентов в процессе изучения иностранного языка в нелингвистическом вузе / Ерофеева А.В. // Инновационные технологии современного учебного процесса: стратегия, задачи, внедрение. Материалы Всероссийской научно-методической конференции — Н. Новгород: НГТУ, 2011. — С.283-286.
4. Калинин А.Ю. Англо-русский и англо-русский словарь сленга - 3 изд. - М. «Живой язык», 2016. — С. 224.
5. Лазаревич, С.В. Лексика и фразеология русского военного жаргона (семантико-словообразовательный анализ): автореферат дис. ...канд. филол. наук / Н. Новгород: Лазаревич С.В. 2000. – С. 26.
6. Лазаревич С.В., Хайбулина Д.Р. Тематическая группа «Наркомания» / Лазаревич С.В., Хайбулина Д.Р. // Единый всероссийский научный вестник — М. 2016. № 6 - С. 101-103.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. Баранова А.Н. - М.: Едиториал УРСС, 2004. - С. 256.
8. Лингвистический энциклопедический словарь — М.: Советская энциклопедия, 1990. - С. 709.
9. Никитина Т.Г. Молодежный сленг: толковый словарь- 2-е изд., - М.: АСТ: Астрель, 2009. — С. 1104.
10. Робертс Р.Д. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике / Робертс Р.Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В. // Журн. Высшей Школы Экономики. 2004. Т.1. - № 4.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Goulman D. Emotsional'noe liderstvo: iskusstvo upravleniya lyud'mi na osnove emotsional'nogo intellekta [Emotional leadership: the art of controlling people via emotional intellect]. M. 2005. [in Russian]
2. Erofeeva A.V. Pedagogicheskii dialog v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka v vuze: avtoreferat dis. ...kand. ped. nauk [Pedagogical dialogue in the process of foreign language studies at the university: the dissertation]. Nizhny Novgorod: Erofeeva A.V. 2014. – P. 22. [in Russian]
3. Erofeeva A.V. Razvitie emotsional'nogo intellekta studentov v protsesse izucheniya inostrannogo yazyka v nelingvisticheskom vuze [Development of emotional intellect in the process of foreign language studies at a non-linguistic university]. / Erofeeva A.V. // Innovatsionnye tekhnologii sovremennogo uchebnogo protsessa: strategiya, zadachi, vnedrenie. Materialy Vserossiiskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii [The innovative technology of the modern educational process: strategy, objectives, implementation. Materials of All-Russian Scientific Conference]. Nizhny Novgorod: NGTU. 2011. — P.283-286. [in Russian]
4. Kalinin A.Yu. Anglo-russkii i anglo-russkii slovar' slenga [English-Russian slang dictionary]. - 3 izd. - M.: «Zhivoi yazyk». 2016. — P. 224. [Russian - English]
5. Lazarevich S.V. Leksika i frazeologiya russkogo voennogo zhargona (semantiko-slovoobrazovatel'nyi analiz): avtoreferat dis. ...kand. filol. nauk [Lexicon and phraseology of the Russian military jargon (semantical-developmental analysis)]. - Nizhny Novgorod: Lazarevich S.V. 2000. – P. 26. [in Russian]

6. Lazarevich S.V., Khaybulina D.R. Tematicheskaya gruppa «Narkomaniya» [Theme group “Drug abuse”]. // Lazarevich S.V., Khaybulina D.R. // Edinyi vserossiiskii nauchnyi vestnik. – M. 2016. № 6. P. 101-103. [in Russian]
7. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafori, kotorymi my zhivem: Per. S angl. / Pod red. I s predisl. Baranova A.N. [Metaphors we are living with, English translation]. – M.: Editorial URSS, 2004. – P. 256. [in Russian]
8. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistical encyclopedic dictionary]. – M.: Sovetskaya entsiklopediya. 1990. – P.709. [in Russian]
9. Nikitina T.G. Molodezhnyi sleng: tolkovyi slovar' [Modern slang: the dictionary]. 2-e izd.. - M.: AST Astrel'. 2009. — P. 1104. [in Russian]
10. Roberts R.D. Emotsional'nyi intellekt: problemy teorii, izmereniya i primeneniya na praktike [Emotional intellect: the problems of theory, measurement and application in practice]. / Roberts R.D., Mett'yus Dzh., Zaidner M., Lyusin D.V. // Zhurn. Vysshei Shkoly Ekonomiki. 2004. T. 1. № 4. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.079

Лебедева В.Ю.

ORCID: 0000-0003-4124-5146, Кандидат филологических наук,

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА «КРАСАВИЦА»**Аннотация**

Проблемы духовной энтропии и межличностного отчуждения всегда вызывали художественный интерес Набокова. В статье представлен анализ «птичьей» образности в рассказе «Красавица». Исследование орнитологического кода способствует глубокому пониманию танатологии и аксиологии В. Набокова. Рассматриваются оппозиция витальности и мортальности, проблемы фатальной пассивности и метафизической смерти. Также анализируется специфика некропространства. Значительное внимание уделяется набоковской некропоэтике и мифопоэтике.

Ключевые слова: зооморфный образ, метафизика, мифопоэтика, танатология.

Lebedeva V.Yu.

ORCID: 0000-0003-4124-5146, PhD in Philology,

Bunin Yelets State University

THE ORNITHOLOGICAL CODE IN THE STORY “A RUSSIAN BEAUTY” BY V. NABOKOV**Abstract**

The problems of spiritual entropy and estrangement were of great interest to Nabokov. The article gives an analysis of bird imagery in “A Russian Beauty”. The study of the ornithological code provides deep understanding of Nabokov's thanatology and axiologie. The opposition of vitality and mortality, the problems of fatal passivity and metaphysical death are considered in the article. Peculiarities of the necrospac are analyzed too. Much attention is given to Nabokov's necropoetics and mythopoetics.

Keywords: zoomorphic image, metaphysics, mythopoetics, thanatology.

Танатология В. Набокова многоаспектна, и одна из магистральных тем в его дискурсе – метафизическая смерть. Есть целый ряд произведений (наиболее значительное – «Защита Лужина»), где заявлена проблема внутреннего распада, и автор внимательно отслеживает путь героя по имплицитному маршруту из пункта А (витальность) в пункт В (мортальность). В русле Хроноса это период счастливого детства и момент физической смерти. Маршрут имеет несколько промежуточных точек, а также множество «дорожных знаков», сооружаемых автором при помощи богатого некроинструментария.

К таким произведениям относится рассказ «Красавица» (1934). Его коллизия, вопреки ожиданиям, не любовного характера – в частности, Г. Барабтарло, предполагающий наличие пародийного элемента в адрес Бунина, указал на «трюмный пустогруз половой темы» [1]. В произведении явлена ключевая для набоковского дискурса тема пошлости, напрямую связанная у него с проблемой метафизической смерти.

Важную роль в «Красавице» играют зооморфные образы, в связи с чем заслуживает внимания орнитологический код, являющийся системным в поле культурной памяти писателя.

Главная героиня с рождения благополучна: «Ольга Алексеевна <...> родилась в 1900 году в богатой, беспечной, дворянской семье. Бледная девочка в белой матроске, с косым пробором в каштановых волосах и такими веселыми глазами, что ее все целовали в глаза, она с детства слыла красавицей» [4]. Счастливое детство, однако, сменила полубессмысленная юность, в которой все было «как-то не так, зря». Автор говорит об «особенном обаянии» юной Ольги и его таинственной утрате. Вероятно, это связано с тем, что еще до революции она была окружена пошлостью и впитала ее дух, а эмигрантская среда оказалась нисколько не благотворнее.

Орнитологический образ появляется на предпоследней точке означенного маршрута – при описании «веселой дачки» (В. Набоков), пространства, где произошло сватовство героини, обусловившее ее окончательный метафизический слом: «В яркий августовский день приехала Ольга Алексеевна, была мгновенно переодета в верочкино платье, перчесана, перекрашена, – она лениво ругалась, но уступала, – и как празднично стреляли половицы в веселой дачке, как вспыхивали в зеленом плодовом саду висающие зеркала для остротки птиц!» [4]. Орнитологическая символика в мифологической системе многоаспектна, и ее рассмотрение требует учета контекста. В «Красавице» наблюдается «присутствие отсутствия». Можно полагать, что образ птицы, лишенной возможности

попасть в некропространство «дачки», имеет положительную коннотацию и отсылает к связи с Божественным началом, витальности, свободе, возрождению, выступает олицетворением души.

Важно отметить, что птиц не пускают в сад зеркала. Мифопоэтика данного образа уходит корнями в архаические представления о нем как об окне в потусторонний мир и пограничном рубеже. Как утверждает Ю. Лотман, «зеркало в большинстве случаев выступает как граница семиотической организации и граница между «нашим» и «чужим» мирами. <...> С этой точки зрения мена правого-левого становится знаком более общей закономерности: структурной переорганизации, например» [2, С. 4]. Тема мены, инверсии актуализируется в образе зазеркалья, которым предстает «веселая дачка». Путь подмены проходит сама героиня, пережившая полунасиловственную трансформацию внешнего облика (см. выше) и подспудно вынуждаемая дать согласие на брак.

В «Красавице» явлена интересная зоологическая оппозиция: птицы vs мухи. Последние появляются там, где говорится о ночлеге героини на «дачке» после неприятного (для нее) знакомства с женихом-немцем: «Среди ночи перебив сонмище сонных мух в низкой комнате и так накурившись, что уже не могла затыгиваться, Ольга Алексеевна, в раздражении, в тоске, ненавидя себя и всех, вышла в сад» [4]. Это насекомое ассоциируется с нечистотой, назойливостью, несет на себе хтоническую печать. Образ мухи в рассказе маркирует зону смерти, а также имеет аксиологический бэкграунд, намекая на их «повелителя» (что усилено лексемой «сонмище»). Состояние насекомых отсылает к смерти-в-жизни, сравнимой со сном. Стоит отметить, что означенная зоологическая оппозиция нашла прямое выражение в христианской культуре, где мухе противостоит щегол как символ духовности и исцеления.

Орнитологический код применим и к самой Ольге Алексеевне: данный персонаж дублируется соловьем, что находит отражение и на соматическом уровне (в колористическом русле), и на поведенческом. Соловей обыкновенный имеет буроватый окрас, рыжее надхвостье, серый/сизый низ и коричневатый верх – у героини каштановые волосы и «едва заметные веснушки на тонкой сизоватой коже» [4]. Также соловей в пространстве культуры выступает птицей, приносящей вести – особенно любовные – и бывает посредником в таких делах. Ольга Алексеевна «любила в углу на диване обсуждать с тем или с другим чьи-нибудь сердечные обстоятельства, колебание шансов, вероятность объяснения, – и все это полусловами, и как сочувственно при этом улыбались ее чистые глаза» [4]. Ее угасание в какой-то мере связано с утратой России – есть такая пословица: «Человек без Родины – что соловей без песни». Соловей без голоса олицетворяет человека, утратившего радость – героиня постепенно «немее» в течение повествования. На «дачке» Ольга Алексеевна «упорно не говорила всего того, что Верочка старалась напоказ из нее извлечь» [4]. Чуть позже во время игры в карты Ольга «почувствовала невозможное сжатие в горле, — ей удалось все же улыбнуться и без особого спеха уйти» [4]. Таким образом, немота усиливается до удушья (а ночью героиня накурилась так, что уже не могла затыгиваться). Также автор отмечает, что на «дачке» она перебила мух – соловей относится к семейству мухоловковых. Умирает от родов Ольга Алексеевна летом – в августе соловьи отлетают на зимовку.

Таким образом, птица выступает как аллегорическим прототипом героини в целом, так и олицетворением ее души. Схожую ситуацию наблюдаем в упомянутой ранее «Защите Лужина»: «Мороз, кстати сказать, был необыкновенный. Закрылся каток, которому вообще не везло: в прошлую зиму все оттепель да оттепель, и лужа вместо льда, а в нынешнем такой холод, что и школьникам не до коньков. В парках, на снегу, лежали маленькие, крутогрудые птицы с поднятыми лапками» [3, С. 337]. Вскоре шахматист Лужин покончит с собой, выбросившись из окна в морозную ночь. И героиня «Красавицы», и Лужин одарены, но пассивны, плывут по течению и не стремятся к полному, творческому контакту с миром, являя, по Набокову, онтологическую неполноценность (в отношении Ольги намекается на лень, а Лужин – эскапист). Это делает их жертвами объективации: талантливого шахматиста использует как вещь антрепренер Валентинов, немца-жениха интересует не личность Ольги, а «настоящая русская красота» [4] (что особенно подчеркивает англоязычный вариант рассказа: “A Russian Beauty”). Последний – «автор охотничьих книг» – несет имплицитный статус птицелова. Обе жертвы оказываются пленниками некропространства, оба незадолго до физического конца испытают символическую смерть: Лужин – через нервный срыв, Ольга Алексеевна – через упоминавшийся ранее горловой спазм.

Можно заключить, что Набоков, сочувствуя героине, вместе с тем, не снимает с нее ответственности за собственное развитие и показывает, к чему ведет путь конфликта с реальностью и нежелание отстаивать свою самость.

Список литературы / References

1. Барабтарло, Г. Казарга [Электронный ресурс] / Г. Барабтарло // Звезда. – 2010. – N 11. – Режим доступа: <http://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1509> (дата обращения: 28.10.2016).
2. Лотман Ю. М. Предисловие // Труды по знаковым системам. Ученые записки Тартуского государственного университета. – Тарту: Тарт. ун-т, –1988. – Вып. XXII. – С. 3-5.
3. Набоков В. В. Защита Лужина // Русское литературное зарубежье. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 1997. – 496 с.
4. Набоков В. В. Красавица [Электронный ресурс] / В. Набоков. – Режим доступа: http://www.libtxt.ru/chitat/nabokov_vladimir/43943-krasavitsa.html (дата обращения: 30.10.2016).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Barabtarlo, G. Kazarga [Kazarga] [Electronic resource] / G. Barabtarlo // Zvezda. – 2010. – N 11. – URL: <http://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1509> (accessed: 28.10.2016). [in Russian]
2. Lotman Yu. M. Predislovie [Preface] / Yu. Lotman // Trudy po znakovym sistemam. Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. [Sign Systems Studies. Scientific Notes of Tartu State University]. – Tartu: Tart. un., –1988. – V. XXII. – P. 3-5. [in Russian]
3. Nabokov, V. V. Zashchita Luzhina [The Luzhin Defense] / V. Nabokov // Russkoe literaturnoe zarubezhie [Russian literature abroad]. – Voronezh: Tsentr duhovnogo vozrozhdeniya Chernozemnogo kraya, 1997. – P. 496. [in Russian]
4. Nabokov, V. V. Krasavitsa [A Russian Beauty] [Electronic resource] / V. Nabokov // URL: http://www.libtxt.ru/chitat/nabokov_vladimir/43943-krasavitsa.html (accessed: 28.10.2016). [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.060

Магомедов Г.А.

ORCID: 0000-0001-8776-801X, кандидат исторических наук,

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕССЫ ДАГЕСТАНА

Аннотация

Современная дагестанская независимая пресса представляет собой большой интерес, потому что она возникла и развивалась в весьма непростое время: развал страны, демократизация общества, наделение субъектов России суверенитетом и т.д.

Статья посвящена анализу развития негосударственной печатной журналистики 1990-х годов XX века. Цель поставленная автором статьи – изучение становления и развития негосударственной прессы Дагестана, ее специфичность.

Пресса исследуемого периода является не только активной частью в демократизации дагестанского общества, но также является и катализатором ряда политических процессов.

Ключевые слова: пресса, общество, становление, политика, цензура.

Magomedov G.A.

ORCID: 0000-0001-8776-801X, PhD in History,

Dagestan State University, Makhachkala

FEATURES OF FORMATION OF INDEPENDENT PRESS DAGESTAN

Abstract

Modern Dagestan independent press is of great interest because it appeared and developed in a very difficult time: the collapse of the country, democratization of society, granting Russian sovereign entities, etc.

This article analyzes the development of non-state print journalism of the 1990s of the twentieth century. The goal set by the author stti- study of the formation and development of independent press of Dagestan, its specificity.

Press the test period is not only an active part in the democratization of the Dagestan society, but is also a catalyst for a series of political processes.

Keywords: media, society, formation, politics, censorship.

Современная дагестанская негосударственная пресса представляет собой большой интерес, потому что она возникла и развивалась в весьма непростое время: развал страны, демократизация общества, наделение субъектов России суверенитетом и т.д.

Развитие дагестанских негосударственных газет нельзя рассматривать отдельно от становления российских СМИ постсоветского периода. Для того чтобы лучше понять, по каким принципам развивалась журналистика Дагестана, следует выявить общие тенденции в развитии региональной прессы России после развала СССР.

Эти тенденции можно обозначить в нескольких общих характерных признаках.

В период после крушения Советского Союза почти все регионы России получили возможность укрепления в экономическом и политическом плане.

Если говорить об экономической составляющей, сказавшейся на прессе, нельзя не отметить тот факт, что перед читающей аудиторией встает вопрос выбора одной или двух газет в качестве источника информации. Другими словами, снижение покупательской способности читателя тоже играет роль в развитии прессы. В конкуренции за потенциального читателя газеты вынуждены прибегать к освещению злободневных, актуальных вопросов. Так как общенациональные издания не могут охватить региональные вопросы в полном объеме, то местная пресса от этого выигрывает. Т.е. читатель делает ставку на местные газеты.

Говоря о политической составляющей в развитии региональной прессы, отметим тот факт, что политическая обстановка 1990-ых годов в Дагестане характеризовалась появлением национальных движений. Не могло это не сказаться на прессе тоже. То есть активность региональной политической номенклатуры, а также бизнес-элит, которые активно использовали СМИ в качестве площадки достижения своих целей, приводит к тому, что местная пресса укрепляется.

Развитию региональной прессы в 1990-ых годах способствует и то, что вместе с сильным государством – СССР – разрушились и идеалы этой централизованной страны, и общая, объединяющая регионы, идеология.

В исследуемый период особое место в Дагестане занимают так называемые национальные движения. Они то и пытались в Дагестане создать не общереспубликанскую идеологию, а идеологию той или иной национальности, определяющей ее развитие. Донесение до населения постулатов той или иной национальной идеологии активно продвигалась через прессу.

Географическое расположение регионов играет важную роль в развитии прессы. По ее мнению, чем дальше регион расположен от Москвы, тем больше региональная пресса имеет читательскую аудиторию, а также потенциал для появления новых изданий. Так, дагестанские газеты начала 1990-ых годов ориентировались на общие принципы российской печати, и стали видеть себя как пресловутую «четвертую власть», как самостоятельный гражданский институт.

Именно в период после развала СССР в Дагестане появляются первые независимые газеты и печатные издания общественных движений, которые активно включаются в процесс демократизации общества.

Именно в этот период дагестанская независимая пресса непосредственно влияла на политические и общественные процессы, а сотрудники этих изданий ощущали свою ответственность перед аудиторией и обществом.

Дагестанская пресса, призванная обеспечить информационные потребности местной аудитории, является неотъемлемой частью российской периодической печати. Поэтому она формировалась и развивалась в новых условиях в том же направлении, что и последняя [1].

Среди дагестанских изданий, появившихся на волне происходящих изменений, выделяются такие независимые газеты как «Другое небо», «Трибуна», «Маджлис», «Кунак», «Дагестан», «Садвал», «Тенглик», «Джамаат» и др.

Вообще, все издания этого периода можно разделить на общественно-политические частные газеты («Другое небо», «Трибуна», «Голос правды», «Дагестан» и др.), на издания национальных движений («Садвал», «Тенглик», «Кази-Кумух», «Джамаат» и др.), а также издания общественно-политических групп, объединений («Кунак», «Вольный горец» и др.).

В дагестанской прессе этого периода выделяется ещё одна группа изданий – это газеты общественно-политических групп, движений, объединений. Их главное отличие от общественно-политических частных изданий заключается в том, что в качестве учредителя здесь выступила не одна конкретная личность, а некие союзы, объединения, не носящие в то же время национального оттенка.

Издания этого периода не просто отражали все значительные события общественной и политической жизни республики, но и предлагали свои варианты решения проблем. Именно в это время пресса проявила себя как реальная «четвертая власть». Она не просто предлагала свои рекомендации, но, зачастую, провоцировала события, активно влияя на органы государственной власти и их решения.

Газеты политических партий, обществ, объединений, народных движений, частные общественно-политические издания занимали свою нишу, как в структуре дагестанской прессы, так и в обществе, поднимая на своих страницах проблемы, волновавшие людей в переломные девяностые годы, отражая все значительные события общественной и политической жизни республики, играя активную роль во всех происходящих событиях. Стараясь быть подлинно независимой, пресса этого периода составляла серьезную конкуренцию государственным изданиям, так как удовлетворяла потребности определенной части дагестанских читателей в общественно-политической информации разного характера и уровня, которую им не давала официальная пресса.

Перестройка общественной жизни, изменение существовавшего строя, переход от планового хозяйствования к рыночным формам резко изменили течение информационных процессов в республике. За 10 лет после принятия закона РФ «О средствах массовой информации», отменившего цензуру и упростившего процедуру регистрации, количество СМИ в республике увеличилось почти в 2,5 раза [2].

В первой половине 1990-ых годов одним из главных факторов дагестанской общественно-политической жизни стал исламский. В то период ислам начинают рассматривать как интегрирующая сила. Духовное управление мусульман Дагестана активно использовала прессу для продвижения своей идеологии. Хотя первая религиозная газета «Исламские новости» и была учреждена частным лицом Максудом Гаджиевым, позже Духовное управление мусульман издает свою официальную газету «Ас-Салам». На сегодняшний день это издание является самым тиражным мусульманским изданием в России, а также самой тиражной газетой в Дагестане. Совокупный разовый тираж этой газеты на русском и дагестанских языках составляет 70000 экземпляров. Для сравнения, главная государственная газета «Дагестанская правда» имеет тираж около 4000 экземпляров. Характерной чертой «Ас-Салама» является, что она впервые в Дагестане использует религиозную проповедь в публицистике. Главной темой «Ас-Салама», выходящего сегодня на девяти дагестанских языках, на протяжении длительного времени являлось развенчание идеологии ваххабизма [3].

Востребованность этих газет объясняется их открытостью, либеральностью, мобильностью и оперативностью. В их тематике, кроме достаточно большого блока коммерческой информации и рекламы, есть такие рубрики как политика, криминал, общество, а иногда журналистские расследования.

Пример некоторых дагестанских газет («Ас-Салам», «Новое дело») показывает, что финансовая составляющая этих изданий напрямую зависела от контента.

Газета «Новое дело» стала выходить в свет с августа 1991 года. Целевой аудиторией издания было бизнес-сообщество. Газета публиковала тексты документов, связанные с предпринимательской деятельностью. Эти нормативы и акты были очень востребованы у бизнесменов, ведь интернета практически не было. Поэтому материалы, выходящие в «Новом деле» были ценной информацией для бизнесменов.

В последующем издание вынуждено было переориентироваться на широкую аудиторию. Газета становилась популярной среди всех слоев населения. В газете можно было встретить рубрики, ориентированные, например, на молодежь, на детей, на религиозного читателя. Спустя короткое время, газета полностью изменилась и приобрела большую аудиторию.

Главную роль в создании негосударственной прессы сыграл учредитель, в качестве которого выступили как частные лица, так и политические партии, общественные организации, народные движения и общества, а многообразие и специфика дагестанских изданий связаны со сложностью и уникальностью региона, а также характером событий, происходивших в это время в мире, и потребностью аудитории в многообразной, разносторонней информации об окружающей действительности.

Список литературы / References

1. Мамаева М. Типология современной дагестанской печати. – Махачкала: Издательство ДГУ, 1998. – 52 с.
2. Курбанов Г. Средства массовой информации и свобода слова в Дагестане. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 2003. – 74 с.
3. Арефьева Л.В., Магомедов Г.А. Проблема разжигания национальной и религиозной нетерпимости в современных СМИ. // Российский следователь, -2012. -№19. – С.27-29

Список литературы на английском языке / References in English

1. Mamaeva M. Tipologija sovremennoj dagestanskoj pečati [Typology of modern Dagestan printing] M. Mamaeva. – Makhachkala: Izdatel'stvo DGU 1998. -52p. [in Russian]
2. Kurbanov G. Sredstva massovoj informacii i svoboda slova v Dagestane. [Media and freedom of speech in Dagestan] Kurbanov.G - Makhachkala. Dagknigoizdat, 2003. – 74 p. [in Russian]

3. Arefeva L.V., Magomedov G.A. Problema razzhiganija nacional'noj i religioznoj neterpimosti v sovremennyh SMI [The problem of incitement to national and religious intolerance in the modern media] Arefeva L.V., Magomedov G.A. // Rossijskij sledovatel [Russian investigator] . - 2012, №19. - P.27-29 [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.087

Мамонова Ю.В.

ORCID: 0000-0001-5614-3930, Кандидат филологических наук,

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Работа подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-04-00455.

**РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В ИНТЕРВЬЮ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ С М. АРГЕРИХ)**

Аннотация

В работе, которая выполнена в русле прагматической лингвистики, анализируется мотивационный уровень языковой личности, и основной фокус внимания направлен на исследование стратегии самопрезентации в ходе коммуникативного взаимодействия. На материале интервью с Мартой Аргерих выявлены коммуникативные тактики, которые реализуют стратегию самопрезентации в ее музыкальном дискурсе, а именно тактика отождествления с классической музыкой, тактика сомнения и тактика восхваления классической музыки и музыкантов.

Ключевые слова: дискурс, стратегия самопрезентации, коммуникативные тактики, языковая личность.

Mamonova Y.V.

ORCID: 0000-0001-5614-3930, PhD in Philology,

Chelyabinsk State University

The research is supported by the grant of the Russian Foundation for Humanities 15-04-00455

REALIZATION OF STRATEGY OF SELF-PRESENTATION IN INTERVIEWS

Abstract

The research is done from the pragmalinguistic perspective. The motivational level of the linguistic personality is analyzed. The main focus is given to the study of the strategy of self-presentation. Using the interviews with Martha Argerich, a prominent pianist, communicative tactics which help realize the strategy of self-presentation in the music discourse, are identified. These tactics include a tactics of identification with the world of music, a tactics of dubiety, a tactics of glorification.

Keywords: discourse, strategy of self-presentation, communicative tactics, linguistic personality.

Когнитивно-дискурсивные исследования в современной лингвистике в значительной степени направлены на изучение языковых явлений, которые раскрывают картину мира как отдельного человека, так и различных групп. Исследования, проводимые в рамках изучения языковой личности, выделяют различные элементы в ее структуре. Следуя концепции Ю.Н. Караулова [1], в модели языковой личности мы выделяем три уровня – вербально-семантический, лингво-когнитивный, мотивационный. Что касается Мотивационный уровень представляется наиболее абстрактным и многогранным, единицами его являются коммуникативно-деятельностные потребности человека. Потребности человека вообще оказываются неисчислимыми, но несомненно, что потребность в речевом общении является одной из ведущих в деятельности человека. В процессе коммуникативного взаимодействия реализуется лингвокреативная деятельность человека.

Одним из основных намерений человека в ходе коммуникативного взаимодействия является желание произвести впечатление на собеседников. В интервью, как одном из видов коммуникации, интервьюируемый участвует в информационном обмене с интервьюером, но, в действительности, информация предоставляется третьему участнику – аудитории. Каковы бы ни были цели интервьюируемого, в интервью как и в любом виде речевой коммуникации он реализует стратегию самопрезентации. Как указывает О.С. Иссерс, стратегия самопрезентации реализуется практически в любом речевом действии [2, 73].

Под стратегией в данной работе понимается совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего, а речевой тактикой считается одно или несколько действий, способствующих реализации стратегии [2, 109]. По мнению О.Н. Быковой, «самопрезентация – это эмоциональная самоподача оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и о его целях» [3, 50]. На наш взгляд, именно эта стратегия является ведущей в анализируемом материале.

Для анализа нами были взяты интервью, данные одной из наиболее известных пианисток, Мартой Аргерих. Выбор интервью с данной пианисткой для анализа обусловлен, прежде всего, нашим интересом к музыкальному дискурсу в целом. Под «музыкальным дискурсом» мы понимаем «любое вербальное событие, инициатором которого выступает музыкант-профессионал: композитор, режиссер, исполнитель» [4, 35]. Кроме этого, интерес представляет и гендерный аспект исследования. В музыкальном дискурсе доминируют мужчины, и среди известных пианистов достаточно редко встречаются женщины. Марта Аргерих является одной из немногих женщин-пианисток, которые завоевали мировое имя. В одном из интервью она замечает, что женщины-пианистки оказываются незаслуженно забыты, когда речь заходит о великих музыкантах 20 века. Поэтому, на наш взгляд, важно изучить средства, используемые М. Аргерих в ходе интервьюирования, которые, возможно, выделяют ее среди профессионалов. В качестве цели интервью, которые дает пианистка, мы выделяем пропаганду классической музыки и музыкантов.

Одним из наиболее важных вопросов, интересующих журналистов, читателей и слушателей, является вопрос об источнике вдохновения, которое движет музыкантом во время исполнения. Для Марты Аргерих таким вдохновением

являются композиторы. «*My god was Beethoven when I was a little girl. I used to put in every score 'The god of music – Beethoven'. Bach was the father, but god was Beethoven*» [5]. В других интервью Марта добавляет: «*he (Beethoven) is my God. He speaks completely directly*» [6], «*with Beethoven, I understand him more than I do others*» [7]. Следует сказать, что музыка для М. Аргерих персонифицируется, она готова к коммуникации с ней, как и все композиторы. Пианистка играет Равеля, потому что с ним весело, фотография Листа дает ей душевный подъем, музыка и культура разговаривают с ней: «*Some music speaks to me, French culture speaks to me. I like it, I think it likes me*» [6]. «*I try to get inspired. Once I was to play the [Tchaikovsky] B flat minor Concerto, I remember, and there was a picture of Liszt on the wall. And from that, yes, I got inspiration. Just by looking at his picture*» [6].

В то же время, рояль, как инструмент, представляется ей антимузыкальным («*antimusical*»). Этот инструмент не дает свободу музыканту, к нему нужно постоянно приспосабливаться, и пианистка прибегает к метафоре гор, описывая игру как преодоление, когда не удается синхронизация музыканта с роялем: «*Playing the piano in the evening it was as if there were little mountains in the bass which I had to get over*» [5].

При описании композиторов, которые вдохновляют пианистку, а также пианистов, которые преподавали ей, М. Аргерих использует тактику восхваления, восхищения, отзываясь о них уважительно и возвышенно: «*God*», «*father*», «*inspired*», «*beautiful and lyrical*», «*vital*», «*touching*», «*fantastic*». Произведения, которые играют талантливые музыканты, очаровывают: «*wonderful artists whose piano music enthralls the listener*» [8].

Пианистка говорит, что не играет некоторые произведения, которые нравятся более всего, возможно, чтобы не разрушить чары, которые дают ей вдохновение: «*it's wise not to touch what you really love?*».

М. Аргерих предстает в интервью чрезвычайно тонкой и ранимой, она достаточно часто прибегает к тактике сомнения. Она кажется не всегда уверенной в своих действиях и чувствах, в ее речи используется ментальные глаголы «*I think*», «*I don't know...*», «*I always doubt*». В одном из интервью она даже говорит, что не совсем считает себя творческой личностью, и не имеет конкретного Я-образа «*I don't even have an image of myself*» [6]. Для пианистки типичны вопросы с отрицанием, которые она задает собеседнику, ожидая подтверждения сказанному: «*Don't you think?*», «*Isn't that beautiful!*?», «*Isn't that terrible?*», «*Isn't that funny?*», «*You see?*», «*Fantastic, is it not?*».

В современной лингвистической литературе отсутствует четкая классификация тактик, с помощью которых реализуется стратегия самопрезентации в речевой деятельности. В зависимости от анализируемого дискурса выделяют следующие тактики: отождествления, дистанцирования, создания позитивного образа [9]; солидаризации, оппозиционирования [10]. Е.А. Ковригина различает в стратегии самопрезентации прямые тактики, а именно, самопродвижения, заискивания, самозатруднения, и не прямые тактики, в частности, снятия ответственности, наслаждения отраженной славой, вредительства и уклонения от ответа [11].

В проанализированном материале помимо тактики восхваления и сомнения мы можем выделить тактику отождествления, к которой прибегает в процессе коммуникативного взаимодействия М. Аргерих. Так, лексические единицы «*score*», «*tempo*», «*theme*», «*rhythm*», «*sheet music*», «*sight read*», а также обилие прецедентных имен и текстов, связанных с классической музыкой, указывают на профессиональную принадлежность говорящей.

Таким образом, в процессе коммуникативной деятельности в ходе интервью М. Аргерих реализует стратегию самопрезентации, опираясь на тактики отождествления себя с миром классической музыки, сомнения, а также восхваления композиторов и музыкантов с мировым именем. Пианистка успешно предстает перед слушателем и читателем талантливым и профессиональным музыкантом.

Список литературы / References

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 264 с.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
3. Быкова О.Н. Опыт классификации приемов речевого манипулирования в текстах СМИ / О.Н. Быкова. // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. – Красноярск, 2000. – Вып. 1(9). – 132 с.
4. Быканова М.С. Языковая личность музыканта в этнокультурном аспекте (на материале дискурсных манифестаций А.Н. Скрябина и К. Дебюсси): дисс....канд. фил. наук: 10.02.19: защищена 13.05.14 : утв. 10.11.14/ Мария Сергеевна Быканова. – Белгород, 2014. – 195 с.
5. Интервью с М. Аргерих [Электронный ресурс] – URL: <http://www.gramophone.co.uk/editorial/martha-argerich-speaks-to-stephen-kovacevich-gramophone-november-2008-with-jeremy-nicholas> (дата обращения: 23.08.2016).
6. Интервью с М. Аргерих [Электронный ресурс] – URL: <https://www.ft.com/content/9370c7e4-a31f-11e0-a9a4-00144feabdc0> (дата обращения: 14.09.2016).
7. Интервью с М. Аргерих [Электронный ресурс] – URL: <http://andrys.com/revista.html> (дата обращения: 14.09.2016).
8. Интервью с М. Аргерих [Электронный ресурс] – URL: <http://www.hpic.jp/eng/news/interview/2015/12/martha-argerich-jury.php> (дата обращения: 14.09.2016).
9. Заикина Ю.А. Речевые средства реализации стратегии самопрезентации в современных политических текстах / Ю.А. Заикина. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2011. – №. 9. – С. 10-12.
10. Паршина, О.Н. Приемы реализации стратегии самопрезентации в речи административно-политической элиты / О.Н. Паршина // Проблемы речевой коммуникации. – Вып.4. – Саратов: Изд-во Сарат.ун-та, 2004. – С. 25–34.
11. Ковригина Е. А. Реализации стратегии самопрезентации интервьюируемым (на материале американского интернет-интервью) /Е.А. Ковригина. // Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – №. 11. – Р. 43-46.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Karaulov Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [The Russian language and the linguistic personality] / Ju.N. Karaulov. – М.: Izdatel'stvo LKI, 2010. — 264 p. [in Russian]

2. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics in the Russian speech] / O.S. Issers. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. —288 p. [in Russian]
3. Bykova O.N. Opyt klassifikacii priemov rechevogo manipulirovanija v tekstah SMI [On classification of the methods of speech manipulation in mass media] / O.N. Bykova. // Rechevoe obshhenie: Vestnik Rossijskoj ritoricheskoj asociacii [Verbal Discussion: Bulletin of the Russian rhetorical association] / Krasnojarsk. gos. un-t; Pod red. A.P. Skovorodnikova. Vyp. 1(9). Krasnojarsk, 2000. – 132 p. [in Russian]
4. Bykanova M.S. Jazykovaja lichnost' muzykanta v jetnokul'turnom aspekte (na materiale diskursnyh manifestacij A.N. Skrabina i K. Debyssi) [The linguistic personality of a musician: ethno-cultural aspect]: dis. ... of PhD in Philology : 10.02.19: defense of the thesis 13.05.14 : approved 10.11.14/ Marija Sergeevna Bykanova. – Belgorod, 2014. – 195 p. [in Russian]
5. Interview with M. Argerich [Electronic resource] – URL: <http://www.gramophone.co.uk/editorial/martha-argerich-speaks-to-stephen-kovacevich-gramophone-november-2008-with-jeremy-nicholas> (accessed: 23.08.2016). [in English]
6. Interview with M. Argerich [Electronic resource] – URL: <https://www.ft.com/content/9370c7e4-a31f-11e0-a9a4-00144feabdc0> (accessed: 14.09.2016). [in English]
7. Interview with M. Argerich [Electronic resource] – URL: <http://andrys.com/revista.html> (accessed: 14.09.2016). [in English]
8. Interview with M. Argerich [Electronic resource] – URL: <http://www.hipic.jp/eng/news/interview/2015/12/martha-argerich-jury.php> (accessed: 14.09.2016). [in English]
9. Zaikina Ju.A. Rechevye sredstva realizacii strategii samoprezentacii v sovremennyh politicheskikh tekstah [Verbal means of realization of the strategy of self-presentation in political texts] / Ju.A. Zaikina. // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 9: Issledovanija molodyh uchenyh [Bulletin of Volgograd State University. Series 9. The young scientists research]. – 2011. – №. 9. – P. 10-12. [in Russian]
10. Parshina, O.N. Priemy realizacii strategii samoprezentacii v rechi administrativno-politicheskoj jeliti [Means of realization of the strategy of self-presentation in the speeches of administrative and political elite] / O.N. Parshina // Problemy rechevoj kommunikacii. – Vyp.4 [The problems of speech communication. – Issue 4]. – Saratov: Izd-vo Sarat.un-ta., – 2004. – P. 25–34. [in Russian]
11. Kovrigina E. A. Realizacii strategii samoprezentacii interv'juiuemym (na materiale amerikanskogo internet-interv'ju) [Self-presentation strategy of an interviewee] / E.A. Kovrigina. // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta [The Bulletin of the Buryat State University]. – 2009. – №. 11. – P. 43-46. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.011

Метелькова Л.А.¹, Рунгш Н.А.², Иванова С.В.³¹ORCID: 0000-0001-9947-1344, кандидат педагогических наук,²ORCID: 0000-0001-5407-0088, кандидат педагогических наук,³ORCID: 0000-0002-5628-7245, кандидат педагогических наук,

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева»

РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА**Аннотация**

Статья посвящена изучению влияния этнических факторов на формирование французского языка и представляет собой анализ трудов известных зарубежных ученых, занимавшихся истоками французского языка (Г. Асколи, Ш. Брюно, Вартбург, М. Коэн, Г. Шухард и др.). В ней описывается период романизации Галлии, анализируются следы кельтского субстрата и франкского суперстрата в фонетической, грамматической и лексической системах французского языка в V-VIII веках. Приведенные в работе примеры объясняют некоторые сложные и, вместе с тем, интересные лингвистические явления современного французского языка.

Ключевые слова: старофранцузский язык, народная латынь, франкский язык, галло-романский период, субстрат и суперстрат.

Metelkova L.A.¹, Rungsh N.A.², Ivanova S.V.³¹ORCID: 0000-0001-9947-1344, PhD in Pedagogy,²ORCID: 0000-0001-5407-0088, PhD in Pedagogy,³ORCID: 0000-0002-5628-7245, PhD in Pedagogy,

Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education

«Chuvash State Pedagogical University. I. J. Yakovlev»

THE ROLE OF ETHNIC FACTORS IN THE FORMATION OF THE FRENCH LANGUAGE**Abstract**

The article is devoted to the study of the influence of ethnic factors on the formation of the French language and it is the analysis of the works of famous foreign scientists who studied the origins of the French language (G. Ascoli, C. Bruno, Wartburg, M. Cohen, H. Schuchard etc.). It describes the period of romanization of Gaul, analyses the traces of the Celtic substrate and the Frankish superstratum in phonetic, grammatical and lexical systems of French in the V-VIII centuries. The examples given in the article explain some of the complicated, yet interesting linguistic phenomena of modern French.

Keywords: the old French language, vulgar Latin, Frankish language, the Gallo-Roman period, the substratum and the superstratum.

Языковые контакты разных народов играют важную роль в истории каждого языка. Под этническими факторами имеется в виду влияние на латинский язык языков народов, контактировавших с римлянами. История французского языка генетически связана с латинским языком.

Известно, что древняя Галлия была заселена кельтскими племенами, говорившими на кельтских наречиях. После завоевания Северной Галлии Цезарем (51-58 г.г. до н.э.) начался процесс романизации кельтского населения, который повлек тесные контакты между римлянами и кельтами. Установившееся вначале двуязычие: кельтский язык в бытовом общении и латинский в общении с римлянами, постепенно сменилось одноязычием, завершившись полной победой латинского языка. Кельтское население стало говорить на латинском в его разговорно-обиходной форме, значительно удаленной от литературно-письменной латинской традиции. Процесс романизации длился 500-600 лет (I в. до н.э. – V в. н.э.). Период V–VIII веков называют галло-романским. Это также период германизации общества. В течение 4-х веков продолжается период двуязычия: франкский язык сосуществует с народной латынью, т.е. языком галло-римского населения. Этот период двуязычия заканчивается победой народной латыни Галлии. В галло-романский период (V–VIII в.в.) народная латынь претерпела очень большие изменения. Это новый период развития народной латыни: протороманский или префранцузский язык.

Периоды сосуществования контактирующих языков (кельтский – латинский, галло-романский – франкский) не могли пройти для них бесследно. Некоторые характерные черты исчезнувших кельтского и франкского языков закрепились в народной латыни и позднейшем галло-романском языке. В некоторых пограничных регионах германские говоры не были ассимилированы галло-романским языком и легли в основу эльзасского, германского лотарингского и фламандского диалектов.

Следы кельтского субстрата и франкского суперстрата можно найти:

а) в фонетике

Фонетический строй народной латыни претерпел кардинальные изменения в процессе ее преобразования во французский язык. Толчком к этим переменам послужила замена латинского музыкального ударения силовым экспираторным. Установившееся силовое кельтское и германское ударение благоприятствовало дифтонгизации ударных гласных народной латыни Галлии. Если восходящие дифтонги *ié*, *uè* ученые считают общероманским явлением, то образование нисходящих дифтонгов *e* > *eï*, *o* > *ou* одни ученые объясняют влиянием кельтского субстрата (Г. Асколи), другие – действием германского (франкского) суперстрата (Ш. Брюно, Вартбург и др.).

Дискуссионной является проблема перехода *u* > *û* [*y*] *duru* > *dûr*. Мнения ученых в этом вопросе разделились. Многие лингвисты объясняют его влиянием кельтского субстрата (Г. Асколи, Г. Шухард). В. Мейер-Любке, напротив, выдвигает аргументы против этой точки зрения. М. Козн ставит переход *u* > *û* [*y*] в один ряд с появлением огубленного звука [*oe*], которое приписывает германскому суперстрату, и склоню видеть в обоих звуках предкельтский и предгерманский субстрат одновременно (*substrat préceltique et prégermanique*) [4].

С кельтским субстратом связывается и другое фонетическое явление – переход *ct* > *it* через этап *ht* (*ct* > *ht* > *it*) *factum* > *fahti* > *fait*.

Из германских языков в галло-романскую речь пришло придыхательное *h* (*h aspiré*), произносившееся до XVI века: *haut* < *altum* (ср. нем. *hoch*) и начальное [*w*], которое через этап [*gw*] перешло в [*g*]. Например, глагол *guet-ter* – подстергать восходит к тому же корню, что и немецкое *wachen* – бодрствовать (ср. герм. *Wehr* > ст. фр. *Guerre* – война).

б) в грамматике

Контакты с кельтским и франкским языками способствовали усилению аналитических тенденций, уже существовавших в народной латыни Галлии. Некоторые авторы (А. Мейе) объясняют влиянием кельтского языка, имевшего сходные с латинским падежные формы, сохранение двухпадежного склонения в Галлии. Воздействие кельтского субстрата, наряду с принципом аналогии, благоприятствовало обобщению флексии *-s* прямого падежа множественного числа существительных женского рода 3-го склонения и вытеснению форм типа *filiae*, *terrae* формами *filias*, *terras*. К кельтскому субстрату восходит двадцатеричная система счета во французском языке – *quatre-vingts*, *quatre-vingt-dix* и др.

Г. Гийом видит во французском будущем времени кальку кельтского футурума.

Влиянием германского суперстрата ученые объясняют существование в старофранцузском языке и в видоизмененной форме в современном французском языке двухчленной системы указательных местоимений (тот – этот), а не трехчленной, как в латыни, соотношенной с 1-ым (близкий к говорящему), 2-ым (близкий к собеседнику) и 3-им (удаленный от говорящего и слушающего) лицом.

Германскому влиянию приписывают инверсию при постановке вопроса, появление местоимения *on* из *homo*.

Под влиянием существовавшего во франкском языке склонения на – *a*, – *ûn* (*Berta* – *Bertûn*) создается склонение на – *a*, – *ane* для имен собственных женского рода – прямой падеж *Berta*, косвенный падеж *Bertane* (*Bertâin*).

в) в лексике

Число кельтских заимствований в словарном составе народной латыни Галлии невелико. В современном французском языке насчитывается до 300 слов, восходящих к кельтским наречиям. Прежде всего, это слова, связанные с сельской жизнью, бытом, трудом, природой: *alouette*, *bouc*, *ouleau*, *grève*, *lande*, *mouton* и др.

Предметы сельского быта сохраняли галльские названия, так как галлы жили в основном в деревнях. Так, проселочные дороги сохранили кельтское название *camminus* (> *chemin*), а большие дороги, проложенные римлянами, назывались *via* > *voie*.

От языка галлов сохранились названия сельскохозяйственных орудий *charrue* – плуг, *soc* – лемех; слова, связанные с сельским укладом *ruche* – улей, *cervoise* – пиво, *brasser* – варить пиво, *tonneau* – бочка; слова, обозначающие местные реалии. Древние галлы не носили тогу, как римляне. Они носили рубаху и штаны, поэтому слова *camisia* (> *chemise*) и *braies* – галльского происхождения. Галльское слово, обозначавшее телегу (у римлян были колесницы), перешло в латинский язык в форме *carrus*, которое впоследствии дало *char*, *charrette* [1].

Германский суперстрат тоже оказал влияние на народную латынь. В ранней романской речи на территории Франкского государства прослеживаются два слоя заимствований. Значительная часть германизмов проникла в народную латынь еще до завоевания франками Галлии (I-V в.в.), другие слова были принесены именно франками. В течение V-VIII в.в. словарный состав народной латыни Галлии сильно обогатился франкскими элементами. Они относятся к тем областям общественной жизни, где влияние франков было наиболее сильным [2].

Поскольку V–IX века связаны с переходом к феодальному укладу жизни, то многие термины феодальных отношений и государственного управления имеют франкское происхождение: *fief* (феод), *baron* (первоначально свободный человек, затем вассал), *sénéchal* (королевский дворецкий), *maréchal* (королевский конюший).

Таким образом, все изменения, произошедшие в народной латыни, в том числе связанные с влиянием субстрата и суперстрата, завершили подготовку к появлению нового по структуре и отличающегося от латинского языка старофранцузский языка.

Список литературы/ References

1. Катагощина Н. А. История французского языка / Н. А. Катагощина, М. С. Гурычева, К. А. Аллендорф. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1963 – 448 с.
2. Сабанеева М. К. Историческая грамматика французского языка / М. К. Сабанеева, Г. М. Щерба. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 272 с.
3. Cohen M. Histoire d'une langue / M. Cohen. – Paris: Editions Sociales, 1967. – 517 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Katagoshhina N. A. Istorija francuzskogo jazyka [The history of the French language] / N. A. Katagoshhina, M. S. Gurycheva, K. A. Allendorf. – M. : Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 1963 – 448 p. [in Russian]
2. Sabaneeva M. K. Istoricheskaja grammatika francuzskogo jazyka [Historical grammar of the French language] / M. K. Sabaneeva, G. M. Shherba. – L. : Izd-vo Leningr. un-ta, 1984. – 272 p. [in Russian]
3. Cohen M. Histoire d'une langue / M. Cohen. – Paris: Editions Sociales, 1967. – 517 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.024

Мотожанец А.А.

Кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ВИДОВРЕМЕННЫХ ФОРМ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация

В статье выявляются и анализируются интенциональные потенции видовременных форм английского глагола на уровне художественного дискурса. Рассматривается обусловленность актуализации свойства интенциональности композиционными функциями грамматических форм. При этом определяются механизмы актуализации интенциональных потенций на основе семантических характеристик видовременных форм глагола. Интенциональная природа видовременного противопоставления выявляется на композиционном уровне текста при реализации следующих функций: обеспечение когезии текста, переключение ракурса художественного повествования, создание эффекта in medias res.

Ключевые слова: видовременные формы, интенциональность, художественный текст, композиционные функции.

Motozhanets A.A.

PhD in Philology, Associate Professor, Southern Federal University

ON THE PROBLEM OF INTENTIONAL USE OF TENSE-ASPECT FORMS OF THE ENGLISH VERB IN FICTIONAL DISCOURSE

Abstract

The article reveals and analyses the intentional potencies of tense-aspect forms of the English verb in fictional discourse. The actualization of intentionality is viewed as determined by the compositional functions of grammatical forms. The mechanisms of intentional actualization are specified on the basis of semantic characteristics of tense-aspect verb forms. The intentional nature of tense-aspect opposition is revealed at a compositional level of fictional text in reference to the following functions of verb forms: providing textual cohesion, switching narrative perspectives, creating in medias res effect.

Keywords: tense-aspect verb forms, intentionality, fictional discourse, compositional function.

Исследование интенционального аспекта функционирования языковых единиц является одним из приоритетных направлений современной лингвистики. Поместив во главу угла речевой деятельности фигуру говорящего с его коммуникативными намерениями и уникальным видением картины мира, в центре внимания лингвистов оказался семантико-функциональный потенциал языковых единиц и вопрос выбора из всего многообразия языковых средств той или иной единицы в процессе речемыслительной деятельности говорящего. Таким образом, семантические функции языковых единиц оказались связанными с намерениями говорящего, его коммуникативными целями, и средством актуализации элементов речевого смысла [1]. Художественный текст как единица коммуникативного уровня, на наш взгляд, является наиболее благодарным материалом для исследования интенциональных потенций языковых единиц. Уровень художественного текста способствует наиболее полному раскрытию их семантико-функционального потенциала, преобразуя языковые единицы в коммуникативно и художественно обусловленные речевые единицы.

Интенциональность языковых единиц различных уровней изучалась в работах представителей многих лингвистических направлений [2, 3, 4, 5, 6]. Наиболее детально исследован интенциональный аспект лексических

единиц на материале русского языка с точки зрения нормативности употребления. Тем не менее, многие принципиальные вопросы теории интенциональности не нашли однозначного ответа. В частности, проблемным остается вопрос о способах и критериях выявления признака интенциональности [1]. В настоящей статье мы попытаемся применить концепцию интенционального потенциала к изучению функционирования грамматических единиц, а именно видовременных форм английского глагола в художественном дискурсе. Основной целью работы является выявление случаев интенционального употребления видовременных форм английского глагола при композиционном построении художественного текста и описание механизмов актуализации интенциональных потенциалов данных грамматических единиц на основе их семантико-функциональных характеристик.

Одним из основополагающих параметров текста, в особенности текста художественного, является его цельность и связность [7, 8]. Неоднократно отмечался тот факт, что связность текста проявляется не только на уровне субъектных, но и на уровне предикатных характеристик высказывания [9]. В этом смысле видовременные формы глагола могут становиться композиционным элементом текста, тем средством, при помощи которого достигается текстовая когерентность. Рассмотрим следующий пример:

Roseleen stretched luxuriously as she awakened. She felt inordinately refreshed, as if she'd slept for several days. She also felt good, incredibly good... There was a stuffy smell she couldn't quite identify, almost like mildew, but it didn't really intrude on what she was feeling [10, c. 185].

В данном случае обращает на себя внимание тот факт, что одно и то же действие передано при помощи разных видовременных форм. Формы общего вида в первых двух случаях употребления глагола *to feel* описывают нюансы ощущений главной героини. Форма длительного вида в последнем случае не вносит никакой новой информации в описание чувств, а лишь отсылает нас упоминанием к предыдущему описанию. Очевидно, что видовое противопоставление в данном случае не является облигаторным, то есть не обусловлено объективными характеристиками изображаемой ситуации. Значит мы имеем дело с интенционально обусловленным видовым противопоставлением, где различные видовые формы служат средством связности текстовой информации.

В отношении указанной выше функции видового противопоставления для нас представляет интерес работа Е.С. Павловой, в которой противопоставление форм длительного и общего вида рассматривается как средство кореференции в тексте. По мысли автора, общему виду свойственна бытийная функция, то есть введение в текст информации, о которой не было известно ранее, а длительному виду свойственна функция таксономическая – отсылка к информации, введенной в предтексте [11]. С нашей точки зрения, таксономическая функция длительного вида обусловлена особенностями семантического потенциала этих форм. Сочетание признаков наблюдаемости, динамичности и длительности, свойственных длительному виду, обуславливает ретроспективную направленность, поскольку формы длительного вида имплицитно передают информацию о наличии в поле зрения участников коммуникации предшествующих этапов развития процесса. В противоположность длительному виду, формы общего вида лишь констатируют факт совершения действия, поэтому ретроспективной направленности не имеют. Рассмотрим еще один пример:

"I don't know. I just feel it in my guts." That was exactly where he felt it. He wasn't feeling it in his heart, or his head... [12, c. 189]

Как и в первом примере, все три видовременные формы глагола *to feel* описывают одну и ту же ситуацию в разных ракурсах. Кроме видового противопоставления, в данном отрывке используется противопоставление временных форм. В первом случае форма настоящего времени общего вида маркирует речевой режим интерпретации высказывания, то есть появляется в речи персонажа. Вторая форма прошедшего времени общего вида обозначает переход к нарративному режиму интерпретации (термин Падучевой [13]), то есть определяет сюжетное время. И, наконец, форма длительного вида осуществляет кореферентную функцию, отсылая читателя к ранее упомянутой информации. Таким образом, мы можем констатировать интенциональное употребление видовременных форм в целях композиционного построения художественного текста.

Композиционная функция видовременных форм английского глагола в художественном тексте не ограничивается кореферентной функцией и распространяется на более глубокие слои авторского художественного замысла. Рассмотрим следующий пример:

Neither Boylan nor she had ever spoken of the envelope on her desk. On Tuesday, as she was coming out of the office after work, the Buick was there, with Boylan at the wheel. He had opened the car door without a word and she had gotten in and he had driven to his house. They had made love and after that gone to The Farmer's Inn for dinner and after that had driven home and made love again. When he took her into town, towards midnight, he had dropped her off two blocks from her home and she had walked the rest of the way [14, c. 95-96].

Обращает на себя внимание необычное употребление перфектных форм прошедшего времени в нарративной функции. Традиционно повествование ведется при помощи форм общего вида, тогда как однократное употребление перфектных форм маркирует переход к периоду, предшествующему основному сюжетному времени. В примере, приведенном выше, выбор видовременного оформления глаголов-сказуемых следует совершенно противоположной логике. Автор начинает описание событий, предшествующих основному сюжетному времени, с прошедших форм общего вида, затем переходит на перфект и продолжает повествование при помощи этих форм. Очевидно, и в данном случае мы имеем дело с интенциональным использованием видового противопоставления, когда выбор автора обусловлен не объективными пространственно-временными характеристиками отображаемых событий, а особенностями композиционного замысла. На наш взгляд, переход на формы перфекта символизирует смену ракурса повествования: при помощи форм общего вида повествование ведет автор, перфект «переключает» читателя на точку зрения персонажа, помогает увидеть происходящие изнутри, глазами главной героини, тем самым добиваясь эффекта сопереживания.

Для композиционного построения художественного текста значимым может оказаться грамматическое оформление начала повествования. Одним из наиболее эффектных приемов, открывающих главу или само

произведение, считается прием *in medias res*. Данный прием заключается в том, что с самого начала повествования автор «бросает» читателя в гущу событий, создает у него иллюзию псевдопродолжения рассказа, ощущение реальности происходящего [15]. Данный прием детально изучен на материале определенных лексических классов слов, однако на наш взгляд, может быть соотнесен с использованием грамматических форм. Рассмотрим следующий пример:

'I'm going to sell my body, I do declare,' Mary Jane Hackett was saying. She came from Kentucky. 'They don't want talent any more, just bare, fruity flesh' [14, c. 171].

Так начинается одна из глав романа И. Шоу «Богач, бедняк». Форма длительного вида глагола *to say* перемещает читателя в центр разговора персонажей, за счет актуализации семантики процессности - маркируя срединные этапы развития действия - и длительности. Важно отметить, что форма общего вида в данном случае не внесла бы кардинальных изменений в пространственно-временные характеристики изображаемого процесса, поэтому логично предположить, что перед нами – интенциональное употребление формы длительного вида как средства создания стилистического приема *in medias res*.

Итак, на основании проанализированного материала мы можем сделать следующие выводы:

1. Интенциональное употребление видовременных форм английского глагола в художественном тексте связано с актуализацией композиционных функций данных форм;
2. На композиционном уровне текста определяется интенциональность как видового, так и временного противопоставления;
3. Мы выявили следующие случаи интенциональной реализации видовременного противопоставления в художественном тексте: видовременные формы как средство связности текста, переключение ракурса художественного повествования, средство создания эффекта *in medias res*.

Список литературы/ References

1. Бондарко А. В. К проблеме интенциональности в грамматике // Вопросы языкознания. 1994. №2. С. 29-42.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217-237.
3. Серль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык. М., 1987. С. 96-126.
4. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 287 с.
5. Шахнарович А. М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 185-220.
6. Данилов С. Ю. Речевой жанр проработки в тоталитарной культуре: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001. 170 с.
7. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1993. 182 с.
8. Зиновьева А. Ф. Функционально-коммуникативный аспект целостности текста. Вып. 209. Прагматика и структура текста. М.: МГПИ ИЯ им. М. Тореца, 1983. С. 100-113.
9. Чернышева Е. Л. Функционирование в тексте форм продолженного вида (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 22 с.
10. Lindsey J. Until Forever. New York: Avon Books, 1995. 395 p.
11. Павлова Е. С. Прогрессив как средство кореференции в тексте (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2001. 17 с.
12. Hornby N. About a Boy. L.: Penguin Books, 2002. 278 p.
13. Падучева Е.В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива). М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. 464 с.
14. Shaw I. Rich Man, Poor Man. L.: New English Library, 1984. 780 p.
15. Ноздрина Л.А. Влияние композиции художественного текста на функционирование грамматических категорий. Вып. 318. Коммуникативно-функциональная грамматика (Состояние и перспективы). М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1988. С. 40-48.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bondarko A. V. K probleme intencional'nosti v grammatike [Towards the problem of intentionality in grammar] // Voprosy jazykoznanija [Language study issues]. 1994. №2. S. 29-42. [in Russian]
2. Grajs G. P. Logika i rechevoe obshhenie [Logic and verbal communication] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike [The new in foreign linguistics]. Vyp.16. Lingvisticheskaja pragmatika [Linguapragmatics]. M.: Progress, 1985. S. 217-237. [in Russian]
3. Serl' Dzh. Priroda intencional'nyh sostojanij [The nature of intentional states] // Filosofija, logika, jazyk [Philosophy, logic, language]. M., 1987. S. 96-126. [in Russian]
4. Leont'ev A. A. Osnovy psiholingvistiki [The fundamentals of psycholinguistics]. M.: Smysl, 1999. 287 s. [in Russian]
5. Shahnarovich A. M. K probleme jazykovej sposobnosti (mehanizma) [Towards the problem of language capacity (mechanism)] // Chelovecheskij faktor v jazyke: jazyk i porozhdenie rechi [Human factor in language: language and speech production]. M.: Nauka, 1991. S. 185-220. [in Russian]
6. Danilov S. Ju. Rechevoj zhanr prarabotki v totalitarnoj kul'ture [Elaboration speech genre in totalitarian culture]: diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2001. 170 s. [in Russian]
7. Baranov A. G. Funkcional'no-pragmaticheskaja koncepcija teksta [Functional-pragmatic theory of text]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta, 1993. 182 s. [in Russian]
8. Zinov'eva A. F. Funkcional'no-kommunikativnyj aspekt celostnosti teksta [Functional-communicative aspect of textual cohesion]. Vyp. 209. Pragmatika i struktura teksta [Pragmatics and structure of text]. M.: MGPI IJa im. M. Toreza, 1983. S. 100-113. [in Russian]

9. Chernysheva E. L. Funkcionirovanie v tekste form prodolzhennoho vida (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka) [Textual functions of the Progressive aspect (based on the modern English language)]: avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. M., 1986. 22 s. [in Russian]
10. Lindsey J. Until Forever. New York: Avon Books, 1995. 395 p.
11. Pavlova E. S. Progressiv kak sredstvo koreferencii v tekste (na materiale anglijskogo jazyka) [Progressive as the means of coreference in text (based on the English language)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ivanovo, 2001. 17 s. [in Russian]
12. Hornby N. About a Boy. L.: Penguin Books, 2002. 278 p.
13. Paducheva E.V. Semanticheskie issledovanija (semantika vremeni i vida v russkom jazyke; semantika narrativa) [Research into semantics (semantics of tense and aspect in the Russian language; semantics of narration)]. M.: Shkola "Jazyki russoj kul'tury", 1996. 464 s. [in Russian]
14. Shaw I. Rich Man, Poor Man. L.: New English Library, 1984. 780 p.
15. Nozdrina L.A. Vlijanie kompozicii hudozhestvennogo teksta na funkcionirovanie grammaticheskikh kategorij [The influence of literary text composition on the functional aspect of grammatical categories]. Vyp. 318. Kommunikativno-funkcional'naja grammatika (Sostojanie i perspektivy) [Communicative-functional grammar (Present state and prospects)]. M.: MGPIIJa im. M. Toreza, 1988. S. 40-48. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.035

Пилипенко С.А.¹, Назарец О.А.²¹ORCID: 0000-0003-2976-4541, Томский политехнический университет;²Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,

**«ТОЛЕРАНТНОСТЬ» НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В СВЯЗИ С ВЛИЯНИЕМ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
ГОСУДАРСТВА**

Аннотация

В рамках одной главы лексикографического источника используя метод сплошной выборки, был произведён отбор заимствованных языковых единиц в современном немецком литературном языке. Выявление и исследование специфики и характера существования заимствованных языковых единиц в современном литературном немецком языке, а также корреляция данных с состоянием языковой политики в Германии позволяет понять насколько немецкий язык «лоялен» по отношению к заимствованиям и способен сохранить «самобытную идентичность». Результаты исследования могут иметь практическую значимость и быть использованы в курсе по социолингвистике.

Ключевые слова: заимствования, социолингвистика, языковая политика государства, немецкий язык, лексикографический анализ.

Pilipenko S.A.¹, Nasarez O.A.²¹ORCID: 0000-0003-2976-4541, Tomsk Polytechnic University;²Brest State University named after A.S. Pushkin,

**"TOLERANCE" OF GERMAN LANGUAGE IN CONNECTION WITH THE INFLUENCE OF THE STATE
LANGUAGE POLICY**

Abstract

In one chapter of lexicographical source using a continuous sampling method, was made choice of loanwords in the modern German language. Identification and study of the specifics of the existence and nature of loanwords in modern German language, as well as the correlation with state language policy in Germany allows us to understand how the German language "loyal" to loanwords and is able to preserve the "distinct identity". Research finding have practical significance and be used in a course on sociolinguistics.

Keywords: loanwords, vocabulary research, German language, sociolinguistic, state language policy.

Современное состояние немецкого языка указывает на ряд проблем, которые стоят перед лингвистами современности и требуют поиска путей их решения. Одна из таких проблем – борьба за самобытность немецкого языка. Попытки защиты родного языка от вторжения иностранных слов предпринимались давно и во многих языках. Например, словарь В. Даля долгое время являлся эталоном чистоты русского языка. А. Солженицын тоже являлся примером защитника родного языка.

Важным инструментом регулирования состояния языковой материи, а также прогнозирования путей развития языка можно считать языковую политику. Языковая политика представляет собой воздействие общества на функциональные взаимоотношения между языками. Это воздействие осуществляют, во-первых, государство и его компетентные органы – законодательные собрания и комиссии. Во-вторых, комитеты, которые организуют печать, школьное дело, книгоиздательства, массовую коммуникацию, библиотеки. В-третьих, исследовательские лингвистические центры, службы переводов, службы «культуры языка» [1, с. 116].

Формирование немецкого национального литературного языка представляло собой длительный процесс, в рамках которого огромную роль в разное время сыграли как государственная языковая политика, так и общественная инициатива. К области языковой политики относится также работа языковедов по подготовке нормативных словарей и справочников, пропаганда и распространение лингвистических научных знаний в СМИ, критические обзоры самих СМИ [2]. Всё это призвано, в первую очередь, исключить вариативность и «яркую палитру» иноязычных вкраплений в немецком языке и тем самым способствовать «усилению» исконно немецкого «облика» языка.

Общественная инициатива в вопросах языкового строительства иногда приобретала в Германии вид так называемого «пуризма» – борьбы за абсолютную «чистоту» языка, направленный против каких бы то ни было «иностранных» и интернациональных слов. Главным орудием немецкого националистического пуризма становится «Общенемецкий языковой союз», который фактически за 60 лет своего существования вел организованную борьбу против интернациональных элементов в немецком литературном языке [3, с. 87].

За чистоту родного языка выступают и в XXI веке многие жители Германии. Одним из таких примеров, является событие в ноябре 2010 года. Жители Германии собрали 46317 подписей в защиту немецкого языка. Также на протяжении ряда лет выдвигается требование закрепить статус немецкого языка в конституции. Это требование часто обосновывают стремлением к «признанию» немецкого языка и к «ответственности» за его дальнейшее развитие, а также вторым мотивом сторонников ввести в конституцию дополнение о языке является стремление сподвигнуть иммигрантов в Германии к изучению немецкого языка [4].

Однако депутат бундестага, дипломированный германист Томас Опперман напоминает, что если бы немецкий язык не развивался, мы бы и поныне говорили на средневековом наречье. И призывает дать языку шанс развиваться, и не ставить на этом пути преграды, да еще и записывать их в конституцию [5].

Язык является подвижной системой, изменяющейся и развивающейся вместе с ходом истории. Важное место в пополнении словарного состава языка занимают заимствования. В немецком языке существует значительное количество заимствованных лексических единиц, число которых увеличивается [6, с.816]. Выявление и исследование специфики существования заимствованных языковых единиц в современном литературном немецком языке, а также анализ состояния языковой политики в Германии позволит понять насколько немецкий язык «лоялен» по отношению к заимствованиям и способен сохранить «самобытную идентичность».

Авторами статьи был проведен лексикографический анализ заимствованных лексических единиц, в рамках одной словарной главы – «S», на базе лексикографического источника – словаря Дуден 2003 и 2007 гг. Универсальный словарь Duden является словарём академического типа и толковым словарем современного немецкого языка. Лексикографический источник исследования вбирает в себя актуальную лексику современного немецкого языка. Кроме основного лексического материала, в нем отражены профессиональная лексика, лексические единицы (ЛЕ) различных регионов Германии, а также слова, которые устарели, но представляют ценность с позиции функционально-стилистического разнообразия, истории языка. Так, в словарях представлены лексические единицы, которые имеют лексикографические пометы, характеризующие данные ЛЕ как заимствования. Таким образом, лексикографический источник, выбранный в качестве базы для исследования, соответствует критериям, предъявляемым к источникам данного типа: объективность, достоверность, актуальность представленной информации.

В ходе проведенного исследования лексикографический источник 2003 года дал следующую информацию: общий объем лексических единиц (ЛЕ) – 14 170, из них заимствованных лексических единиц (ЗЛЕ) – 752; в источнике 2007 года, соответственно: общий объем ЛЕ – 14 322, из них – 862 ЗЛЕ. Таким образом, количественный анализ указывает на увеличение заимствований в немецком языке в период с 2003 по 2007 гг., число которых составляет 110 ЛЕ. Основываясь на количественном анализе полученной в ходе исследования информации, можно утверждать, что в период с 2003 по 2007 г. число ЗЛЕ увеличилось в лексическом составе немецкого языка как минимум на 1 %.

Анализ тематической принадлежности выделенных ЗЛЕ позволяет констатировать тот факт, что общественно-политическая жизнь в государстве оказывала значительное влияние на язык в 2003 г. и эта тенденция не изменилась. Тематические поля ЗЛЕ словарной главы «S» – «развлечение» и «общество» – являются основными и составляют, соответственно, 16% и 15% от общего лексического состава.

Согласно полученным в ходе исследования данным, в немецком языке 2003 и 2007 гг. присутствуют ЛЕ из таких языков-доноров как английский, французский, итальянский, испанский, нидерландский, португальский, индонезийский, сербский, арабский, финский, японский, норвежский, персидский, русский, шведский, чешский, турецкий и западноафриканский, причем за 5-летний период количество и состав языков-доноров не изменились.

Как показывает эмпирическая база исследования, ЛЕ, пришедшие из других языков в немецкий язык, сохраняют исконное правописание и лишь в некоторых случаях происходит «онемечивание» графического облика заимствованных ЛЕ (das Skijöring – das Schijöring, das Sit-in – das Siten).

Так же можно говорить о том, что быстрый темп исторического развития общества в Западной Европе не способствует «эффективной» работе языковой политики в Германии. Сокращение периода «адаптации» иноязычной единицы в немецком языке не позволяет активно проявить себя внутренним механизмам немецкого языка по «трансформации» заимствованного лексического элемента в языковую материю языка реципиента (der Sit-up, der oder das Small Talk, der Stand-up-Comedian).

Таким образом, можно уверенно говорить о неэффективности программ языковой политики в Германии и конкретно языковой реформы 2006 г., которая затрагивает в основном графический уровень языка.

Германия является ядром межкультурных, политических и экономических связей. При всех существующих нормах общественно-политическая жизнь провоцирует «вливание» заимствований в современный немецкий язык, которые не только обогащают немецкий язык новыми понятиями, не существующими в языке ранее, но зачастую дублируют названия процессов, предметов, явлений. Результаты проведенного исследования позволяют с уверенностью говорить о «толерантности» немецкого языка, а возросший процент заимствованных лексических единиц в общем корпусе лексических единиц немецкого языка, подтверждает тот факт, что языковая политика государства «не справляется» со своей непосредственной задачей – «охраной самобытности» немецкого литературного языка.

Список литературы/ References

1. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.

2. Варкентин А. Кто и как в Германии борется за чистоту родного языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/> (дата обращения 02.10.2016).
3. Жирмунский В.М. История немецкого языка : учеб. пособие. – М. : Издательство литературы на иностранных языках, 1948. – 300 с.
4. Стефанович А. Нужен ли Германии государственный язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/kul/dur/spa/ru7345947.htm> (дата обращения 02.02.2016).
5. О немецком языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.de-online.ru/index/o_nemeckom_yazike/0-2 (дата обращения 27.09.2016).
6. Ноздрин О.И. Заимствование как один из способов пополнения словарного запаса в немецком языке // Молодой ученый. – 2014. – С. 815–817.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Mechkovskaja N.B. Social'naja lingvistika: Posobie dlja studentov gumanit. vuzov i uchashhihsja liceev [Social Linguistics: A Handbook for Students humanity. universities and high schools students]. – 2-e izd., ispr. – М. : Aspekt Press, 2000. – 207 P. [in Russian]
2. Varkentin A. Kto i kak v Germanii boretsja za chistotu rodnogo jazyka [Who and how in Germany is fighting for the purity of the native language] [Electronic resource]. – Rezhim dostupa: <http://www.dw.com/ru/> (data obrashhenija 02.10.2016). [in Russian]
3. Zhirmunskij V.M. Istorija nemeckogo jazyka : ucheb. posobie [History of the German language: schoolbook]. – М. : Izdatel'stvo literatury na inostrannyh jazykah, 1948. – 300 P. [in Russian]
4. Stefanovich A. Nuzhen li Germanii gosudarstvennyj jazyk [Germany needed a state language] [Electronic resource]. – Rezhim dostupa: <http://www.goethe.de/ins/ru/lp/kul/dur/spa/ru7345947.htm> (data obrashhenija 02.02.2016). [in Russian]
5. O nemeckom jazyke [Of German] [Electronic resource]. – Rezhim dostupa: http://www.de-online.ru/index/o_nemeckom_yazike/0-2 (data obrashhenija 27.09.2016). [in Russian]
6. Nozdrina O.I. Zaimstvovanie kak odin iz sposobov popolnenija slovarnogo zapasa v nemeckom jazyke [Borrowing as a way to replenish the vocabulary in German] // Molodoy uchenyj [Young scientist]. – 2014. – P. 815–817. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.038

Погребная Я.В.

ORCID: 0000-0002-9974-9147, Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Ставропольский государственный педагогический институт

ПРИЕМЫ ЭСТЕТИКИ «ТЕАТРА АБСУРДА» КАК СПОСОБ РАЗОБЛАЧЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА В ПЬЕСЕ С. МРОЖЕКА «ПРЕКРАСНЫЙ ВИД»

Аннотация

Статья посвящена анализу антитеррористического пафоса пьесы С. Мрожека «Прекрасный вид». Актуализируя художественные средства и приемы «театра абсурда», такие как – обезличенность и условность персонажей, неопределенность времени и места действия, повторяемость событий, – драматург разоблачает терроризм как антигуманное явление, нивелирующее личность террориста, превращающее последнего в орудие убийства. Пьеса Мрожека раскрывает психологию терроризма и, таким образом, вооружает антитеррористические силы средствами противостояния террористической угрозе.

Ключевые слова: террорист, «театр абсурда», обезличенность персонажа, условность времени и места действия.

Pogrebnaia Y.V.

ORCID: 0000-0002-9974-9147, PhD in Philology, professor of department Russian language and literature, Stavropol State Pedagogical Institute

METHODS AESTHETICS "THEATER OF THE ABSURD" AS A WAY OF DISCLOSURES OF TERRORISM IN THE PLAY BY S. MROZEK "THE BEAUTIFUL VIEW"

Abstract

The article is devoted to analysis of the anti-terrorist fervor play S. Mrozek "The beautiful view." Accentuating the artistic means and techniques of "theater of the absurd", such as - impersonality and conditionality of characters, time and uncertainty of the scene, repeatable events - playwright exposes the inhumane terrorism as a phenomenon, leveling the identity of the terrorist, transforming the latter into a murder weapon. Mrozek play reveals the psychology of terrorism and thus arming anti-terrorist forces confront the terrorist threat means.

Keywords: terrorist, "theater of the absurd", impersonal character, conventional time and place of action.

Объективным фактором развития современного мира выступает его глобализация, то есть все большая экономическая, политическая, культурная и религиозная интеграция стран и регионов. Глобализация неизбежно ведет к преодолению различий, к унификации дифференцированных сущностей, и не менее неизбежно и объективно порождает и стимулирует процессы автономизации, дезинтеграции и идентификации. Таким образом, современному миру свойственна глобальная противоречивость, реализуемая и как историческая данность и как историческая перспектива: современный мир предстает в виде гаммы решений, спектра возможностей и вероятностей, в нем отсутствует некоторый единый, общий план развития и единое направление движения и развития. Современные ученые И. Пригожин и И. Стенгерс, рассматривающие современный мир как глобальную самоорганизующуюся систему, в которой действуют как факторы, ее стабилизирующие, центробежные, так и аттракторы - факторы дестабилизирующие, центростремительные, причем, обоим факторам свойственна динамичность, оба задают вектор

развития мира, но придают этому вектору разное направление [4, С.49]. Априори существующая диалектичность мира и обусловленная ею динамичность сообщает любому противоречию тенденцию развития в статус антагонистичного. Именно таким образом вследствие обострения антиглобалистских тенденций, из стремления к сохранению идентичности, как политической, экономической и культурной независимости, возникает крайнее обострение противоречий между глобализацией и автономизацией, ведущее, в числе прочих факторов более частного характера к появлению и распространению международного терроризма.

Современные исследователи феномена терроризма объясняют трудности борьбы с ним неизученностью психологической природы этого явления. Как психологический феномен терроризм, равно как и сам образ террориста, не могли не привлечь внимание писателей и художников, создавших произведения искусства, могут помочь разобраться в психологии террориста, а, следовательно, лучше вооружить общество в борьбе с террористической угрозой. Анализируя роман Дж. Апдайка «Террорист» (2006), Дина Суворова так формулирует идеологическую задачу, которую ставил перед собой писатель: «Апдаик в этом романе, очевидно, пытается понять, как формируется психология террориста» [6]. Открывая эфир передачи, посвященной проблеме терроризма в современной художественной литературе, Александр Генис справедливо подчеркнул: «Террор бросает вызов не только нашей цивилизации, но и нашему искусству. Оно вынуждено решать своими, художественными средствами ту же задачу, которая стоит перед всей планетой: понять врага» [2]. Английский писатель Грэм Грин (1904-1991) в романе «Комедианты» (1966, экр. 1967), американский писатель и публицист Джон Апдаик (1932-2009) в романах «Переворот» (1978) и «Террорист» (2006), австралийский писатель Джон Кутзее (р.1940, лауреат Нобелевской премии по литературе 2003 года) в романе «Жизнь и время Михаэля К.» (1989), отечественный писатель Дмитрий Быков (р.1965) в романе «Эвакуатор» (2005) создают, обобщая явления и акты действительности в статус художественного образа, модель террористически управляемого мира.

Чертой типологического сходства во всех реалистических произведениях, художественно разрабатывающих и психологически исследующих феномен терроризма, выступает условность, безликость образа самого террориста. В романе «Комедианты» Г. Грина тонтон-макуты носят темные очки даже ночью, они стремятся быть похожими друг на друга, стремятся подчеркнуть свое сходство и всячески скрыть различия, среди них не выделяется ни один герой, так как форма и темные очки, свободно перемещаются от одного героя к другому: вместо одного тонтон-макута в роли угрожающего карателя завтра явится другой с тем же именем – функция террора поглощает человеческую личность, превращая человека в исполнителя функции и только. Юный Ахмад – герой романа Апдайка «Террорист» – мечтает стать частью воинства Аллаха, бороться за чистоту духа с миром наживы, разврата, навязчивой рекламы, заставляющей приобретать множество ненужных вещей, то есть с современным обществом потребления американско-европейского образца, которое убивает, по мнению Ахмада, в человеке Бога. При этом себя Ахмад осознает не самостоятельным человеком, а частью превосходящего его целого – частью великой армии праведников, готовых к джихаду. Оказавшись на конспиративной квартире перед совершением теракта, Ахмад понимает, что несколько людей жили тут до него, однако в комнате нет никаких следов их пребывания, по которым можно было бы идентифицировать их индивидуальность, и сам Ахмад таких следов не оставит: «Ахмад рад, что в этой надежной комнате нет никаких следов его пребывания. Он чувствует, что здесь он разряжается перед предстоящим резким подъемом сил, взрывом быстрым и мощным, как мускулистый белый конь Барак» [1]. Когда вербовщик передает Ахмаду последние наставления, тому кажется, что тот стоит и смотрит на него, «как он сам стоял над червем и жуком» [1]. Ахмад превращается в орудие совершения теракта, он утрачивает не только индивидуальность, но саму принадлежность к человеческому роду, поэтому мысленно уподобляет себя священному коню пророка, червю, жуку. В романах Дж. Кутзее и Дм. Быкова терроризм вообще представлен как некоторое неперсонифицированное явление: взрывы и убийства происходят постоянно, но парадоксальным образом никто и не пытается установить, кто собственно творит беззаконие, от кого исходит произвол: террористы безлики, выступая только как проводники террора как деструктивной идеологии и разрушительной силы.

Именно эта неперсонифицированность терроризма как социального явления, его обращенность к коллективному бессознательному, к области мифологически обобщенных архетипов и рудиментов коллективного архаического мышления, а не к индивидуальному сознанию конкретного человека приводит к тому, что специфические черты терроризма как антигуманного в своей сути явления, разрушающего индивидуальность и нивелирующего личность, превращающего человека в слепого проводника убийственной, разрушительной для других и разрушающей ее носителя идеологии, оказывается конгениальна нереалистическим типам художественного сознания. Пьеса польского авангардиста Славомира Мрожека (1930-2013) «Прекрасный вид» (1998) написана под впечатлением событий в Косово. Драматургия С. Мрожека отвечает эстетическим принципам «театра абсурда». Свою задачу «театр абсурда» видел в разоблачении стереотипов человеческого поведения, показе их разрушительной и обезличивающей роли. Персонажи «театра абсурда» мыслящие и изъясняющиеся штампами, теряли способность к коммуникации и взаимопониманию, утрачивали собственную идентичность, имя, память. Павел Руднев, характеризуя персонажей абсурдистской драмы, подчеркивал: «Чаще всего в пьесах театра абсурда мы видим не индивидуальности, а типажи, человека-функцию, социальные маски, лишённые индивидуальных черт и даже имен» [5]. Хотя в пьесе «Прекрасный вид» место действия не конкретизировано, однако, по отдельным репликам персонажей его можно локализовать: «Греция, Рим... Албания...» [3]. Герой не раз выражает сожаление, что не выучил албанский, все события происходят в одной и той же гостинице, которая на самом деле представляет собой реконструированный монастырь (частью Косово выступает Метохия – в дословном переводе с греческого – «монастырская земля», «церковный надел»). Герои пьесы не имеют имен: в первом действии пьесы это некие условные «он» и «она», которых война случайно застала во время отпуска и безымянный снайпер на крыше; во втором действующие лица те же, только снайпер теперь перемещается в номер, а спутник героини оказывается за пределами гостиницы. Герои уверены, что снайпер охотится за кем-то другим, но и первое и второе действие драмы заканчиваются выстрелом, который направлен в кого-то из них: сначала в женщину, потом в мужчину. Первое действие пьесы показывает, как мир охватывает террор: герои – немолодая

пара – хотят отдохнуть у моря, в старой гостинице с прекрасным видом на побережье. Зрители видят героев, уже располагающихся в гостиничном номере и сталкивающихся с рядом бытовых неудобств: в номере нет воды, никто не помогает герою поднять багаж в номер, ресторан закрыт и корзину с ужином героям приносят в номер, причем, ее содержимое, представленное местными продуктами оказывается более, чем скромным, кроме того, служащие отеля предупредили, что выходить на улицу опасно. Герои пьесы стараются не придавать значения неудобствам, не замечать явной угрозы, проистекающей от ставшего негостеприимным мира. Но мужчина вскользь вспоминает о том, что в пути все было, как обычно, пока дорогу не преградили танки: «Дорога была тяжелая, согласен. Но не мог же я предвидеть танки», – замечает герой [3]. Но прекрасный вид, к которому стремились герои, существует, но не достигаем – пара хотела поужинать на балконе, но мужчина увидел на соседней крыше снайпера, таким образом, даже к окну подойти становится опасно. Причем, мишенью снайпера может стать, кто угодно: снайпер охотится за всеми, его мишень мужчина определяет так: «Мусульманин, католик, православный, молодой, старый, грек, турок, славянин или полукровка» [3], если продолжить ряд, предложенный героем, то в качестве следующих мишеней, он должен был назвать себя и свою спутницу. Террорист безлик и действует против всего мира, он не сообразует свои действия с осмысленностью и справедливостью, для него все – враги и все мишени, люди безлики и лишены индивидуальности, как и он сам.

Во втором действии ситуация меняется: место действия тот же отель у моря, но теперь ставший музеем. Прекрасный вид за окном тот же, но теперь на побережье по внешним признакам восстановился мир – в порту стоят корабли, приезжают туристы, работают кафе, на набережной гуляют люди. Действующих лиц по-прежнему двое: девушка, которая хочет осмотреть музейную экспозицию, и молодой человек, который представляется смотрителем музея, который однако владеет снайперской винтовкой. Он подчеркивает случайность и временность своего пребывания здесь, в музее, она представляется туристкой, которая должна осмотреть музей за короткое время, потому что может опоздать на теплоход. Он охотно принимает имя Ник, которое ему придумала героиня, хотя сначала назвался Биллом Клинтон, до этого исполнял роль смотрителя музея и даже представляет героине описание несуществующей мозаики «Гости Авраама». Герои как будто узнают друг друга: он и она были везде («Раньше я был в Хельсинки, Амстердаме, Роттердаме, Гааге и Копенгагене» [3]). Если в первом действии перед нами были героини-путешественники, без определенных этнических характеристик и национальной идентичности, то и во втором также действуют герои без дома и без Отечества. Причем, для бездомных героев без Родины весь мир предстает, как театр военных действий: он воевал везде, причем, от имени разных сил и организаций («Силы реакции. Капитализм. Сионисты. Империалисты» [3]). Героям все равно, с кем воевать и за какие ценности сражаться – война и разрушение становятся для них единственно возможным образом жизни. Мирная жизнь за пределами монастыря-гостиницы-музея оказывается иллюзией, обманом: война против всех становится для безымянных героев единственным способом и целью существования, пуля предназначена каждому и каждый может выстрелить и стать причиной гибели другого и себя самого в том числе. И хотя Мэри Лу (такое имя себе выбирает героиня) представляется как антитеррористка – Ник, назвавшийся террористом, выступает ее подобием и отражением: она говорит то ли о себе, то ли о подруге, которая проходила подготовку в Бейруте, он вспоминает, как «тренировался стрелять» «в Бейруте, Ливии, Йемене» [3]. При этом оба сомневаются в реальности своего существования: он говорит, что умер два года назад, она, что была осуждена за угон самолета и приговорена к смерти. Обезличенные персонажи выступают одновременно и снайперами и их мишенями, утратив индивидуальность, они готовы сыграть любую роль, утратив ценности, сделав убийство и уничтожение другого единственным способом существования, герои существуют только в состоянии войны, не формулируя причин своего участия в ней. Терроризм уничтожает личность, нивелирует индивидуальность и, таким образом, воспроизводит сам себя как образ жизни, а точнее, как способ уничтожения жизни. Немаловажно подчеркнуть, что обезличенность образа террориста можно интерпретировать, как его смерть – человек исчезает, индивидуальное приносится в жертву общему, личные цели растворяются в общих, террорист перестает быть самостоятельной фигурой, он проводник чьей-то воли, исполнитель приказов, орудие убийства, функция, приводящее в действие оружие. Именно поэтому в пьесе Мрожека снайперская винтовка всегда находит себе хозяина, точнее, она выступает хозяином человека, превращая его в снайпера, функцию винтовки.

Художественные средства «театра абсурда», направленные на показ обезличивания человека, утраты им истинных человеческих ценностей, дали С. Мрожеку возможность предельно концентрированно выразить суть и смысл терроризма как психологического феномена: терроризм враждебен самой идее человеческой жизни, причем, умерщвляет он и самого террориста, разлучая его с самим собой, делая рабом идеологии, не рассуждающим проводником идеи, которая маскируясь под борьбу за справедливость, права этноса, нации или религии за право на существование, на самом деле разрушает нацию и этнос, поскольку направлена только на уничтожение и враждебна самой жизни.

Список литературы/ References

1. Апдайк Дж. Террорист. http://www.libtxt.ru/chitat/apdayk_dzhon/65643-terrorist/41.html Дата обращения: 29.09.2016.
2. Генис А. Поверх барьеров. «Террорист» Джона Апдайка. 6 июня 2006 года. Радио свобода. <http://www.svoboda.org/content/transcript/160366.html> Дата обращения: 29.09.2016.
3. Мрожек С. Прекрасный вид. // <http://lib.ru/PXESY/MROZHEK/prekrasn.txt> Дата обращения: 29.09.2016.
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. – М.: «Прогресс», 1986. – 432 с.
5. Руднев П. Театр абсурда // Современное искусство. Театр. <https://thequestion.ru/questions/122970/chto-takoe-teatr-absurda-chto-tam-takogo-absurdnogo> Дата обращения: 29.09.2016.
6. Суворова Д. Разгадка одна – безблагодатность. 21 августа 2009 года. <http://booknik.ru/today/fiction/a-razgadka-odna-bezblagodatnost/> Дата обращения: 29.09.2016.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Apdajk Dzh. Terrorist. [John Updike. Terrorist.] http://www.libtxt.ru/chitat/apdayk_dzhon/65643-terrorist/41.html [in Russian]
2. Genis A. Poverh bar'erov. «Terrorist» Dzhona Apdajka. 6 ijunja 2006 goda. Radio svoboda. [Genis A. Above the Barriers. "Terrorist" by John Updike. June 6, 2006. Radio Liberty] <http://www.svoboda.org/content/transcript/160366.html> [in Russian]
3. Mrozhek S. Prekrasnyj vid. [Mroczek S. Beautiful view]// <http://lib.ru/PXESY/MROZHEK/prekrasn.txt> [in Russian]
4. Prigozhin I., Stengers I. Porjadok iz haosa. Novyj dialog cheloveka s prirodoj. – M.: «Progress», 1986. – 432 s. [Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos. The new dialogue of man with nature. – M.: "Progress", 1986. – 432 p.] [in Russian]
5. Rudnev P. Teatr absurda // Sovremennoe iskusstvo. Teatr. Rudnev PA Theater of the absurd // [Contemporary Art. Theater.] <https://thequestion.ru/questions/122970/chto-takoe-teatr-absurda-chto-tam-takogo-absurdnogo> [in Russian]
6. Suvorova D. Razgadka odna – bezblagodatnost'. 21 avgusta 2009 goda. [Suvorova D. The answer is one - without Grace. August 21, 2009.] <http://booknik.ru/today/fiction/a-razgadka-odna-bezblagodatnost/> [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.093

Погребняк Т.В.

Аспирант кафедры английской филологии

Российский Государственный Педагогический Университет им. А.И. Герцена

ЖАНРОВОЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ «ПРИЧУДЛИВЫХ ПРИТЧ»

(«FANTASTIC FABLES») АМБРОЗА БИРСА

Аннотация

В исследовании приводится анализ жанров притчи и басни, выделяются их жанрообразующие черты и устанавливаются различия между ними. Данные анализа проецируются на притчи, вошедшие в книгу Амброза Бирса «Причудливые притчи», изучаются их (притч) основные сюжетные характеристики, а также жанровое своеобразие, характерное именно для рассматриваемого автора. Установлено, что, несмотря на наличие в оригинальном названии слова "fables", большое количество характеристик позволяет отнести рассказы, вошедшие в книгу, к жанру притчи.

Ключевые слова: притча, басня, литература XX века.

Pogrebniak T.V.

Postgraduate student, English Philology department,

Russian State Pedagogical Herzen University

GENRE AND CONTENT PECULIARITIES OF "FANTASTIC FABLES" BY AMBROSE BIERCE

Abstract

The research shows the results of the analysis done on fables and parables as genres of literature. The forming genre traits and distinctive features are revealed. This data is projected onto Ambrose Bierce's "Fantastic Fables" and makes it possible to identify some specific genre and content peculiarities that are of the author's style. Despite the fact that the name of the book has the word "fables" in it, the analysis showed that most short stories included in the book are parables.

Keywords: fable, parable, literature of XX century.

Притча - один из древнейших жанров, своей дидактичностью помогающий человеку в решении глобальных проблем, связанных с религией, моралью, выбором между добром и злом. Именно эти вопросы и рассматриваются Амброзом Бирсом в большинстве притч, вошедших в его книгу за исключением притч - сатирических зарисовок, высмеивающих власть и народ, отношений между мужчиной и женщиной ("At heaven's gate" (высмеивание ассоциации женщин-писателей), "The Reform School Board" (сатира на женщин-преподавателей), "The appropriate memorial" (ироничный рассказ о государственных деятелях и их решениях), "The Young and the Old Politicians" (отношение к власти опытных и новых политических деятелей), "The Crimson Candle" (отношения между мужем и женой), "The Overlooked Factor" (самоомнение и самооценка человека)). Вместе с тем проблемы морали, веры, выбора находят отражение в каждой притче, раскрываясь в большей или меньшей степени. Иногда в притчах могут сосуществовать две проблемы различного характера, как это имеет место в притче "The Man with No Enemies", в которой затрагивается проблема внутреннего содержания человека и несправедливости судьи при вынесении решения; в притче "The Crew of the Life Boat" проблема заключается не только в выборе спасать/не спасать, но также раскрывается проблема отношения сотрудников к своему делу, своей профессии, равно как и в притче "the Ass and the Lion's Skin". В притче "The Man of Principle" описывается человек, сидящий под страусом, рискующий жизнью, но не желающий покинуть свое место, потому что страус проглотил его зонт - здесь показано, как человеческое упрямство и неспособность уступить могут привести к печальным последствиям.

Проблемы морали и выбора между добром и злом затрагиваются в притчах "The Moral Principle and the Material Interest", где нравственность сталкивается с материальным интересом и в итоге проигрывает, "The Man and the Bird" повествует о невозможности выбора, когда безнравственный человек, стоящий выше по званию, принимает решения.

Интересно заметить, что сцены, которые служат для раскрытия основной идеи притчи, часто повторяются на протяжении всей книги. Например, когда автор говорит о глупости или нечестности, он выбирает в качестве "декораций" зал суда, вора, убийцу, предстающего перед законом, судью как воплощение либо мудрости, либо смертных грехов (чаще второе). Такая тенденция прослеживается в притчах «The Judge and the Plaintiff», «The Judge

and the Rash Act», «The Justice and His Accuser». Обращаясь к проблемам нравственности, профессиональной этики, отношений между людьми связанных с врачебной тематикой, Бирс представляет врача как человека бездушного, ищущего только свою выгоду, не обращающего внимание на душевное состояние пациента. Действие таких притч происходит, как правило, как в стенах больницы, так и на кладбище («The Dog and the Physician», «Physicians Two», «The Compassionate Physician»).

Для создания сюжета А. Бирс часто использует профессии, признающиеся обществом «основными» - учителя, от которого зависит каким будет политик или юрист; врача, деятельность которого связана со здоровьем и жизнью людей; судью, принимающего справедливые/несправедливые решения; политика, участвующего в управлении страной и др. Автор имеет ввиду, что такие профессии составляют основу общества, и если их представители недобросовестно относятся к своим обязанностям, то не стоит и претендовать на создание гуманно-просвещенного социума

Многие сюжеты связаны с профессией политика, государственного деятеля, короля, президента и т.п. («The Boneless King», «The Statesman and the Horse», «The Shadow of the Leader», «The Politicians», «The Politicians and the Plunder», «The Austere Governor»).

Несколько притч раскрывают содержание педагогической деятельности («The Reform School Board», «The Old Man and the Pupil»).

Рассмотрение "Причудливых притч" с точки зрения определения жанра этого произведения не привело к формированию какого-либо однозначного решения. Как показал анализ, большинство произведений, вошедших в книгу А.Бирса, по своим сюжетным особенностям относятся к жанру притчи, раскрывают нравственные проблемы, проблемы выбора и т.д. Однако не исключены и случаи, когда в так называемой притче описываются какие-то житейские проблемы, или, как отмечалось выше, высмеиваются какие-либо черты характера субъектов, событий, что характерно для басни, к основным признакам которой относятся:

- краткость изложения;
- главными героями выступают растения, животные, артефакты;
- основными литературными приемами басни являются – сатира и аллегория;
- «Мораль» размещается в начале или в конце изложения.

К данным признакам можно добавить также то, что басня чаще всего создается в стихотворной форме.

Исследование произведений, вошедших в «Fantastic Fables», позволяет отметить в некоторых из них лишь наличие краткости изложения, а также сатиры и аллегии. В остальном определить «Fantastic fables» как басни затруднительно. В качестве персонажа в большинстве из них выступают не только животные, но и люди (а также человеческие качества), при этом мораль читатель должен вывести сам. Так, например, в «The Crimson Candle», действующими лицами являются муж и жена, в то время как в «The Kangaroo and the Zebra» – соответственно, кенгуру и зебра, в «The Cat and the King» - и животные, и люди. Для литературы характерно смешение жанров, что возможно, и произошло в творчестве Бирса.

Что касается притч, то это уникальный жанр, характеризующийся лапидарностью, аллегоричностью, схематичностью сюжета и характеров персонажей, отсутствием эксплицитно выраженной морали, который в сжатой форме помогает получить максимум информации. Этого можно достичь различными способами. У Амброза Бирса это представлено следующими формами:

1. Сюжет притчи не развернут. Как правило, отсутствуют описания, объяснения и т.д. Картина складывается только посредством действий героев («Two in Trouble», «The Farmer's Friend», «Two Kings» и т.д.).

2. Содержание и направление сюжета часто можно понять из названия притчи (например, в притчах «The Moral Principle and the Material Interest», «The Prophet of Evil», «An Optimist»);

3. Персонажи в произведениях Бирса часто имеют «говорящие» имена («A Beautiful Old Man», «The King of Wideout», «A Pious Person», «An Ingenious Man»), которые создаются либо с помощью приема метафоры, либо метонимии. Метафоричность преобладает в именах главных героев - людей, заключающих в себе черты характера описываемого человека. Метонимия же проявляется в тех случаях, когда именем собаки служит само слово собака, начинающееся с заглавной буквы, т.е. выступает в роли собирательного существительного (группа собак, кот, мышей с конкретным представителем в данной ситуации), например, *The Dog, the American Grasshopper, the Cat and the Mouse* и т.д. В этом проявляется одна из основных черт притчи - схематичность, а порой и вовсе лишенность характеров, т.к. важным является не то, каков по своей природе человек, а выбор, сделанный им. Следует отметить также, что как раз в выборе имен проявляется взаимосвязь жанров притчи и басни в книге Бирса. Как отмечалось выше, басня исключает людей из числа главных персонажей, и наделяет действующие лица определенными характеристиками. Имена *The Man of Principle, the Compassionate Physician, the Boneless King*, хотя и не являются конкретными именами собственными тем не менее выражают указание на некоторые черты характера персонажа (как "говорящая фамилия"), что противоречит законам жанра притчи. С другой стороны, притча исключает из повествования неодушевленных существ, и представляет их в обобщенном виде. В притчах «The Lion and the Mouse», «The Squirrel and the Wolf», как следует из названия, ситуация представлена животными, однако никаких намеков на манеру их поведения или характер не содержится, что, несомненно, является чертой притчи. В заключение отметим, что анализ всех произведений, включенных в книгу А. Бирса, не позволяет отнести ее к какому-то определенному жанру. Однако поскольку в превалирующем большинстве произведений поднимаются и в какой-то степени решаются извечные философские проблемы добра и зла, что такое хорошо и что такое плохо, а бытовые сцены используют лишь как фон для передачи смысла, более целесообразно отнести вошедшие в книгу короткие рассказы именно к жанру притчи, а не басни, несмотря на фигурирующее в названии слово «fables».

Список литературы/References

1. Агранович С.З. Гармония – цель – гармония. Художественное сознание в зеркале притчи/С.З. Агранович, И.В. Саморукова. - М.: МИСиС, 1997.— 134 с.

2. Фатеев Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов/Н.А. Фатеев. - М.: Агар, 2000. - 280 с.

3. Bierce A. Fantastic Fables/ Bierce A. - Whitefish: Kessinger Publishing, 2004. - 128 p.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Agranovich S.Z. Garmoniya – tsel – garmoniya [Harmony – target – harmony] / S.Z. Agranovich, I.V. Samorukova. - M.: MISiS, 1997. - 134 p. [In Russian]

2. Fateev N.A. Kontrapunkt intertekstual'nosti ili intertekst v mire tekstov [Counterpoint of intertextuality or intertext in the world of texts] / N.A. Fateev – M.: Agar, 2000. - 280 p.

3. Bierce A. Fantastic Fables/ Bierce A. - Whitefish: Kessinger Publishing, 2004. - 128 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.097

Сорокина О.А.¹, Сорокина Ю.В.²

¹Кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный университет,

²Старший преподаватель, Челябинский государственный университет

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОММУНИКАТИВНЫЙ СТИЛЬ И УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация

Рассматриваются ключевые особенности педагогического дискурса в ситуации глобализации образования и влияния национального коммуникативного стиля на функционирование педагогического дискурса. Цель заключается в демонстрации важности компетентности участников педагогического дискурса и создания эффективных моделей коммуникации в педагогическом дискурсе международного общения. Педагогический дискурс в рамках межкультурной коммуникации должен включать как универсальные параметры на лингвистическом, коммуникативном и социокультурном уровнях, так и ситуативные характеристики, специфичные для каждой конкретной культуры. Генерализованный педагогический дискурс даст возможность ускорить обучение и улучшить условия межкультурного общения.

Ключевые слова: национальный коммуникативный стиль, педагогический дискурс, аутентичный дискурс, интеллектуальный стиль, межкультурная коммуникация.

Sorokina O.A.¹, Sorokina J.V.²

¹PhD in pedagogy, Chelyabinsk State University,

²Senior teacher, Chelyabinsk State University

NATIONAL COMMUNICATION STYLE AND UNIVERSALITY OF PEDAGOGIC DISCOURSE

Abstract

The key characteristics of pedagogic discourse within the framework of intercultural communication and the influence of the national communication style on pedagogic discourse are described. The aim is to outline the importance of the participants of pedagogic discourse competence and effective models of international pedagogic discourse development. Pedagogic discourse for intercultural communication should have universal linguistic, communicative and sociocultural features, as well as specific situational ones. Universal pedagogic discourse facilitates the process of studying and improves the conditions for intercultural communication.

Keywords: national communication style, pedagogic discourse, authentic discourse, intellectual style, intercultural communication.

Глобализация в сфере образования требует особого внимания к изменениям в рамках лингвистики и прагматики педагогического дискурса. Педагогический дискурс является социо-культурным феноменом и должен рассматриваться не только в рамках парадигмы определенной культуры, но и в рамках парадигмы глобального педагогического дискурса.

Работа со студентами разных культур, говорящих на разных языках, имеющих разный лингвокультурный опыт и, соответственно, успешная коммуникация являются одними из ключевых вопросов. Успешная коммуникация определяется как языковой, так и культурной компетенцией педагога и студента. Понимание природы и культурной идентичности, влияние этих факторов на межличностные отношения помогут избежать возможные межкультурные конфликты и недопонимания.

Оратор и аудитория являются равноправными участниками коммуникативного процесса и влияют на эффективность коммуникации. Эффективность коммуникации зависит от владения необходимой информацией, умения контролировать процесс коммуникации с аудиторией, учета экстралингвистических факторов, компетентности в области норм и правил поведения, эмоционального состояния.

Мы считаем, что педагогический дискурс на неродном языке, или же работа с иностранной аудиторией должны детерминироваться национальным коммуникативным стилем двух или больше языковых сообществ. По нашему мнению, универсальный педагогический дискурс – это вид институционального, статусно-ролевого общения, участниками которого являются преподаватели и обучающиеся, члены научных сообществ, которые должны общаться в соответствии с нормами речевого поведения, принятыми в культурах участников и в учебно-научной ситуации общения. Это тип институционального общения, обладающий когнитивной ориентированностью всех субъектов на достижение общих целей, регламентированностью норм, правил; клишированностью; обусловленностью статусами коммуникантов – представителей разных культур; детерминирован национальными коммуникативными стилями.

Педагог, как участник педагогического дискурса, должен демонстрировать свою готовность и открытость в поисках реализации коммуникации, которая будет способствовать кросс-культурному диалогу и гармонизировать диверсифицированность культур.

Речь должна идти об универсальности педагогического дискурса в рамках поликультурного общения и «новой» аутентичности педагогического дискурса. Исходя из существующих параметров аутентичности педагогического дискурса можно выделить следующие критерии оценки, на которые стоит обратить внимание в ситуации поликультурной коммуникации: презентация материалов, содержание материалов, тема и тематическое единство, объект изучения, языковой уровень и естественность лексического наполнения и грамматических форм, когнитивный уровень, методика, оформление, прагматическая ситуация. В зависимости от участников педагогического дискурса, ситуация должна быть адаптирована в соответствии с перечисленными факторами и сохранять все присущие педагогическому дискурсу характеристики: смысловую завершенность, структурную, коммуникативную и смысловую целостность, связность, композиционную реализацию, жанровую специфику, коммуникативную целенаправленность.

Главным фактором, влияющим на педагогический дискурс, является национальный коммуникативный стиль. В рамках концепции национального коммуникативного стиля, он рассматривается в перспективе культурной обусловленности. Национальный коммуникативный стиль – совокупность коммуникативных представлений, норм, конвенций, опосредованных культурой и проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка и усваивается языковой личностью в ходе инкультурации и социализации [1, с. 182]. Ключевые для определенной культуры нормы и ценности отражаются в коммуникативных действиях представителей культуры, коммуникативные средства используются определенным образом, закрепленным в данной культуре. Культурными доминантами стиля выступают как лингвистические, так и паралингвистические характеристики: эксплицитность (прямота высказываний) / имплицитность (скрытие прямых намерений), рациональность (аргументированное, насыщенное фактами общение) / интуитивность (анalogии, сходства), точность (целенаправленность, ясность) / детальность (экспрессивность, насыщенность), нейтральность (управление эмоциями) / аффективность (проявление спонтанных чувств), личностная (внимание на персональные качества) / статусная ориентированность (иерархически-маркированные социальные отношения), специфичность (официальность общения) / диффузность (неформальность общения); громкость, паузы, интонация [3].

Для создания определенного образа и создания эффективной коммуникации необходимо также следовать определенному интеллектуальному стилю. Релевантными для нас являются идеи норвежского философа Йохана Гальтунга, описавшего в обобщенном виде четыре типа интеллектуальных стилей: саксонский, тевтонский, галльский, ниппонский. Саксонский стиль характеризуют демократичность, многоголосие мнений, готовность вести диалог, несмотря на расхождения в научных подходах, плюрализм подходов, принцип конструктивной критики, смягчение критики через указание на сильные стороны работы оппонента, способность изменять свое мнение в процессе дискуссии, демонстрация дружелюбия для выхода из ситуации полемики, использование юмора (США, Великобритания). Тевтонский/галльский стиль отличается жесткая конфронтативность, стремление одержать верх в дебатах, прямолинейность и ориентация на содержательность в дискуссии, бескомпромиссная критика слабых мест в выступлении докладчика, ориентация на демонстрацию своей правоты (Германия, Восточная Европа, Бывший Советский Союз). Ниппонский стиль характеризует речевая демонстрация уважения авторитетов, организация дискурса в соответствии с принципами коллективизма и социального взаимодействия [2].

Также мы принимаем во внимание описание когнитивных стилей, детерминированных культурными различиями. Под когнитивным стилем понимается способ восприятия и переработки информации [4]. Выделяются следующие параметры: 1) ориентация на независимость либо на солидарность с другими, 2) ориентация на кооперацию или соревновательность, 3) предпочтение стратегии проб и ошибок либо стратегии «сначала смотрю, потом делаю», 4) толерантное либо нетерпимое отношение к двусмысленности и неопределенности.

Итак, описание национального коммуникативного стиля должно включать как генерализованные параметры на лингвистическом, коммуникативном и социокультурном уровнях, так и ситуативные характеристики, специфичные для каждой конкретной культуры. Поиск генерализованного «универсального» педагогического дискурса может повлиять на наши собственные ценности и нормы, но с другой стороны, даст возможность ускорить обучение и улучшить условия межкультурного общения. Регистр педагогического дискурса есть яркое проявление этнической коммуникативной стратегии, в которой возможно выявить как универсальные, так и специфические для культуры коды, принятые в разных культурах.

Список литературы/ References

1. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л.В. Куликова: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Монография – Красноярск, 2006. – 392 с.
2. Galtung J. Struktur, Kultur und intellektuell Stil: Ein vergleichender Essay über sachsenische, teutonische, gallische und nipponische Wissenschaft / J. Galtung. – München, 1985
3. Gudykunst W.B.: Intercultural communication: Current Status and Proposed Directions / W.B. Gudykunst. - Norwood, NJ, 1985.
4. Samovar, Larry A., Porter, Richard E.: Communication between cultures /L.A. Samovar, R.E. Porter: – Wadsworth: Thomson Learning. 4th ed. - 2001.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kulikova L.V. Kommunikativnij stil' v mezhkulturnoj paradigme [Communication style in intercultural paradigm] / L.V. Kulikova; edited by Krasnoyarsk Pedagogic University named after V.P. Astafyev. – Monography – Krasnoyarsk, 2006.- 395 p. [in Russian]
2. Galtung J. Struktur, Kultur und intellektuell Stil: Ein vergleichender Essay über sachsenische, teutonische, gallische und nipponische Wissenschaft / J. Galtung. – München, 1985

3. Gudykunst W.B.: Intercultural communication: Current Status and Proposed Directions / W.B. Gudykunst. - Norwood, NJ, 1985.

4. Samovar, Larry A., Porter, Richard E.: Communication between cultures /L.A. Samovar, R.E. Porter: – Wadsworth: Thomson Learning. 4th ed. - 2001.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.101

Терских М.В.

ORCID: 0000-0003-0127-6917, Кандидат филологических наук,
доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

**ПОЛИКОДОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ТЕКСТАХ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ**

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-04-00487

«Новые медиа в России: исследование языка и коммуникативных процессов»

Аннотация

В статье рассматриваются инструменты воздействия, используемые в современной социальной рекламе. Исследуются вербальная и визуальная составляющие поликодового рекламного текста с точки зрения их семантического и прагматического потенциала. Особое внимание уделяется способам концептуализации категории вреда в текстах социальной рекламы. Автор анализирует механизм визуализации вреда (цвет и образы) и наиболее частотные средства речевой выразительности, применяемые для повышения коммуникативной эффективности социальной рекламы.

Ключевые слова: социальная реклама, концепт вреда, метафора, инструменты воздействия.

Terskikh M.V.

ORCID: 0000-0003-0127-6917, PhD in Philology, Associate Professor,
F.M. Dostoevsky Omsk State University

Work is performed with assistance of RGNF 14-04-00487 grant

"New media in Russia: research of language and communicative processes"

MULTICODE METHODS OF INFLUENCE IN SOCIAL ADVERTISING

Abstract

The article is devoted to the methods of influence used in modern social advertising. The article examines verbal and visual components of multicode advertising text from the point of view of their semantic and pragmatic potential. Particular attention is given to the methods of conceptualization of harm in the texts of social advertising. The author also analyzes the harm visualization mechanism (color and images) and the most frequent means of verbal expression, used to improve the communication efficiency of social advertising.

Keywords: social advertising (PSA), concept 'harm', metaphor, methods of influence.

Влияние рекламы на массовое сознание возрастает с каждым годом, и социальная реклама в настоящее время выступает как инструмент формирования мировоззрения человека. Перед индивидуально-коллективным автором текста социальной направленности стоит сложная задача – сформировать у людей негативное отношение к определенным явлениям действительности, от которых можно избавиться, принимая или не принимая определенную модель поведения. Задача социальной рекламы заключается, в частности, в обозначении острой социальной проблемы, а затем – в предложении реципиентам варианта/вариантов решения проблемы, устранения угрозы в виде конкретной модели поведения.

Как правило, в основе текстов социальной рекламы лежит концептуализация категорий *вреда* и *пользы* – в зависимости от стоящей перед копирайтером задачи – сформировать желание отказаться от *вредной* привычки и/или привить социально одобряемые формы поведения.

При этом специалисты по рекламе могут описывать проблемы и угрозы по-разному, но в любом случае в результате у потребителя должно сформироваться четкое понимание, что это *вредно*. Негативное отношение к определенным явлениям действительности создается с помощью апелляции в социальной рекламе к концепту вреда. Для этого используются разнообразные приемы, изучению которых и будет посвящена настоящая статья.

Рассмотрим основные визуальные и вербальные средства воздействия, направленные на концептуализацию *вреда* в дискурсе социальной рекламы. Как справедливо отмечает В.Е. Чернявская, «изучение взаимодействия и взаимопроникновения средств вербализации и средств визуализации сообщения, то есть изучение поликодовых текстов, отвечает новым тенденциям развития лингвистической науки нового этапа в ее культурно-семиотических и мультимедийных координатах» [1, с. 96]. При этом роль визуализации как инструмента увеличения воздействующего потенциала рекламного сообщения трудно переоценить.

Визуальные средства формирования концепта *вред*.

В социальной рекламе, использующей психологическую и речевую угрозу, технологии устрашения и апелляции к концепту вреда, можно встретить следующие визуализированные компоненты.

1. Образ смерти/самоубийства. В концепте *смерть*, представленном в текстах социальной рекламы, сформировалось представление о ней как об ужасном явлении, что проявилось в персонифицированном облике: скелетоподобность и мертвенная бледность. **Не прокури свое здоровье!* – надпись сопровождает изображение пораженное окурком сердце.

2. Образ болезни. Данный прием особенно популярен в социальной рекламе, где изображаются пораженные раком легкие курильщика, кровеносные сосуды с атеросклерозом, суставы с подагрой и т.д.

3. Визуализация проблемы. Изображение развития проблемы и ее предотвращения в результате определенной модели поведения. Используется модель «до и после». **Что ты хочешь собирать в лесу?:* идет параллельное изображение свалки мусора и освещенной солнцем поляны с грибами. Изображено то, что было до проблемы и что будет, если не прекратить засорять природу. Кроме того, проблема может быть визуализирована посредством разнообразных мультипликационных персонажей-злодеев: белочки, символизирующей белую горячку (социальная реклама против пьянства Минздравсоцразвития РФ), различных персонажей, созданных по образу сигареты, шприца, бутылки.

Цвет как средство формирования концепта вред.

Кроме персонажей рекламы, на восприятие влияет и цветовая гамма, в которой выполнена социальная реклама. Цвет является одним из важнейших компонентов поликодовых текстов, формирующих контекст восприятия креолизованного сообщения.

При описании проблемной ситуации часто используются цвета, пробуждающие тревогу и привлекающие внимание, – красный, бордовый. Это можно объяснить тем, что красный цвет – это символ опасности, раздражающий и беспокойный [2], он создает атмосферу напряженности, что способствует нагнетанию обстановки и включению «сектора тревожности» у потребителя. Не менее частотное использование черно-серой гаммы, поскольку «черный и серый цвета символизируют чувства страха, безнадежности, упадка и близости смерти» [2, с. 94].

При этом введение в рекламное сообщение модели мира беспроблемной ситуации сопровождается светлыми, яркими цветами, что помогает усилить положительную реакцию и мотивировать человека отказаться от модели поведения, представленной ранее. Часто при изображении решения проблемы используется голубой или зеленый цвета. По мнению Люшера, зеленый цвет успокаивает, олицетворяет свежесть и здоровье. Подобными характеристиками обладает и голубой цвет. Эти цвета относятся к успокаивающим. Кроме того, голубой и синий цвет обладает антистрессовым действием и может снимать напряжение [2].

В целом, сопряжение в рамках рекламного сообщения, построенного по принципу проблема–решение, нескольких цветовых кодов с переходом от негативного к позитивному является достаточно шаблонным в дискурсе социальной рекламы. Это объясняется тем, что в визуальном семиотическом коде «работают» три цвета, составляющие базис образа мира, по Яньшину, – красный цвет крови живого существа, черный цвет смерти и белый цвет надежды. Эта совокупность колоративов связана с их «внутренней формой» – эмоциями реципиента рекламного сообщения и потенциальным психологическим воздействием на него [2, с. 94].

Языковые приемы.

Регулярно при формировании концепта вреда используются контекстуальные синонимы, например, в градации, когда происходит усугубление проблемной ситуации: **Я имею больше сил, чем объединенные армии всего мира.....Я нахожу своих ЖЕРТВ среди богатых и бедных...Я приношу бедность, болезнь, СМЕРТЬ...Я ваш Худший Враг. Я – алкоголь.* В данном контексте существительные «враг», «смерть», «болезнь», «алкоголь» выступают как синонимы, что позволяет эффективнее концептуализировать вред, связанный с алкоголизмом.

**Легкие курильщика подобны губке, полной канцерогенных смол. В табачном дыме более четырех тысяч ядохимикатов, больше, чем в выхлопных газах автомобиля.* «Табачный дым», «канцерогенные смолы», «ядохимикаты», «выхлопные газы» синонимичны в данном контексте.

Средства речевого воздействия позволяют сделать рекламные тексты более эффектными и эффективными. В процессе анализа материала исследования мы выявили наиболее частотные средства речевого воздействия.

Сравнение позволяет более выразительно описать проблему, о которой говорить в социальной рекламе: **Легкие курильщика подобны губке, полной канцерогенных смол; *Азартные игры подобны зависимости.*

Языковая метафора хороша тем, что она компактно «упаковывает» смыслы, экономя при этом усилия говорящего (в нашем случае – автора рекламного сообщения), неожиданные метафоры привлекают адресата, обладают большим воздействующим потенциалом.

При формировании концепта вреда в социальной рекламе часто используются метафоры борьбы, войны, смерти: **Я ваш худший враг. Я – алкоголь; *Кокаин уничтожает страны; *Эти маленькие «чертята» ежедневно убивают тебя изнутри.*

Нельзя не признать, что в текстах социальной рекламы часто преувеличивается существующая угроза, опасность для здоровья, при этом у реципиента включается так называемый «сектор тревожности». Курение, употребление алкоголя и наркотиков и даже пристрастие к сладкому приравниваются к смертельным болезням и обязательно сопровождаются несчастными случаями: **Наркомания – путь к смерти. *Выпил – не заводишь! РАЗОБЬЕШЬСЯ. *Каждые 30 секунд нога ампутируется по причине диабета.*

Преувеличивая масштабы проблемы, рекламист надеется вызвать у потребителя повышенное внимание к проблеме, ввести в состояние беспокойства.

Риторические вопросы – характерная черта текстов социальной рекламы. Часто материал начинается с вопроса, на который в дальнейшем будет получен ответ. Приведем примеры: **А куда уходит твоя жизнь? (сигарета в виде поезда); *Хочешь оторваться? (изображение вылетающей из тела души).*

Зачастую вопросы подкрепляются ярким визуальным компонентом, что помогает дать более полное описание проблемной ситуации при формировании концепта вреда.

Риторическое восклицание передает различные эмоции автора: удивление, восторг, огорчение, радость и т.п.: **Не прокури свое здоровье!; *Брось курить сегодня!*

При формировании концепта вреда в социальной рекламе очень важно эмоциональное воздействие на потребителя. Использование риторических восклицаний позволяет это воздействие осуществить. Кроме того, использование повелительного наклонения усиливает воздействие, не оставляет выбора.

Перифраз – это троп, описательно выражающий одно понятие с помощью нескольких. Частными случаями перифразы являются эвфемизация и дисфемизация.

**Игры без насилия. Играй по правилам. Король не бьет даму. Дама не бьет валета. Насилие в семье карается законом* (за счет использования метафорического переноса: король – отец, дама – мать, валет – ребенок сглаживается – эмоциональная напряженность текста).

**Зебра главнее всех ослов. Сбрось скорость на переходе* (осел – невежливый водитель, нарушающий правила дорожного движения).

Эвфемизация редко применяется в социальной рекламе, формирующей концепт вреда, поскольку эвфемизмы сглаживают «резкие выражения». Наиболее часто используются средства выразительности, которые, напротив, позволяют усилить описываемую проблему, ярко ее представить, например, **градация** и **гипербола**.

С помощью **градации** зачастую происходит нагнетание тревожности, страха: *Он (алкоголь) мнимо поднимает настроение и позволяет забыться. Он отвлекает от мира реального, открывая параллельную Вселенную. Там нет ничего, что волнует нас в обычной жизни: нет проблем, нет кризисов, нет задач, нет целей и нет ответственности.* С помощью градации ярко изображается опустошенный мир жертвы алкоголизма.

Еще один частотный прием концептуализации вреда в социальной рекламе, позволяющий представить проблему в более объективном свете, – **введение чужой речи**.

**Меня подарили на день рождения очень доброму человеку. Он так сильно любил меня, обучал всяким хитростям и премудростям <...> Потом в нашем доме появилась милая женщина, которая сказала хозяину, что любит его и что ей тяжело дышать, когда я рядом. А потом был этот день, когда мне было больно... Диккенс Мишель (стаффордширский терьер, 2 года 1 месяц – любимец всего двора. Забит до смерти группой подростков на глазах у своего пьяного хозяина, проигравшего его в карты).*

История, рассказанная от первого лица, позволяет добиться наибольшего эмоционального воздействия. Очевидно, что качественно придуманная либо реальная история обладает большей эффективностью, чем сухая статистика. Нарратив делает рекламное сообщение интересным, привлекает внимание.

В целом механизм концептуализации вреда предполагает апелляцию преимущественно к негативным эмоциям, представление социальных проблем в натуралистичном и гиперболизированном виде. При этом зачастую в основе такого рода шоковой терапии лежит пугающая метафорическая визуализация категории вреда, поэтому при анализе мы сделали акцент именно на поликодовом инструментарии – визуальный компонент, как правило, обладает не меньшим, а то и большим воздействующим потенциалом, нежели вербальная составляющая рекламного текста.

Список литературы/ References

1. Чернявская Е. В. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность / Е. В. Чернявская. – М., 2009 – 248 с.
2. Зубкова Н. С. Цветообозначение в англоязычной социальной рекламе / Н. С. Зубкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2016. – № 4(58): в 3-х ч. – Ч. 1. – С. 93–96.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Chernjavskaja E. V. Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' [Linguistics of text: polycode, intertextuality, interdiscursivity] / E. V. Chernyavskaya. M., 2009. – 248 P. [in Russian].
2. Zubkova N. S. Cvetooboznachenie v anglojazychnoj social'noj reklame [Color Denotation in the English Language Public Service Advertisement] / N. S. Zubkova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, 2016. № 4(58). – V. 1. – P. 93–96. [in Russian].

DOAJ

Все материалы, опубликованные в Международном научно-исследовательском журнале, размещаются в депозитарии научных изданий Университета Лунда.
DOAJ (Лунд, Швеция) [<http://www.doaj.org/>].

Таким образом, публикации наших авторов доступны еще большему кругу исследователей, что поднимает их статус и увеличивает возможность цитирования.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.094

Ускова А.И.

ORCID: 0000-0002-8046-2170, Кандидат филологических наук,

Воронежский государственный технический университет

ОБРАЗ ПРЕСТУПНИКА В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**Аннотация**

Статья посвящена рассмотрению основных этапов развития англоязычной детективной литературы. Описывается зависимость между жанром литературного произведения и количеством употребления в ней арготической лексики. Проведен анализ особенностей создания образа преступника в жанре детектив. Представлены два речевых плана (авторская и персонажная речь), участвующих в характеристике героев. Особое внимание уделяется английскому арготическому как средству передачи авторской оценки в рамках художественного произведения.

Ключевые слова: детективная литература, образ преступника, авторская речь, персонажная речь, английское арготическое.

Uskova A.I.

ORCID: 0000-0002-8046-2170, PhD in Philology,

Voronezh State Technical University

THE IMAGE OF THE CRIMINAL IN ENGLISH DETECTIVE FICTION**Abstract**

The article considers the main stages of development of English-language detective fiction. The relationship between the genre of a literary work and the amount of argotic vocabulary is described. Characteristics of the creation an image of the criminal in the detective genre are analyzed. Two types of speech in the fiction (author's and characters' speech) involved in the characterization of the heroes are represented. Special attention is paid to the English argot as a means the author's evaluation within the piece of literature.

Keywords: detective fiction, image of the criminal, author's speech, characters' speech, English argot.

Среди многообразных явлений мировой художественной литературы жанр детектива занял особое место. Зародившись еще в XIX веке, он стал одним из наиболее значимых феноменов мировой беллетристики и так называемой современной массовой литературы. Особый интерес к данному литературному направлению связан с тем, что отдельные его произведения способны служить материалом, позволяющим изучить эволюцию формы данного вида художественных произведений, а также рассмотреть специфику репрезентации образа преступника.

Демократические традиции как один из основополагающих социокультурных факторов во многом определили развитие англоязычной детективной литературы. Появление таких жанров как «крутой» детектив (Д. Хэммет, Р. Чандлер, Э.С. Гарднер, Д.Х. Чейз), полицейский детектив (Э. Макбейн) и юридический триллер (Д. Гришэм) во многом обуславливалось интересами и потребностями читательской аудитории.

В эволюции детектива как жанра литературы можно выделить несколько хронологических этапов:

1) 1920–40-е годы – в это время наиболее репрезентативными являются произведения Дешила Хэммета и Реймонда Чандлера;

2) 1950–70-е годы – романы Эда Макбейна;

3) 1980–90-е годы – юридические триллеры Джона Гришэма;

4) начало XXI века триллеры Стивена Лизера.

В данной работе мы ставим перед собой цель рассмотреть особенности репрезентации образа преступника в англоязычном детективе посредством употребления нестандартной лексики, а именно арготического. Перед тем, как приступить к непосредственному анализу художественных произведений, дадим определение понятию арготического. Арготическое представляет собой особый язык криминальной субкультуры, вышедший в настоящее время за пределы употребления исключительно в местах лишения свободы. Отдельные слова и

выражения можно все чаще встретить на страницах газет, в речи публичных людей, а также в художественной литературе.

Образ литературного героя выстраивается посредством различных приемов: описаний, портретных характеристик, художественных деталей, а также речевых характеристик персонажа.

Важной представляется зависимость между жанром литературного произведения и средствами художественной выразительности. Так, в произведениях классического направления арготическая лексика присутствует в минимальном количестве, тогда как в «крутом» детективе она встречается значительно чаще.

При описании героев-преступников авторы прибегают к употреблению арготизмов, обозначающих их «профессию»: *daddy, fence, stoolie, snatch, cracker, pusher*. Вместе с тем для передачи эмоций и чувств создателя произведения, а также для оценки поступков и действий самих героев используются нестандартные эквиваленты литературной лексики: "...who then could possibly imagine that Danny Gimp was an informer, a *stoolie*, a *rat*, or even God forbid a *snitch*?" [3, p. 50]. Данный пример, взятый из романа Э.Макбейна "Ахе" свидетельствует о многократном употреблении арготизмов в рамках одного предложения. При этом также интересно выстраивание ряда арготизмов-синонимов в порядке усиления пейоративной окраски от *stoolie* (доносчик) до *snitch* (стукач). Все это свидетельствует о негативной оценке автором героя.

Достаточно часто герои-преступники получают характеристику не напрямую через авторскую речь, а посредством персонажной речи и диалогов. Так, например, происходит в произведении Д. Хэммета "Red Harvest", где шеф полиции Нуан описывает одну из подозреваемых в убийстве следующим образом: "A *soiled dove*, as the fellow says, a *de luxe hustler*, a *big-league gold-digger*" [2]. Автор использует арготизмы *soiled dove* (a high-flying harlot [5, p. 1528]) и

hustler (a pickpocket who relies on jostling and hustling his victims [5, p. 2668]) для того, чтобы читатель обратил внимание на профессионализм опытного полицейского, знакомого с криминальным миром не понаслышке и с первого взгляда способного описать все черты и качества преступников.

Необходимо отметить, что для героев-преступников детективных романов присуща и самохарактеристика, т.е. то, что персонаж заявляет от своего имени и содержится в прямой диалогической речи. Грубость речи, использование героем стилистически сниженных средств является одним из наиболее эффективных способов передачи актуальной информации о нем.

Например, в романе Э. Макбейна “Fuzz” герои-представители криминального мира обсуждают готовящуюся операцию, при этом один из них, Ахмад, презрительно высказывается в адрес полицейских: “Don’t you realize why they’re called *fuzz*?” – “Because they’re *fuzzy* and *fussy* and antiquated and incompetent” [4, p.148]. Употребляя арготизм *fuzz* (a police officer; the police [1, p. 277]), герой не только оскорбляет представителей правопорядка, но и противопоставляет себя им. Таким образом, употребление арготизмов в речи героев-преступников является совершенно естественным, что является эффективным и экономным средством самохарактеристики действующего лица. Все это способствует созданию эффекта достоверности и аутентичности изложения.

Использование арготизмов позволяет читателю погрузиться в эпизод, описываемый в романе, а также понять, что персонаж это непосредственный участник событий, происходящих в преступном мире.

При сравнении частоты употребления арготизмов в создании образа героя-преступника в авторской и персонажной речи нами была обнаружена тенденция количественного увеличения использования данного типа лексики именно в персонажной речи. Для персонажного плана характерна стилизация разговорности и спонтанности, которые придают литературному произведению максимальное сходство с реальной действительностью.

Для романа Э. Макбейна “Axe” свойственно привлечение в текст повествования большого количества диалогов, дающих речевую характеристику героев и помогающих лучше понять их мировоззрение и социальное положение. Так, например, полицейские в своем диалоге обсуждают личность подозреваемого:

“Oh, boy, we have got real *bigtime* gangster in here,” Hawes said.

“Ha, ha, very funny,” Spedino said.

“It is impossible, huh? Impossible for a *con* to work in a book shop.” [3, p. 92].

Общий эффект разговорности стиля в данном случае достигается за счет арготической лексики (*bigtime* – the high level of success [1, p. 55], *con* – confidence swindler [1, p. 157]). Включение арготических единиц в диалог персонажей создает полное впечатление перемещения сцены из мира реального в мир художественный: из мира, где арготизмы естественный спутник носителей устной речи, в мир, где данная лексика становится имитацией и стилизацией.

Анализ приемов создания образов преступников в художественных произведениях жанра детектив показывает, что одним из наиболее важных способов раскрытия индивидуальности героя, его характера, социального положения, эмоционального состояния является именно речевая характеристика.

Арготизмы, включенные в отдельные реплики героев или диалоги, способны передавать читателю информацию о ситуации общения, а также являться средством авторской оценки. При этом арготизмы с преимущественно пейоративной окраской свидетельствуют о негативном отношении автора произведения к герою-преступнику, что продиктовано канонами и жанровыми особенностями детективного жанра.

Список литературы/ References

1. Dalzell T. The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English / T.Dalzell, T. Victor. – Routledge, 2007. – 740 p.
2. Hammett D. Red Harvest [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lucite.org/lucite/archive/fiction_-_hammett/red%20harvest%20-%20dashiell%20hammett.pdf (дата обращения: 25.10.2016).
3. McBain E. Axe / E.McBain. – London and Sydney : Pan Books Ltd., 1978. – 141 p.
4. McBain E. Fuzz / E. McBain. – Pan Books London and Sydney, 1979. – 205 p.
5. Partridge, E. The Routledge Dictionary of Historical Slang / E.Partridge. – Routledge, 2006. – 6031 p.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.140

Шамина Л.А.

Доктор филологических наук

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

**СТРУКТУРНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЛОЖНОСТЬ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ
СКАЗУЕМОГО В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ***Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-04-00296**«Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе»***Аннотация**

В статье представлены результаты исследования бипредикативных конструкций (БПК) тувинского языка, в которых выражаются таксисные значения предшествования или следования главного события за событием зависимой предикативной единицы (ЗПЕ). В тувинском языке выделяются два типа таксисных конструкций: а) таксисные конструкции с использованием инфинитных глагольных форм, б) таксисные конструкции с использованием финитных аспектуально-темпоральных форм.

Основным средством выражения зависимого таксиса является использование нефинитных форм сказуемого ЗПЕ: деепричастных, причастно-падежных и причастно-последложных. Соответственно, структуру сказуемого ЗПЕ представляют либо синтетические, либо аналитические формы и конструкции.

Минимальные семантические структуры БПК биситуативны. Вследствие обязательного признака двуситуативности, они также имеют двуситуативную семантическую структуру.

Ключевые слова: бипредикативная конструкция, таксис, тувинский язык, нефинитная форма, финитная форма, аналитическая конструкция.

Shamina L.A.

PhD in Philology,

Institute of Philology, SB RAS, Novosibirsk

**STRUCTURAL AND SEMANTIC COMPLEXITY OF PREDICATE ANALYTICAL
CONSTRUCTIONS IN TUVAN****Abstract**

The article presents the results of research focused on bipredicative constructions (BPC) in the Tuvan language which express the taxis meanings of precedence or posteriority of the main event regarding the event described in the subordinate predicate unit (SPU). In the Tuvan language, two types of taxis constructions are observed: 1) taxis constructions with infinitive verb forms; b) taxis constructions with finite aspectual-temporal forms.

The main means of expression of dependent taxis is the usage of non-finite predicate forms in the SPU: participial, participial-casal and participial-postpositional. Therefore, the structure of the predicate in SPU is represented by synthetic or analytic forms and constructions.

Minimal semantic structures of BPC are bi-situational. Since the bi-situational characteristic is obligatory, their semantic structure is more complex (bi-situational).

Keywords: bipredicative construction, taxis, the Tuvan language, non-finite form, finite form, analytic construction.

1. Структура БПК. В аспекте структурной организации БПК важна их характеристика с точки зрения соотношения аспектуально-темпоральных и модальных планов частей.

Вопрос о закономерных трансформациях временных значений (абсолютных в относительные или относительно-абсолютные) в грамматической литературе, в общем, разработан. Значительно менее разработан в общетеоретическом плане вопрос об аспектуальных формах, их роли в структурной организации БПК и о том, в какой мере они подвержены трансформациям, попадая в позицию сказуемого ЗПЕ.

В исследованиях БПК в разных языках основное внимание обращалось на соотношение форм сказуемых. Каждая из инфинитных форм несет определенный набор значений, как будто не зависящих от контекста: так тюркское причастие на \Rightarrow называют причастием будущего времени. Это значение оно реализует и в роли конечных сказуемых, и в роли определений при существительных. Но сохраняет ли оно это значение, выступая в роли зависимого сказуемого в падежной или последложной форме? Этот вопрос требует ответа применительно к каждой конкретной модели. Так, например, причастие настояще-будущего времени на $\Rightarrow ap$ в формах на $\Rightarrow ap=ga$ и $ap=da$ (дательный и местный падеж) абсолютного значения будущего времени не сохраняет. Формы $\Rightarrow ap=ga$ и $\Rightarrow ap=da$ передают значение следования и одновременности в зависимости от аспектуальной характеристики главной предикативной единицы (ГПЕ) и ЗПЕ.

Причастие прошедшего времени на $\Rightarrow gan$ в форме местного падежа ($\Rightarrow gan=da$) абсолютного значения прошедшего времени также не сохраняет. ЗПЕ представляет свое событие как непрерывно длящееся, ГПЕ – как прерывистое, повторяющееся. В целом же это прерывистое действие укладывается в интервал времени действия ЗПЕ. Сказуемое ГПЕ выражено глагольной аналитической конструкцией (ГАК), первым компонентом которой может быть любой разнозначный глагол, а вторым – вспомогательный глагол *tur=* 'стоять'. Используется данная ГАК для передачи различных значений узуальности, включая в свой состав соответствующий вспомогательный (серийный) глагол.

1.1. Таксисные конструкции с инфинитными глагольными формами. Таксис представляет собой категорию, «которая реализуется в бипредикативных (и шире полипредикативных) конструкциях, где грамматическими средствами маркируется временная локализация (одновременность / не одновременность: предшествование, следование) одной ситуации относительно другой ситуации, чья временная локализация характеризуется относительно времени речи, т.е. независимо от какой-либо еще ситуации» [1, 20].

В статье рассматриваются БПК тувинского языка, в которых выражаются таксисные значения предшествования или следования. Передаваемый в таких предложениях смысл последовательности действий естественно связан с признаком целостности на уровне микроситуации.

В тувинском языке выделяются два типа таксисных конструкций: а) таксисные конструкции с использованием нефинитных глагольных форм (причастий, деепричастий), б) таксисные конструкции с использованием финитных аспектуально–темпоральных форм.

В формировании сказуемого в БПК принимают участие, в той или иной степени активности, те же морфологические формы, что и в простом предложении. К ним относятся, с одной стороны, – инфинитные формы глагола – причастия, деепричастия и инфинитив, составляющие основную морфологическую базу тюркского таксиса.

С другой стороны – в формировании сказуемого в БПК принимают активное участие падежи, послелого, служебные имена, частицы, а также вспомогательные глаголы. Основным средством выражения зависимого таксиса является использование нефинитных форм сказуемого ЗПЕ (синтетические БПК): деепричастных и причастно–падежных.

В любых таксисных конструкциях, да и в любых БПК, ЗПЕ в принципе может либо предшествовать главной предикативной единице (ГПЕ), либо следовать за ней, либо вклиниваться в нее. Выбор конкретной позиции определяется коммуникативной структурой дискурса.

Сказуемое ЗПЕ может быть выражено либо синтетическими инфинитными формами, либо аналитическими формами и конструкциями. Аналитические конструкции сказуемого могут быть представлены сочетанием причастия в форме одного из косвенных падежей с послелогом или в форме неопределенного или родительного падежа со служебными именами; либо деепричастия с вспомогательными глаголами в соответствующих грамматических формах.

Анализ материала показал, что и структурные формы сказуемых, и специфические грамматические значения, которые выражаются при помощи этих форм, чрезвычайно разнообразны.

2. Структурные типы сказуемого. ГАК сказуемого могут быть двухкомпонентными и многокомпонентными. Последние предстают как структурные и семантические усложнения бивербальной конструкции (БВК), выражают более сложные отношения. БВК, являясь структурной основой для многокомпонентных конструкций, выступают в их составе в качестве бивербальной конструкции основы (БКО). БКО сочетается со свободными компонентами, которые могут предшествовать ей или следовать за ней и принимать определенную инфинитную форму по требованию финального вспомогательного глагола.

Процесс нарастания количества компонентов может осуществляться за счет вхождения в состав ГАК модальных частиц *иргин*, *ийин*, *эвеспе оң*, *эвеспе аан*, *=даа*, *=ла*, по одной и в комбинациях. Частицы могут присоединяться как к двух–, так и к многокомпонентным ГАК.

Входящие в состав ГАК частицы вносят дополнительные элементы значений: экспрессивную модальность, степень уверенности говорящего в реальности происходящего действия и пр. Придавая высказыванию различные модусные смыслы, они, зачастую, дословно не переводятся.

Класс аналитических многокомпонентных сказуемых объединяет несколько функционально–семантических типов сказуемых, каждый из которых представлен определенным множеством структурных форм [2].

Представляя собой особый тип синтаксической связи частей сложного высказывания, ГАК выражают целый комплекс аспектуальных и модально–темпоральных характеристик.

Все компоненты в составе АК взаимозависимы. Ограниченность проявляется в употреблении замыкающего вспомогательного компонента. В БВК возможно использование более 20 вспомогательных глаголов [3, 411–416].

Частота их появления в текстах далеко не одинакова, но в целом они появляются достаточно часто, чтобы судить о регулярности этой функции для каждого из глаголов, включаемых в список.

Вспомогательные глаголы избирательно сочетаются как со знаменательными глаголами, так и с грамматической формой последних.

Каждый из них может модифицировать лишь определенный круг смысловых глаголов. Глаголы *олур* ‘сидеть’, *чыт* ‘лежать’, например, предпочитают сочетаться с глаголами, характеризующими положение субъекта в пространстве, частично сохраняя свою семантику. Грамматикализуясь, они проявляют более свободную сочетаемость с глаголами разных ЛСГ.

(1) *Эң мурнунда Черликпен ышкаш бедик, тас кара ыт халып олур* (СТ, с. 22) ‘Впереди, похожий на Черликпена, большой черный пес мчится’.

В составе сказуемого глаголы *халы* = ‘прыгать’ и *олур* ‘сидеть’. Семантика грамматикализованной АК – директив / имперфектив: действие, протекающее интенсивно.

Кроме семантики длительности вспомогательные глаголы могут выражать дополнительные оттенки значений: интенсивность, внезапность и др.

Ограничения на сочетаемость обусловлены комплексом параметров: лексико–семантической группой смыслового глагола (например, относится ли он к глаголам восприятия, к глаголам ментальных или физических действий, к глаголам с необратимым результатом типа глаголов разрушения и уничтожения и т. п.); его акциональной характеристикой (в терминах статичности / динамичности, предельности / неопредельности); его синтаксическими особенностями (прежде всего, переходностью или непереходностью) и др.

В результате взаимодействия грамматического значения (задающего точку зрения на ситуацию) и акционального типа глагольной лексики развивается аспектуальное значение в целом.

2.1. Семантика ГАК. Все рассмотренные ГАК формируют инфинитные сказуемые БПК, для которых то или другое таксисное значение является либо прототипическим, либо не прототипическим, а фоновым, сопутствующим прототипическому.

Минимальные семантические структуры БПК биситуативны. Вследствие обязательного признака двуситуативности, они также имеют двуситуативную семантическую структуру.

Ср., например, фоновое значение обусловленности в темпоральных конструкциях [4, 189-190]:

(2) *Доңа бергенде, ажылдаары дам баар* (СС, А, 227) 'Когда замерзнешь, еще активнее работаешь';

или в сравнительных конструкциях:

(3) *Кызыл-Бөртүг боостаазынга дүктүг бышкак чыдыпкан дег, харлыгып, чүве чугаалап чадап каан* (Кудажы, 188) 'Кызыл-Бөртүг не смог ничего выговорить, как будто в горле его застрял комок';

в конструкциях сопоставления: *Хөй кеи тыпканывыс тудум-на, акшаны хөйну алыр бис* 'Чем больше мы добудем шкур, тем больше получим денег'.

Изъяснительные ППК наряду с основным значением легко передают значения обусловленности:

(4) «*Тавакты*» *эң баштай көрүп кааш, хей-ле корга бергенимге ол хомудаан* (Суваң, 5) 'Он очень огорчился тому (из-за того), что так испугался, впервые увидев «тарелку»'.

Значения обусловленности могут быть выражены определительными и другими типами ППК:

(5) *Сессиязын эки демдекке дужаан студентилер өстүрген стипендия ап турарлар* 'Студенты, которые сдают сессию на отлично, получают повышенную стипендию'.

Исследованные АК многозначны. Аспектуальные семантические признаки, сопряжены с темпоральными и модальными в составе аспектуально–темпорально–модальных семантических аналитических комплексов.

Разработка структурной и семантической типологии сказуемых на материале тувинского языка должна послужить ключом к построению синтаксиса простого предложения, базирующегося на теоретической концепции структурно–семантического моделирования простых предложений. Согласно этой концепции, синтаксический строй каждого языка существенно определяется небольшим числом (несколько десятков) основных моделей, к которым сводится подавляющее большинство предложений в тексте [5, 3–18]. Реальное многообразие предложений в тексте, помимо лексической разнородности, определяется грамматическим варьированием – прежде всего форм сказуемого.

Список литературы/ References

1. Храковский В. С. 2009. Типология таксисных конструкций / В. С. Храковский. – М., 2009. - 904 с.
2. Шамина Л. А. Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке / Л. А. Шамина. – Новосибирск, 2010 – 239 с.
3. Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. – М., 1961.– 471 с.
4. Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск, 2001.- 250 с.
5. Черемисина М. И. О теоретических вопросах модельного описания предложения / М. И. Черемисина // Предложения в языках Сибири. – 1989. – С. 3-18.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Hrakovskij V. S. 2009. Tipologija taksisnyh konstrukcij [Typology of taxis constructions] / V. S.Hrakovskij – М., 2009. - 904 p. [in Russian]
2. Shamina L. A. Analiticheskie grammaticheskie formy i konstrukcii v funkcii skazuemogo v tuvinskom jazyke [Analytical grammatical forms and structures in the function of the predicate in the Tuvan language] / L.A. Shamina. – Novosibirsk, 2010 – 239 p. [in Russian]
3. Ishakov F. G., Pal'mbah A. A. Grammatika tuvinskogo jazyka [Grammar of the Tuvan language]. – М., 1961.– 471 p. [in Russian]
4. Shamin L. A. Polipredikativnye sinteticheskie predlozhenija v tuvinskom jazyke [Polypredicative synthetic proposals in Tuvan language]. Novosibirsk, 2001.- 250 p. [in Russian]
5. Cheremisina M. I. O teoreticheskikh voprosah model'nogo opisanija predlozhenija [On the theoretical issues of the model description of sentence] / M.I. Cheremisina // Predlozhenija v jazykah Sibiri [Sentences in the languages of Siberia]. - 1989. – P. 3-18. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.207

Шушарина Г.А.

Кандидат филологических наук,

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет,

ДИСКУРС-АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ**Аннотация**

Статья посвящена обоснованию изучения региональной идентичности в свете когнитивно-дискурсивной научной парадигмы. Региональная идентичность рассматривается как уникальный конструкт, выстраиваемый обществом дискурсивно. Для исследования дискурса привлекается дискурс-анализ, который является целостным комплексом приёмов исследования, что обеспечивает получение различного знания об изучаемом явлении и даёт более широкое понимание проблемы. В качестве фактора, определившего выбор материала исследования, явилось учение о кризисе идентичности, согласно которому идентичность проявляется только в момент переживания индивидом определённых кризисных или конфликтных состояний. В настоящее время таким кризисом для Комсомольска-на-Амуре является массовой отток населения из города.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный подход, региональная идентичность, оценка, средства вербализации и маркирования.

Shusharina G.A.

PhD in Philology,

Komsomolsk-on-Amur State Technical University

DISCOURSE ANALYSES OF REGIONAL IDENTITY**Abstract**

The article deals with the analysis of regional identity in the light of the cognitive-discursive scientific paradigm. Regional identity is seen as a unique construction built in public discourse. To investigate the discourse the author of the article involves discourse analysis. Discourse analysis is a set of holistic methods of research that provides knowledge about various social phenomenon and gives a broader understanding of the problem. The author of the article uses the doctrine of the identity crisis as a factor determining the choice of research empirical data. According to the doctrine, identity manifests itself only when an individual experiences certain crisis. For Komsomolsk-on-Amur a mass exodus from the city is rather dangerous.

Keywords: discursive approach, regional identity, evaluation, ways of labeling and expressing.

Постановка проблемы изучения идентичности в лингвистике тесным образом связана с рассмотрением современных научных парадигм, представленных в языке. В настоящее время одним из наиболее распространенных методологических подходов можно считать когнитивно-дискурсивный подход.

При изучении явления с дискурсивных позиций внимание должно уделяться его участию в актах общения людей и его роли в осуществлении происходящей при этом дискурсивной деятельности, включая порождение текстов разного типа. Е.С. Кубрякова считает необходимым объединить дихотомию когниции – коммуникации с помощью единой для обоих полюсов функции. «Таким общим представляется нам единая для когниции и коммуникации ориентирующая, или мирозозидающая, функция языка» [1, С. 68].

По мнению известного лингвиста, ориентирующая функция проявляется в способности языка обеспечивать ориентацию человека в предметном мире и в области сознания. В информационный век ориентирующая (мирозозидающая) функция становится едва ли не самой главной составляющей в формировании психики, интеллекта человека, развитии языковой личности. Через язык или с помощью языка человек знакомится с самой разнообразной информацией о мире. Для настоящего исследования это особенно важно. С развитием когнитивно-дискурсивного подхода становится очевидным, что продвижение информации сопряжено с оцениванием, т.е. ценностно-определено.

«Оценочность и ценностные характеристики осознаются в настоящее время как фундаментальные характеристики универсума бытия человека и общества» [2, С. 4]. Оценочное измерение картины мира определяется жизненным миром человека и общества, которые находятся в постоянном поиске своей идентичности.

О ценностной природе идентичности упоминают многие исследователи, в частности Ш. Тейлор, Л.Б. Шнейдер, Ст. Гурин и другие: «в идентичности преобладает ценностная составляющая. Человек отождествляет себя с другими людьми в контексте каких-либо идей, религии, языка» [3].

В современной лингвистике все более утверждается представление о речемыслительной деятельности человека как способе оценивания опыта в определённых ситуациях жизненного мира и его материализации через «дискурсивные / текстовые образования в их воздействующем качестве социальных практик через процессы формулирования значимых смыслов» [2, С. 9].

Начиная с 1970 года термин «дискурс» активно используется в отечественной и зарубежной науке, включая лингвистику. В результате суть понятия стала размытой и диффузной. Обзорных работ по дискурсу достаточно много. В нашей статье мы кратко остановимся на обзоре критического дискурс-анализа.

По мнению Р. Водак, критический дискурс-анализ концентрируется на изучении аутентичной повседневной коммуникации в институциональной, медиа, политической и других сферах, при этом учитывает не только письменную, но и устную коммуникацию. Институциональный, ситуациональный и социальный контексты формируют и влияют на дискурс, однако, это влияние взаимно [4].

Цель критического дискурс-анализа состоит в том, чтобы пролить свет на лингвистико-дискурсивное измерение социальных, культурных феноменов и современных процессов изменений [5]. В связи с этим, особенно важным представляется нам положение о необходимости изучения дискурса в междисциплинарном свете.

При описании региональной идентичности мы руководствовались несколькими постулатами.

Во-первых, идентичность – это не данность, но некий конструкт, выстраиваемый обществом дискурсивно [6]. Во-вторых, региональная идентичность является подтипом коллективной идентичности. Далее, мы считаем, что региональная идентичность состоит из комплекса схожих пониманий идентичности среди ее носителей, которые они формируют через социализацию, а именно образование, политику, медиаресурсы, спорт и другие дискурсивные практики [7].

Настоящая статья посвящена конструированию региональной идентичности г. Комсомольска-на-Амуре. Выбор города можно обосновать тем, что Комсомольску-на-Амуре трудно выстраивать свою идентичность, т.к. на первый взгляд кажется, что для этого нет культурно-исторических предпосылок.

Опираясь на суждения Л. Филлипс и М.В. Йоргенсен о том, что дискурс является «особым способом общения и понимания окружающего мира», и способы понимания и репрезентации мира имеют «исторически и культурно-обусловленную специфику» [5, С. 18], считаем необходимым обозначить основные этапы в становлении региональной идентичности города Комсомольска-на-Амуре. Подобный исторический экскурс способствует пониманию континуального характера региональной идентичности для языковой личности – носителя региональной идентичности и для регионального лингвокультурного сообщества в целом, при котором сохраняются символы культуры и истории предшествующих моментов развития общества; предлагаются и осваиваются новые способы самоидентификации в коммуникации, в номинативных процессах

Город не является столицей средневековых русских государств, как Новгород или Смоленск. Доля уроженцев города не высока по сравнению с центральными регионами России, поскольку город строился силами всего бывшего Советского Союза, и остались в нем жить представители разных краев и областей не только России, но и советских республик. На укорененность влияет и активный отток населения города в более развитые экономические территории России и страны мира.

Тем не менее, региональная идентичность города Комсомольска-на-Амуре, на наш взгляд, начала формироваться в новой стадии в момент высадки первостроителей на берегах Амура возле села Пермское в 1932 году, когда было принято решение о строительстве нового города, который стал бы форпостом на восточных рубежах Советского Союза.

Однако первоначально формирование идентичности началось в девятнадцатом веке в связи с активной миграцией русских крестьян из уездов в регион в 1855 году. В результате на территории современного города Комсомольска-на-Амуре появилось село Пермское, основанное переселенцами Пермской губернии. Кроме того, в селе проживали поселенцы из Орловской, Тамбовской и Вятской губерний. Вначале, в соответствии с положением о переселенцах, русские селились отдельно от местного населения. По материалам переписи населения 1897 года у нанайцев не было ни одного поселка, в котором жили русские. Но это не мешало тесному общению народов. Взаимоотношения коренных жителей Приамурья и русских были многообразны. Так, они сбывали переселенцам продукцию своих промыслов. На первых порах русские поселенцы учились у нанайцев способам добычи и разделывания рыбы, т.к. рыболовство было одним из основных занятий коренного населения. К началу XX века традиционная система жизнеобеспечения нанайцев значительно трансформировалась под воздействием русских, в результате чего изменяется жизненный мир нанайцев: нанайские семьи стали заниматься животноводством, земледелием, строительством.

История изучения российских регионов претерпевала разные периоды. По мнению И.И. Руцинской, о целенаправленном описании российской территории, отдельных ее локусов можно говорить применительно к Новому времени, когда началось изучение и картографирование страны. Во второй половине XIX века начался период активных краеведческих изысканий. Позже в советскую эпоху в условиях жесткой централизации страны вопросы региональной специфики и территориального своеобразия не поднимались. «Коренной перелом в исследованиях российских регионов произошел в 90-е годы XX века. Сформировалось новое направление в науке – регионоведение» [8].

В качестве материала исследования могут быть использованы сообщения жителей города в сообщениях на местных форумах. В качестве фактора, определяющего выбор материала исследования, является учение о кризисе идентичности, согласно которому идентичность проявляется только в момент переживания индивидом определенных кризисных или конфликтных состояний. В настоящее время таким кризисом для Комсомольска-на-Амуре является массовый отток населения из города. В своих сообщениях авторы стараются подчеркнуть уникальность города, его отличительные особенности, которые могут повлиять на формирование чувства «малой родины», городской идентичности.

Следует также упоминать тот факт, что коммуникативное пространство в сети Интернет характеризуется диссоциативной анонимностью и невидимостью коммуникантов, минимизацией реального авторитета общающихся. Это значительно облегчает вступление в социальную интеракцию за счет эффекта «раскрепощения» [9].

Дискурс-анализ является целостным комплексом приёмов исследования, что обеспечивает получение различного знания об изучаемом явлении и даёт более широкое понимание проблемы.

Субъект (в данном случае это коллективный субъект – город Комсомольск-на-Амуре) приобретает свою региональную идентичность посредством репрезентации в дискурсе. Авторы сообщений указывают на определенные особенности города, формирующие его уникальность, отличность от других городов России. В результате анализ вербальных средств выражения региональной идентичности определил структуру региональной идентичности с такими составными частями, как историческая уникальность, промышленная уникальность, ландшафтная уникальность города. Кроме того, по мнению жителей Комсомольска-на-Амуре, провинциальный статус города является его отличительной особенностью, входящей в структуру региональной идентичности.

Изучение языковых знаков в конкретном эмпирическом материале позволяет выявить как дискурс формирует идентичность. Вербальные средства выражения региональной идентичности способствуют ее генерированию и конструированию.

Список литературы/ References

1. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – М. : Знак, 2012. – 208 с.
2. Серебренникова Е. Ф. Этносемиотика как способ лингвистического аксиологического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография. – М. : ТЕЗАУРУС, 2011. – С. 4–9.
3. Гурин С. Идентичность [Электронный ресурс] / С. Гурин. – URL: [http:// www. topos. ru/article/6727](http://www.topos.ru/article/6727) (дата обращения : 29.09.2015).
4. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – ВГПУ : Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с..
5. Йоргенсен Марианне В., Филипс Луиза Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Марианне В. Йоргенсен, Дж. Луиза Йоргенсен. – Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с.
6. Wodak R., Cillia R. de, Reisigl M. The discursive construction of national identity / R. Wodak, R. de. Cillia, M. Reisigl. – Edinburgh University Press, 2009. – 269 p.
7. Bucholtz M., Hall K. Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach. [Электронный ресурс] / M. Bucholtz, K. Hall. – URL : dis.sagepub.com (дата обращения : 18.10.2015)
8. Рутинская И. И. Образы регионов в культурном пространстве России второй половины XIX – начала XX в. : дис. ... д. культурологии / И. И. Рутинская. – Москва, 2012.
9. Школовая М. С. Лингвистические и семиотические аспекты конструирования идентичности в электронной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук / М. С. Школовая. – Тверь, 2005. – 174 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kubryakova Ye. S. V poiskakh sutschnosti yazika : Kognitivniye issledovaniya [In search of language essence: cognitive research] / Ye. S. Kubryakova. – М. : Sign, 2012. – 208 p. [in Russian]
2. Serebrennikova Ye. F. Ethnosemiotika kak sposob lingvisticheskogo aksiologicheskogo analiza [Ethnosemiotika as the way of linguistic and axiological analysis] / Ye. F. Serebrennikova // Linguistika i aksiologia: Ethnosemiotika tsennostnykh smyslov. – М. : Thesaurus, 2011. – P. 4–9. [in Russian]
3. Gurin S. Identichnost' [Identity] [Electronic resource] / S. Gurin. – URL: [http:// www. topos. ru/article/6727](http://www.topos.ru/article/6727). [in Russian]
4. Wodak R. Yazik. Diskurs. Politika [Language. Discourse. Politics] / R. Wodak. – VSPHU : Volgograd : Peremena, 1997. – 139 P. [in Russian]
5. Jorgensen Marianne V. Diskurs-analiz. Teoria i metod [Discourse analysis as theory and method] / Marianne V. Jorgensen – Humanitarian Centre, 2008. – 352 p. [in Russian]
6. Wodak R. The discursive construction of national identity / R. Wodak. – Edinburgh University Press, 2009. – 269 P. [in English]
7. Bucholtz M., Hall K. Identity and interaction: a sociocultural linguistic approach [Electronic resource] / M. Bucholtz, K. Hall. URL: [http:// dis.sagepub.com](http://dis.sagepub.com). [in English]
8. Rutsinskaya I. I. Obrazi regionov v kulturnom prostranstve Rossii vtoroi polovini XIX – nachala XX v.: Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni k.k.n. [The images of regions in Russian cultural space of the second half of the XIX – beginning of the XX cent: Ph.D. thesis.] / I. I. Rutsinskaya. – Moscow, 2012. [in Russian]
9. Shkolovaya M. S. Lingvisticheskiye i semioticheskiye aspekty konsrtruirovania identichnosti v elektronnoi kommunikatsii: Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni k.f.n. [Linguistic and semiotic aspects of constructing identity in electronic communication: Ph.D. thesis] / M. S. Shkolovaya. – Tver, 2005. – 174 p. [in Russian]

АРХИТЕКТУРА / ARCHITECTURE

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.154

Закиева Л.Ф.

Аспирант, Казанский государственный архитектурно-строительный университет

АНАЛИЗ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ**Аннотация**

Учреждения здравоохранения являются социально-значимыми объектами, следовательно, вопрос их модернизации и развития будет всегда актуальным. Целью работы является изучение эволюции функциональных и архитектурно-планировочных решений больниц. Для достижения данной цели рассмотрены основные этапы развития медицинских учреждений в зарубежной практике. В работе выявлено влияние культурных, духовных, политических аспектов развития региона не только на медицинские учреждения, но и систему здравоохранения в целом. В заключении обозначены особенности функционирования и тенденции развития современных больниц.

Ключевые слова: объекты здравоохранения, эволюция, медицинские учреждения, медицинская помощь.

Zakieva L.F.

Postgraduate student, Kazan State University of Architecture and Engineering

THE ANALYSIS OF THE STAGES IN DEVELOPMENT AND FORMATION OF HEALTH CARE FACILITIES**Abstract**

The health care facilities are socially important objects; therefore, the question of their modernization and development will remain up-to-date all times. The aim of investigation is studying of the evolution of functional and architectural planning solutions of hospitals. The primary task of our investigation is analyzing the main stages of development of health care facilities in foreign practice. Another key point is to identify the influence of cultural, spiritual and political aspects of the regions in development of hospitals and health care system as a whole. As a result we remarked characteristics of functioning and development trends of modern hospitals.

Keywords: health facilities, evolution, health care institutions, medical care.

Появление медицинских учреждений, являющихся прототипом современных больниц, связывают с греко-римской эпохой. В Древней Греции жрецы лечили пациентов в лечебницах при храмах, которые назывались асклепионы [3]. Асклепионы не были предназначены для длительного лечения пациентов. В Древнем Риме лечебницы существовали уже в 1 веке до нашей эры, но данные учреждения носили «ведомственный» характер и предназначались только для военной медицины. Объекты, оказывающие медицинскую помощь, в этот период назывались валетудинариями.

В христианскую эру, вследствие подписания императором Константином в 313 году Миланского эдикта о веротерпимости, начинает оказываться госпитальная помощь бедным, престарелым, душевнобольным и больным. Появляются первые хосписы, называемые хенодокиями, которые становятся приютом для безнадежных больных, умалишенных и бездомных людей [2]. С течением времени данные учреждения были преобразованы в стандартные больницы для населения.

Начиная с 420 года, по всей Западной Европе открываются «Божьи дома». Данные учреждения появляются в Риме, Англии, Лионе, Париже, Нидерландах. Кроме физического лечения здесь оказывается и духовная помощь. Следующие столетия ознаменовались появлением больниц при монастырях. С 542 года строительство больниц поддерживается со стороны правителей. Этот период считается классическим периодом монастырской медицины. В Европе в течение нескольких последующих столетий только в монастырях можно было получить квалифицированную медицинскую помощь. Для того, чтобы обеспечивать лечение и уход, монастырям пришлось стать центрами медицинского образования. Позже монастыри становятся центрами благотворительной деятельности. В 529 году Санкт-Бенедикт Нурсийский проявляет одну из наиболее влиятельных из всех средневековых инициатив в области госпитализации: он внедряет «Правило Бенедикта», который гласит, что при каждом монастыре должен существовать лазарет – медицинское учреждение внутри монастырских комплексов, направленное на лечение и уход за монахами. С 742 все монастыри работают согласно «Правило Бенедикта». Монастыри сыграли важную роль в содействии развитию системы здравоохранения. В этот период монастырские лазареты продолжали расширяться и внедрять новые медицинские услуги. Госпитальная функция полностью перешла к монастырю. Открываются специализированные больницы для прокаженных. К наиболее известным больницам этого периода относятся Варфоломеевская больница (1137г.), больница Санкт-Мари (1179 г.) больница Сент-Томас (1215 г.) в Лондоне. В средневековье в больницы обращались люди, которые стремились найти духовную поддержку, обрести место жительства и пропитание. Монастырские больницы функционируют не только благодаря финансовой поддержке граждан, но и в результате государственных взносов.

Во время средневековья монастырские больницы продолжали расширяться, но были также открыты государственные больницы, которые финансировались городскими властями, церковью и частными лицами.

В 13 веке в составе государственных больниц возникают специализированные отделения. Когда Европа переживает эпидемию проказы, появляются больницы со специальными изолированными отделениями. К 14 веку насчитывается около 19 000 больниц для больных проказой. В 15 веке, когда эпидемия уменьшается, данные учреждения перепрофилируются в психиатрические или инфекционные больницы. Появляются родильные дома, а также специальные дома для престарелых. Возникают случаи, когда лазареты при монастырях расширяются и начинают функционировать как отдельные благотворительные институты. Наиболее известные больницы этого периода: больницы Святого-Леонарда в Страсбурге и больницы святого духа в Нюрнберге.

Больницы функционировали совместно с церковью и считались религиозными учреждениями. Так как медицина была не развита, в больницы в основном ложились пациенты, не имеющие шансов на выздоровление, больницы были «местами не для жизни, а для смерти» [3]. Тогда считалось, что общение с Богом важнее общения с врачом, поэтому больницы имели особую планировку: палаты размещались крестообразно, а в центре располагался алтарь. Больницы по такому плану строились по всей Европе до 17 века.

В 18 веке происходит постепенное отделение больницы от церкви. В этот период начинают задумываться об образовании врачей: при больницах начинают функционировать образовательные учреждения. Позже данные учреждения переименовываются в клиники. Складывается понятие о штате больницы: начинают набирать врачей, медицинских сестер, обслуживающий персонал.

С 19 века государство начинает принимать активное участие в жизни больниц. В этот период начинается формирование здравоохранения как отдельной отрасли, которая оказывает медицинскую помощь населению. До этого времени оказание медицинской помощи замыкалось на уровне двусторонних отношений врача и пациента, а роль государства преимущественно сводилась к реагированию на негативные последствия. Больницы общего профиля начинают функционировать во всех крупных городах. Подготовка специалистов медицинского профиля осуществляется при больницах, появляются специализированные университетские клиники. Научно-технический прогресс, открытия в области хирургии, появление рентгена, антисептиков радикально меняют структуру больницы. Объемно-планировочное решение больницы также меняется: вводится отопление, вентиляция, электричество. Больницы начинают проектироваться в виде просторных, хорошо инсолируемых и аэрируемых помещений с разделением помещений на небольшие палаты. В конце 19 века распространение получает амбулаторное лечение больных. Тогда же усилилось разделение медицины на специальности, в результате чего меняется структура больницы: развивается павильонная застройка. От павильонной застройки больничных учреждений отказались в США: там возвели первые больницы небоскребы до 27 этажей.

К началу 20 века отношение к больницам меняется: девизом больничного строительства становится определение «больница – это дом, где лечат» [3]. Возрастает спрос на стационарную площадь, поэтому увеличивается мощность и усложняется структура больницы.

Вторая половина 20 века ознаменовалась прогрессом хирургии в годы второй мировой войны, прогрессом лабораторных исследований, открытий в области фармацевтики. Если ранее больным оказывался лишь медицинский уход, начиная с 1970-х годов, оказывается диагностика, лечение и реабилитация. Больницы становятся крупными многопрофильными медицинскими учреждениями. На базе многих европейских университетов открываются клиники, таким образом, больницы становятся центрами образования и научных исследований.

На сегодняшний день прослеживается тенденция создания медицинских кластеров – географически концентрированных на локальной территории многопрофильных больниц, амбулаторно-поликлинических учреждений, медицинских университетов, реабилитационных центров. Медицинские кластеры – наивысшая ступень эволюции медицинских учреждений.

Анализ эволюции медицинских учреждений показывает, что с каждым этапом развития усложняется структура и выполняемая функция больниц. Начиная свое развитие как вспомогательные помещения при храмах, постепенно занимая отдельные блоки, а затем и корпуса, сейчас больницы представляют дискретные автономные единицы в структуре города. Они характеризуются сложной планировкой, состоят из множества блоков и корпусов, оказывают многопрофильную помощь населению.

Список литературы/ References

1. Гайдук А.Р. Формирование образа зданий медицины // А.Р. Гайдук // Academia. Архитектура и строительство, 2015. – №4. – С. 86-91.
2. Retief F. P., Cilliers L. The influence of Christianity on Greco-Roman medicine up to the Renaissance: the Biblical world //Acta Theologica: Health and Healing, Disease and Death in the Graeco-Roman World: Supplementum 7. – 2005. – P. 259-277
3. Реформа больниц в новой Европе / Фигерас Ж., Макки М., Моссиалос Э., Солтман Р.Б./ Пер. с англ. –М: Издательство «Весь мир», 2002. – 320с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gajduk A.R. Formirovanie obraza zdaniy mediciny [The formation of Medicine Building image] / A.R. Gajduk // Academia. Arhitektura i stroitel'stvo [Academia. Architecture and construction]. – 2015. №4. – P. 86-91. [in Russian]
2. Retief F. P., Cilliers L. The influence of Christianity on Greco-Roman medicine up to the Renaissance: the Biblical world //Acta Theologica: Health and Healing, Disease and Death in the Graeco-Roman World: Supplementum 7. – 2005. – P. 259-277.
3. Reforma bol'nic v novoj Evrope [Hospitals in a Changing Europe] / Figeras ZH., Makki M., Mossialos JE., Soltman R.B. –M: Izdatel'stvo «Ves mir» [Publisher «All world»], 2002. – 320 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.141

Русских А.Г.

Ассистент, Пермский национальный исследовательский политехнический университет

**ПРИМЕНЕНИЕ ПРОГРАММНОГО КОМПЛЕКСА AUTODESK REVIT
В ОБСЛЕДОВАНИИ ЗДАНИЙ****Аннотация**

В статье рассматривается возможность применения программного комплекса Autodesk Revit в обследовании зданий. Приведены вариант программы комплексного обследования здания, цель и методы проведения обследования, перечень необходимых работ. Разработана пространственная модель здания. Описаны конструктивные особенности здания, основные элементы и конструкции. Приведены рекомендации по устранению дефектов и повреждений, ремонту строительных конструкций здания, мероприятия для безопасной эксплуатации здания.

Ключевые слова: обследование технического состояния, дефекты и повреждения.

Russkikh A.G.

Assistant, Perm National Research Polytechnic University

APPLICATION SOFTWARE COMPLEX AUTODESK REVIT IN THE SURVEY OF THE BUILDING**Abstract**

The article considers the possibility of using software complex Autodesk Revit in the survey of the building. Variants of the program of integrated building survey, the purpose and methods of the survey, list of necessary work. Developed the dimensional model of the building. Describes the design features of the building, basic elements and design. The recommendations for the elimination of defects and damages, repair of building constructions, measures for the safe operation of the building.

Keywords: inspection of technical condition, defects and damages.

Специалисты строительных организаций, занимающиеся техническим обследованием зданий и сооружений, в своей профессиональной деятельности часто сталкиваются с проблемой оформления графических материалов и схем расположения дефектов и повреждений. В частности привычные всем нам архитектурные чертежи фасадов зданий с нанесенными на них дефектами и повреждениями дают неполную информативную картину расположения дефектов.

Решить данную проблему позволяют современные компьютерные технологии.

Применение современной технологии BIM-проектирования и программного продукта Autodesk Revit дают возможность при проведении обследований зданий создать информационную модель здания. При этом существует возможность использования данной модели для представления заказчику обнаруженных дефектов, создания всех видов необходимых спецификаций и чертежей, импортирования данной модели в расчетные программы, подсчитывания объемов, использованных строительных материалов и много другого.

В качестве примера применения данной технологии рассмотрим следующую задачу: «Разработка программы комплексного обследования наружных стен (фасадов) 2-х этажного административного здания с применением современной технологии BIM-проектирования и программного продукта Autodesk Revit».

Цель программы (обследования) – определение фактического состояния конструкций наружных стен здания, создание информационной модели обследуемого здания, выдача рекомендаций для дальнейшей безопасной эксплуатации объекта.

Методика проведения обследования разработана в соответствии с целями и задачами, определенными заявкой Заказчика, а также требованиями ГОСТ Р 31937-11 «Здания и сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния», и включает в себя:

- изучение представленной Заказчиком исходной документация (проектной, исполнительной и эксплуатационной);
- выполнение визуального осмотра конструкций наружных стен здания;
- проведение обмеров геометрических параметров;
- создание информационной модели здания с использованием программного продукта Autodesk Revit;
- определение прочностные характеристики материалов наружных стен методами неразрушающего контроля;
- выявление дефектов и повреждений от силовых и эксплуатационных воздействий;
- выполнение фотофиксации дефектов и повреждений объекта обследования;
- проведение поверочных расчетов несущей способности (при необходимости);
- составление технического заключения по результатам обследования;
- выдача рекомендаций для дальнейшей безопасной эксплуатации объекта.

В соответствии с ГОСТ 31937-2011 «Здания и сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния» существуют следующие категории технического состояния строительных конструкций зданий и сооружений:

- нормативное техническое состояние;
- работоспособное состояние;
- ограниченно работоспособное состояние;
- аварийное состояние.

При этом используются понятия:

Удовлетворительное состояние конструкции - состояние ограждающей или защитной конструкции, отвечающее предъявляемым к ней эксплуатационным требованиям. Работы по ремонту данной конструкции не требуются.

Неудовлетворительное состояние конструкции - состояние ограждающей или защитной конструкции, не в полной мере или полностью не отвечающее эксплуатационным требованиям. Необходимы работы по ремонту или полной замене данной конструкции.

Краткая характеристика объекта обследования.

Объектом обследования является 2-х этажное административное здание прямоугольной конфигурации в плане, габаритными размерами 12,655x16,665 м.

Высота этажа – 3,3 м.

Таблица 1 – Конструктивные решения здания.

Наименование элемента	Конструктивное решение
Фундаменты	- ленточные железобетонные на свайном основании.
Конструкции перекрытий	- сборные железобетонные, толщиной 150 мм с заливкой.
Стены наружные	- кирпичные с наружным слоем из лицевого кирпича, толщиной 510 мм, оштукатуренные.
Стены внутренние и перегородки	- кирпичные стены, толщиной 380 мм, оштукатуренные. - кирпичные перегородки, толщиной 120 мм, оштукатуренные. - перегородки из металлопластиковых стеклопакетов.
Кровля	- скатная, утепленная, покрытие кровли выполнено из оцинкованного стального настила. Водосток с кровли – наружный, организованный.
Отмостка	- бетонная, по периметру здания.

В объем обследования входят наружные стены (фасады), обследование остальных строительных конструкций не предусмотрено.

Проектная, исполнительная и эксплуатационная документация не предоставлена.

Здание – отапливаемое, электрифицировано, оборудовано системами хозяйственного, противопожарно-технологического водоснабжения и канализации.

Вентиляция – естественная и принудительная.

Технические данные о фундаментах и основаниях здания, отчеты инженерно-геологических изысканий не предоставлены.

Результатом обмерных работ будет являться создание информационной модели здания с использованием программного продукта Autodesk Revit, в которой будут отражены сведения об обнаруженных в ходе обследования дефектах и повреждениях.

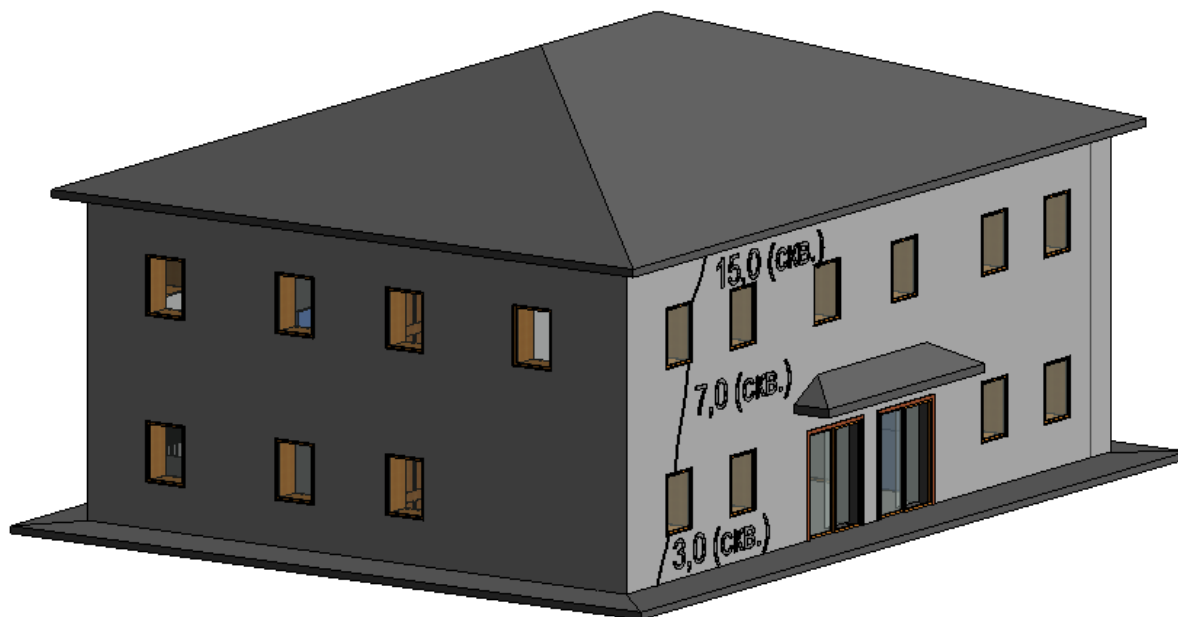

Рис. 1 – Фасад обследуемого здания с обозначением зафиксированных дефектов и повреждений

Рис. 1 получен из созданной модели, которая позволяет в режиме презентации или непосредственного просмотра в программном комплексе в режиме 3D просмотра предоставить Заказчику полную картину состояния наружных стен здания. Разворачивая соответственный вид, показать фактическое место расположения дефектов в объемной модели. А также фасады без дефектов и повреждений.

Анализируя рис. 1, мы видим наличие на южном фасаде здания сквозной трещины шириной раскрытия 3,0 мм в уровне отмостки и 15,0 мм в уровне кровли.

Таким образом, конструкции наружных стен находятся в ограниченно-работоспособном состоянии. Для обеспечения дальнейшей безопасной эксплуатации здания необходимо выполнить комплекс ремонтно-восстановительных работ.

Для определения причин возникновения данных дефектов необходимо:

- определить соответствие фактических прочностных характеристик материалов наружных стен и проектных марок кирпича и цементно-песчаного раствора;
- провести детальное визуально-инструментальное обследование технического состояния конструкций фундаментов, определить соответствие их фактических параметров проектным, т.к. дефекты подобного рода в первую очередь соответствуют деформациям и разрушению фундамента в месте образования подобных трещин;
- произвести шурфовку конструкций фундамента, провести лабораторное исследование грунтов основания фундамента.

Полный комплекс ремонтно-восстановительных работ может быть составлен только после детального обследования фундамента и грунтов основания.

До момента окончания данных работ необходимо:

- установить гипсовые маячки на зафиксированную трещину;
- организовать мониторинг состояния раскрытия трещины с обязательным ведением журнала мониторинга;
- при фиксации продолжающегося раскрытия трещин оградить зону возможного обрушения конструкций.

Таким образом, данная программа позволит специалистам успешно применять информационные модели зданий созданные с использованием программного продукта Autodesk Revit в области обследования и эксплуатации жилых, административных и производственных зданий.

Создаваемая информационная модель может быть передана в эксплуатирующую организацию, которая в свою очередь будет использовать ее в своих целях. А именно, вносить изменения, отмечая и редактируя участки с проведенными ремонтными работами и устраненными дефектами и повреждениями. Вносить данные о планируемых ремонтных работах, сроках их проведения и объемах работ.

Список литературы/ References

1. СП 13-102-2003. Правила обследования несущих строительных конструкций зданий и сооружений. - Спб.: Изд-во ДЕАН, 2004. - 64 с.
2. ГОСТ Р 31937-11. Здания и сооружения. Правила обследования и мониторинга технического состояния.
3. Федеральный закон от 30.12.2009г. № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений».

Список литературы на английском языке / References in English

1. SP 13-102-2003. Pravila obsledovanija nesushhih stroitel'nyh konstrukcij zdaniy i sooruzhenij [Rules of examination bearing structures of buildings and structures]. - Spb.: Izd-vo DEAN, 2004. - 64 s. [in Russian]
2. GOST R 31937-11. Zdaniya i sooruzheniya. Pravila obsledovanija i monitoringa tehničeskogo sostojanija [Buildings and constructions. Rules of examination and monitoring of technical condition]. [in Russian]
3. Federal'nyj zakon ot 30.12.2009g. №384-FZ «Tehničeskij reglament o bezopasnosti zdaniy i sooruzhenij» [Technical regulation on safety of buildings and structures]. [in Russian]

ПРИМЕР DOI:
10.18454/IRJ.2015.0001

Начиная с ноябрьского выпуска 2015 года /10 (41) Ноябрь 2015/, каждой статье, опубликованной в Международном научно-исследовательском журнале, редакция издания будет присваивать идентификатор цифрового объекта DOI:

- DOI облегчает процедуры цитирования, поиска и локализации научной публикации;
- DOI повышает авторитет журнала, а также свидетельствует о технологическом качестве издания;
- DOI является неотъемлемым атрибутом системы научной коммуникации за счет эффективного обеспечения процессов обмена научной информацией.

(Digital Object Identifier) — идентификатор цифрового объекта, стандарт обозначения представленной в сети информации.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАУКИ / GEOGRAPHY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.230

Васильева И.О.¹, Муратова М.Н.²

¹ORCID: 0000-0002-0855-7028 Государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования города Москвы "Московский институт открытого образования" (средняя общеобразовательная школа № 179), учитель

²ORCID: 0000-0003-2533-9521 Российский государственный Университет правосудия, преподаватель

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В АРКТИКЕ

Аннотация

На протяжении многих столетий внимание исследователей привлекал северный снежный регион. В настоящее время на Северный полюс отправляются не только представители науки, но и обычные путешественники и туристы. На сегодняшний день туризм в Арктике – одно из бурно развивающихся направлений в последние несколько лет. Все большее количество жителей разных стран стремятся провести свой отпуск отправляясь в экзотические путешествия. Страны, имеющие свой сектор Арктики, в той или иной степени разрабатывают данное направление.

Ключевые слова: Арктика, Северный полюс, круизы.

Vasilyeva I.O.¹, Muratova M.N.²

¹ORCID: 0000-0002-0855-7028, State Autonomous educational institution of higher professional education of Moscow «Moscow Institute of open education» (secondary school № 179), teacher,

²ORCID: 0000-0003-2533-9521 Russian state University of justice, teacher

THE DEVELOPMENT OF TOURISM IN THE ARCTIC

Abstract

Throughout many centuries the attention of researchers was drawn by the northern snow region. Now not only representatives of science, but also ordinary travelers and tourists go to the North Pole. Today tourism in the Arctic – one of violently developing directions in the last several years. An increasing number of residents of the different countries seek to spend the vacation going to exotic tours. The countries, that have the sector of the Arctic in a varying degree develop this direction.

Keywords: Arctic, North Pole, cruises.

Арктика – это северная полярная область планеты, один из самых труднодоступных регионов мира. Слово "Арктика" имеет греческие корни и происходит от слова "Arcticos" или "царство белого медведя", потому что этот необычный регион находится под созвездием Большой Медведицы[1].

С давних пор Арктика привлекала внимание исследователей из разных стран. Сегодня весь мир знает имена англичанина Джона Франклина и американца Роберта Пири, голландца Вильяма Баренца, норвежца Фритьофа Нансена и Руаля Амундсена, итальянца Умберто Нобиля, и наших соотечественников Федора Литке, Семёна Челюскина, братьев Лаптевых, Георгия Седова и многих других отважных землепроходцев. Их именами названы моря, острова и горные вершины[2].

Арктика - это северный регион, который занимает практически шестую часть поверхности Земли. К водоемам Арктики относятся Северный Ледовитый океан, моря - Гренландское, Баренцево, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское, заливы Баффинов и Фокс, а также многочисленные заливы и проливы Канадского Арктического архипелага и северной части Тихого и Атлантического океанов. К арктической суше относятся Гренландия, архипелаги Канадский Арктический и Шпицберген, Земля Франца-Иосифа, Новая Земля, Северная Земля, Новосибирские острова, остров Врангеля, северное побережье Евразии и Северной Америки[3]. (рис.1).

Рис. 1 – Географическая карта Арктики

Площадь Арктической суши складывается из северных территорий восьми арктических государств - России, Канада, Гренландии, США, Исландии, Норвегии, Швеции и Финляндии.

России в Арктике территориально принадлежат: остров Колгуев, Северная Земля, Новая Земля, Земля Франца-Иосифа, остров Врангеля, Новосибирские острова, а также территории Республика Саха, Мурманской и Архангельской областей, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Чукотского автономного округов и Таймырский полуостров (табл.1) [3].

Таблица 1 – Сухопутные территории Арктической зоны России

Субъект России	Муниципальные образования	Площадь территории, км кв
Архангельская область	«Онежский муниципальный район», «Приморский муниципальный район», «Мезенский муниципальный район», «Город Архангельск», «Город Северодвинск», «Город Новодвинск», городской округ «Новая Земля»	188769
Красноярский край	Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, городской округ «Город Норильск», Труханский район	1095609
Мурманская область	Все	144902
Ненецкий автономный округ	Все	176810
Республика Якутия (Саха)	Аллайховский район, Анабарский национальный район, Булунский район, Усть-Янский район, Нижнеколымский район	605100
Чукотский автономный округ	Все	721481
Ямало-ненецкий автономный округ	Все	769250

В настоящее время изучению региона Арктики отводится очень большое значение, и все большее количество государств проявляют интерес к освоению арктической зоны. Некоторые крупные мировые державы приготовились к переделу арктического пространства. Россия стала первым государством, подавшим заявку в ООН на установление внешних границ континентального шельфа в Северном Ледовитом океане. В соответствии с этой заявкой предполагается уточнение территории арктического шельфа площадью более миллиона квадратных километров (рис.2).

Рис. 2 – Карта Правовая ситуация в Арктике

Климат в Арктике довольно суровый - морозы и сильный ветер. Но несколько месяцев в году, с июня по октябрь, в Арктике бывает мягкое и теплое лето. Средняя температура воздуха летом колеблется от -10°C до $+10^{\circ}\text{C}$. Зимой в Арктическом регионе солнце никогда не поднимается над этой территорией. В эти суровые месяцы года температура воздуха может опускаться ниже -45 градусов по цельсию. В теплый же сезон года солнце согревает поверхность 24 часа в сутки. Именно в этот период года сюда организуют научные экспедиции, а также предлагают туристические программы и поездки[4].

Арктика до настоящего момента остается одной из самых чистых экологических территорий планеты. Все страны, имеющие свой Арктический сектор, берегут и природу этого уникального региона земного шара. На территории Арктики существует огромное количество охраняемых территорий, площадь которых составляет 2,5 млн км кв (табл.2).

Таблица 2 – Площадь охраняемых территорий Арктики

Страна	Общая площадь охраняемой территории, км кв	Охраняемая часть Арктической зоны, %
Российская Федерация	625518	9,9
США	296499	50,2
Канада	500842	9,5
Норвегия	41380	25,3
Швеция	21707	22,8
Исландия	12397	12
Гренландия	993070	45,6
Финляндия	24530	30,8

Россия уделяет огромное внимание не только вопросам освоения своих полярных территорий, но так же заботится и об охране земель и акваторий. На территории России создано большое количество особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в Арктической зоне[1].

Каждое государство, владеющее даже небольшой частью территории Арктики старается использовать эту возможность для развития туризма и привлечения внимания туристов.

Королевство Дании, предлагает разнообразные туристические программы у берегов *Гренландии* - круизы, в том числе программы "Фотоохота на китов", пешеходные и санные походы, вертолетные экспедиции. Одна из самых красивых и увлекательных экскурсий - это поездка к ледниковым фьордам, где можно видеть как стометровые айсберги отправляются в "плавание" [7].

Норвегия приглашает туристов в круиз и предлагает посетить архипелаг Шпицберген и высадиться на льды. Здесь туристы могут заняться активным отдыхом от пеших и лыжных походов до арктического дайвинга.

Канада предоставляет туристам возможность посетить природные заповедники, где можно видеть полярных медведей, овцебыков, полярных волков, моржей, китов, арктических птиц. Для тех кто любит активный отдых, канадские туроператоры предлагают лыжные экспедиции, альпинизм, круизы, водные прогулки на лодках и каяках, дайвинг и многое другое [6].

В настоящее время в России арктический туризм начинает активно развиваться, и все большее количество российских путешественников хотят открыть для себя этот северный регион. Не меньшей популярностью в мире пользуется и спрос на поездки в Антарктику, но для жителей Российской Федерации Арктика гораздо ближе и доступнее. Добираться до нее ближе и дешевле.

России принадлежит самая большая часть арктической территории, здесь находятся обширные равнины, покрытые тундрой и лесотундрой, острова с ледяными пустынями, горы, озера и реки, леса с богатой флорой и фауной. Здесь обитают: белые медведи, песцы, гренландские киты, белухи, моржи, кольчатые нерпы, тюлени, северные олени и более тысячи разновидностей растений (рис. 3).

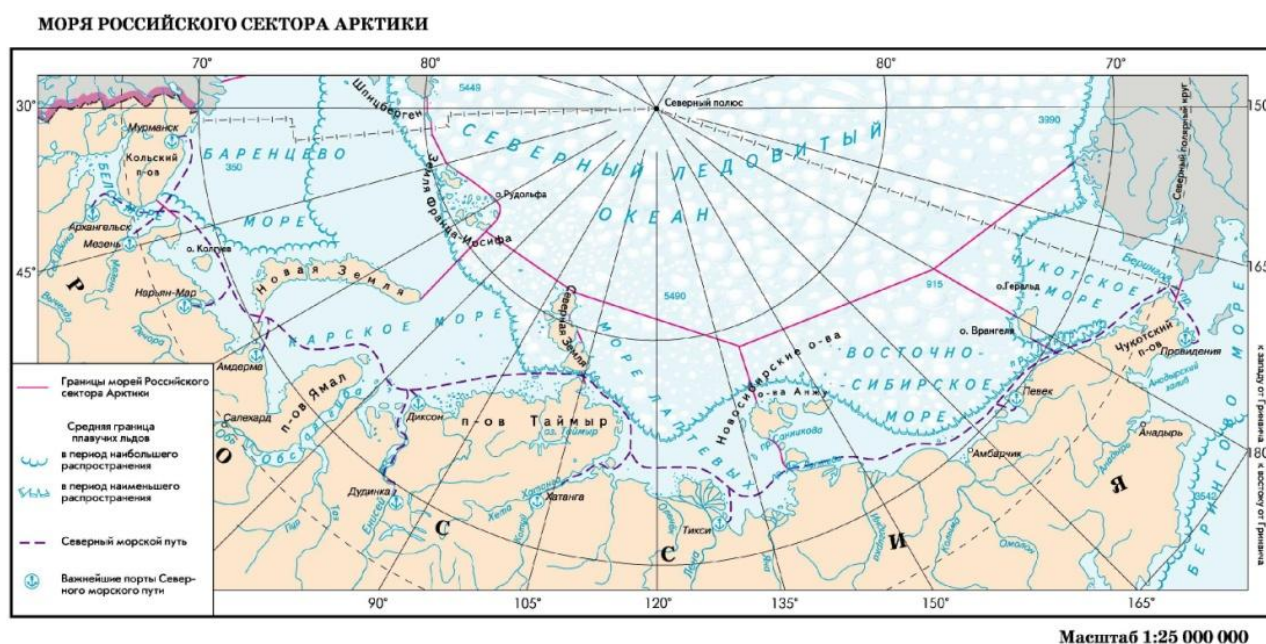

Рис. 3 – Карта арктической территории России

Эти земли населяют представители 11 различных коренных северных народов, имеющие богатую историю, народную культуру и традиции. Многие города России расположены в Арктической зоне (табл.3).

Таблица 3 – Основные города Российской Арктики

Город	Субъект федерации	Площадь города, км кв	Число жителей, тыс чел.
Воркута	Республика Коми	29,7	59,2
Дудинка	Красноярский край	10,5	21,9
Игарка	Красноярский край	9,8	4,9
Мурманск	Мурманская область	154	301,5
Норильск	Красноярский край	26,0	177,4
Певек	Чукотский автономный округ	60,3	4,7
Салехард	Ямало-Ненецкий автономный округ	28,1	48,5

Российские туроператоры организуют морские круизы, катание на лодках, охоту и рыбалку, рафтинг, пеший и лыжные походы и многое другое [4].

В настоящее время интерес к турам в Арктику у россиян увеличивается. По статистике Ростуризма - в начале 2000 годов в круизах и других видах туристических программ в Арктику около 90% участников составляли иностранные туристы, а в настоящее время число российских граждан в таких поездках значительно возросло. Российские туроператоры отмечают, что в групповых поездках в Арктику число туристов из России в среднем составляет 25-30%.

Не смотря на различные сложности и новизну туристического направления, российские туроператоры занимаются организацией круизов в Арктику. Так, в 2015 году было организовано пять круизов на атомном ледоколе, один - на остров Врангеля, и один на Чукотку. Также в организации круизов принимают участие американские, английские и новозеландские компании [5].

Наиболее популярный тур к Северному полюсу у российских туристов, является тур: Мурманск - Земля Франца-Иосифа - Северный Полюс - Мурманск (рис.4) [10].

Рис. 4 – Карта туристического маршрута на Северный полюс

Большой популярностью у российских туристов пользуются туры на остров Врангеля, на остров Шпицберген и на Землю Франца-Иосифа.

Туристическая инфраструктура российской Арктики сегодня очень скромная, так на Шпицбергене есть несколько гостиниц и небольшой ресторан. На Земле Франца-Иосифа нет ничего, кроме небольшой научной станции, где работают несколько человек - это практически необитаемый остров. На Новой Земле, Северной Земле, на острове Врангеля туристическая инфраструктура отсутствует [8].

В связи с возрастающим интересом к северным турам, эксперты Ростуризма совместно с туроператорами и представителями Правительства Мурманской и Архангельской областей провели совещание по разработке межрегионального Арктического турпродукта, с целью привлечения российских и иностранных туристов. По мнению экспертов, Северо-Запад России располагает разнообразными объектами культурно-исторического и природного наследия и заслуживает развития новых, уникальных туристических программ и предложений. Подтверждением этому служит растущий спрос на предложения разработанные совместно иностранными круизными компаниями и российскими туроператорами [9].

По мнению руководителей Федерального агентства по туризму - арктический туризм на российском севере в перспективе может обеспечить доход не меньше, чем добыча полезных ископаемых [3].

Список литературы/ References

1. Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»
2. Арктический туризм в России / отв. редактор Ю.Ф. Лукин; составитель туристского справочника по регионам Н.К. Харлампьева. – Сев. (Арктич.) федер. ун-т ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – Архангельск: САФУ, 2016. – 256 с.
3. Сайт РИА НОВОСТИ. – URL: https://ria.ru/arctic_spravka/20100415/220156203.html (дата обращения 21.09.16)
4. Сайт Экспертный совет при Правительстве. Рабочая группа "Развитие Арктики и северного морского пути" РФ – URL: <http://xn----8sbbmfaxaqb7dzafb4g.xn--p1ai/kto-pervyj-otkryl-arktiku/>, дата обращения 21.09.16
5. Сайт THE ARCTIC / При Поддержке Русского Географического Общества – URL: <http://ru.arctic.ru/geographics/> (дата обращения 21.09.16)
6. Сайт Русская Арктика/Национальный парк – URL: <http://www.rus-arc.ru/ru/tourism/tourism> (дата обращения 21.09.16).
7. Сайт Arctic info/ Информационное агентство – URL: <http://www.arctic-info.ru/news/20-06-2016/rostyrimz--tyrizm-v-arktike-ne-menee-vigoden--sem-dobica-poleznh-iskopaemih/> (дата обращения 21.09.16).
8. Сайт туроператора Канады – URL: <http://www.traveller.com.au/canada> (дата обращения 21.09.16).
9. Сайт туроператора Гренландии – URL: <http://www.greenland-travel.com/tours/greenland/the-grand-tour-of-greenland-from-south-to-north-1160/> (дата обращения 21.09.16).
10. Сайт Ассоциации туроператоров России – URL: <http://www.atorus.ru/news/press-centre/new/32617.html> (дата обращения 21.09.16).
11. Сайт Туроператор ArcticTour – URL: <http://arcticatour.com/> (дата обращения 21.09.16)
12. Сайт туроператора POSEIDON expeditions – URL: <https://poseidonexpeditions.ru> (дата обращения 21.09.16).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 28 ijunya 2014 g. N 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» [Federal law of the Russian Federation of June 28, 2014 N 172-FL "About strategic planning in the Russian Federation"] [in Russian]

2. Arkticheskij turizm v Rossii [The Arctic tourism in Russia] / executive editor Ju.F. Lukin; Author of the tourist reference book on regions N. K. Harlampyeva. – Sev. (Arktich.) feder. un-t [Northern Arctic Federal University]; Sankt-Peterb. gos. un-t [Saint Petersburg State University]. – Arhangel'sk: SAFU, 2016. – 256 p. [in Russian]
3. Sajt RIA NOVOSTI [Website of RIA NOVOSTI] – URL: https://ria.ru/arctic_spravka/20100415/220156203.html (accessed: 21.09.16) [in Russian]
4. Sajt Jekspertnyj sovet pri Pravitel'stve. Rabochaja gruppa "Razvitie Arktiki i severnogo morskogo puti" RF [Website Advisory council at the Government. Working group "Development of the Arctic and Northern Sea Route": The Russian Federation]. – URL: <http://xn---8sbbmfaxaqb7dza4g.xn--p1ai/kto-pervyj-otkryl-arktiku> (accessed: 21.09.16). [in Russian]
5. Sajt THE ARCTIC/Pri Podderzhke Russkogo Geograficheskogo Obshhestva [Website THE ARCTIC / with assistance of the Russian Geographical Society] – URL: <http://ru.arctic.ru/geographics/> (accessed: 21.09.16). [in Russian]
6. Sajt Russkaja Arktika/Nacional'nyj park [Website Russian Arctic / National park]. – URL: <http://www.rus-arc.ru/ru/tourism/tourism> (accessed: 21.09.16). [in Russian]
7. Sajt Arctic info/ Informacionnoe agentstvo [Website Arctic info]. – URL: <http://www.arctic-info.ru/news/20-06-2016/rostryzm--tyrizm-v-arktike-ne-menee-vigoden--cem-dobica-poleznih-iskopaemih/> (date of the address 21.09.16) [in Russian]
8. Sajt turoperatora Kanady [Website of tour operator of Canada]. URL: <http://www.traveller.com.au/canada> (accessed: 21.09.16). [in Russian]
9. Sajt turoperatora Grenlandii [Website of tour operator of Greenland]. – URL: <http://www.greenland-travel.com/tours/greenland/the-grand-tour-of-greenland-from-south-to-north-1160/> (accessed: 21.09.16). [in Russian]
10. Sajt Associacii turoperatorov Rossii [Website of Association of tour operators of Russia]. – URL: <http://www.atorus.ru/news/press-centre/new/32617.html> (accessed: 21.09.16). [in Russian]
11. Sajt Turoperator ArcticTour [Website Tour operator of ArcticTour]. – URL: <http://arcticatour.com/> (accessed: 21.09.16). [in Russian]
12. Sajt turoperatora POSEIDON expeditions [Website of tour operator of POSEIDON expeditions]. – URL: <http://poseidonexpeditions.ru> (accessed: 21.09.16). [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.117

Кушанова А.У.

ORCID: 0000-0001-8407-4880, старший преподаватель, Нижневартровский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРМОВЫХ УГОДИЙ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА ХМАО-ЮГРЫ

Аннотация

Целью исследования является анализ использования кормовых угодий на территории Нижневартовского района ХМАО-Югры. Задача данного исследования - изучить особенности использования сенокосных угодий и оленьих пастбищ на данной территории. Поймы рек Оби, Ваха и Большого Ёгана обладают наиболее благоприятными условиями для создания кормовой базы, которые представляют собой заливные луга с высокой продуктивностью. Оленьи пастбища, приуроченные к сосново-лишайниковым, сосновым лишайниково-брусничным лесам имеют достаточно высокий процент (56 %) распространения на территории Нижневартовского района. В целом, исследуемая территория пригодна для ведения сельского хозяйства, но необходимо учитывать то, что данная территория находится в зоне рискованного земледелия, и в первую очередь риск характеризуется климато-гидрологическими условиями.

Ключевые слова: сельское хозяйство, кормовые угодья, продуктивность, сенокосы, оленьи пастбища.

Kushanova A.U.

ORCID: 0000-0001-8407-4880, Senior Lecturer, Nizhnevartovsk State University

FEATURES OF USE OF FODDER GROUNDS IN THE TERRITORY OF THE NIZHNEVARTOVSK REGION OF KHMAO-UGRA

Abstract

Research objective is the analysis of use of fodder grounds in the territory of the Nizhnevartovsk region of KHMAO-Yugra. Problem of this research - to study features of use of haying grounds and cervine pastures in this territory. Floodplains of the Ob Rivers, Vakh and Big Yogan have optimum conditions for creation of a food supply which represent water meadows with high productivity. The cervine pastures dated for the pine and lichen, pine lichen and cowberry woods have rather high percent (56%) of distribution in the territory of the Nizhnevartovsk district. In general, the explored territory is suitable for farming, but it is necessary to consider that this territory is in a zone of risky agriculture, and first of all the risk is characterized by klimato-hydrological conditions.

Keywords: agriculture, fodder grounds, land productivity, haymakings, cervine pastures.

Природно-климатические условия Нижневартовского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры не позволяют в полной мере вести сельское хозяйство. Развитие в районе животноводства и повышение его продуктивности сдерживает слабая кормовая база. Для создания устойчивой кормовой базы необходимо использовать имеющиеся кормовые угодья.

По мнению Г.В. Добровольского и др. Западно-Сибирская равнина является золотым фондом естественных кормовых угодий. Общий фонд пойменных земель Западно-Сибирской равнины составляет около 20 млн. га. По данным государственного учета, только в бассейне р. Оби имеется около 10 млн. га пойменных земель. Общая

площадь луговых угодий Оби не менее 4 млн. га с годовым запасом сена 8 млн. т, что позволяет содержать в этом регионе 1,5 млн. голов крупного рогатого скота [1, С. 117].

Определяющим фактором формирования и территориальной дифференциации растительного покрова кормовых угодий района выступает режим поемности. В условиях продолжительного заливания наблюдается ценотически и флористически небогатый луговой покров с доминированием гигрофильных злаков и осок невысокого, как правило, кормового достоинства. Внутренние различия в длительности заливания определяются в основном высотой пойменных участков, всюду носящих в условиях островной поймы прирусловой характер. Большинство видов растений очень быстро развиваются и наращивают массу уже при глубине паводковых вод в 50 см и пригодны к использованию через 2–2,5 недели после полного спада воды [2, С. 189].

Общая площадь в административных границах Нижневартовского района по данным Росреестра, составляет 11731 тыс. га, из них сельскохозяйственные угодья составляют 0,40% от общей площади района. Сельскохозяйственные угодья в основном представлены заливными сенокосами (84%) и пастбищами (13%).

В Нижневартовском районе значительную долю сельскохозяйственных угодий составляют сенокосы. Сенокосные и пастбищные угодья в основном расположены на поймах рек Обь, Вах и Большой Ёган. Сельскохозяйственных угодья под пашню, залежь и многолетние насаждения используются для размещения садовых и дачных участков. Пастбищные угодья в большинстве заливные и залужены, так как они находятся на пойме рек и в результате долгого стояния вод при половодье и паводке не могут быть использованы по назначению. Также по культуртехническому состоянию пастбища, в основном, закороченные и закустаренные, что затрудняет выпас скота.

В основном для заготовки кормов для скота используют сенокосные угодья. Сенокосы используют и для заготовки грубых кормов (сена), как и для заготовки зеленых кормов. По данным полевых исследований за 2012–2015 гг. продуктивность сенокосных угодий, расположенных в пойме рек Обь, Вах и Большой Ёган, в среднем составляет по массе сухой травы 55,4 ц/га и по зеленой массе 112,4 ц/га, мощность плодородного слоя равна в среднем 35 см. Растительные сообщества представлены в основном осокой острой [3, С. 20].

Продуктивность сенокосов определялась на ключевых площадках, расположенных в поймах рек. На каждой ключевой площадке выделялись прикопки площадью 1 м² для определения мощности плодородного слоя, зеленой массы и массы сухой травы, а также для изучения видового состава растительности. В 2016 году продуктивность сенокосных угодий определена в августе и в среднем равна в пойме реки Обь по зеленой массе 191,7 ц/га и по массе сухой травы 75,3 ц/га, в пойме реки Вах – 168,9 ц/га и 69,3 ц/га, в пойме реки Большой Ёган – 134,0 ц/га и 53,0 ц/га соответственно.

Организационно-правовая форма ведения сельского хозяйства в Нижневартовском районе – это крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства. Специализация данных хозяйств в основном это разведение крупного рогатого скота и свиней.

Отдельной графой в земельном фонде Нижневартовского района указаны оленьи пастбища. Площадь оленьих пастбищ Нижневартовского района по данным Росреестра занимает 56% от всей площади земель в административных границах района. Оленьи пастбища располагаются на землях лесного фонда и землях запаса.

Оленьи пастбища в Нижневартовском районе располагаются не повсеместно, они приурочены к определенным природным условиям и типам местности. Распространение оленьих пастбищ приурочено к сосново-лишайниковым (беломошным лесам), сосновым лишайниково-брусничным лесам. Они распространены на минеральных «островах» вытянутых вдоль малых рек бассейна Тромёгана и Агана в восточной части Сургутского Полесья, занимают небольшие площади среди заболоченных междуречных пространств. Более площадными пространствами подобные типы местности распространены на Сибирских Увалах, сложенных песками, где в условиях хорошего дренажа произрастает *Pinus sylvestris* и развиваются виды рода *Cladia*. В восточной части Нижневартовского района, на четвертичных отложениях песчаного состава, на повышенных формах рельефа Ваховского Полесья, среди развитых комплексов олиготрофных болот произрастают сосново-лишайниково-брусничные леса.

На территории Нижневартовского района проживают три малочисленные народности: ханты, лесные ненцы, манси. В основе их культур лежат традиционные формы ведения хозяйства (или традиционное природопользование), к которым относятся оленеводство, охотничий и рыболовный промыслы, собирательство, т.е. сбор дикорастущих растений (ягод, грибов, орехов).

Оленеводством в районе занимаются 97 человек из числа коренного населения [4]. На территории Нижневартовского района расположено 134 территории традиционного природопользования.

К землям традиционного природопользования относят оленьи пастбища, охотничьи и рыбопромысловые угодья, другие биологические ресурсы, необходимые для обеспечения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов. В состав земель традиционного природопользования можно включать земли всех категорий земельного фонда, которые используют в качестве оленьих пастбищ, охотничьих и других промысловых угодий.

В настоящее время сельское хозяйство и оленеводство остается рентабельным благодаря дотациям из окружного бюджета. В соответствии с окружной целевой программой «Развитие агропромышленного комплекса и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2013 – 2020 годы» окружные власти осуществляют финансовую поддержку отрасли. Данная программа разработана для развития агропромышленного комплекса и сельских территорий автономного округа, повышение конкурентоспособности продукции, произведенной на территории автономного округа.

В целом анализ использования сельскохозяйственных угодий показал нам, что данная территория пригодна для развития сельского хозяйства и оленеводства. Поймы рек Оби, Ваха и Большого Ёгана обладают наиболее благоприятными условиями для создания кормовой базы, которые представляют собой заливные луга с высокой продуктивностью. Оленьи пастбища, приуроченные к сосново-лишайниковым (беломошным лесам), сосновым лишайниково-брусничным лесам имеют достаточно высокий процент (56 %) распространения на территории Нижневартовского района, однако, разведение северного оленя имеет очаговый характер.

Список литературы/ References

1. Добровольский Г.В. Типология почв поймы среднего течения реки Оби / Г.В. Добровольский, Т.В. Афанасьева, Г.Л. Ремезова // Природные условия Западной Сибири. - М.: МГУ, 1973. - С. 107-126.
2. Дыдина Р.А. Обь-Иртышские луга в пределах Ханты-Мансийского округа / Р.А. Дыдина // Тр. НИИ с.-х. Крайнего Севера, 1961. - С. 159-250.
3. Кушанова А.У. Оценка продуктивности сельскохозяйственных угодий обской пойменной сегментно-островной ландшафтной провинции/ А.У. Кушанова, С.Е. Коркин// Вестник Удмуртского университета. Биология. Науки о Земле. – 2015. – Т. 25, вып. 4. – С. 14-21
4. Отчет Главы Нижневартовского района Б. Соломатина [Электронный ресурс] // Экспертный информационный канал УралПолит. – Режим доступа: http://uralpolit.ru/news/society/news_society/1355463860-glava-nizhnevartovskogo-raiona-otchitalsya-o-pomoshchi-zemlyakam-iz-chisla-korennykh-severn – (дата обращения 03.03.2016)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dobrovol'skij G.V. Tipologiya pochv pojmy srednego techeniya reki Obi [Typology of soils of a flood plain of an average watercourse of Ob] / G.V. Dobrovol'skij, T.V. Afanas'eva, G.L. Remezova // Prirodnye usloviya Zapadnoj Sibiri [Environment of Western Siberia]. – М.: МГУ, 1973. - P. 107-126. [in Russian]
2. Dykina R.A. Ob'-Irtys'skie luga v predelakh Hanty-Mansijskogo okruga [The Ob-Irtys meadows within Khanty-Mansi Autonomous Okrug] / R.A. Dykina // Тр. НИ с.-х. Крайнего Севера, 1961. - P. 159-250. [in Russian]
3. Kushanova A.U. Ocenka produktivnosti sel'skohozyajstvennykh ugodij obskoj pojmennoj segmentno-ostrovnoj landshaftnoj provincii [Assessment of productivity of agricultural holdings of the Ob inundated segment and island landscape province]/ A.U. Kushanova, S.E. Korokin// Vestnik Udmurtskogo universiteta. Biologiya. Nauki o Zemle [Bulletin of the Udmurt university. Biology. Sciences about Earth]. – 2015. – Т. 25, вып. 4. – P. 14-21. [in Russian]
4. Otchet Glavy Nizhnevartovskogo rajona B. Solomatina [Report of the Head of the Nizhnevartovsk district B. Solomatina] [Electronic resource] // EHkspertnyj informacionnyj kanal UralPolit [Expert information channel of Uralpolit]. – URL: http://uralpolit.ru/news/society/news_society/1355463860-glava-nizhnevartovskogo-raiona-otchitalsya-o-pomoshchi-zemlyakam-iz-chisla-korennykh-severn - (accessed: 03.03.2016). [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.009

Ямашкин А.А.¹, Фролов А.Н.², Ямашкин С.А.³¹Профессор, доктор географических наук, декан географического факультета,²кандидат экономических наук, профессор кафедры землеустройства и ландшафтного планирования³старший преподаватель кафедры автоматизированных систем обработки информации и управления, ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева»

БАЗОВЫЕ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается актуальный вопрос использования геоинформационных ресурсов как инструмента оптимизации регионального землепользования. В качестве примера рассматривается система электронных карт ГИС «Мордовия», центральным звеном которой является синтетическая ландшафтно-экологическая карта (ЛЭК). Подчеркивается роль автоматизированных методов анализа и моделирования пространственной информации в решении проблемы актуализации базы данных ГИС. Отмечено, что в отраслевые и комплексные карты образуют единый информационный портрет региона, способный обеспечивать решение задач по стратегическому ландшафтному планированию и прогнозированию развития деструктивных процессов.

Ключевые слова: ГИС, землепользование, территориальное планирование, инвентаризационные карты, ландшафты, моделирование, пространственный анализ.

Yamashkin A.A.¹, Frolov A.N.², Yamashkin S.A.³¹PhD in Geography, Dean of Geography Faculty,²PhD in Economy, Professor of the Department of Land Management and Landscape Planning,³senior Lecturer, Department of Automated Systems of Information Processing and Control, National Research Mordovia State University

BASIC INFORMATION RESOURCES FOR OPTIMISATION OF THE REGIONAL LAND USE

Abstract

The article deals with the topical issue of using geo-information resources as a tool for optimization of regional land use. As an example, a system of GIS electronic maps "Mordovia" is described as the central element of which is a synthetic landscape-ecological map (LEK). The role of automated methods of spatial data analysis and modeling in solving the problem of updating GIS database is shown. It is noted that industry and complex maps forms a single information portrait of the region that can provide a solution to problems of the strategic landscape planning and forecasting of destructive processes.

Keywords: GIS, land use, spatial planning, inventory maps, landscapes, modeling, spatial analysis.

Адаптация структуры землепользования к свойствам природных территориальных комплексов позволяет оптимизировать территориальную организацию использования земель, режим функционирования геотехнических систем и их пространственное сочетание, минимизировать развитие деструктивных экзогеодинамических процессов, обуславливающих проявление природных и природно-техногенных чрезвычайных ситуаций. Решение этих проблем может быть найдено в рамках разработки схем стратегического планирования

землепользования, ориентированных на гармонизацию взаимодействия природных, социальных и производственных систем, важнейшим инструментарием комплексного исследования которого являются ГИС-технологии, обеспечивающие формирование и ведение кадастра и мониторинга земель как составной части мониторинга состояния окружающей среды.

Большую роль в решении задач актуализации информации о состоянии земель и оптимизации регионального природопользования играет моделирование пространственно-временной структуры [2]. Решение этой задачи осуществляется на базе материалов дистанционного зондирования Земли.

Систематизация и анализ пространственно-временной информации в ГИС «Мордовия»

Для систематизации и анализа пространственно-временной информации о состоянии и взаимодействии природных, социальных и производственных комплексов региона целесообразно сформировать систему базовых электронных карт [4]. В ГИС «Мордовия» для решения задач оценки природно-ресурсного потенциала, моделирования развития экзогеодинамических процессов (ЭГП) к топографической карте подключаются следующие слои инвентаризационных тематических карт:

- 1) геологическое строение и минерально-сырьевые ресурсы;
- 2) гидрогеологическое строение и ресурсы подземных вод;
- 3) рельеф и экзогеодинамические процессы;
- 4) климат и экологическое состояние нижних слоев атмосферы;
- 5) поверхностные воды и их экологическое состояние;
- 6) структура почвенного покрова, экология и плодородие почв;
- 7) растительность и биологические ресурсы;
- 8) особо охраняемые природные территории и экологический каркас;
- 9) население и социальная инфраструктура;
- 10) ландшафты и территориальное планирование природопользования.

Для исследования геологических условий в ГИС «Мордовия» используются карты четвертичных отложений (объекты картографирования – звено, генезис и состав осадков) и коренных горных пород (объекты картографирования – системы, отделы, ярусы). Наибольшее внимание уделяется картографированию генезиса, состава и мощности стратиграфических и литологических комплексов, которые определяют особенности морфологии ландшафтно-экологических систем земель и оказывают наибольшее воздействие на развитие деструктивных ЭГП; выделяются районы с разной сложностью инженерно-геологического строения. Значительную информацию для прогнозирования направленности и интенсивности развития ЭГП можно извлечь в ходе подключения информации о локальных тектонических структурах. Развитие баз данных осуществляется в процессе дешифрирования материалов дистанционного зондирования Земли с широким привлечением фондовых материалов горно-буровых и лабораторных исследований.

Блок карт «Гидрогеологическое строение и ресурсы подземных вод» включает информацию о глубине залегания грунтовых вод, гидрогеодинамике и гидрогеохимии первого от поверхности водоносного горизонта и основного эксплуатируемого водоносного горизонта. Особое внимание обращается на оценку защищенности вод от техногенного загрязнения; картографирование техногенных изменений подземных вод; исследование влияния техногенной трансформации ландшафтов на режим подземных вод; оценку эксплуатационных запасов подземных вод.

Формирование блока карт «Рельеф и экзогеодинамические процессы» ориентировано на установление генетических, морфологических и морфометрических параметров рельефа, а также оценку направленности и интенсивности развития ЭГП. Оно основывается на дешифрировании генетических форм рельефа на космических снимках, анализе морфометрических карт (экспозиция и крутизна склонов, овражная, балочная, долинная, гидрографическая расчлененность, глубина вертикального вреза и др.). В качестве основных источников информации использовались топографические карты масштаба 1 : 25 000, космические снимки, фондовые материалы и результаты полевых исследований. Например, пространственная база данных «Оползневые процессы» включает информацию о 1 370 оползнях.

Базы данных «Климат и экологическое состояние нижних слоев атмосферы» и «Поверхностные воды и их экологическое состояние» включают многолетние данные по динамике гидроклиматогенных процессов. Многофункциональное значение для оптимизации использования земель, прогнозирования их экологического состояния имеет информация по содержанию тяжелых металлов в снежном покрове, поверхностных водах, донных отложениях.

Значение тематических карт и баз данных «Структура почвенного покрова, экология и плодородие почв» (картографируемые таксоны – тип, подтип, вид и род почв) многофункционально. Тематическое содержание электронных слоев включает оценочные данные природного плодородия, условия аккумуляции продуктов техногенеза, экологическое состояние почв, индикаторы развития экзогеодинамических процессов и т. п. Почвенная карта является одним из основных источников информации для составления комплексной ландшафтно-экологической карты.

Информация блоков «Растительность и биологические ресурсы» и «Особо охраняемые природные территории и экологический каркас» включает данные о структуре растительности, пространственной организации системы особо охраняемых природных территорий (комплексные, гидрологические, ботанические, зоологические). Развитие баз данных ориентировано на геодиагностику состояния ландшафтов, оценку степени хозяйственной освоенности и проектирование зон экологического равновесия.

Блок «Население и социальная инфраструктура» включает серию электронных карт о населении, населенных пунктах, социальной инфраструктуре и размещении предприятий.

Центральным звеном региональной ГИС «Мордовия» является синтетическая ландшафтно-экологическая карта, представляющая собой модель земной поверхности, отображающую генезис, развитие, функционирование,

размещение и пространственное соотношение ландшафтов и геотехнических систем. ЛЭЖ призвана обеспечивать координацию в системе тематических карт, позволяя проводить сопряженный анализ природных, социальных и производственных систем; прогнозирование развития экологических ситуаций; разработку комплекса мероприятий по оптимизации землепользования. В качестве основных объектов картографирования используются тип и род ландшафтов.

Тип ландшафтов – территории, характеризующиеся отложениями определенного литологического состава, выдержанными по мощности, достаточно постоянным и однообразным эрозионным врезом, однородностью направленности и характера движения грунтовых и межпластовых вод междуречных пространств; выраженными особенностями гидроклиматических условий, структуры почвенного и растительного покрова. Этим геокомплексам, однородным по типам почв и растительным формациям, свойственна однотипность хозяйственного освоения и современного использования земель.

Род ландшафтов – это территории с однотипным литологическим составом отложений, формирующихся как генетический ряд выветривания горных пород и характеризующихся определенными мезоформами рельефа, комбинациями почв, растительных ассоциаций. Ведущим фактором ландшафтной дифференциации является литогенная основа, которая определяет типы водного и геохимического режимов, соотношение атмосферного, грунтового и натежного увлажнения, степень дренированности геокомплексов, преобладание выноса или аккумуляции химических элементов.

Характерными особенностями предлагаемого варианта ландшафтно-электронной карты являются ее фактурная достоверность, детальность, научная разработанность легенды. Последняя должна быть построена таким образом, что на основе данной электронной карты возможно оперативное создание многочисленных серий производных карт, ориентированных на оценку и прогнозирование экологического состояния земель. Особо следует отметить возможность непосредственного редактирования данной электронной карты, что актуально при переходе от основного ее масштаба (1: 200 000) к более крупным масштабам при детальном обследовании отдельных земель для целей землеустройства, промышленного, гражданского или дорожного строительства, организации особоохраняемых территорий, рекреационных зон и т.д. [3].

Важнейшим звеном функционирования ГИС явится зонирование территорий муниципальных районов по эколого-хозяйственным, агроэкологическим, эколого-ландшафтным признакам. Подобное зонирование по наиболее существенным признакам, характеризующим природно-ресурсный потенциал земель муниципального образования и требующим дифференциации в организации использования и охраны земель, будет являться основой для выработки предпроектных землеустроительных решений на уровне схем землеустройства муниципального района.

Подключение к ГИС крупномасштабной картографической основы позволяет далее, уже на уровне конкретных землепользований агрофирм, кооперативов и крестьянских (фермерских) хозяйств, с учетом эколого-ландшафтного микрозонирования решать вопросы землеустроительного проектирования. Проектируемые элементы организации севооборотов, пастбище- и сенокосооборотов, рабочих участков должны адаптироваться к агроландшафтному выделам и единицам эколого-ландшафтного микрозонирования (на уровне морфологических единиц ландшафтов), зонам экологического влияния. Земли, уже подвергшиеся деградации, исключаются из производственного сельскохозяйственного оборота с выделением их под консервацию. Изложенное в конечном счете служит повышению экологической стабильности сельскохозяйственных территорий.

Моделирование как инструмент решения задачи актуализации пространственно-временной информации о структуре земель

В качестве исходных данных для формировании слоев электронных карт ГИС «Мордовия» используются архивная и фондовая информация, материалы дистанционного зондирования Земли, обрабатываемые с использованием средств автоматизированной классификации и моделирования. Такой подход позволяет оперативно извлекать необходимую информацию с требуемой точностью и минимизировать расходы на полевые исследования [1]. Одновременно с этим автоматизированный анализ требует обоснованного подхода к формированию исходных данных, средств их анализа, структуры результирующих ландшафтно-экологических моделей. Выбор исходных пространственных материалов должен быть обоснован исходя из специфики решаемой задачи. Необходимо искать компромисс между детализацией и генерализацией отображаемых объектов, доступностью и качеством данных, их актуальностью и информативностью.

Большой упор делается не только на тщательный выбор существующих средств автоматизированного анализа материалов космической съемки, но и разработку новых методик и алгоритмов, позволяющих более качественно решать поставленные задачи. Так, сопоставлено с процессом создания ГИС «Мордовия» ведутся исследования повышения эффективности средств работы с данными дистанционного зондирования Земли: разработан комплекс программ для оценки отдельных свойств геофизической оболочки, включающий оценку состояния территории на основе диагностики инвариантных характеристик, выделение границ геофизических участков, детализацию внутренней структуры территории через анализ ее разнообразия. Рассчитываемые показатели комбинированно используются в качестве пространственных дескрипторов с целью выделения определенных участков земель. Предложена методика анализа структуры земель с использованием гибридных систем, позволяющая объединять в единую систему несколько классификаторов (например, нейронных сетей) и принимать взвешенное эффективное решение о выборе результирующей гипотезы при классификации данных.

Наконец, всегда стоит помнить о том, что какие бы широкие возможности ни предоставлял автоматизированный анализ пространственной информации, его необходимо совмещать с аналитическими исследованиями: только в этом случае может быть обеспечено получение действительно качественного результата, выраженного в комплексе ландшафтно-экологических карт.

В совокупности отраслевые и комплексные карты образуют единый информационный портрет региона, способный обеспечивать решение задач по стратегическому ландшафтному планированию и прогнозированию развития деструктивных процессов.

Список литературы / References

1. Вдовин С. М. Получение, хранение и распространение геоданных как единый информационный процесс / С. М. Вдовин, С. А. Федосин, А. А. Ямашкин, С. А. Ямашкин // Природные опасности: связь науки и практики : материалы II Международной науч.-практ. конф. / отв. ред. С. М. Вдовин. – Саранск, 2015. – С. 82–90.
2. Федосин С. А. Технологический процесс решения задачи моделирования структуры землепользования на базе данных ДЗЗ / С. А. Федосин, С. А. Ямашкин // Науч.-техн. вестн. Поволжья. – 2014. – № 6. – С. 356–358.
3. Ямашкин А. А. Геоинформационный мониторинг состояния природно-социально-производственных систем для целей землеустройства / А. А. Ямашкин, С. А. Ямашкин, С. А. Москалева [и др.] // Природа и общество: в поисках гармонии: сб. науч. ст. / Смолен. гуманитар. ун-т; отв. ред. Е. А. Бобров. – Смоленск, 2015. – С. 182–188.
4. Ямашкин А. А. Структура региональной ГИС для целей ландшафтного планирования / А. А. Ямашкин, С. А. Ямашкин // Изв. Смолен. гос. ун-та. – 2014. – № 4 (28). – С. 305–314.

Список литературы латинскими символами / References in Roman script

1. Vdovin S. M. Poluchenie, hranenie i rasprostranenie geodannykh kak edinyj informacionnyj process [Receiving, storage and distribution of geo-information as a single process] / S. M. Vdovin, S. A. Fedosin, A. A. Yamashkin, S. A. Yamashkin // Prirodnye opasnosti: svjaz' nauki i praktiki : materialy II Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. / otv. red. S. M. Vdovin [Natural hazards: the connection between science and practice: proceedings of the II International scientific-practical. conf. / edited by S. M. Vdovin]. – Saransk, 2015. – P. 82–90. [in Russian]
2. Fedosin S. A. Tehnologicheskij process reshenija zadachi modelirovanija struktury zemlepol'zovanija na baze dannyh DZZ [The technological process of solving the problem of land-use modeling based on remote sensing data] / S. A. Fedosin, S. A. Yamashkin // Nauch.-tehn. vestn. Povolzh'ja [Scientific and engineering vestnik of Volga]. – 2014. – № 6. – P. 356–358. [in Russian]
3. Yamashkin A. A. Geoinformacionnyj monitoring sostojanija prirodno-social'no-proizvodstvennyh sistem dlja celej zemleustrojstva [Geoinformation monitoring of the condition of natural and socio-production systems for land management purposes] / A. A. Yamashkin, S. A. Yamashkin, S. A. Moskaeva [and other] // Priroda i obshchestvo: v poiskah harmonii: sb. nauch. st. / Smolen. gumanitar. un-t; otv. red. E. A. Bobrov [Nature and society: in search of harmony / Smolen. gumanitar. un-t; otv. red. E. A. Bobrov]. – Smolensk, 2015. – P. 182–188. [in Russian]
4. Yamashkin A. A. Struktura regional'noj GIS dlja celej landshaftnogo planirovanija [The structure of the regional GIS for landscape planning] / A. A. Yamashkin, S. A. Yamashkin // Izv. Smolen. gos. un-ta. [Proceedings of the Smolensk State Univ.]. – 2014. – № 4 (28). – P. 305–314. [in Russian]

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ / ARTS

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.083

Дашиева Л.Д.

ORCID: 0000-0003-0492-7252, кандидат искусствоведения,

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук

ИНТОНАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ЗАСТОЛЬНЫХ ПЕСЕН АРХИИН ДУУНУУД ЗАПАДНЫХ БУРЯТ**Аннотация**

Статья посвящена анализу застольных песен архиин дуунууд западных бурят, направленного на выявление интонационных моделей или интонационных формул коротких песен богони дуунууд. Целью является интонационный анализ застольной песенной традиции архиин дуунууд западных бурят в локальных группах эхиритов и булагатов. Рассмотрение интонации полторатоновой секунды, играющей ключевую роль в мелосе и звуковысотно-ладовой организации застольных песен западных бурят, является одной из задач исследования, основанного на материалах автора, записанных во время музыкально-этнографических экспедиций в районы Иркутской области.

Ключевые слова: застольные песни, интонационные модели, западные буряты.

Dashieva L.D.

ORCID: 0000-0003-0492-7252, PhD in Arts,

Federal State Government-Financed Institution of Science Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences

INTONATIONAL MODELS OF DRINKING SONGS ARHIIN DUUNUUD OF WESTERN BURYATS**Abstract**

Article is devoted to the analysis of drinking songs arhiin duunuud of Western Buryats, directed to identification of intonational models or intonational formulas of short songs of the bogoni duunuud. The purpose is the intonational analysis of drinking song tradition arhiin duunuud of Western Buryats in local groups of ekhirit and bulagat. A research problem is consideration of intonation of the polutoratony second playing a key role in the pitch-modal organization of drinking songs of ekhirit and bulagat. The research is based on the materials of the author which are written down during the musical and ethnographic expeditions to areas of the Irkutsk region.

Keywords: drinking songs, intonational models, Western Buryats.

Целью настоящей статьи является интонационный анализ застольной песенной традиции архиин дуунууд¹ западных бурят в локальных группах эхиритов и булагатов. Анализ посвящен выявлению типичных интонационных моделей или формул припевов архиин дуунууд, изучению общих и отличительных особенностей коротких песен богони дуунууд² в застольной традиции западных бурят.

¹ Архи – «молочная водка»; дуун – «песня», дуунууд (мн.ч.).

Интонационные модели (далее – ИМ) или интонационные формулы³ застольных коротких песен представляют собой устойчивые интонационные обороты, состоящие из стабильной последовательности двух или нескольких тонов, имеющих звуковысотную и ритмическую организацию.

По мнению российского этномузыколога А.А. Банина, интонационные модели или интонационные формулы являются целыми комплексами звуковых событий или же музыкальными знаками [2]. Причем, по его мнению, особенностью музыкально-языкового знака является адекватное совпадение в нем означаемого и означающего, – т. е. такой знак обозначает себя самого и поэтому он кардинально отличается от понятийно-смысловых знаков вербального языка [там же]. В отечественном музыкознании достаточно давно разработана методика интонационного анализа, основанная на теории интонации Б. Асафьева, в которой сформулировано определение: «музыкальная интонация – это осмысление звучаний уже сложившихся в систему точно зафиксированных памятью звукоотношений: тонов и тональностей» [1, С. 180].

Вследствие неразработанности данной интонационной проблемы и, прежде всего, наличия богатейшего интонационного содержания народных песен западных бурят, выявление ИМ представляет некоторую сложность. Однако в результате анализа синтагматики обрядовых песен как «системы закономерного соединения, сочетания единиц, (уровней – Л.Д.) и категорий» [2, С. 388], представляется возможным выявление наиболее типичных ИМ застольных песен западных бурят. На интонационном уровне рассматриваются припевы (*дабталга*) застольных песен *архиин дуунууд*, которые моделируются в инициальных и финальных сегментах. Думается, результаты анализа выявят сходство и различия ИМ локальных традиций и подтвердят наше мнение об историческом и культурном генезисе западных бурят.

Сначала рассмотрим ИМ застольных *архиин дуунууд* в локальных западнобурятских группах. Необходимо подчеркнуть особую ключевую роль полутораторновой секунды в мелосе и ладозвукорядной системе песенной традиции западных бурят, в том числе их обрядовых песнях. Исследователь бурятской профессиональной музыки О. И. Куницын справедливо предлагает называть этот интервал *полутораторновой секундой* (*курсив мой. – Л. Д.*), как интервал смежности, свойства которого «отчетливо проявляются в том, что она является бинарным сопряжением в бурятских фольклорных напевах, почти столь же часто, как большая секунда, а также бывает частью «опевающих» фигур» [6, С. 29–30]. Вслед за О.И. Куницыным, для того чтобы выделить обозначенный интервал как смежный, будем использовать термин *полутораторновая секунда* (далее – п.2⁴). Она играет важную формообразующую роль в бурятских народных песнях и на её интонации базируются интонационные и ладозвукорядные модели обрядовых песен западных бурят. На наш взгляд, полутораторновая секунда составляет базис звуковысотной организации песенной традиции во всех регионально-диалектных группах бурят (западных *эхиритов*, *булагатов*, *хонгодоров*, восточных *хори-бурят*, южных *джидинцев*). ИМ застольных песен *булагатов архиин дуунууд* строится на п.2 – D^1-f^1 – D^1 с вариантами в инициальных и финальных сегментах:

Рис. 1

Образцы застольных песен *булагатов* записаны автором во время музыкально-этнографической экспедиции Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (далее – ИМБТ СО РАН) от информантов Данчиновой-Сахьяновой П.Д. (1916 г.р.), Тумурхоновой Н.И. (1922 г.р), Бухаевой М.А. (1926 г.р.), Бутухановой Г.Ф. (1931 г.р.) в с. Хандагай Боханского р-на Иркутской обл. (нотировки выполнены автором статьи) [8].

Избрание припевов застольных песен *архиин дуунууд* для интонационного анализа не случайно. На наш взгляд, именно припевы отличаются большой сохранностью и устойчивостью мелодических оборотов с закрепленными словесными текстами. Если в запеве тексты и естественно мелодии с течением времени менялись, трансформировались, то припевы, как правило, сохраняли вербальную и интонационную структуру и оставались относительно неизменными. Они были традиционными и, очевидно, в глубокой древности имели важный сакральный смысл. По мнению Д. С. Дугарова, в припевных словах «заключены и законсервированы рудименты древнейших религиозных верований и определенные историко-этнографические реалии» [5, С. 92]. Вероятно, именно в припевах кроется ключ к пониманию не только семантического, но и интонационного содержания застольных песен западных бурят.

Представим образцы припева (*дабталга*) застольной песни *булагатов* (см. примеры 2, 3). В двухстрочном припеве реализуется ИМ с п.2 девятисложной структуры анапеста в первой мелостроке и семисложной – во второй. В припеве *архиин дуун* вербальный текст отличается устойчивостью за исключением замены инициального *Ай-доо* на *элеэ*. Припевное слово *Ай-доо*, по-видимому, есть имя верховного божества плодородия Айа⁵:

² Бурятские народные песни делятся на две жанрово-стилистические группы: *ута дуун* (долгая, протяжная песня) и *богони дуун* (короткая песня) [3, С. 14].

³ Понятие «формула» (лат. *formula* – «форма, образец, вид») применяется во многих областях научного знания и является своего рода научной терминологической универсалией. В гуманитарной науке понятие *формульности* широко применяется в исследованиях, посвященных изучению традиций устного творчества.

⁴ Сокращенное обозначение полутораторновой секунды предложено автором статьи. Она имеет следующее строение – D^1-f^1 .

⁵ В традиционном песенном фольклоре многих народов часто используются припевные слова *айдоо*, *ай доо*, *ай дой* и др. Например, в удмуртских свадебных песнях присутствуют припевные слова рефрены *ай дой*, *дой*, *дой* [7, С. 116]. Вероятно, в этих припевных словах отражалась семантика образа языческого верховного божества, являющегося центром Вселенной.

Рис. 2

Рис. 3

Вероятно, образцы *арсиин дуунууд булагатов* относятся к наиболее раннему пласту застольной песенной традиции западных бурят. На наш взгляд, они тесно связаны с древними обрядовыми песнями *ай дон дуунууд* и кумысными песнями *сэгээни дуунууд*. Как показал анализ, в застольных песнях *эхиритов* и *хонгодоров* нами не выявлены двухзвучные ИМ, базирующихся на п.2 – их нет ни в наших полевых материалах, ни в сборнике Д.С. Дугарова «Песни западных бурят» [4], ни в аудиозаписях фонофонда ИМБТ СО РАН. Однако они присутствуют в образцах *ёхорных* напевов, сопровождающих бурятский круговой танец *ёхор* (*ёхор*). Причем ИМ застольных песен *арсиин дуун булагатов* идентична вариантам *эхиритского* напева одной из ранней локальной разновидности *ёхора Айдуусай*.

Одним из популярных и до сих пор бытующих припевов застольных песен *эхиритов* является двухстрочный припев:

hanaanaagaab(a) hanuujandaа, Есть память у нас, чтобы помнить,
hanahan хойноо, ещё шадахаб(а) яась. Если вспомним, ещё (значит) можем.

Этот типичный припев с устойчивым вербальным текстом присутствует не только в застольных *архиин дуунууд*, но и в обрядовых песнях *эхиритов*, связанных с родинной традицией.

Таким образом, позволим себе высказать предварительные соображения по поводу применения ИМ двухстрочного припева. Она свойственна застольной песенной традиции *эхиритов*. Встречается в застольных песнях *булагатов* и *хонгодоров* окказионально. Вероятно, такая ИМ, являющаяся инвариантной интонацией застольных песен *эхиритов*, генетически была унаследована от предков западных бурят, прототюркских племен, издавна проживавших на территории Байкальского региона. Косвенным доказательством этой концепции могут служить результаты исследований бурятских историков, археологов, этнографов, изучающих проблему этногенеза бурятского народа, до конца еще нерешенную. Кроме того, можно выдвинуть другое предположение – эта ИМ, по-видимому, была задействована в застольных песнях *эхиритов* под влиянием русской песенной лирической традиции. Ведь известно, что с середины XVII в. Верхоленские качугские буряты (*эхириты* – Л.Д.) первыми из всех западных бурят тесно контактировали с русскими казаками во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и музыкальной культуре. Безусловно, такое предположение необходимо уточнить на материале других песенных жанров традиционной музыки западных бурят.

Список литературы / References

1. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс / Б.В. Асафьев. – М.: Музгиз, 1930. – 191 с.
2. Банин А. А. Методология лингво-музыкального анализа музыки устных традиций / А.А. Банин // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докладов. – 2006. – Т. II. – С. 385–406.
3. Дашиева Л.Д. Традиционная музыкальная культура бурят: Учебно-методическое пособие / Л.Д. Дашиева. – Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2005. – 188 с.
4. Дугаров Д. С. Бурятские народные песни. Песни западных бурят / Д.С. Дугаров. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1980. – 280 с.
5. Дугаров Д. С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят) / Д.С. Дугаров. – М.: Наука, 1991. – 300 с.
6. Куницын О. И. Ладовые особенности музыкального языка бурятской народной песни / О.И. Куницын // Музыкальное творчество народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1986. – С. 113–130.
7. Нуриева И.М. Удмуртская музыкально-песенная традиция: специфика жанрообразования и функционирования: дис. ...докт. искусствоведения: 17.00.02: защищена 23.01.2015; утв. 15.01.2016 / Нуриева Ирина Муртазовна. – Ижевск, 2014. – 415 с.
8. Полевые материалы автора, 2009.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Asaf'ev B. V. Muzykal'naja forma kak process [Musical form as a process] / B.V. Asaf'ev. – M.: Muzgiz, 1930. – 191 p. [in Russian].
2. Banin A. A. Metodologija lingvo-muzykal'nogo analiza muzyki ustnyh tradicij [The methodology of linguistic and musical analysis of music of oral tradition] / A.A. Banin // Pervyj vsrossijskij kongress fol'kloristov: sb. dokladov [The first all-Russian Congress of folklorists: a collection of reports]. – 2006. – V. II. – P. 385–406. [in Russian].

3. Dashieva L.D. Tradicionnaja muzykal'naja kul'tura burjat: Uchebno-metodicheskoe posobie [Traditional musical culture of the Buryats: Textbook] / L.D. Dashieva. – Ulan-Udje: Izd-vo «Respublikanskaja tipografija», 2005. – 188 p. [in Russian].
4. Dugarov D. S. Burjatskie narodnye pesni. Pesni zapadnyh burjat [Buryat folk songs. Songs of Western Buryat] / D.S. Dugarov. – Ulan-Udje: Burjat. kn. izd-vo, 1980. – 280 p. [in Russian].
5. Dugarov D. S. Istoricheskie korni belogo shamanstva (na materiale obrjadovogo fol'klora burjat) [The historical roots of white shamanism (based on the ritual folklore of the Buryat)] / D.S. Dugarov. – M.: Nauka, 1991. – 300 p. [in Russian].
6. Kunicyn O. I. Ladovye osobennosti muzykal'nogo jazyka burjatskoj narodnoj pesni [Modal features of the musical language of the Buryat folk songs] / O.I. Kunicyn // Muzykal'noe tvorčestvo narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Musical creativity of the peoples of Siberia and the Far East]. – Novosibirsk, 1986. – P. 113–130. [in Russian].
7. Nurieva I.M. Udmurtskaja muzykal'no-pesennaja tradicija: specifika zhanroobrazovanija i funkcionirovanija [Udmurt music-song tradition: the specificity of general nature and functioning: diss. ... PhD in Arts: 17.00.02: defense of the thesis 23.01.2015: approved 15.01.2016] / Nurieva Irina Murtazovna. – Izhevsk, 2014. – 415 p. [in Russian].
8. Polevye materialy avtora [Field materials of the author], 2009. [in Russian].

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.171

Романова Е.В.

Кандидат искусствоведения, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н.А. Римского-Корсакова»

О КОМПОЗИЦИОННОМ CRESCENDO В «НЕАПОЛИТАНСКОЙ ПЕСЕНКЕ» ЧАЙКОВСКОГО*Аннотация*

В процессе рассмотрения пьесы Чайковского к её композиции применены традиционные критерии отечественной теории простых форм с одной стороны и некоторые критерии теории модулирующих форм В. Бобровского с другой. Показано взаимодействие структурно-композиционного, мотивно-интонационного, гармонического, фактурного и динамического аспектов развития, подтверждена существенная роль композиционных особенностей в воплощении музыкального образа пьесы. Результаты могут быть использованы в практике преподавания анализа музыкальных произведений при реализации основных образовательных программ высшего образования.

Ключевые слова: простая двухчастная форма, вариационная форма, композиционная модуляция, неквадратность, строфическая структура.

Romanova E.V.

PhD in Arts, Federal State Institution of Higher Education «Saint-Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory»

ABOUT COMPOSITE CRESCENDO IN "THE NEAPOLITAN SONG" OF TCHAIKOVSKY*Abstract*

In the course of consideration of the play of Tchaikovsky traditional criteria of the domestic theory of simple forms on the one hand and some criteria of the theory of the modulating V. Bobrovsky's forms with another are applied to her composition. Interaction of structural and composite, motivno-intonational, harmonious, impressive and dynamic aspects of development is shown, the essential role of composite features in the embodiment of a musical image of the play is confirmed. Results can be used in practice of teaching the analysis of pieces of music at implementation of the main educational programs of the higher education.

Keywords: simple binary form, variation form, composite modulation, nekvadratnost, strophe structure.

Анализ простых форм и композиционных процессов, в них происходящих и их конструирующих, один из наиболее увлекательнейших и весьма поучительных путей, сохраняющий, наряду с другими, неизменную актуальность в аналитическом музыкознании. В основе композиций, так или иначе реализующих идею неуклонного нарастания и устремлённых к кульминации и, как правило, отличающихся, крупными масштабами, нередко лежат разновидности форм остинатных вариаций, воплощающих нарастание экспрессии и эмоционального напряжения через своеобразное фактурно-динамическое crescendo. Весьма характерно для воплощения подобных образов и применение модулирующих форм (в варианте т.н. «восходящей композиционной модуляции» [1, с. 217]). Заметим, однако, что идея композиционного crescendo может быть ярко реализована и в рамках миниатюры на базе той или иной простой формы благодаря ёмкости, лаконичности и точности её композиционных акцентов и композиционной нюансировки, обнаруживающихся при детальном рассмотрении. В качестве одного из ярких примеров обратимся к композиции «Неаполитанской песенки» из «Детского альбома» П.И. Чайковского.

Обилием выразительнейших и метких деталей отличается уже начальная экспозиционная структура пьесы, образующая её первую часть (такты 1 – 20, см. пример 1). Отметим, во-первых, что долгое время она весьма изящно «балансирует» между строфической структурой⁶ и периодом: необходимое в периоде согласование кадансов достигается лишь в самый последний момент (в т. 19), когда мелодия приходит к длительно выдержанному основному тону тонического трезвучия на сильной доле (в отличие от т. 9, в котором на сильной доле помещена азартно и задиристо звучащая терция трезвучия).

⁶ Под строфической понимается в данном случае экспозиционная структура, складывающаяся из двух одинаковых построений (называемых строфами) и лишённая тем самым необходимого для периода согласования кадансов. Подобная классификация экспозиционных структур применялась Р. Лаулом в курсе лекций по анализу музыкальных произведений в Санкт-Петербургской консерватории.

Рис. 1 – Начальный экспозиционный период

Другой примечательной деталью рассматриваемой экспозиционной структуры является её весьма нестандартная, ярко индивидуализированная неквадратность: 20-тактный период повторного строения образуют два предложения (12 т. + 8 т.). Очевидно, что своеобразному «вторжению» неквадратности подвергается только первое предложение периода, что позволяет определить неквадратность периода в целом скорее как эпизодическую⁷. Общее стремление формы к квадратности отчётливо воплощает при этом образ постепенного «вхождения» исполнителя в ритм и тонус в процессе непринуждённого, свободно-прихотливого и импровизационного музицирования. Первое предложение складывается как восьмитактовое по природе, но осложнённое существенными структурными деталями: его началу предшествует двухтактовое вступление, а каданс (серединный каданс в периоде) выразительно оттенён двухтактовой остановкой, особенно непосредственно воплощающей спонтанность и непредсказуемость звучащего наигрыша (второе предложение возникает, будто бы начатое нехотя, как бы сыгранное с ленцой). Эту остановку можно уподобить своеобразной фермате, «выписанной» структурно-композиционными средствами.

Отметим также, что весьма ярким свойством, репрезентирующим рассматриваемый музыкальный материал, является строго соблюдаемая в нём тонико-доминантовая функционально-гармоническая схема, нарочито избегающая применения аккордов субдоминантовой функции, благодаря чему образ незатейливого и незамысловатого выступления уличного музыканта прорисовывается здесь ещё более рельефно.

Начинающийся в такте 21 раздел закономерно может быть определён как контрастная вторая часть (или вторая часть на новом материале) в рамках контрастно-составной простой двухчастной формы, выражаемой обычно схемой А+В⁸. Сохраняющая преемственность с первой частью в мотивно-интонационном и ритмическом аспектах, она обогащена новыми выразительными нюансами. Идея постепенной активизации и оживления в процессе музицирования находит выражение в отказе от неквадратности – формой второй части становится полностью квадратная строфическая структура (8 т. + 8 т., тт. 21 – 36, см. пример 2).

⁷ Термин, применявшийся Р. Лаулом в курсе лекций по анализу музыкальных произведений в Санкт-Петербургской консерватории.

⁸ В классификации Ю.Н. Тюлина подобные формы предлагается выражать схемой А+А₁ в силу отсутствия во второй части новых мелодических или фактурных компонентов [2, с. 117].

Рис. 2 – Контрастная вторая часть

Самой же яркой новацией второй части становится появление субдоминантовой функции в начале каждой строфы, которому соответствует восходящий секстовый скачок к VI ступени лада в мелодии, подчеркнутый пунктирной затактовой ритмической фигурой. Именно внезапный «прорыв» субдоминантовой функциональной сферы становится характерным признаком второй части, а её начало воспринимается тем самым как новый поворот в развитии, новое его освещение. С другой стороны, подключение субдоминанты, обнаруживающее расширение функционально-гармонического диапазона пьесы, может восприниматься и как повышение информативности музыкального материала, возрастание событийной плотности формы.

Заключительный раздел пьесы (*Più mosso*, *f*, тт. 37 – 54, см. пример 3), нередко определяемый как третья часть и даже как кода на новом материале, действительно воплощает вихреподобные и искромётно-зажигательные образы, зачастую оказывающиеся весьма типичными для последней фазы музыкальной композиции. С известной осторожностью можно сказать, что рассматриваемый раздел, отмеченный ускорением темпа, действительно подобен коде, но лишь сквозь призму балетно-танцевальной трактовки⁹ этого понятия. В собственно музыкальном же аспекте материал заключительного раздела очевидно является варьированным повторением второй части пьесы, сохраняющим наиболее существенные её признаки – такие, как функционально-гармоническая схема и опорные точки

⁹ Симптоматично, что эта итальянская мелодия первоначально была использована Чайковским в балете «Лебединое озеро» [3]. Заметим также, что в одном из лейпцигских изданий Детского альбома рассматриваемая пьеса называется *Neapolitanisches Tanzlied*.

мелодии (принцип строгих или орнаментальных вариаций¹⁰). Однако в результате этого повторения возникает глубоко преображённый вариант звучания второй части (явно подразумевающий использование тройного языка духовых - репетиции при варьировании секундовой интонации, ср. т. 23, пример 2 и т. 39, пример 3), более виртуозный и напористый (хотя его мелодика и теряет при этом преображении некоторые изысканные повороты своего узора, словно бы «выпрямляется», приобретая более предсказуемые очертания), ярко воплощающий азарт музыканта, его исполнительский кураж, достигающий своей кульминации.

Пример 3 – Варьированное повторение второй части и кода

Форма пьесы в целом может быть определена, таким образом, как простая двухчастная с варьированно повторённой второй частью и с кодой (два последние такта). При этом индивидуальной её особенностью становится реализующаяся на протяжении каждого из трёх разделов идея темпово-динамического *crescendo*: начальный период первой части, постепенно преодолевающий неквадратность, словно «сжимает» масштабы высказывания от 12 тактов в первом предложении до 8 тактов во втором, иллюзия ускорения темпа во второй части возникает благодаря полному отсутствию неквадратности (то есть благодаря отсутствию своеобразных промедлений в развёртывании событий), а варьированное повторение второй части уже открыто декларирует ускорение пульсации, поддержанное также и динамической кульминацией. Именно эта особенность способствует яркости воплощения основного образа пьесы, связанного с постепенным нарастанием экспрессии и эмоционального напряжения, со своеобразным «повышением эмоционального градуса» высказывания, вскрывает её танцевальный подтекст. Заметим также, что нюансы композиции пьесы (идея преодоления неквадратности, постепенное усиление событийной плотности, намёк на композиционную модуляцию в вариационный цикл) в немалой степени способствуют реализации идеи *crescendo*, что позволяет говорить о её проявлении не только в темпово-динамическом, но и в композиционном аспекте.

Список литературы / References

1. Бобровский В. Функциональные основы музыкальной формы. – М.: Музыка, 1978. – 332 с.
2. Тюлин Ю. Музыкальная форма / Ю. Тюлин, Т. Бершадская, И. Пустыльник и др.; общая ред. проф. Ю.Н. Тюлина. – изд 2-е, испр. и доп. – М.: Музыка, 1974. – 361 с.

¹⁰ Этот варьированный повтор даёт формальный повод оценить произошедшее как композиционную модуляцию из простой формы в вариационную, причём именно в заключительную фазу вариационного цикла с характерным для последней вариации ускорением темпа. Родство последнего раздела пьесы заключительной вариации в цикле – ещё одно проявление его кодовой, обобщающе-резюмирующей функции.

3. П.И. Чайковский – Н.Ф. фон Мекк: переписка, 1876-1890: в 4 т. Т. 1. 1876-1877/ сост., научн.-текстолог. ред., комментарии П.Е. Вайдман. – Челябинск: МПИ, 2007. – 704 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bobrovskij V. Funkcional'nye osnovy muzykal'noj formy. [Functional bases of a musical form]. – М.: Muzyka, 1978. – 332 p. [in Russian]
2. Tjul'juin Ju. Muzykal'naja forma [Musical form] / Ju. Tjul'juin, T. Bershadskaja, I. Pustyl'nik and others; general edited by prof. Yu. N. Tyulin. – 2nd edition, corrected and top. – М.: Muzyka, 1974. – 361 p. [in Russian]
3. P.I. Chajkovskij – N.F. fon Mekk: perepiska, 1876-1890: v 4 t. T. 1. 1876-1877 [P. I. Tchaikovsky – N. F. fon of Mecca: correspondence, 1876-1890: in 4 t. T. 1. 1876-1877]. / drawing up., scientific and textual edition, comments P.E. Vaydman. – Cheljabinsk: MPI, 2007. – 704 p. [in Russian]

КУЛЬТУРОЛОГИЯ / CULTURE STUDIES

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.109

Букина Е.В.¹, Гилев А.Ю.², Гилева Е.В.³, Миленханова Л.Г.⁴

¹Доцент, кандидат философских наук, Новосибирский государственный технический университет,

²старший преподаватель, Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,

³кандидат филологических наук, Новосибирский государственный технический университет,

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,

⁴аспирант, Новосибирский государственный технический университет

СУБЪЕКТ ИНЖЕНЕРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация

Статья содержит результаты междисциплинарного исследования, посвященного выявлению портрета современного студента-будущего инженера. Инженерное дело осмысливается исследователями в контексте многообразных социо-культурных связей, которые интерпретируются как причина необходимости пристального внимания к качеству подготовки современных отечественных инженеров. В статье результаты анкетирования студентов разных курсов, направленного на выявление их склонности к компонентам будущей профессиональной деятельности, отмечается значимость корреляции выводов с гендерным признаком респондентов.

Ключевые слова: инженерное образование, инженер, личностная установка, компоненты профессиональной деятельности.

Bukina E.Y.¹, Gilev A.Y.², Gileva E.V.³, Milenhanova L.G.⁴

¹PhD in Philosophy, Novosibirsk State Technical University,

²senior lecturer in sociology, Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences,

³PhD in Philology, Novosibirsk State Technical University,

Siberian State University of Telecommunications and Information Sciences,

⁴postgraduate student Novosibirsk State Technical University

THE SUBJECT OF ENGINEERING EDUCATION IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL ACTIVITIES

Abstract

The article contains the results of an interdisciplinary study on the identification of the portrait of a modern student-future engineer. Engineering is comprehended by researchers in the context of diverse socio-cultural relations, which are interpreted as the reason for the necessity for close attention to the quality of the modern domestic engineers. In the article the results of questionnaire of students of different courses, aimed at identifying their inclination to the ingredients of future professional activity, noted the importance of the correlation of the findings of the gender characteristic of the respondents.

Keywords: engineering education, engineer, personal setting, components of professional activity.

Несколько последних столетий, с момента культурного перелома, произошедшего вследствие изобретения И. Гутенбергом печатного станка, до сегодняшнего дня разработчик в области техники, инженер, является ведущей силой, задающей направление развития культуры, трансформацию социальной реальности, системы ценностей и образа жизни человека. Это культурологическое значение инженерной деятельности диктует невозможность ее рассмотрения в качестве исключительно специализированной профессиональной сферы. По словам китайского философа техники Ли Боцуна, “не существует “чисто технической” инженерии... В инженерной деятельности технические факторы и составляющие обладают несомненной важностью, но и другие составляющие и факторы – особенно касающиеся экономики и управления – часто не уступают по важности техническим” [1].

Сходная установка звучит и в современном отечественном общественно-политическом дискурсе, в котором подготовка “качественных инженеров” манифестируется в качестве одной из важнейших задач российского высшего образования [3, 4].

Если же говорить о практической реализации этого стремления, то в ней наблюдается своеобразная энтропия: с выходом каждого нового поколения ФГОС сохраняют свою актуальность тезисы, высказанные в связи с проблемами и трудностями в области высшего образования во времена актуальности предыдущих поколений ФГОС. Это касается, в частности, и рассуждений об инженерном образовании.

Кроме того, трудность в осмыслении проблем инженерного образования заключается в том, что оно происходит преимущественно в рамках специальных научных парадигм – в области педагогики, психологии, социологии. Между

тем результаты этих исследований *очевидно* дополняют друг друга и, вероятно, требуют комплексного рассмотрения. Видится важным рассмотрение частных вопросов с применением оптики культурологического обобщения, так как именно в культурологической области в конечном счете располагаются стратегические цели инженерного образования.

Философской базой наших исследовательских построений концентрированно выступает следующий тезис: “Всем центробежным устремлениям в науке и технике должно соответствовать равное по силе центростремительное движение к глубинам человеческого духа, что позволит достичь антропологического масштаба в контроле над техникой” [5, С. 261 – 262] (Э. Капп).

Прежде чем констатировать соответствие указанных Э. Каппом внешних и внутренних устремлений, мы должны обратиться к исследованию “глубин человеческого духа”. Иными словами, занимаясь исследованием инженерного образования, мы должны приблизиться к созданию своеобразного портрета будущего инженера, выявить его личностные установки, так как познание познающего субъекта неизбежно является точкой отсчета в рассмотрении любого образовательного процесса.

С целью выявления личностных установок будущих инженеров было проведено анкетирование студентов. Всего в анкетировании принял участие 71 студент очной формы обучения, направления подготовки «Электроника и наноэлектроника» факультета радиотехники и электроники Новосибирского государственного технического университета. 38 человек (53,5 %) обучались на первом курсе, 22 человека (31,0 %) на третьем курсе и 11 человек (15,5 %) на первом курсе магистратуры. Возраст опрошенных от 17 до 26 лет. 55 человек (77,5 %) – юноши, 16 (22,5 %) – девушки. Анкета состоит из 8 блоков по 3 вопроса, а также паспорттики. Каждый блок представляет собой одну из компонент профессиональной деятельности инженера (были сформулированы Л.Н. Кабардовой [2]):

1. Разбираться в физических процессах, закономерностях.
2. Отлаживать механизмы, ремонтировать электронные приборы.
3. Ремонтировать замки, краны, мебель.
4. Использовать формулы, теоремы, законы для решения задач.
5. Выполнять задания требующие хорошей координации рук.
6. Конструировать новое из типовых деталей.
7. Мысленно представлять расположение предметов в пространстве.
8. Выбирать наиболее рациональный способ решения задачи.

Вопросы предлагали респонденту оценить каждый из блоков с трех сторон:

- со стороны деятельности (насколько он оценивает свои умения делать то, о чем говорится в наименовании блока: «делаю плохо / делаю средне / делаю хорошо»);
- со стороны чувств / ощущений (предлагалось оценить ощущения, которые возникали у респондента, когда он делал то, о чем говорится в названии блока: «положительные / нейтральные / отрицательные»);
- со стороны перспективы будущей работы (респонденту предлагалось высказать своё мнение о включении той или иной компоненты профессиональной деятельности в его будущую работу; варианты ответов: «все равно / да / нет»).

Таким образом, могло быть всего 27 сочетаний ответов (три вопроса с тремя вариантами ответа каждый). Пример сочетания ответов может выглядеть так: «1 – Делаю плохо / Ощущения положительные / Не хочу, чтобы это было связано с моей работой». Из таких возможных 27 вариантов сочетания ответов чаще всего встречаются 7 вариантов (8 и более повторов / более 10%):

- А – «Делаю плохо / Ощущения положительные / Хочу, чтобы было связано с работой» (тип “Незнайка”);
- Б – «Делаю средне / Ощущения положительные / Хочу, чтобы было связано с работой» (тип “Средний”);
- В – «Делаю средне / Ощущения нейтральные / Всё равно, будет связано с работой или нет» (тип “Нейтральный”);
- Г – «Делаю средне / Ощущения нейтральные / Не хочу, чтобы было связано с работой» (тип “Не на своем месте”);
- Д – «Делаю хорошо / Ощущения положительные / Всё равно, будет связано с работой или нет» (тип “Без стратегии”)

Е – «Делаю хорошо / Ощущения положительные / Хочу, чтобы было связано с работой» (тип “Инженер”).

По каждой компоненте выделился свой набор сочетаний ответов (Таблица 1).

Таблица 1 – Сочетания ответов и количество респондентов по вариантам сочетаний (кол-во чел.)

Компо- нента	Название компоненты	Вариант сочетания ответов					
		А	Б	В	Г	Д	Е
		Незнай-ка	Средний	Нейтра- льный	Не на своем месте	Без strate- гии	Инже- нер
k1	Разбираться в физических процессах, закономерностях.	-	21	-	-	-	18
k2	Отлаживать механизмы, ремонтировать электронные приборы.	-	16	-	-	-	13
k3	Ремонтировать замки, краны, мебель.	-	-	10	11	-	-
k4	Использовать формулы, теоремы, законы для решения задач.	-	14	10	-	-	12
k5	Выполнять задания требующие хорошей координации рук.	-		11	-	11	15
k6	Конструировать новое из типовых деталей.	10	19	-	-	-	15
k7	Мысленно представлять расположение предметов в пространстве.	-	-	11	-	11	14
k8	Выбирать наиболее рациональный способ решения задачи.	-	28	-	-	-	16

Затем мы провели взвешивание по переменной «Пол респондента» и рассчитали коэффициенты сопряженности между компонентами профессиональной деятельности инженера (наборами сочетания ответов) и полом респондента, предварительно отобрав часто встречающиеся наборы сочетаний ответов для каждой из компонент (Таблица 2).

Таблица 2 – Коэффициенты сопряженности и их уровни их значимости

Компонента	Значение коэффициента сопряженности	Уровень значимости
k1	0,493	0,000
k2	0,454	0,003
k3	0,071	0,705
k4	0,130	0,675
k5	0,101	0,780
k6	0,330	0,042
k7	0,355	0,062
k8	0,038	0,784

Для компонент №1, 2, 6 уровень значимости является достаточным чтобы проводить генерализацию при доверительном интервале в 95%. Для компоненты №7 уровень значимости всего лишь на 0,012 превышает 95% доверительный интервал. И если сделать для неё небольшую уступку относительно уровня значимости, то можно сделать вывод что наблюдается взаимосвязь между полом респондента тем, как он оценивает свои компоненты профессиональной деятельности инженера, что справедливо в нашем случае для четырёх компонент (их порядковые номера приводятся в соответствии со списком выше):

1. Разбираться в физических процессах, закономерностях.
2. Отлаживать механизмы, ремонтировать электронные приборы.
6. Конструировать новое из типовых деталей.
7. Мысленно представлять расположение предметов в пространстве.

При этом для первой и второй компоненты уровень взаимосвязи несколько выше, чем для шестой и седьмой компоненты.

Результаты анкетирования позволяют судить о личностных качествах будущих инженеров, прогнозировать их профессиональную успешность, корректировать учебный процесс с целью развития у его участников направленности на значимые компоненты профессиональной инженерной деятельности. Кроме того, данное исследование позволило нам сделать обоснованное предположение о наличии специфики формирования направленности на некоторые компоненты инженерной деятельности у юношей и у девушек.

Мы полагаем, данное исследование субъекта инженерного образования не является исчерпывающим и завершенным, однако оно позволит установить существенные корреляции для дальнейшего уточнения.

Список литературы/ References

1. Бао Оу. Основные вопросы философии инженерии [Электронный ресурс] / Оу Бао // Вопросы философии. – 2014. – № 7. – С. 59 – 67. – URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=986&Itemid=52 (дата обращения: 12.09.2016).
2. Кабардова Л.Н. Опросник профессиональной готовности (ОПГ-6) // Диагностика профессионального самоопределения / Сост. Я.С. Сунцова. – Ижевск: Удмуртский университет, 2009. – С. 21 – 28.
3. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию в 2014 году [Электронный ресурс] / Путин В.В. – URL: http://ria.ru/trend/_message_Putin_04122014/ (дата обращения: 06.04.2016).
4. Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по науке и образованию. Заседание Совета по науке и образованию. 23 июня 2014 г. Москва. Кремль [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/news/45962> (дата обращения: 06.10.2016)
5. Хуннинг А. Первые германские философы / Хуннинг А. // Материалы международной конференции «Философия науки и техники – природа и техника на пороге третьего тысячелетия» / под ред. В.Г. Горохова. – М.: РФО, 2005. – С. 261–262.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bao Ou. Osnovnye voprosy filosofii injenerii [The main issues of engineering philosophy] [Electronic resource] / Ou Bao // Voprosy filosofii [Questions of philosophy]. – 2014. – № 7. – P. 59 – 67. – http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=986&Itemid=52 (accessed: 12.09.2016). [in Russian]
2. Kabardova L.N. Oprosnik professional'noj gotovnosti (OPG-6) [The questionnaire of professional readiness] // Diagnostika professional'nogo samoopredeleniya [Diagnostics of professional self-determination] – 2009. – P. 21 – 28. [in Russian]
3. Putin V.V. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu v 2014 godu [The President's address to the Federal Assembly in 2014] [Electronic resource] / Putin V.V. – URL: http://ria.ru/trend/_message_Putin_04122014/ (accessed: 06.04.2016). [in Russian]
4. Stenograficheskij otchyot o zasedanii Soveta pri Prezidente po nauke i obrazovaniyu. Zasedanie Soveta po nauke i obrazovaniyu. 23 iyunya 2014 g. Moskva. Kreml' [Transcript of meeting of the Presidential Council for Science and Education. Meeting of the Council for Science and Education. June 23, 2014 Moscow. Kremlin] [Electronic resource]. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/45962> (accessed: 06.10.2016). [in Russian]
5. Hunning A. Pervye germanskije filosofy [The first German philosophers] / Hunning A. // Materialy mezhdunarodnoj konferencii "Filosofiya nauki i tekhniki – priroda i tekhnika na poroge tret'ego tysyacheletiya" [Proceedings of the international conference "Philosophy of science and technology – nature and technique on the threshold of the third Millennium"] – 2005. – P. 261 – 262. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.076

Суворова А.В.

Доцент, ФГБОУ ВО ВСГУТУ «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления»

МУЗЕЙ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

Аннотация

Обоснована значимость музея в современной культуре как центра аккумуляции, исследования и трансляции культурного наследия, как материального так и нематериального. Выделены аксиологические и социальные функции музея как ведущие в современной изменяющейся социокультурной ситуации. Процессы информатизации и активного развития информационных технологий позволяют модернизировать коммуникативную деятельность современного музея, насытить ее инновационными подходами к представлению музейных экспозиций.

Ключевые слова: музей, музейная экспозиция, функции культуры, культурное наследие, сохранение и трансляция культурного опыта, «музейная коммуникация».

Suvorova A.V.

Associate professor, East Siberia State University of Technology and Management

THE MUSEUM AS A CULTURAL PHENOMENON

Abstract

Substantiates the importance of the Museum in contemporary culture as a center of accumulation, research and transmission of cultural heritage, both material and intangible. Has an axiological and social functions of the Museum as a leading in today's ever-changing socio-cultural situation. The processes of information and active development of information technologies allow to upgrade the communicative activities of a modern Museum, to infuse it with innovative approaches to presenting Museum exhibits.

Keywords: museum, museum exhibition, functions of culture, cultural heritage, preservation and translation of cultural experience, "Museum communication".

Объем и многообразие социального опыта в современном мире постоянно увеличивается, соответственно, обостряются проблемы его трансляции на всех уровнях – историческом, межпоколенческом, этническом, и проч. При этом, единственным универсальным механизмом сохранения и трансляции такого опыта остается культура, определяемая как «социальная память человечества» (Б. С. Илизаров)

Исследования способов трансляции культурного опыта обширны и разнообразны (М. Мид, А. Моль, П. С. Гуревич и др.), однако, среди доминирующих форм в данном процессе следует назвать сохранение памятников и артефактов, главным образом, сосредоточенных в музеях различных видов и направлений.

Музей начал осознаваться как форма сохранения культурного опыта еще в древности; так Ф.И. Шмид рассматривает как протомузеи античные святилища. Им обосновано существование систематических коллекций в таких центрах эллинистической культуры, как Афины, Александрия Египетская, Пергам [7, с.9]. Это мнение нашло подтверждение в исследованиях В.П. Грицкевича, указывающего, что «в традиционных обществах архаической, древней и средневековой эпох постепенно складывались музейные принципы собирания, хранения и представления предметов, которые по различным мотивам изымались из сферы утилитарного употребления» [2, с.100]. Основным назначением музея становится популяризация культурного наследия с целью трансляции культурного опыта. Очевидно, что данная цель сохраняет свою ценность и актуальность до настоящего времени, что ставит музей в центр изменяющихся современных культурных процессов.

Вопрос о культурном наследии в настоящее время активно обсуждается в культурологии. Согласно общему определению, оно означает совокупность культурных достижений, которые обладают вневременной ценностью и способствуют сохранению определенного цивилизационного типа. ЮНЕСКО конкретизирует данное определение и относит к культурными ценностями предметы, имеющие историческую, художественную, научную или техническую ценность (движимые и недвижимые памятники, музеи, библиотеки и т.д.) [4]. В соответствии с подобным пониманием, музеи отнесены к научным и техническим учреждениям, сохраняющим и популяризирующим культурное наследие в рамках гуманитарной, просветительской, демократической миссии [3].

Для того, чтобы оценить музей как современный культурный феномен, следует обращаться к ключевым функциям культуры. Образовательно-воспитательная, интегративная (дизинтегративная), гносеологическая, регулирующая, семиотическая, информационная функции остаются равнозначимыми, отражающими способность культуры аккумулировать, сохранять и транслировать культурный опыт, но, на наш взгляд, особого внимания сегодня заслуживают аксиологическая и социальная функции.

Культура обеспечивает единство той или иной человеческой общности на основе общих мировоззренческих ориентиров, опираясь на мифологию, религию, философию, политико-правовые и моральные нормы, обычаи, идеологические доминанты и т.д. Именно они выступают основанием для формирования ценностной системы социума и отдельного индивидуума.

Согласимся с Е.В. Комиссаровой [3] в том, что транслируя традиции, зафиксированные в культурном наследии человечества, музей способен стабилизировать общественные процессы, поддерживать сбалансированность ценностных систем как на межпоколенческом, этическом, так и в целом, на социокультурном уровне.

Музей как важнейший социокультурный институт, документирующий, сохраняющий, исследующий природные и общественные процессы и явления (А.М. Разгон [5], А.И. Фролов [6]), становится одним из ведущих трансляторов культурного наследия, в особенности с учетом новых коммуникативных возможностей.

М.Г. Аверкин справедливо отмечает, что «образ музея должен соответствовать той культуре, которую он репрезентует» [1, с.161]. В связи с чем, актуализируются вопросы взаимодействия музея и зрителя, обновления и расширения коммуникативных каналов, ориентированных не только на информационную скорость, мощност, насыщенность, дальность действия, но и на иное качество коммуникации, способствующей взаимопониманию, сопереживанию людей.

Современная «музейная коммуникация» представляет серьезный научный интерес, поскольку, на наш взгляд, может влиять на содержание и регулирование социокультурных процессов. В частности, заслуживает внимания активный процесс включения в контекст современных музейных экспозиций не только объектов культурного наследия, но и среды их существования, и человека как его носителя [9]. Речь идет об этнокультурной среде, исторической застройке, природных условиях, тематическом туризме, досуговых формах музейной практики и т.д., использование которых меняет саму суть коммуникативных связей музея и современного человека: из гносеологического объекта музейная экспозиция превращается в субъект непрерывной культурной коммуникации с человеком. Красноречивым примером служат интереснейшие региональные краеведческие и исторические музеи. Интерактивные формы коммуникации с использованием ИКТ, внедряющиеся в традиционные условия музейной практики, расширяют возможности музея как пространственно-временного диалога поколений и культур в его аксиологическом значении.

При этом, мы считаем необходимым подчеркнуть, что внедрение современных информационных технологий в музейную практику с целью самой широкой их популяризации, не означает включение музея в массовую культуру, бесконтрольно тиражируемую СМИ. Музейные собрания, изначально ориентированные на достоверность, точность, объемность, подлинность, систематичность, способны противостоять механизмам восприятия массовой культуры, поскольку современный музей имеет возможность не только просвещать зрителя, но и активно формировать культурные ценности. Ресурс культурного наследия, транслируемого музеем практически неисчерпаем, тогда как коммерческий ресурс современной массовой культуры, по сравнению с ним, может расцениваться как краткосрочный.

Однако, сами по себе, новейшие достижения ИКТ, например, в формах виртуальных экскурсий по музею с точным воспроизведением расположения залов и экспонатов, реконструкций исторических битв и проч., хотя и оптимизируют процесс трансляции культурного наследия, не могут обеспечить передачу культурных смыслов, запечатленных в нем. С этим связана возрастающая актуальность вопросов интерпретации культурных смыслов, без которых невозможна деятельность современного музея как феномена культуры.

Осознание единства материального и духовного-нравственного культурного наследия как ведущей ценности современной культуры актуализирует и вопрос о внедрении в контекст современного музея памятников нематериальной культуры, например, народного художественного наследия. Выступления творческих коллективов,

собирающих и сохраняющих аутентичный фольклор, давно стали неотъемлемой частью деятельности музеев-заповедников.

Празднование крупных исторических дат вызвало к жизни практику их театрализованной реконструкции под патронатом музеев, в которой может принять участие каждый гражданин. В настоящее время такая практика дополняется виртуальными проектами, моделирующими, например, важные военные сражения (как это происходит в музее-панораме «Сталинградская битва» и других российских военно-исторических музеях).

Таким образом, расширение и углубление комплексной деятельности современного музея дает основания не только считать его феноменом культуры, но и отметить его возрастающую роль в сохранении и трансляции материального и нематериального культурного наследия.

Список литературы/ References

1. Аверкин М. Г. Модификация форматов коммуникативного взаимодействия современного музея / М. Г. Аверкин // Вопросы музеологии. – 2010. – №2. – С.158-164.
2. Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII века. В 2 ч. / В. П. Грицкевич. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : СПбГУКИ, 2004. – 406 с.
3. Комиссарова Е. В. Региональный музей как хранитель и транслятор культурного наследия : Автореф. дисс... канд. историч. наук : 24.00.01/ Комиссарова Елена Васильевна : защищена 23.12.2006. – Волгоград, 2006. – 22с.
4. Международно-правовые документы по вопросам культуры / Сост. и науч. ред. сборника проф. Запесоцкий А. С. – СПб. : ГУП, 1996, - С. 339-340.
5. Разгон А. М. Предварительный музейный съезд – итоги развития музейного дела в России / А. М. Разгон // Музей и власть. Из жизни музеев. Ч.П. – М., 1991.
6. Фролов А. И. Из истории становления музееведческих центров России / А. И. Фролов // Из жизни музеев : сб. науч. тр. НИИ культуры. Ч. 2. – М., 1991. – С. 62–103. – (Серия «Музей и власть»).
7. Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции / Ф. И. Шмит. – Л., 1929. – С.9.
8. Юренева Т. Ю. Музей в мировой культуре / Т. Ю. Юренева. – М. : «Русское слово РС», 2003. – 536с .
9. Юренева Т. Ю. Музейная коммуникация: основания и модели культурологического анализа // Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований / Под ред. И. М. Быховской. – М. : Смысл, 2010. – С. 297–303.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Averkin M. G. Modifikacija formatov komunikativnogo vzaimodejstviya sovremennogo muzeja [Modification of the formats of communicative interaction of the contemporary Museum] / M. G. Averkin // Voprosy muzeologii [Questions of museology]. – 2010. – №. 2. – P. 158-164. [in Russian]
2. Gritskevich V. P. Istorija muzejnogo dela do konca XVIII veka. V 2 ch. [The History of the Museum business before the end of the XVIII century. In 2 parts] / V. P. Gritskevich. – 2nd ed. Rev. and additional – SPb. : Spbguki, 2004. – 406 p. [in Russian]
3. Komissarova E. V. Regional'nyj muzej kak hranitel' i transljator kul'turnogo nasledija : Avtoref. diss... kand. istorich. Nauk [Regional Museum as a guardian and translator of cultural heritage : author. Diss... kand. historical. Sciences. 24.00.01 / Komissarova Elena Vasilyevna : defense of the thesis] . – Volgograd, 2006. – 22p. [in Russian]
4. Mezhdunarodno-pravovye dokumenty po voprosam kul'tury / Sost. n nauch. red. sbornika prof. Zapesockij A. S [International legal instruments on culture / Comp. n scientific. ed. of the collection of Professor Zapesotsky A. S.] – SPb. : Sue, 1996, - P. 339-340. [in Russian]
5. Razgon A. M. Predvaritel'nyj muzejnyj s#ezd – itogi razvitiya muzejnogo dela v Rossii [Pre-Museum Congress the results of Museum development in Russia] / A. M. Razgon // Muzej i vlast'. Iz zhizni muzeev [Museum and power. The life of museums]. – M., 1991. Part II. [in Russian]
6. Frolov A. I. Iz istorii stanovlenija muzevedcheskih centrov Rossii [From the history of the development of museological centres of Russia] / A. I. Frolov // Iz zhizni muzeev : sb. nauch. tr. NII kul'tury. Ch. 2. [From the life of museums : [SB. scientific. Tr. Research Institute of culture]]. – Part 2. – M., 1991. – P. 62-103. (Series "Museum of power").[in Russian]
7. Schmidt F. I. Muzejnoe delo. Voprosy jekspozicii [Museology. The issues of exposure] / F. I. Shmit. – Leningrad, 1929. – P. 9. [in Russian]
8. Yureneva T. Y. Muzej v mirovoj kul'ture [Museum of world culture] / T. Y. Yureneva. – M. : «Russkoe slovo RS» ["Russian word of the RS"], 2003. – 536 p. [in Russian]
9. Yureneva T. Y. Muzejnaja kommunikacija: osnovanija i modeli kul'turologicheskogo analiza [Museum communication: foundations and models of cultural analysis] // Kul'turologija: fundamental'nye osnovanija prikladnyh issledovanij [Cultural studies: fundamentals of applied research] / edited by I. M. Byhovskiy. – M. : Sense, 2010. – P. 297-303. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.103

Торохова Г.З.

Старший преподаватель,

Череповецкий государственный университет

УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ И ФРАНЦУЗСКИЕ ГРАММАТИКИ ИЗ УСАДЕБНОЙ БИБЛИОТЕКИ СЕМЬИ ХУДОЖНИКА В.В. ВЕРЕЩАГИНА**Аннотация**

Статья посвящена учебным пособиям и французским грамматикам, входящим в состав книжного фонда усадебной библиотеки семьи художника В.В. Верещагина. Дается краткое описание истории создания книжного собрания и его содержания. Более подробно рассказывается о книгах, относящихся к разделу учебной литературы, в частности, о грамматиках Д. де Будри и Ш.Ф. Ломонда, с помощью которых воспитывали подрастающее поколение и овладевали французским языком. Выявляются тенденции, свойственные усадебному библиофильству второй половины XVIII – первой трети XIX в.

Ключевые слова: усадебная библиотека, французский язык, домашнее воспитание, учебные пособия, французская грамматика.

Torokhova G.Z.

Senior Lecturer

Cherepovets State University in Cherepovets

SCHOOL BOOKS AND FRENCH GRAMMAR BOOKS FROM THE MANOR LIBRARY OF THE ARTIST V.V. VERESHCHAGIN'S FAMILY**Abstract**

The article is devoted to the school books and French grammar books that are a part of the manor library book fund of the artist V.V. Vereschagin's family. A brief description of the history of the book collection and its contents is given. A more detailed account of the books belonging to the section of educational literature is presented, in particular, of the grammar books by D. de Boudri and Sh. F. Lomond with the help of which the younger generation was brought up and the French language was mastered. Trends, characteristic of manor Bibliophilia of the second half of the XVIII - the first third of the XIX century are revealed.

Keywords: manor library, French, home education, school books, French grammar books.

В настоящее время активно изучается история личных библиотек на региональном уровне, что позволяет проследить судьбы книжных собраний, некогда принадлежавших бывшим помещикам. Многие из выдающихся людей России XVIII – XIX вв. были дворянами и имели собственные усадьбы. Усадьбы и их владельцы являлись хранителями и носителями материальных и духовных ценностей, к которым, несомненно, относится и библиотека.

Во второй половине XVIII в., в период расцвета дворянского усадебного библиофильства, домашние библиотеки комплектовались как из русских, так и иностранных, прежде всего, французских книг. Преобладание французских книг было связано с явлением галломании. Известный исследователь русской усадьбы А.Н. Греч писал, что исключительная своеобразность старинных русских библиотек создавалось благодаря обилию в них французских книг XVIII в. [3, с. 61].

Семья Верещагиных, в которой вырос художник В.В. Верещагин, принадлежала к дворянскому роду и владела имением в селе Пертовка Череповецкого уезда Новгородской губернии. Формирование фамильной библиотеки Верещагиных было начато прадедом художника, Алексеем Петровичем Башмаковым, и продолжено его детьми и внуками. После затопления Пертовки Рыбинским водохранилищем в 40-е годы прошлого столетия усадебная библиотека была передана племянником художника К.Н. Верещагиным Череповецкому краеведческому музею. Основу книжного собрания семьи Верещагиных составляют издания на французском языке. Это произведения художественной литературы французских и других европейских авторов, популярных в XVII – XVIII вв., сочинения философского содержания, несколько трудов по истории. Помимо вышеперечисленных книг встречаются также пособия по разным учебным предметам.

В семье Верещагиных большое внимание уделялось домашнему воспитанию детей. При обучении подрастающего поколения подспорьем для взрослых являлись пособия, в которых изложен краткий курс какого-то одного или сразу нескольких предметов. По ним можно было изучать географию, историю, знакомиться с основами французской грамматики, элементами математики, учиться умению вести переписку, ораторскому искусству, правилам поведения в светском обществе. При составлении таких пособий авторы старались преподать учебный материал компактно, в форме вопросов и ответов. Для полной убедительности и наглядности они приводили примеры из жизни, цитаты известных авторов, задействовали сказки, басни, стихи, иногда даже собственного сочинения. Надо сказать, что издания подобного рода являлись подспорьем для взрослых при обучении подрастающего поколения. В.В. Верещагин вспоминает: «6-7-ми лет я порядочно читал, писал, умел складывать, вычитать, умножать и делить... Учила нас всему этому сначала мамаша; она же занималась французским языком, который хорошо знала, и первыми основаниями географии, по учебнику» [5, с. 36].

К книгам подобного рода следует отнести «Magazin des enfants, ou Dialogues entre une sage gouvernante» («Детское училище») мадам Лепренс де Бомон, автора «Красавицы и чудовища». Это произведение представляет собой разговоры мудрой гувернантки со своим учеником и его друзьями, написанные в легком, непринужденном стиле. Они касаются священного писания, всеобщей истории и других, полезных для юношества знаний, с приобщением некоторых нравоучительных повестей.

Особого внимания заслуживает пособие «Les études convenables aux demoiselles» («Учебное пособие для девиц»), на первом листе обложки которого есть надпись: «Ce livre appartient à Elisabeth de Bachemakov. Acheté à Pétersbourg. L'an 1777» («Эта книга принадлежит Елизавете Башмаковой. Куплена в Петербурге. Год 1777»). Оно содержит грамматику, поэзию, риторику, умение вести переписку, хронологию, географию, историю, исторические и нравоучительные басни, правила приличия и курс по арифметике. Пособие предназначено для юных пансионерок религиозных общин и домов. Данное пособие имеет целью в простой и доступной форме довести до учащихся элементарные знания и общие сведения, касающиеся многих областей разных наук.

В предисловии говорится о том, что если на мужчин возлагаются обязанности и забота о государстве, то ведение домашних дел, сохранение семейного очага – это прерогатива женщин. В их интересах как можно раньше начать работу по формированию ума и сердца, используя изучение наук и чтение, подходящие состоянию их души. Этому и способствуют трактаты данного сочинения. В пособии даются поверхностные, но объемные знания о разных науках, что легко позволяет в дальнейшем использовать их для методичного чтения других серьезных произведений. Основной целью таких книг, как «Детское училище» мадам Лепренс де Бомон и «Учебное пособие для девиц», было подготовить будущих жен. По ним юных девушек учили светским манерам, поведению в обществе, соблюдению этикета. Главными добродетелями дворянской девушки полагались великодушные, щедрость, скромность, благонравие, приятные манеры.

В связи с распространением французского языка в России XVIII в. среди представителей высших слоев общества и потребностью его изучения возникла необходимость в разного рода учебных пособиях, являющихся немаловажной составляющей любого учебного процесса. Первые пособия по изучению французского языка как иностранного появились в России в середине XVIII в. Это были разговорники, азбуки, грамматики, хрестоматии, словари. В XVIII в. учебная литература по французскому языку еще ввозилась в значительных количествах из-за границы, но уже начинала издаваться в России. Растущий спрос на подобного рода литературу, который не удовлетворялся не только качественно, но и количественно вызвал необходимость издания учебников французского языка, приспособленных для русских учащихся [6, с. 20-21]. Большинство учебников по французскому языку, выходивших в России в конце XVIII – начале XIX в. относятся к учебникам грамматико-переводного метода, в основу которого положено системное изучение грамматики как самостоятельного предмета и дословный перевод. Среди грамматик французского языка, популярных в России второй половины XVIII в. – первой трети XIX в., были грамматики П. Ресто, Л. Бужо, Ж.-Р. Пеплие, П. де Ла Туша и др.

В книжном собрании дворян Верещагиных имеются два пособия по грамматике французского языка – «Первые основания французского языка» (первая часть) Д.И. де Будри и «Начальные основания французской грамматики» Ш.Ф. Ломонда в переводе В. Кряжева.

Давид Иванович де Будри (настоящее имя Давид Марат), брат известного деятеля Великой французской революции Жана-Поля Марата, был родом из Швейцарии. Его семья долгое время жила в Будри, чем объясняется тот факт, что название этого местечка было взято Давидом в качестве фамилии, когда он приехал в Россию, хотя оно и не было местом его рождения [2, с. 316]. Д. де Будри получил образование в невшательской и женевской гимназиях, а затем в Академии изящной словесности в Женеве, где окончил курс со степенью кандидата. В 1784 г. он был приглашен в Россию камергером Салтыковым в качестве воспитателя его детей [10, с. 442]. В 1811 г. господин де Будри был назначен профессором французского языка и словесности в Царскосельский лицей. А.С. Пушкин был учеником де Будри и упоминает о нем в своих записках, что «де Будри был родной брат Марату. Екатерина II переменила ему фамилию, по просьбе его, придав ему аристократическую частицу *де*, которую Будри тщательно сохранял» [9, с. 107].

Помимо того, что Д. де Будри был преподавателем, он составил французскую грамматику для русской молодежи – *Premiers principes de la langue françoise ou nouvelle grammaire. A l'usage de la jeunesse russe avec diverses remarques sur le rapport des deux langues, agréée par le Ministère de l'Instruction publique et adoptée à l'Institut pédagogique, au gymnase du gouvernement de St Pétersbourg et dans d'autres maisons d'éducation par D. de Boudri, Professeur au lycée impérial et à l'Institut des Diles nobles de l'ordre de Ste Catherine. St Pétersbourg: L'imprimerie du Sénat-dirigeant, 1811-1812. T. 1 (1811). 188 p., T. 2 (1812). 139 p.* (Русское название: «Первые основания французского языка, или, Новая грамматика в пользу российского юношества с присовокуплением разных примечаний на отношение обоих языков»). В каждой части грамматики на левой странице разворота помещен русский, а на правой – соответствующий французский текст. Обе части снабжены грамматическими таблицами. Более трети второй части представлено в виде вопросов и ответов, которые могут служить контрольным тестом. Первая часть грамматики Будри, имеющаяся в библиотеке Верещагиных, посвящена частям речи, она разделена на главы: *О частях речи, О существительных, Об артикле, О местоимениях, О прилагательных, О глаголах, О предлогах, О наречиях, О союзах, О междометиях, Грамматический разбор*. Части речи рассматриваются в работе на весьма красноречивых примерах.

Де Будри использовал свой учебник для занятий с лицейским выпуском Пушкина, а также в Благородном пансионе, куда он был назначен в 1814 г. преподавателем литературы [2, с. 322-323].

Французский гуманист и педагог Шарль Франсуа Ломонд (1727-1794) был священником. Ломонд преподавал в течение двадцати лет в Сорбонне латинский и французский языки и является автором трудов об истории церкви, латинской и французской грамматики для начинающих.

Французская грамматика Ломонда была напечатана впервые в Париже в 1780 г. и более полувека пользовалась популярностью, как во Франции, так и в России. В России имя Ш.Ф. Ломонда было широко известно. Так, в 1818 г. Н.Ф. Кошанский издал «Сокращение священной истории» Ломонда на латинском языке со своим комментарием. Французская грамматика Ломонда много раз издавалась, переводилась и дополнялась в России. В «Реестре» В. Плавильщикова названо одно название этой грамматики (1808 г.), а в «Росписи» А. Смирдина поименованы четыре: два петербургских (1816, 1818 гг.) и два московских (1823, 1824 гг.).

Одно из изданий называлась так: «Начальные основания французской грамматики Г. Ломонда, заслуженного профессора Парижского университета, с российским с последнего издания переводом В. Кряжева с присовокуплением собрания слов, речений, басен, повестей и проч. для упражнения в переводах и образцовых писем. М., в Губернской тип., у А. Решетникова, 1808. У книгопродавцев Рисса и Соссе на Петровке» [8, с. 107]. Именно это издание есть в частном собрании дворян Верещагиных. Учебник адресован юному читателю, приступившему к овладению французским языком. В предисловии говорится, что главная задача Ломонда состояла в доступности изложения материала. В. Кряжев, выполняя перевод грамматики, так излагал слова Ломонда о цели: «чтобы любезный сей возраст был избавлен от многих слез, которых первое учение стоит» [7, с. VI].

На 414 страницах этого довольно объемного труда изложена французская грамматика, содержащая описание частей речи в том же порядке, что и большинство грамматик французского языка. Грамматисты при создании пособий, беря пример с Ресто, соблюдали обычный порядок описания 9 частей речи и форму вопросов и ответов. После чего следует тематический словарь, в котором слова сгруппированы по темам, например, о вещах духовных, о свете и стихиях, о добродетелях и пороках и т.п. Басни в этом издании представляют собой прозаические переложения сюжетов Эзопа, таких как «Заяц и воробей», «Кабан и волк», «Роза и бабочка» и др.

На страницах грамматик Будри и Ломонда, принадлежащих семье Верещагиных, есть автографы дяди художника, Алексея Верещагина. На титульном листе грамматики Д. де Будри написано на французском и русском языках: «Veretchagine», «А. Верещагин». На форзаце грамматики Ш.Ф. Ломонда есть надпись: «Принадлежит В. Верещагину».

Наличие учебных пособий и французских грамматик в библиотеке семьи художника В.В. Верещагина является тенденцией, свойственной традициям книжного собирательства дворянами второй половины XVIII – первой трети XIX в. При создании библиотек дворяне руководствовались требованиями просветительской эпохи, модными веяниями. Посредством не только произведений художественной, философской и исторической литературы, но и пособий по различным областям знаний они постигали науки, расширяли кругозор, а по французским грамматикам изучали французский язык, имевшим в ту эпоху наибольшее распространение в России. Учебная литература являлась подспорьем в домашнем воспитании и обучении дворянских детей.

Список литературы/ References

1. Будри Давид Иванович, де. Первые основания французского языка. – СПб.: Сенатская тип., 1811. – Ч. 1. – 188 с.
2. Гёц Ш. Путь Давида (Марата) де Будри: От частного воспитателя до преподавателя Царскосельского лицея / Ш. Гёц, пер. с фр. М. Щербины // Французский ежегодник 2011: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII – XIX вв. – М., 2011. – С. 315–328.
3. Греч А.Н. Венок усадьбам. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2006. – 462 с.
4. Грот Я.К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Несколько статей Я. Грота с присоединением и других материалов. – СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1887. – [2], IV, 320 с.
5. Детство и отрочество художника В.В. Верещагина. – М.: Типолитография И.Н. Кушнерев и К, 1895. – Т. 1. – 315 с.
6. Кузьмина Н.И. Первые учебные пособия по французскому языку, изданные в России // Вестник Московского университета. – М., 2000. – Сер. 19. № 1. – С. 20-29.
7. Ломон. Начальные основания французской грамматики. Перевод В. Кряжева. – М.: у книгопродавцев Рисса и Соссе на Петровке, 1808. – 414 с.
8. Пономарева Е.А. О какой «Грамматике» речь? // Российский литературоведческий журнал. – М., 1996. – № 8. – С. 106-110.
9. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. – Том восьмой. – 596 с.
10. Русский библиографический словарь: Бетанкур-Бякстер / Изд. Под наблюдением председателя Императорского Русского исторического Общества А.А. Половцева. – СПб.: тип. Главного упр. делов, 1908. – Т. 3. – 699 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Budri David Ivanovich, de. Pervyya osnovaniya francuzskogo yazyka. [The initial base of the French language] – SPb.: Senatskaya tip., 1811. – P. 1. – 188 P. [in Russian]
2. Gyoc Sh. Put' Davida (Marata) de Budri: Ot chastnogo vospitatelya do prepodavatelya Carskosel'skogo liceya [David (Marat) de Budri's way: from a private tutor to a teacher of Tsarskoye selo lyceum] / Sh. Gyoc, per. s fr. M. Shcherbina [Sh. Gyoc, translated from the French by M. Shcherbina] // Francuzskij ezhegodnik 2011: Frankoyazychnye guvernery v Evrope XVII – XIX vv. [French yearbook 2011: French speaking tutors in Europe of the XVII - XIX centuries] – M., 2011. – P. 315–328. [in Russian]
3. Grech A.N. Venok usad'bam. [A Wreath for the Estate] – M.: AST-PRESS, 2006. – 462 P. [in Russian]
4. Grot Ya.K. Pushkin, ego licejskie tovarishchi i nastavniki: Neskol'ko statej Ya. Grot'a s prisoedineniem i drugih materialov. [Pushkin and his comrades and mentors Lyceum: Ya. Grot's several articles with the addition of other materials] – SPb.: Tip. imp. Akad. nauk, 1887. – [2], IV, 320 P. [in Russian]
5. Detstvo i otrochestvo hudozhnika V.V. Vereshchagina. [The childhood and adolescence of the artist V.V. Vereshchagin] – M.: Tipolitografiya I.N. Kushnerev i K, 1895. – V. 1. – 315 P. [in Russian]
6. Kuz'mina N.I. Pervye uchebnye posobiya po francuzskomu yazyku, izdannye v Rossii [First French language school books published in Russia] // Vestnik Moskovskogo universiteta [Messenger of Moscow University] . – M., 2000. – Ser. 19. № 1. – P. 20-29. [in Russian]
7. Lomon. Nachal'nye osnovaniya francuzskoj grammatiki. [The initial base of French grammar] Perevod V. Kryazheva. – M.: u knigoprodavcev Rissa i Sosse na Petrovke [by booksellers Riss and Sosse in Petrovka], 1808. – 414 P. [in Russian]
8. Ponomareva E.A. O kakoj «Grammatike» rech'? [Which grammar is this about?] // Rossijskij literaturovedcheskij zhurnal [Russian literary magazine]. – M., 1996. – № 8. – P. 106-110. [in Russian]

9. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij v desyati tomah [Complete works in ten volumes]. – M.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR [USSR Academy of Sciences Publishing], 1958. – V. 8. – 596 P. [in Russian]

10. Russkij bibliograficheskiy slovar': Betankur-Byakster [Russian bibliographical dictionary: Betankur-Byakster] / Izd. Pod nablyudeniem predsedatelya Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo Obshchestva A.A. Polovceva [Ed. Under the supervision of the chairman of the Imperial Russian Historical Society A.A. Polovcev]. – SPb.: tip. Glavnogo upr. udelov, 1908. – V. 3. – 699 P. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.179

Шевчук В.Г.

Кандидат философских наук, доцент, заслуженный художник Республики Крым

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»,

КРЕАТИВНАЯ ДИНАМИЧНОСТЬ – ХАРАКТЕРНАЯ ЧЕРТА РУССКОГО АВАНГАРДА НАЧАЛА XX ВЕКА

Аннотация

Цель статьи – проанализировать одну из основных особенностей эпохи русского авангарда начала XX века – креативную динамичность, что дает возможность связать прошлое и настоящее, осветить процесс формирования отечественной культуры в ее целостности и многообразии.

Обозначена одна из определяющих черт этого периода – креативность (creatio – творить, создавать), которая нашла воплощение в творчестве художников, теоретиков, писателей и т.д.

Основное внимание уделено образу художника-поэта Давида Бурлюка, отмечено многообразие проявлений его творческой личности.

Тема раскрывается через дружбу Д. Бурлюка с теоретиками – Н. Евреиновым и Б. Лившицем, которые создали его яркие портреты. Художник показан и в творчестве, и в общении с друзьями и родственниками, в частности, с В. Маяковским, А. Экстер и другими. В статье также дана оценка творчества Д. Бурлюка российским художником – И. Репиным.

Проанализированные эпизоды дают возможность сделать вывод о характере самой эпохи, ее творческом своеобразии на примере взаимоотношений выдающихся деятелей культуры русского авангарда начала XX века.

Ключевые слова: авангард, культура, креативность, творчество, личность, идентичность, художественная форма.

Shevchuk V.G.

PhD in Philosophy, senior lecturer, Honored Artist of Crimea

Crimean Engineering-pedagogical University

CREATIVE DINAMICS AS ONE OF THE MAIN FEATURES OF THE RUSSIAN VANGUARD AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract

The purpose of this article is the analysis of one of the main features of the era of Russian vanguard at the beginning of the XX century, its creative dynamism which gives the chance to connect the past and the present, to show the process of the formation of national culture in her integrity and variety.

One of the defining lines of this period – the creativity (creatio – to create), which has found the embodiment in the works of artists, theorists and writer,s has been designated.

The main attention is paid to the image of the artist-poet David Burliuk, the variety of manifestations of his creative personality has been noted.

The subject reveals through D. Burliuk's friendship with the theorists N. Evreinov and B. Livshits who created his bright figurative portraits. The artist is shown also in his creativity and in communication with his friends and relatives, in particular, with V. Mayakovsky, A. Exter and others. In the article the examination of D. Burliuk's creativity by the leading Russian painter I. Repin has been also given.

The analyzed episodes give the possibility to draw a conclusion about the character of that era, its creative originality on the example of relationship of outstanding cultural personalities of the Russian vanguard at the beginning of the XX century.

Keywords: vanguard, culture, creativity, personality, identity, art form.

Познание культуры в ее целостности и многообразии – задача исследователя-культуролога. По определению патриарха отечественной культуры Д. С. Лихачева, одна из ее основ – память: единство прошлого, настоящего и будущего дает возможность познать и понять масштаб феномена культуры и роль человека в ее воссоздании и развитии, т.к. человек, обладающий яркой индивидуальностью, осознанной идентичностью, может представлять свой народ, свою культуру и, обладая свободой выбора, формировать ее ценности.

Сегодня актуальность приобрел анализ эпохи так называемого Первого русского авангарда, что обусловлено не только познавательной целью (кто, что создал, опубликовал и т.д.), но и острым интересом к личности писателей, художников, актеров, их творческому потенциалу, к тому, что называется «харизматической» личностью, «креативным» художником (лат. creative – творческий, creatio – созидание), стремящимся творить, преобразовывать мир.

Цель данной работы – выявить креативную динамичность как характерную особенность творчества художника, теоретика искусства Д. Бурлюка, характерный образ которого воссоздали его друзья, представители Первого авангарда – теоретики Н. Евреинов и Б. Лившиц, такие же оригинальные личности, оставившие значительный след в русской культуре.

Креативность, по определению психологической науки, – «уровень творческой одаренности, «несводимая к интеллекту функция целостной личности» [1, с. 173].

Н. М. Азарова (Ин-т языкознания, РАН), рассматривая соотношение концептов «творчество» и «креативность», противопоставляет их по параметрам «вертикальность» – творчество, «горизонтальность» – креативность, «признаваемая обществом ценность» [2, с. 21]. Одним из ее основных свойств Н. М. Азарова определяет «отклонение от нормы, поэтому понятие традиции изгоняется из концепта креативность ...» [Там же, с. 35].

Последнее определение мы можем отнести к культуре авангарда начала XX века, тем более, что этимология термина «авангард» обращает нас к французскому понятию «avant-garde» – передовой отряд, осуществляющий в искусстве поиск необычных средств художественного выражения.

Creatio – (лат.) обозначает «творить, создавать». Креативность – способность, творя, преобразовывать мир. Используем определение одного из самых глубоких мыслителей в области культуроведения, искусствознания Д. Сарабьянова: «Художник творит мир в живописи», и дополним: писатель – в литературе, композитор – в музыке, актер – в сценическом действии, воспроизводящем действительность в зримых образах на театральных подмостках или перед кинокамерой (сегодня – это многообразная «экранная культура»).

Современный культуролог (именно на таком определении он настаивает) А. Я. Флиер совершенно справедливо утверждает: «Деятели креативной культуры – личности с выраженными чертами индивидуальности, что обусловлено творческим характером самой культуры, посредством которого человек <...> социально реализуется как индивидуальность или как деятель [3, с. 53, 113].

Замечательным примером, раскрывающим своеобразие креативной сущности культуры и ее творцов, является, как мы отметили выше, эпоха Первого русского авангарда и его деятелей – философов, художников, поэтов, прозаиков и драматургов, композиторов и других. Остановимся на некоторых реалиях этого необычного культурного феномена.

Наиболее яркие представители художественной жизни России, да и сама ее направленность, характеризуются многообразием проявлений творчества, индивидуальных художественных стилей. Среди них выделяется Давид Бурлюк – художник-живописец и график, поэт, издатель, организатор диспутов, автор манифестов, теоретик и критик – исследователь культурных процессов, в том числе, своего творчества, путешественник, покровитель молодых талантов – «отец футуризма». По определению В. Маяковского (принадлежавшего к той же плеяде), «Давид Бурлюк – лучший художник из поэтов и лучший поэт среди художников».

Причем сам Давид Бурлюк не считал свои взгляды и поступки в границах «искусства чисто индивидуальными», т.к. действия личности, по его утверждению, «соответствуют части эпохи» [4, с. 99–113]. В этом же документе поэт-художник обозначил главную проблему своей живописи: ведущее значение формы, которая, по убеждению Д. Бурлюка, «определяет цветовой эффект пылающей картины», ее художественной изобразительности, что было главным для творцов авангарда.

В ряде статей мы останавливались на многообразии творческих проявлений (живопись, графика, поэзия и другое) Давида Бурлюка. В данной работе нам представилось интересным сблизить две знаковые личности авангарда: Давид Бурлюк и Николай Евреинов – оба могут быть названы «ключевыми» фигурами русской культуры начала XX века. Их объединяют не только близкие личные отношения (Н. Евреинов: «Давид Давидович Бурлюк, мой большой друг, старый приятель»), но и взгляды на искусство («отчасти единомышленник») [5, с. 163], на особенности художественного образа, на стиль жизни художника – харизматической личности, некоторой театральности (а иногда и значительной) её проявления.

Николай Евреинов (1879–1953) – драматург, режиссер, теоретик и историк искусства, музыкант, по определению исследователей его творчества, обладатель «противоречивых характеристик»: «уникально талантливый, <...> банальный, парадоксальный, ослепительный, <...> очень русский, творивший из себя героя, легкомысленный, дальновидный, насыщенный, индивидуалист и фантастик» [Цит. по: 6, с. 12].

Именно в этот период идея театральности – одна из ведущих в искусстве и жизни деятелей авангарда. В работе «Театротерапия. Quasi-paradox Н. Евреинова» автор размышляет о роли театра в жизни человека. Он утверждает, что «чары театра» обуславливают «интерес и волю к жизни» человека, являясь подлинной театральной терапией, влияющей на «поправление здоровья»; обращается к великим именам, в том числе, к «Поэтике» Аристотеля и его мыслям о «катарсисе», «об очищении души у театрального зрителя трагедий от страстей, страха и сострадания» [5, с. 261].

Л. М. Борисова, доктор филологических наук, в своей монографии «На изломах традиции: Драматургия русского символизма и символическая теория жизнотворчества» [7, с. 3–10], характеризуя эпоху русской культуры начала XX века, отмечает «безудачное увлечение дионисийской “стихией”», идеями мистерии, теургии, “Дионисовым действием”. Публикуются статьи: «Театр как сновидение» М. Волошина, «Театр одной воли» Ф. Сологуба, «Театр и современная эпоха» А. Белого, Вяч. Иванов исследует «Предчувствия и предвестия» и другие. К драматургии обращается А. Блок.

В этот период (1912–1915 гг.) режиссер-практик, теоретик, писатель Николай Евреинов создаёт исследования на ту же тематику: «Театр как таковой» и «Театр для себя» в трёх частях. В центре его рассуждений – категория «театральность», которая нашла воплощение в различных сферах общественной жизни.

Н. Евреинов утверждал, что законы театра воплощаются не только на сцене, но и в иных искусствах. С этих же позиций он оценивал роль личности автора в искусстве. Обращаясь к живописи, Евреинов доказывал, что личность самого художника является «объектом изображения». Даже если художник стремится описать предмет, воссоздать личность портретируемого, он изображает себя, «свою личность». Эти идеи Евреинов развивает в работе «Оригинал о портретистах (к проблеме субъективизма в искусстве)» [5].

Н. Евреинов был дружен со многими художниками. В упомянутой работе, состоящей из ряда очерков, автор рассуждает о творчестве художников, создателей его портретов. Одной из частей этого оригинального издания является драматургический эпизод: разговор портретов самого Евреинова, созданных разными художниками. Среди них – портрет, написанный Давидом Бурлюком.

«Этот портрет (масло) – свидетельствует Евреинов, – автор его», не успев закончить («он только начат» – слова Давида Бурлюка), «просил решительно никому не показывать» [5, с. 164]. Но портрет всё же был показан И. Е. Репину. «Когда Репин увидел работу Бурлюка, – пишет Евреинов, – то раскритиковав её, как и следовало ожидать, заметил: “Бурлюк кокетничает! ... Это же совсем законченный портрет”» [Там же, с. 161].

Стоит отметить поразительную способность Н. Евреинова одной чертой охарактеризовать образ. Таково замечание о И. Репине, которого он высоко ценил и который тоже писал его портрет. Раскритиковав портрет кисти Бурлюка, Репин тут же признал талант «отца футуризма».

Так проявился «автопортрет жизни» художника, т.е. самого Бурлюка, которого «моделируемый» назвал «молодым maestro», что знаменовало истинный артистизм этого искромётного, «интереснейшего и фантастичнейшего» художника.

Н. Евреинов в своем очерке создает яркий словесный портрет героя: «Давид Бурлюк тяжеловесный, плечистый, слегка согбенный, с выражением лица, отнюдь не чарующим, немножко неуклюжий, хоть и не без приязни к грациозничанью, «легкости», дендизму (его знаменитый лорнет, сюртук, кудлатые после завивки волосы и пр.), его степенный характер ...». Далее Евреинов свидетельствует о, казалось бы, несочетаемом: «чисто французской (наносной) закованности», его грубости, так странно «вяжущейся с его эстетизмом» [Там же, с. 168]. Наряду с кажущейся противоречивостью, Евреинов отмечает нечто «индивидуальное, бурлюковское, что составляет если не его *charme*, то во всяком случае оригинально-привлекательное», что нашло отражение и в его художественном творчестве, в частности, в портрете самого Евреинова. В Давиде Бурлюке Евреинов увидел «психологическую печать настоящего художника», для которого портрет, написанный им, – зеркало, отразившее его духовный лик» [Там же].

В различных воспоминаниях о Давиде Бурлюке создается яркий, нетривиальный образ выдающейся теургической личности; отмечается неординарность его поведения, нередко определяющая вектор развития культуры. Он предугадывал судьбы, видел каким-то внутренним взором («Полутораглазый стерелец» – Б. Лившиц) суть явлений «изнутри», предугадывая задачи развития современного искусства.

В этом контексте чрезвычайно знаменателен эпизод первой встречи Бурлюка с Маяковским, о котором много пишут. Хотелось бы обратиться к нему для прояснения нашей проблемы: «креативная динамичность» эпохи авангарда, театральность как своеобразная парадигма художественной жизни этого периода. Приведем известные эпизоды из автобиографии Маяковского «Я сам» – как сценарий 4-х актного спектакля.

Давид Бурлюк

«В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались».

Помятнейшая ночь

«Разговор. <...> У Давида – гнев обогнавшего современников мастера. У меня – пафос социалиста, знающего неизбежность крушения старья. Родился российский футуризм».

Следующая картина

«... Ночь. Сretenский бульвар. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю – это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рывкнул: «Да это же вы сами написали! Да вы же гениальный поэт!»

И – как развязка:

Бурлючье чудачество

«Уже утром Бурлюк, знакомя меня с кем-то, басил: «Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский. <...> рычал на меня отходя: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение» [8, С. 19–20]. Итог известен, широко освещены их дальнейшие отношения.

Способность Бурлюка проникать в суть явлений, «зреть в корень», отмечал в своих воспоминаниях Бенедикт Лившиц – «Полутораглазый стрелец». Прежде всего, он описывает своё знакомство с творчеством Д. Бурлюка – ни на что не похожим. Это стихи, опубликованные в сборнике «Садок судей» (1910) – девятнадцать «опусов», поразивших Лившица «тяжеловесным архаизмом, самой незавершенностью формы», своей противоположностью всему, что соответствовало привычному, в восприятии Лившица, облику поэта. Это впечатление подтвердилось в личной встрече: даже внешний облик Бурлюка поражал, что углублялось манерой его общения с людьми. Описана встреча у Александры Экстер – «насквозь француженки», что еще ярче подчеркнуло необычность Бурлюка. Портрет: «Он сидел, не снимая пальто. Похожий на груды ворсистого драпа, наваленного приказчиком на прилавок. Держа у переносицы старинный, с круглыми стеклами, лорнет – маршала Даву, как он с легкой усмешкой пояснил мне, – Бурлюк обвел взором стены и остановился на картине Экстер [9, с. 311]. Он весь состоял из контрастов. Неожиданны были его слова, обращенные к Лившицу: «Деточка, едем со мной в Чернянку!» и продолжил: «Там все ... все хлебниковские рукописи... <...> Если вы откажетесь, это будет мне нож в сердце ... Я с этим и пришел к вам». Это было, по словам Лившица, «необычайное зарождение необычайной дружбы» [Там же, с. 314].

Еще более «необычными» были стихи, которые совершенно «необычно» создавал Бурлюк в поезде: «... как некий набожный жонглер перед готической мадонной», Давид жонглировал перед Рембо осколками его собственных стихов. И это не было кощунство. Наоборот, скорее тотемизм» [Там же, с. 317].

Театрализация продолжала развиваться и в доме Бурлюков, где собрались все три брата – Давид, Владимир и Николай. «Одержимые экстазом чадородия, в яростном иступлении создавали Бурлюки вещь за вещью. Стены быстро покрывались будущими экспонатами «Бубнового вала» [Там же, с. 329–330]. В этой теургической обстановке Давид Давидович обращал внимание на форму создаваемых его братьями «шедевров». Забота о картинной плоскости, столь оригинальной в работах самого Давида, сказалась в его замечании Владимиру: «А поверхность у тебя, Володечка, слишком спокойная» (проблема своеобразия поверхности картины была освещена нами в статьях и монографии [10]).

Но еще более поразительной была реакция Владимира: распахнув дверь, ведущую в парк (на дворе декабрь, на солнце таял снег), он бросил свой холст в жидкую грязь. Таким образом, совершалась «обработка» картинной плоскости: «его ландшафт станет плотью от плоти гилейской земли» [9, с. 330].

При всем своем новаторстве, убежденности в своем праве творить искусство своего времени, Давид Бурлюк обращался за поддержкой к истории искусства: «Каждая эпоха вправе сознать себя Возрождением».

Таким образом, обращение лишь к некоторым особенностям социокультурной ситуации России 1910–1920-х гг. дает возможность сделать вывод о своеобразии художественного пространства искусства этого периода. Исследователи определили «текстовость» этой культуры, имея в виду обилие текстов – манифестов, альманахов, поэтических сборников, сценариев, пьес и т.п.; отметим особую атмосферу этого периода, что нашло воплощение в «вулкане эмоций и творческих энергий» (В. Турчинов), формировании союзов, объединений, содружестве, казалось, столь различных личностей, как Д. Бурлюк и Н. Евреинов, Б. Лившиц и других, сформировавших теургический характер эпохи – русского авангарда начала XX века.

Список литературы/ References

1. Краткий психологический словарь / под общ.ред. А. В. Петровского, И. Г. Ярошевского. Р.н/Д. : Фенникс, 1999.
2. Азарова Н. М. Креативность как слово и как концепт / Н. М. Азарова // Критика и семиотика. – 2014. – № 2.
3. Флиер А. Я. Избранные работы по теории культуры / А. Я. Флиер. – М. : Согласие, 2014. – 559 с.
4. Бурлюк Д. Д. Художник Давид Бурлюк в роли историка и художественного критика своей жизни и творчества (за сорок лет: 1890–1930 // Українські авангардисти як теоретики і публіцисти. – К.: РВА «Триумф», 2005. – С. 99 – 113.
5. Евреинов Н. Оригинал о портретистах / Н. Евреинов. – М.: Экос, 2005. – 399 с.
6. Бабаенко В. Г. Арлекин и Пьеро: Николай Евреинов и Александр Вертинский / В. Г. Бабаенко. – Екатеринбург, 1992.
7. Борисова Л. М. На изломах традиции: Драматургия русского символизма и символическая теория жизнетворчества: монография / Л. М. Борисова. – Симферополь: Крым-Форм-Трейтинг, 2000. – 220 с.
8. Маяковский В. Полн.собр.соч. В 13 т. / В. Маяковский. – М.: ГИХЛ, 1955. – Т.1.
9. Лившиц Б. Полутораглазый стерелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Б. Лившиц. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 720 с.
10. Шевчук В. Г. Диалог «Запад-Восток» в культуре российско-европейского авангарда: монография / В.Г. Шевчук. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 135 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Kratkiy psikhologicheskiy slovar [Short psychological dictionary] / pod red. [edited by] A. V. Petrovskovo, I. G. Iarochevskovo. – Rostov on Don: Fenniks, 1999. – 173 p. [in Russian]
2. Azarova N. M. Kreativnost kak slovo i kak kontsept. [Creativity as a word and as a concept] / N. M. Azarova // Kritika i semiotika [Critics and semiotics], 2014. – № 2. – p. 21. [in Russian]
3. Fliyer A.Ya. Izbrannie raboti po teorii kulturi [Chosen works on the theory of culture] / A.Ya. Fliyer. – Moscow: Soglasie, 2014. – 559 p. [in Russian]
4. Burluk D. D. Khudojnik David Burluk v roli istorika i khudojestvennogo kritika svoey jizni i tvorchestva (za sorok let 1890–1930) [The artist David Burluk as the historian and the art critic of the life and creativity (in forty years: 1890–1930)] / D. D. Burluk // Ukrainski avangardisti yak teoriki i publitsisti [Ukrainian avant-guardists as theoreticians and publicists]. Kiev: Triumf, 2005. – pp. 99–113. [in Ukrainian]
5. Evreinov N. Original o portretistakh [The original about portraitists] / N. Evreinov. – Moscow: Ekos, 2005. – 399 p. [in Russian]
6. Babaenko V. G. Arlekin i Pero: Nikolay Evreinov i Aleksandr Vertinskiy [Arlekin and Pero: Nikolay Evreinov and Aleksandr Vertinskiy] / V. G. Babaenko. – Ekaterinburg, 1992. [in Russian]
7. Borisova L. M. Na izlomakh traditsiy: Dramaturgiya russkogo simbolizma i simbolicheskaya teoriya jiznetvorchestva: monografiya [On tradition breaks: Dramatic art of the Russian symbolism and symbolical theory of the zhiznetvorchestvo: monograph] / L. M. Borisova. – Simferopol: Krim-Form-Treyting, 2000. – 220 p. [in Russian]
8. Mayakovsky V. Poln.sobr.soch. V 13 t. [Complete works. In 13 vv.] / V. Mayakovsky. – Moscow: GIHL, 1955. – V.1. [in Russian]
9. Livshits B. Polutoraglazy sterelets: stikhotvoreniya, perevodi, vospominaniya [Polutoraglazy sterelets: Poems, translations, memoirs] / B. Livshits. – Leningrad.: Sovetskiy pisatel, 1989. – 720 p. [in Russian]
10. Shevchuk V. G. Dialog «Zapad-Vostok» v kulture rossiysko-evropeyskogo avangarda: monografiya [Dialogue "West-East" in the culture of the Russian-European vanguard: monograph] / V. G. Shevchuk. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2014. – 135 p. [in Germany]

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ / BIOLOGY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.214

Абдулхаджиева З.С.

Кандидат биологических наук, доцент кафедры химических дисциплин,

Чеченский Государственный Университет

**АНАЛИЗ АНАТОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОБЕГОВ НЕКОТОРЫХ ПЛОДОВЫХ КУЛЬТУР
В УСЛОВИЯХ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ****Аннотация**

В статье описаны анатомические исследования поперечных срезов двулетних побегов персика сорта Краснодарец в различных вариантах опыта с целью выявления активности ростовых процессов в естественных экологических условиях Чеченской Республики. Статья имеет актуальность, так как одной из приоритетных задач восстановления сельского хозяйства Чеченской республики является также возрождение садоводства. В статье заложены два варианта опыта. Изучаемые нами объекты находились на участках предприятия «Плодсемэлита» находящегося на территории Чеченской Республики.

Ключевые слова: побеги, срезы, древесина, годичное кольцо, контрольный и опытный варианты, толщина, луб, кора, колленхима, перимедуллярная зона.

Abdulhadzhieva Z.S.

PhD in Biology, assistant professor of chemical disciplines,

Chechen State University

**ANALYSIS OF ANATOMICAL STRUCTURES SHOOT SOME FRUIT CROPS IN THE CHECHEN
REPUBLIC****Abstract**

This article describes the anatomical study of cross sections biennial shoots of peach varieties krasnodarets in different variants of the experiment to detect the activity of the growth processes in the natural environmental conditions of the Chechen Republic. The article has relevance as one of the priorities of agricultural rehabilitation of the Chechen Republic is also a revival of gardening. The article laid the two variants of the experiment. We are studying the object is to "Plodsemelita" areas of the enterprise located in the territory of the Chechen Republic.

Keywords: shoots, pieces of wood, annual ring, control and test cases, the thickness, cork, bark, collenchyma, perimedullary area.

В целях обеспечения хозяйств Чеченской Республики высококачественным посадочным материалом плодовых культур на базе научно – экспериментального предприятия «Плодсемэлита» заложен плодопитомник. Изучаемые нами объекты находились на участках этого предприятия. Для выяснения предполагаемых анатомических различий между разными особями в зависимости от их силы роста мы отобрали среди них модельные деревья четко отличающиеся (высотой и диаметром) кроны, толщиной ствола, сроками пожелтения и опадения листьев. Были заложены два варианта опыта. С этой целью нами изучены некоторые анатомические характеристики побегов 6 деревьев прививочной комбинации «персик на алыче» [1].

Район госхоза умеренно увлажненный, жаркий с гидротермическим коэффициентом равным 0,9- 1,2. Сумма температур за период активной вегетации сельскохозяйственных культур составляет 3 400- 3 600°. Абсолютный минимум температуры воздуха может опускаться до минус 32 °. Максимальная температура воздуха достигает 42°. За период активной вегетации сельхозкультур выпадает 300-350 мм осадков, за год - 450 – 600 мм.

На территории госхоза распространены черноземы типичные, черноземы обыкновенные и поверхностно - луговато - черноземные почвы. Почвы малогумусные. В среднем по хозяйству содержание его равно 2,9 %. Гумусовый слой, являясь важным источником питания растений, предотвращает вымывание питательных веществ, улучшает физические свойства почвы, повышает её теплоёмкость и уменьшает теплопроводность, что значительно снижает вымерзание культурных растений [2].

Материал и методы исследований. Объектами исследований были 6 деревьев персика сорта «Краснодарец» в прививочной комбинации «персик на алыче». Подвоем является кавказская дикая алыча. Сеянцы алычи, использованные в качестве подвоев, были выращены из стратифицированных косточек. Схема посадки деревьев – 90*30 см. Заложены два варианта – контроль и опыт. Контрольные деревья от опытных отличаются более высоким стволиком, большим диаметром кроны.

В обоих вариантах опыта исследовали двулетние побеги. В кроне каждого дерева изучено по три усредненных побега. Поперечные срезы выполняли от руки бритвой. Изучали под световым микроскопом «микмед» в трехкратной повторности, увеличение 20*7. Фотографии с временных препаратов делали с помощью встроенной видеокамеры.

Материал обработан статистически по общепринятым формулам (1).

Вычислены следующие статистические показатели:

среднее арифметическое (M),

ошибка средней арифметической ($\pm m$), среднее квадратическое отклонение ($\pm \sigma$), показатель точности ($P\%$), коэффициент вариации ($V\%$). При анализе результатов статистической обработки нами учтены минимальные (мин.), максимальные (макс.), средние (M) и общесредние для варианта значения изученных признаков (X), а также показатели их изменчивости ($V\%$). Для оценки достоверности различий между показателями разных вариантов опыта использован критерий Стьюдента (t), вычисленные значения которого сравнивались со стандартными с учетом числа степеней свободы и 0,05% уровня значимости [2].

Таблица 1 – Анатомические показатели поперечного среза двухлетних побегов персика сорта «Краснодарец» в условиях ГНЭПП, ЧР. Увеличение микроскопа «микмед»-20*7.

Вариант	Эпидермис м к м	Первичная кора м к м	Колленхима м к м	Луб и волокна м к м	Камбий м к м	Кольцо 2007года м к м	Кольцо 2006 года м к м	Перимедулярная зона м к м	Сердцевина м к м	Кутикула м к м
контр	12,25	122,50	61,25	122,50	12,25	61,25	441,00	73,50	1261,75	6,12
	24,50	110,25	73,50	269,50	12,25	85,75	465,50	61,25	1261,75	6,12
	24,50	122,50	61,25	183,75	12,25	61,25	306,25	85,75	1225,00	6,12
	12,25	122,50	61,25	159,25	12,25	73,50	343,00	98,00	1245,33	6,12
	12,25	122,50	61,25	220,50	12,25	61,25	490,00	73,50	1253,54	6,12
	12,25	147,00	73,50	245,00	12,25	61,25	392,00	49,00	1253,54	6,12
	12,25	147,00	85,75	306,25	12,25	61,25	392,00	49,00	1229,04	6,12
	24,50	122,50	85,75	245,00	12,25	61,25	441,00	61,25	1233,08	6,12
	12,25	147,00	61,25	245,00	24,50	61,25	416,50	49,00	1257,58	6,12
M	16,33	129,3	69,42	221,9	13,61	65,33	409,7	66,69	1247,1	6,12
±m	2,04	4,615	3,536	19,09	1,361	2,887	19,49	5,815	4,851	0,0009
±σ	6,125	13,84	10,61	57,28	4,083	8,662	58,46	17,44	14,55	0,003
V%	37,508	10,704	15,384	25,814	30,00	13,259	14,269	26,151	1,167	0,049
P	12,493	3,569	5,094	8,603	10,00	4,419	4,757	8,719	0,389	0,015
T	1,998	3,338	2,413	0,246	0,999	6,178	1,991	0,178	2,442	0
Опыт	12,25	98,00	24,50	220,50	12,25	98,00	490,00	49,00	775,79	6,12
	12,25	73,50	49,00	220,50	12,25	85,75	367,50	73,50	1041,25	6,12
	12,25	98,00	61,25	245,00	12,25	134,75	490,00	85,75	959,54	6,12
	12,25	61,25	49,00	245,00	12,25	98,00	306,25	61,25	1225,00	6,12
	12,25	61,25	61,25	245,00	12,25	98,00	367,50	49,00	1449,54	6,12
	12,25	49,00	36,75	245,00	12,25	98,00	759,50	61,25	1143,29	6,12
	12,25	73,50	85,75	147,00	12,25	85,75	634,00	85,75	1066,62	6,12
	12,25	147,00	49,00	196,00	12,25	122,50	612,50	61,25	1086,08	6,12
	12,25	134,75	61,25	183,75	12,25	110,25	637,00	85,75	1127,00	6,12
M	12,25	88,47	53,08	216,40	12,25	103,40	518,2	68,06	1097,12	6,12
±m	0	11,33	5,775	11,55	0	5,44	50,91	5,047	61,25	0,0009
±σ	0	33,98	17,32	34,65	0	16,33	152,70	15,14	183,70	0,003
V%	0	38,41	32,63	1,64	0	15,79	2,98	22,25	16,75	0,049
P	0	12,81	10,88	0,55	0	5,27	0,99	7,42	5,58	0,015

При $n_1+n_2-2=4$ и 0,05% уровне достоверности табличное $t=2,78$

Результаты и их обсуждение. Соотношение тканей поперечного среза двухлетних побегов персика сорта «Краснодарец» в двух вариантах опыта.

Сопоставление поперечных срезов побегов растений сравниваемых вариантов показывает наличие некоторых различий в соотношении отдельных тканей (табл. 1), рис.1.

Например, эпидерма, паренхима первичной коры, колленхима, камбиальная зона, годовые кольца и сердцевинные по толщине более или менее преобладают в контрольном варианте; слои прироста древесины и зона сердцевинки, напротив, толще в опытном варианте.

Различия между вариантами практически отсутствуют в толщине кутикулы твердого и мягкого луба, перимедулярной зоны.

Достоверные различия выявлены лишь по трём показателям: в побегах растений контрольного варианта гораздо толще перимедуллярные зоны, колленхима и сердцевина, но значительно уже слои прироста древесины.

Описание поперечного среза двулетнего побега персика сорта «Краснодарец». Контрольный вариант.

Отрезки стеблей однолетних побегов были срезы сделаны ручной бритвой на уровне среднего междоузлия. Анатомическую структуру изучали под световым микроскопом «Микмед», увеличение 10х40.

Снаружи стебель покрыт однослойным эпидермисом, клетки которого почти изодиаметрические, либо слабо вытянуты в тангентальном направлении, тонкостенные, снаружи покрыты очень тонкой кутикулой.

Под эпидермой расположена первичная кора. Наружные 3-5 слоев ее образуют колленхиму с утолщенными стенками. Клетки первичной коры более крупные, тангентальные диаметры преобладают над радиальными. Зона основной паренхимы первичной коры по толщине в 3-4 раза превосходит зону колленхимы. Внутренний слой первичной коры представлен одним рядом клеток (крахмалоносное влагище), окантующих центральный цилиндр (рис.1). Под ним располагаются островки перициклических волокон разных размеров и очертаний, которые не образуют сплошного замкнутого кольца. Состоят они из клеток с утолщенными стенками разного диаметра. У некоторых из них четко просматриваются полости. Глубже прерывистого кольца перициклических волокон располагается флоэма (луб). Клетки ее просматриваются слабо, неопределенных очертаний, тонкостенные.

Камбиальная зона достаточно четко просматривается в виде 3-4 слоев клеток, сильно вытянутых в тангентальном направлении, расположенных правильными радиальными рядами. Тангентальные диаметры их 2,5-5 раз превышают радиальные размеры.

За камбием следует ксилема (древесина). Она – рассеянно-сосудистая, сосуды одиночные и сгруппированные в радиальные цепочки из 2-5 просветов. В древесине первого годичного кольца сгруппированные сосуды встречаются чаще, среди них преобладают короткие цепочки из двух просветов. В направлении от начала годичного кольца к его наружной границе сосуды постепенно сужаются, особенно за средней зоной кольца. В очертаниях просветы сосудов угловатые, реже округлые; сосуды тонкостенные, диаметры их - 12,3 – 73,5 мкм.

Основную массу древесины образуют волокна либриформа с утолщенными стенками и достаточно четко выраженными просветами различных очертаний.

Древесинная паренхима апотрахеальная, диффузная и метатрахеальная, немногочисленная, но преобладает в более поздней зоне годичного кольца.

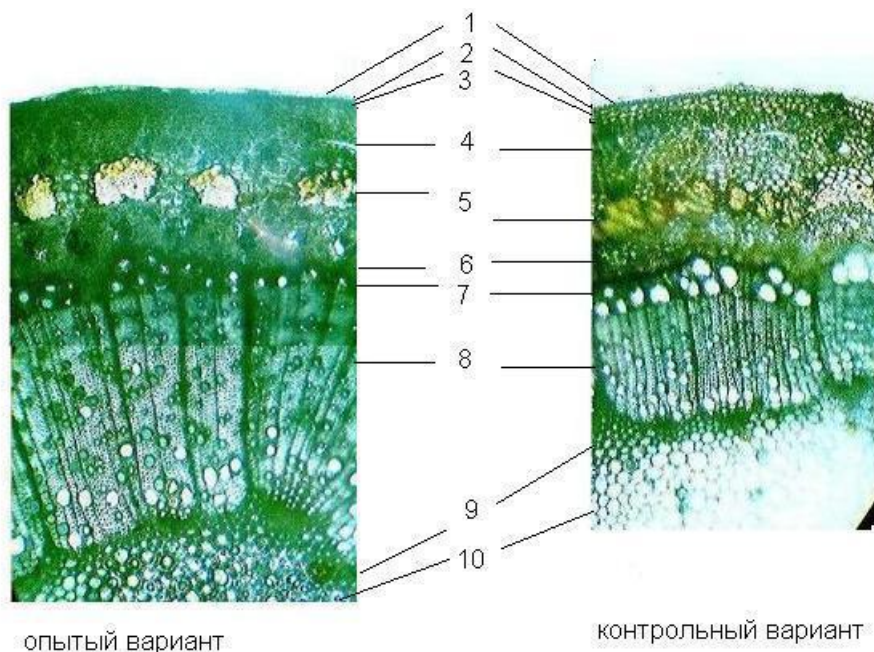
Лучи - однорядные, двухрядные, трехрядные. Преобладают однорядные. Тангентальные стенки лучевых клеток расположены перпендикулярно, либо слабо скошены по отношению к радиальной плоскости.

Граница луча совпадает с границей годичного кольца. При переходе из одного годичного кольца в другой лучи очень слабо расширяются или не расширяются. При переходе из древесины в луб они более заметно расширяются.

Перимедуллярная зона неодинаково широко представлена в разных участках на границах годичного кольца и сердцевин. Выделяется она более узко-просветными элементами ксилемы и более мелкими граничащими с ней паренхимными клетками сердцевин.

Серцевина имеет слегка округлые очертания со значительными выпячиваниями в местах образования лакун в первый год формирования стебля. Представлена она широко-округлыми, изодиаметрическими, многогранными тонкостенными клетками, диаметры которых увеличиваются в направлении к центру стебля.

В паренхимных клетках сердцевин, луба и первичной коры часто встречаются друзы (оксалаты кальция).

Поперечные срезы двулетних побегов персика сорта "Краснодарец".

Рис.1 – Поперечные срезы двулетних побегов персика сорта «Краснодарец»

Список литературы/ References

1. Абдулхаджиева З.С., Умаров М.У. Сравнительно-анатомический анализ двулетних стеблей персика сорта «Краснодарец» в различных вариантах опыта. //Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. Грозный: 2007,-724с.
2. Природно-климатические условия и химический анализ почв ГНЭПП «Плодсемэлита», ФГУ САС «Чеченская». Акт обследования №5 от 15 июня 2003 г.
3. Митропольский А. К. Элементы математической статистики. Л. :1969,- 273с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abdulhadzhieva Z.S., Umarov M.U. Sravnitel'no-anatomicheskij analiz dvuletnih stebel' persika sorta «Krasnodarec» v razlichnyh variantah opyta. [The comparative anatomical analysis of biennial stem peach "krasnodarets" varieties in different experimental variants.] //Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov [Proceedings of the scientific-practical conference of young scientists and students] Groznyj: 2007,-724s. [in Russian]
2. Prirodno-klimaticheskie uslovija i himicheskij analiz pochv GNJePP «Plodsemjelita» [Natural and climatic conditions and the chemical analysis of soil Knapp «Plodsemjelita»] , FGU SAS «Chechenskaja». Akt obsledovanija №5 ot 15 ijunja 2003 g. [in Russian]
3. Mitropol'skij A. K. Jelementy matematicheskoy statistiki [Elements of Mathematical Statistics] . L. :1969,- 273s. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.019

Анзоров В.А.¹, Морякина С.В.²¹Доктор биологических наук, профессор²ORCID: 0000-0002-2548-1088, Кандидат биологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

АДАПТАЦИЯ РЕСПИРАТОРНОЙ СИСТЕМЫ СТУДЕНТОВ К УЧЕБЕ В ВУЗЕ**Аннотация**

В статье приводятся результаты исследований по изучению влияния учебного процесса в высшем учебном заведении на показатели дыхательной системы студентов. Полученные нами результаты показывают, что при адаптации студентов к учебе резервный объем выдоха достоверно увеличивается, жизненная емкость легких, и резервный объем вдоха возрастают незначительно. Экспериментальный материал может быть использован в диагностических медицинских учреждениях с целью разработки профилактических мероприятий, направленных на восстановление функциональной лабильности дыхательной системы у студентов и учащейся молодежи.

Ключевые слова: приспособление, высшее учебное заведение, минутный объем дыхания, оксигемоглобин, объемы и емкости легких.

Anzorov V.A.¹, Morjakina S.V.²¹PhD in Biology, professor,²ORCID: 0000-0002-2548-1088, PhD in Biology, associate professor

Chechen state university

ADAPTATION OF RESPIRATORY SYSTEM OF STUDENTS TO STUDY IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION**Abstract**

In article results of researches on studying of influence of educational process are given in a higher educational institution on indicators of respiratory system of students. The results received by us show that at adaptation of students to study the reserve volume of an exhalation authentically increases, the vital capacity of lungs, and reserve volume of a breath increase slightly. Experimental material can be used in diagnostic medical institutions for the purpose of development of the preventive actions directed to restoration of functional lability of respiratory system at students and the studying youth.

Keywords: adaptation, higher educational institution, minute volume of breath, oxyhemoglobin, volumes and capacities of lungs.

Проблема адаптации студенчества к учебной деятельности в вузе является одной из существенных социально-педагогических проблем, играющей очень важную роль в развитии и становлении личности студента. Поступление в вуз является переломным моментом в жизни абитуриента. Студент оказывается в новых для себя условиях особенностью, которых, является повышенная учебная нагрузка, высокое эмоциональное напряжение, особенно в период сессии и низкая двигательная активность.

При норме в наших вузах 36 часов в неделю, реальная академическая нагрузка студента доходит до 40–42 часов. И эта нагрузка распределяется неравномерно. Наблюдениями установлено, что продолжительность рабочего дня студентов первых и вторых курсов равна 10 часов, на сон приходится не более 7 часов, а самостоятельная работа занимает 3–4 часа в сутки. Внедрение интенсивных методов в процесс обучения студентов приводит к усложнению обучения, следствием чего является информационный взрыв. Поэтому в учебные программы высших учебных заведений включают больше нового материала, а возможности организма ограничены, и студент не успевает.

С высокими требованиями, предъявляемыми студенту обучением в вузе он порой не справляется. Состоят они в большой учебной нагрузке, в высоком объеме и сложности материала.

Порой эти перегрузки приводят к стрессам и нервному истощению, последствиями, которых становится значительное ослабление здоровья студентов. Это происходит из-за тяжелого приспособления к непривычным

условиям учебного процесса и быта. Различные злоупотребления, отсутствие полноценного питания приводит к возникновению желудочно-кишечных заболеваний. Различные сосудистые нарушения происходят у студентов из-за стрессов, связанных с общением друг с другом, экзаменами, нехваткой сна и другими неблагоприятными факторами. Приспособление студентов к учебному процессу в высших учебных заведениях стала важной проблемой современности, которая нуждается в повышенном внимании социологов, психологов, физиологов, гигиенистов, врачей и других.

Поэтому изучение состояния систем организма в процессе приспособления к учебному процессу в вузе является важной проблемой.

Дыхательная система одна из важнейших в организме, так как она обеспечивает органы и ткани организма кислородом и выводит из них углекислый газ.

С целью изучения показателей дыхательной системы студенток в процессе адаптации к обучению в высшем учебном заведении, нами были проведены исследования в лаборатории физиологии человека кафедры физиологии и анатомии человека и животных Чеченского государственного университета.

Для исследований были использованы 40 клинически здоровых студенток дневной формы обучения в возрасте от 18 до 21 года, из которых были сформированы 4 группы по 10 в каждой. Подбор девушек в группы происходил в зависимости от курса обучения, начиная с 1-го и заканчивая 4-ым.

Для определения дыхательных объемов и частоты дыхательных движений девушек мы использовали спирограф «Диамант-С», а насыщения крови кислородом – пульсоксиметр «ЮТАСОКСИ-200».

Статистическая обработка результатов исследования производилась компьютерной программой «Биостатика».

Изменения показателей дыхательной системы студенток при адаптации к учебному процессу в вузе приводятся на рисунке и в таблице 1.

Как видно из рисунка средние показатели по количеству дыхательных движений в минуту у студенток, обучающихся на 1-ом, 3-ем и 4-ом курсах выше физиологической нормы. Очевидно, это связано с воздействием стрессов, высокой учебной нагрузкой, увеличением нервно-психического напряжения и нарушением режима дня и отдыха студенток.

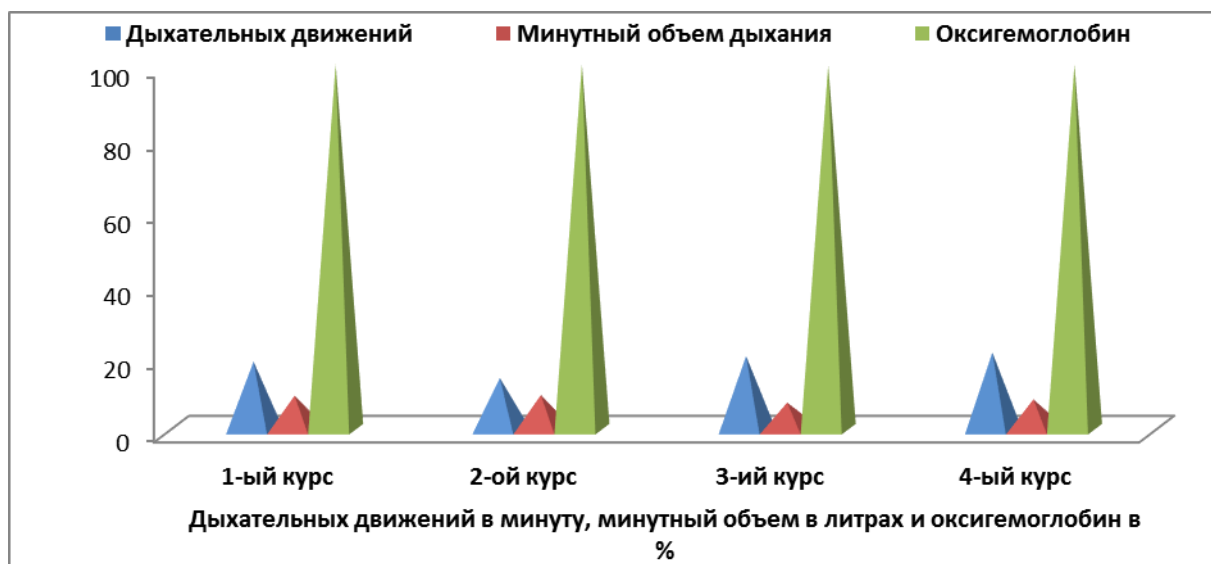

Рис. 1 – Показатели дыхательной системы студенток в процессе приспособления учебному процессу в вузе

К значительным колебаниям показателей дыхательной системы приводят стрессы, возникающие в процессе учебы в вузе [5].

Воздействие учебной нагрузки является ведущим фактором, при адаптации студентов к учебе в вузе, вызывающим изменения нервной и дыхательной систем [1; 4].

Снижение функции дыхательной системы связано с низким постоянством занятий по физической культуре в вузе, высокой учебной нагрузкой, увеличением нервно-психического напряжения и нарушением режима дня и отдыха студенток [2].

По группе девушек, обучающихся на первом курсе, среднее количество дыхательных движений составило 18,52 в минуту.

Число дыхательных движений незначительно ниже у девушек 2-го курса учебы, а 3-го и 4-го выше, чем 1-го. Так у студенток второго курса обучения количество дыхательных движений в минуту ниже на 4,48, а третьего и четвертого выше на 1,53 и 2,48, чем первого.

Минутный объем дыхания в процессе приспособления к учебному процессу подвергается к колебаниям в обе стороны.

Средняя величина минутного объема дыхания по группе студенток 1-го курса составила 9,2 литра.

При этом у девушек 4-го курса учебы в вузе он ниже, чем 1-го и 2-го.

У студенток 2-го курса минутный объем дыхания выше на 0,18 литра, 3-го и 4-го ниже на 1,9 и 1,04 литра, чем 1-го.

У девушек первого года обучения в крови содержалось 100% оксигемоглобина. Процент гемоглобина, перешедшего в оксигемоглобин в крови у девушек 3-го курса обучения ниже на 0,25%, чем остальных курсов.

Таблица 1 – Динамика дыхательных объемов легких студенток в процессе приспособления к учебе в вузе

Группы по курсу обучения	Показатели			
	Жизненная емкость легких, л	Резервный объем вдоха, л	Резервный объем выдоха, л	Дыхательный объем, л
1-ый	2,55±0,150	1,20±0,040	0,76±0,070	0,59±0,154
2-ой	2,68±0,212	1,32±0,124	0,67±0,077	0,69±0,076
3-ий	2,88±0,510	1,51±0,260	1,02±0,298	0,36±0,075
4-ый	3,00±0,187	1,48±0,111	1,10±0,653*	0,42±0,062

Примечание: * – $P < 0,05$.

Жизненная емкость легких, резервные объемы вдоха и выдоха у студенток, обучающихся с 1-го по 3-й курсы ниже физиологической нормы.

Из таблицы 1 видно, что при приспособлении к учебе в вузе у студенток ЖЕЛ, РОвд и РОвыд повышаются, а ДО подвергается к колебаниям в обе стороны. Так жизненная емкость легких, постепенно увеличиваясь с 2,55 литра у студенток первого года обучения, достигает максимума 3,00 литров у девушек 4-го курса учебы. Резервный объем вдоха у студенток 1-го курса обучения составил 1,20 литра, а студенток 2-го, 3-го и 4-го курсов выше на 0,12; 0,31 и на 0,28 литров соответственно.

Резервный объем выдоха у девушек второго года учебы незначительно снизился, а в последующие годы обучения увеличился.

Так резервный объем выдоха у студенток второго курса обучения ниже на 0,09 литра, чем первого.

У девушек 3-го и 4-го курсов учебы резервный объем выдоха выше на 0,26 и 0,34 ($P < 0,05$) литра соответственно.

Дыхательный объем у студенток ко второму курсу учебы незначительно увеличивается, к третьему снижается и четвертому опять растет.

У девушек 2-го года обучения дыхательный объем выше на 0,10 литра, 3-го и 4-го ниже на 0,23 и 0,17 литра соответственно.

Адаптация к условиям учебы в вузе сопровождается повышением напряжения систем организма студента.

Деятельность систем организма нарушается при истощении адаптационных резервов организма, обучающихся [9].

Данные аналогичные нашим были получены и другими исследователями.

В процессе учебы в вузе происходит снижение функции дыхательной системы, сообщают Л.А. Проскуряковой, Е.Н. Лобыкиной [8].

На основании своих исследований Э.С. Геворкян [и др.] [3], сообщают, что 1-ый и 2-ой курсы являются тяжелыми для приспособления.

По-видимому, постепенное увеличение ЖЕЛ и составляющих его объемов у девушек в процессе учебы происходит за счет адаптации осуществляемой с преобладанием возбудимости симпатической нервной системы. Известно, что у студентов в возрасте 20–22 года преобладает парасимпатическая регуляция функций, а у девушек симпатическая [7].

По данным Е.А. Захариной к четвертому курсу учебы в вузе у студентов выявлено не полное приспособление.

Таким образом, проведенные нами исследования по изучению влияния учебного процесса на показатели дыхательной системы показывают, что в процессе адаптации к учебному процессу ЖЕЛ, РОвд незначительно увеличиваются, РОвыд грубо достоверно возрастает, а дыхательные объемы подвержены колебаниям в обе стороны.

Список литературы/ References

1. Абишева З.С. Сравнительный анализ адаптивных возможностей студентов различных вузов в процессе учебы / З.С. Абишева, Е.М. Рослякова, Х.Х. Хасенова // Европейская наука 21 века: материалы XII Международной научно-практической конференции. – Варшава, 2011. – С. 22-24.
2. Артеменко А.А. Концепция оптимизации функционального состояния и повышения адаптационных возможностей человека: дис...: док. биол. наук / А.А. Артеменко; Черепов. гос. ун-т. – Череповец, 2015. – 368 с.
3. Влияние физической нагрузки на кардиогемодинамические показатели / Э.С. Геворкян [и др.] // Гигиена и санитария. – 2008. – № 3. – С. 56-59.
4. Горькавая А.Ю. Показатели физиологического развития и адаптации сердечно-сосудистой системы студентов медуниверситета во Владивостоке / А.Ю. Горькавая // Гигиена и санитария. – 2009. – №1. – С. 58-60.
5. Гумарова Л.Ж. Хроноструктура суточной динамики ЧСС студентов при экзаменационном стрессе в разные сезоны года / Л.Ж. Гумарова // Consilium, 2010. – №5. – Р. 62-65.
6. Захарина Е.А. Анализ физического здоровья студентов классического приватного университета / Е.А. Захарина // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. – 2009. – № 7. – С. 61-64.
7. Нифонтова О.Л. Оценка функционального состояния вегетативной нервной системы студентов северного педагогического вуза / О.Л. Нифонтова, Р.К. Насруллаев // Образование и здоровье. Экономические, медицинские и социальные проблемы: сб. ст. V Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2010. – С. 79-81.
8. Проскурякова Л.А. Научное обоснование разработки программы по формированию здорового образа жизни и профилактике неинфекционных заболеваний в период профессионального обучения студентов / Л.А. Проскурякова, Е.Н. Лобыкина // Здоровье населения и среда обитания. – 2012. – № 11. – С. 14-16.

9. Рюмина Е.А. Оценка адаптивных возможностей учащихся второго курса вуза / Е.А. Рюмина, Н.В. Мищенко, Т.А. Трифонова // Здоровье населения и среда обитания. – 2012. – № 5. – С. 40-42.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Abisheva Z.S. Sravnitel'nyj analiz adaptivnyh vozmozhnostej studentov razlichnyh vuzov v processe ucheby [The comparative analysis of adaptive opportunities of students of various higher education institutions in the course of study] / Z.S. Abisheva, E.M. Rosljakova, H.H. Hasenova // Evropejskaja nauka 21 veka: materialy XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskij konferencii [European science of 21 centuries: materials XII International scientific and practical conferences]. – Varshava, 2011. – S. 22-24.

2. Artemenko A.A. Konceptija optimizacii funkcional'nogo sostojanija i povyshenija adaptacionnyh vozmozhnostej cheloveka: dis... dok. biol. nauk [Concept of optimization of a functional state and increase in adaptation opportunities of the person: yew... dok. biol. sciences] / A.A. Artemenko; Cherepov. gos. un-t. – Cherepovec, 2015. – 368 s. [in Russian]

3. Vlijanie fizicheskoy nagruzki na kardiogemodinamicheskie pokazateli [Influence of physical activity on cardiohaemodynamic indicators] / Je.S. Gevorkjan [i dr.] // Gigiena i sanitarija [Hygiene and sanitation]. – 2008. – № 3. – S. 56-59. [in Russian]

4. Gor'kavaja A.Ju. Pokazateli fiziologicheskogo razvitiya i adaptacii serdechno-sosudistoj sistemy studentov meduniversiteta vo Vladivostoke [Indicators of physiological development and adaptation of cardiovascular system of students of medical university in Vladivostok] / A.Ju. Gor'kavaja // Gigiena i sanitarija [Hygiene and sanitation]. – 2009. – №1. – S. 58-60. [in Russian]

5. Gumarova L.Zh. Hronostruktura sutochnoj dinamiki ChSS studentov pri jekzamenacionnom stresse v raznye sezony goda [Hronostruktura of daily dynamics of ChSS of students at an examination stress during different seasons of year] / L.Zh. Gumarova // Consilium, 2010. – №5. – P. 62-65.

6. Zaharina E.A. Analiz fizicheskogo zdorov'ja studentov klassicheskogo privatnogo universiteta [Analysis of physical health of students of classical private university] / E.A. Zaharina // Pedagogika, psihologija i mediko-biologicheskie problemy fizicheskogo vospitanija i sporta [Pedagogics, psychology and medicobiological problems of physical training and sport]. – 2009. – № 7. – S. 61-64. [in Russian]

7. Nifontova O.L. Ocenka funkcional'nogo sostojanija vegetativnoj nervnoj sistemy studentov severnogo pedagogicheskogo vuza [Assessment of a functional condition of the autonomic nervous system of students of northern pedagogical higher education institution] / O.L. Nifontova, R.K. Nasrullaev // Obrazovanie i zdorov'e. Jekonomicheskie, medicinskie i social'nye problem [Education and health. Economic, medical and social problems]: sb. st. V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Penza: Privolzhskij Dom znanij, 2010. – S. 79-81. [in Russian]

8. Proskurjakova L.A. Nauchnoe obosnovanie razrabotki programmy po formirovaniju zdorovogo obraza zhizni i profilaktike neinfekcionnyh zabolevanij v period professional'nogo obuchenija studentov [Scientific justification of development of the program for formation of a healthy lifestyle and prophylaxis of noninfectious diseases during vocational education of students] / L.A. Proskurjakova, E.N. Lobykina // Zdorov'e naselenija i sreda obitanija [Health of the population and habitat]. – 2012. – № 11. – S. 14-16. [in Russian]

9. Rjumina E.A. Ocenka adaptivnyh vozmozhnostej uchashhihsja второго курса вуза [Assessment of adaptive opportunities of pupils of the second year of higher education institution] / E.A. Rjumina, N.V. Mishhenko, T.A. Trifonova // Zdorov'e naselenija i sreda obitanija [Health of the population and habitat]. – 2012. – № 5. – S. 40-42. [in Russian]

Все статьи, опубликованные в «Международном научно-исследовательском журнале», загружаются в РИНЦ.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — библиографическая база данных научных публикаций российских учёных. Для получения необходимых пользователю данных о публикациях и цитируемости статей на основе базы данных РИНЦ разработан аналитический инструмент ScienceIndex.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.151

Вержук В.Г.¹, Павлов А.В.², Мурашев С.В.³, Дзюбенко Н.И.⁴, Тихонова О.А.⁵, Орлова С.Ю.⁶, Новикова Л.Ю.⁷, Шубин Н.А.⁸¹Кандидат биологических наук, Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н.И.Вавилова, Санкт-Петербург, ²Младший научный сотрудник, Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н.И.Вавилова, Санкт-Петербург, ³доктор технических наук, Университет ИТМО, Санкт-Петербург,⁴доктор биологических наук, Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н.И.Вавилова,^{5,6}кандидат сельскохозяйственных наук, Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н.И.Вавилова,⁷кандидат технических наук, Всероссийский институт генетических ресурсов растений им. Н.И.Вавилова,⁸главный инженер, Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург**РЕГУЛИРУЮЩАЯ РОЛЬ КРИОПРОТЕКТОРОВ И АНТИОКСИДАНТОВ ПРИ ХРАНЕНИИ ГЕНОПЛАЗМЫ ПЛОДОВЫХ И ЯГОДНЫХ КУЛЬТУР****Аннотация**

Проведены исследования по криосохранению черенков и почек в парах жидкого азота плодовых и ягодных культур, почки черемухи в отдельном опыте перед хранением были обработаны криопротекторами, различной концентрации. Определяли содержание витамина С в древесных растительных тканях и убыль массы урожая при холодильном хранении. Рост содержания органических кислот в древесной ткани растений, которое определяли в декабре – мае, сопровождается уменьшением убыли массы урожая при холодильном хранении, полученного за период вегетации. Результаты криохранения черенков в парах жидкого азота выявили, что все гибриды черной смородины после высадки в почву показали хорошую жизнеспособность (50,0%-80,0%). Обработанные криопротекторами, отделенные от древесины почки черемухи, показали различный процент жизнеспособности ($54,8 \pm 13,7\%$) и более высокий процент был у почек, обработанных 40,0% сахарозой ($80,0 \pm 6,4\%$).

Ключевые слова: плодовые культуры, черемуха, черная смородина, вегетативные побеги, почки, криоконсервация, криопротектор, генофонд.

Verzhuk V.G.¹, Pavlov A.V.², Murashev S.V.³, Dzyubenko N.I.⁴, Tikhonova O.A.⁵, Orlova S.Y.⁶, Novikova L.Y.⁷, Shubin N.A.⁸¹PhD in Biology, N.I. Vavilov All-Russian Institute of Plant Genetic Resources, St. Petersburg, ²Associate Research Scientist, N.I. Vavilov All-Russian Institute of Plant Genetic Resources, St. Petersburg, ³PhD in Engineering, ITMO University, St. Petersburg, ⁴PhD in Biology, N.I. Vavilov All-Russian Institute of Plant Genetic Resources, St. Petersburg,^{5,6}PhD in Agriculture, N.I. Vavilov All-Russian Institute of Plant Genetic Resources, St. Petersburg,⁷PhD in Engineering, N.I. Vavilov All-Russian Institute of Plant Genetic Resources, St. Petersburg,⁸Chief Engineer, Institute of Cytology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg**THE REGULATING ROLE OF CRYOPROTECTANTS AND ANTIOXYDANTS DURING FRUIT AND BERRY PLANT GERMPLASM CONSERVATION****Abstract**

Research was conducted on cryoconservation of cuttings and buds of cultivated fruit and berry plants in liquid nitrogen vapors. In a separate experiment, bird cherry buds were treated before conservation with cryoprotectants in various concentrations. Vitamin C content in woody plant tissues was measured as well as the loss in yield weight after freezer storage. The increase of organic acid content in woody plant tissue detected in December/May was accompanied by reduced losses in the weight of yield produced during the growing season following freezer storage. The results of cryoconservation of cuttings in liquid nitrogen vapors revealed that all hybrids of black currant after planting in the soil demonstrated good viability (50.0%–80.0%). Bird cherry buds separated from wood after treatment with cryoprotectants showed various percentage of viability ($54.8 \pm 13.7\%$), while higher percentage was identified in the buds treated with 40.0% sucrose solution ($80.0 \pm 6.4\%$).

Keywords: large fruit, bird cherry, ribes nigrum, vegetative shoots, buds, cryopreservation, cryoprotectors, genofond.

В зимне-весенний период при низкой отрицательной температуре происходит процесс постепенного обезвоживания протопластов плодовых растений, вследствие того, что свободная вода в межклетниках кристаллизуется и рост кристаллов в межклетниках происходит за счет свободной воды, поступающей из протопласта клеток [1, 2, 3]. В результате обезвоживания в протопласте растёт концентрация электролитов, приводящая к денатурации белков, нарушению функций мембран и клеточных органелл. Одновременно усиливается окисление сульфгидрильных групп в белках, изменяющее их функциональные свойства. Потеря воды молекулами белков при обезвоживании стимулирует их сближение, агрегацию, потерю биохимических свойств и выпадение в осадок. Поэтому гидрофильные группы, включая сульфгидрильные, удерживая воду в гидратных оболочках, препятствуют сближению молекул белков, усиливая, таким образом, морозоустойчивость клеток растений. Здесь существует положительная связь между содержанием сульфгидрильных групп и морозоустойчивостью растений. Образование кристаллов льда в межклетниках растительных тканей вызывают нуклеаторы льда, а именно: полисахариды, белки, бактериальные клетки живой природы. Постепенная дегидратация протопластов является одним из необходимых условий выживания растений при отрицательных температурах [2, 4]. Таким образом, внеклеточное образование льда – важная возможность жизни растений в условиях отрицательных температур [4]. Кроме того древесные растения в результате эволюции приобрели способность тормозить внутриклеточное образование кристаллов льда при низкой температуре, ой вследствие образования в протопластах высоких концентраций антинуклеаторов льда, протопласты при этом находятся в состоянии глубокого переохлаждения.

Согласно Конвенции по биоразнообразию, сохранение биологического разнообразия от исчезновения возможно двумя путями: in situ, т.е. в естественных условиях – лесах, полях, садах, и ex situ – в заповедниках, коллекционных

садах и питомниках, различных генетических банках животных, рыб и т.д. (<http://www.chd.int/>). Классический способ хранения плодовых культур путем посадки в садах дорогой и не обеспечивает 100% сохранность коллекционного материала. Однако существует альтернативная возможность длительного сохранения коллекций игенплазмы различных частей растений, при сверхнизких температурах методом криоконсервации, с последующим определением их жизнеспособности после длительного хранения в парах жидкого азота.

Для проведения криоконсервации генплазмы растений (плодовых, ягодных культур) при сверхнизких температурах (-185°C) влияния природного количества антинуклеаторов недостаточно, необходимо понизить в клетках количество воды аккуратным подсушиванием растительной ткани при определенной отрицательной температуре до 30% остаточной влажности, что занимает несколько недель (метод Форслийна) [12]. При криоконсервации объектов небольших размеров (растительных меристем, почек растений, яйцеклеток, сперматозоидов) для защиты клеток от действия сверхнизких температур применяют криопротекторы. Следует отметить, что криоконсервация в жидком азоте или его парах при $-183^{\circ}\text{C} \dots -185^{\circ}\text{C}$, это перспективный и дешевый способ сохранения геноплазмы растений [9, 10, 11]. При консервации также используют различные части растений – побеги (черенки), почки, пыльцу, меристемы и семена диких видов [12]. На примере черной смородины мы изучали способность подсушенных при -50°C черенков выдерживать сверхнизкие температуры при хранении их в парах жидкого азота, параллельно с этим были проведены исследования по хранению почек черемухи, обработанных перед замораживанием криопротекторами различной концентрации. Криозащитные вещества не только уменьшают размеры кристаллов льда в растительных тканях и их количество, но снижают токсические и другие вредные эффекты обезвоживания [13]. При закладке растительного материала на длительное хранение оценивали режимы замораживания-размораживания и условия вывода сохраняемой геноплазмы из состояния глубокого покоя.

Помимо длительного многолетнего хранения коллекционного материала при сверхнизких температурах, существует потребность в сезонном хранении плодов и ягод. Здесь применяются низкие положительные температуры, которые позволяют сохранить плоды свежими, без потери товарного качества. При таком типе хранения растительной продукции окислительно-восстановительные процессы в растительных тканях имеют большое значение, так как основные потери, связанные с жизнедеятельностью, происходят от процессов окисления в тканях плодов. Защиту плодов от избыточного образования активных форм кислорода осуществляют антиоксиданты и ферментные системы. Наиболее эффективными водорастворимыми антиоксидантами являются аскорбиновая кислота и глутатион, которые способны перехватывать различные кислородсодержащие радикалы и синглетный кислород, где антиоксидантное действие аскорбиновой кислоты и глутатиона реализуется в ферментном аскорбат-глутатионовом цикле. Положительной функцией витамина С и глутатиона является восстановление окисленных форм других низкомолекулярных антиоксидантов, например фенолов, которые могут окисляться радикалами или ферментативно. Окисление фенольных соединений сопровождается образованием хинонов, которые далее восстанавливаются аскорбатом и глутатионом. Данное восстановление обеспечивает детоксикацию продуктов окисления фенолов [4, 5]. В то же время биохимический состав плодов и, следовательно, активность окислительно-восстановительных процессов в плодах в значительной степени зависят от состояния древесины плодовых деревьев в различные периоды вегетации. В результате появляется возможность раннего прогнозирования способности растительной продукции (плодов и ягод) к сезонному хранению в холодильниках при $+1^{\circ}\text{C} \dots +3^{\circ}\text{C}$ с минимальными потерями [6, 7, 8]. В нашей работе мы исследовали возможность прогнозирования потерь плодово-ягодной продукции при хранении плодов в зависимости от состава древесины плодовых деревьев и наличия в ней антиоксидантов.

Криоконсервацию черенков и почек проводили на образцах черной смородины и черемухи, взятые в коллекционном саду филиала Павловской опытной станции ВИР им. Н.И. Вавилова (г. Павловск). Нарезали черенки смородины 8 гибридов европейского и сибирского подвидов *Ribes nigrum* L. в ноябре-декабре месяце, когда растения находились в состоянии глубокого покоя. Перед закладкой на хранение черенки с 2-3 почками подсушивали в шкафу «INCUBATOR – 818» при $-4\text{--}5^{\circ}\text{C}$ до влажности 28-32%, затем замораживали в замораживателе фирмы «Sanyo Medikal Freeser» до $-48 \dots -50^{\circ}\text{C}$ и помещали на длительное хранение в пары азота. В работе с криопротекторами применяли проникающие в почки протекторы – 25% и 40% глицерин и 25% и 40% сахарозу. Почки инкубировали в криопротекторах 1ч при 20°C , затем постепенно замораживали в замораживателе «Sanyo Medikal Freeser» до $-48 \dots -50^{\circ}\text{C}$ и помещали в пары азота на хранение. После 1,5-2 месяцев хранения в парах жидкого азота почки размораживали, отмывали от протекторов и после проращивания на питательной среде (MS), определяли процент жизнеспособности.

Потери массы плодов во время холодильного хранения, связанные с жизнедеятельностью, определяли весовым методом, а их хранение проводили при температуре $+1^{\circ}\text{C} \dots +3^{\circ}\text{C}$. Содержание органических кислот и аскорбиновой кислоты в плодах и древесной ткани растений (черенках) анализировали согласно принятым методикам в декабре – мае [14]. Исследования проводили в 3-х кратной повторности на таких плодовых культурах, как груша (сорт Чижовская), яблоня (сорт Белый налив), рябина (сорт Бурка и сорт Бусинка), жимолость (сорт Голубое веретено).

Лето 2012-2014 гг. было влажным, достаточное количество зимне-весенней влаги в почве в весенний период способствовало укоренению высаженных после хранения в парах азота черенков черной смородины, что положительно отразилось на росте растений – высота молодых побегов у сильнорослых гибридов достигала 30 – 50 см. В целом все опытные гибриды после посадки в почву прижились – процент приживаемости весной и в летний периоду них находился на уровне 70,0% - 80,0%, только у двух гибридов ПУ 18-5 (Нарядная х №2) и Неосыпающаяся х №6 жизнеспособность черенков составляла 50,0%, 60,0% соответственно.

Почки черемухи, обработанные криопротекторами различной концентрации, различались по жизнеспособности. У обработанных 25% раствором сахарозы почек сорта Августина процент жизнеспособных почек составил 72,0%, а при увеличении концентрации криопротектора до 40%, процент жизнеспособных почек увеличился до 80,0%. После пересадки в большие стаканчики со средой почки хорошо развивались, формируя зеленые побеги. Обработка почек глицерином показала, что на 25%-й концентрации процент жизнеспособных почек составлял 54,8%, а на 40%

концентрации процент жизнеспособных почек увеличился до 69,6%. Результаты обработки почек черемухи различными криопротекторами приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Влияние криопротекторов на жизнеспособность почек черемухи сорта **Августина** после хранения в парах жидкого азота (-183 - 185°C)

Варианты применяемых криопротекторов	Количество почек черемухи, обработанных криопротекторами (всего и жизнеспособных после хранения в парах жидкого азота (-183... - 185°C))		Жизнеспособность почек, %
	всего	жизнеспособных	
25% раствор сахарозы	25	18	72,0±6,1
40% раствор сахарозы	25	20	80,0±6,4
25% раствор глицерина	29	20	54,8±13,7
40% раствор глицерина	26	19	69,6±7,8

Стабильность ответной реакции почек после криохранения на обработку взятыми криопротекторами, позволяет сделать вывод о возможности применения их для долговременного хранения генплазмы растений. В зависимости от состава растительного материала, сортов, культур, можно подбирать различные криопротекторы, которые будут нетоксичными по своему химическому составу, что, в конечном итоге, положительно повлияет на качество сохраняемого растительного материала.

В результате проведенных исследований по сезонному хранению плодов было установлено, что при увеличении витамина С в древесных тканях растений, которое определяли в декабре - мае, уменьшается естественная убыль массы урожая при холодильном хранении. Аналогичная зависимость сохраняется для самих плодов и ягод – чем больше содержание витамина С в плодах на начальном этапе хранения, тем меньше величина естественной убыли массы плодов при хранении. Рост содержания органических кислот в древесной ткани растений, которые также определяли в декабре – мае, сопровождается уменьшением убыли массы урожая при холодильном хранении. При сохранении урожая плодов и ягод, наблюдалась аналогичная зависимость: чем больше содержание в них органических кислот на начальном этапе хранения, тем меньше величина естественной убыли массы плодов в дальнейшем хранении. Синхронный характер изменения зависимости убыли массы плодов и ягод при хранении от содержания витамина С и органических кислот обусловлен стабилизирующим влиянием органических кислот на аскорбиновую кислоту. Следовательно, исходя из сопоставления содержания витамина С и органических кислот в древесных тканях плодовых растений, определенных в зимнее - весенний период, т.е. задолго до сбора урожая, можно делать прогноз о способности плодовой продукции к холодильному хранению.

По результатам криохранения черенков в парах жидкого азота следует отметить, что все опытные гибриды черной смородины после хранения прижились и показали хорошую жизнеспособность. Обработанные криопротекторами почки черемухи после хранения в азоте и проращивания в стерильных условиях на питательной среде показали различный процент жизнеспособности, более высокий процент жизнеспособности у почек, обработанных 40,0% -ной сахарозой. Увеличение содержания витамина С и органических кислот в растительных древесных тканях является следствием особенностей метаболических процессов, протекающих в клетках растений. Рост восстановительного потенциала растительной ткани обеспечивает возможность растениям переносить неблагоприятные условия зимне-весеннего периода с меньшими повреждениями. Минимизация повреждений, возникающих в растительной ткани в зимне-весенний период создает необходимые предпосылки для роста продуктивности растений и формированию урожая, способного храниться более длительное время с меньшими потерями.

Список литературы/References

1. Туманов И.И. Физиология закаливания и зимостойкости растений. М.: Наука, 1979. 350 с.
2. Кузнецов В.В., Дмитриева Г.А., Физиология растений. М.: Высшая школа, 2005. 736 с.
3. Трунова Т.И. Растение и низкотемпературный стресс. М.: Наука, 2007. 60 с.
4. Кошкин Е.И. Физиология устойчивости сельскохозяйственных культур. М.: Дрофа, 2010. 638 с.
5. Бобко А. Л., Мурашев С.В., Вержук В.Г. Влияние антиоксидантов в древесной ткани плодовых растений в зимне-весенний период на холодильное хранение собранного урожая. Сборник научных работ// Низкотемпературные и пищевые технологии в XXI веке. Санкт-Петербург, 2013. С. 381-383.
6. Бобко А.Л., Мурашев С.В., Вержук В.Г. Способ предварительного прогнозирования лежкости плодов и ягод при хранении. Патент РФ, № 2485759. Оpubл. Бюл. 27.06.2013.
7. Мурашев С.В., Бобко А.Л., Вержук В.Г. Способ прогнозирования хранения плодово-ягодной продукции (варианты). Патент РФ, № 2485754. Оpubл. Бюл. 27.06.2013.
8. Вержук В.Г., Мурашев С.В., Бобко А.Л. Способ диагностики растительных тканей для раннего прогнозирования хранения плодов и ягод. Патент РФ, № 2486417. Оpubл. Бюл. 20.06.2013.
9. Вержук В.Г., Павлов А.В., и др. Криоконсервация побегов и почек черемухи (Padus Mill) с применением различных криопротекторов и режимов замораживания. – Киев., 2011, С. 233-237.
10. Вержук В.Г., Павлов А.В., Тихонова О.А., Новикова Л.Ю. Жизнеспособность геноплазмы черной смородины (Ribesnigrum L.), обработанной криопротекторами и без них после хранения в парах жидкого азота. – Киев., 2012. С. 417-421.
11. Вержук В.Г., Мурашев С.В., Тихонова Н.Г., Жестков А.С., Бобко А.Л., Дорохов Д.С. Влияние эндогенных веществ моно- и дисахаридов на жизнеспособность плодовых растений после хранения в парах жидкого азота. // Плодоводство и ягодоводство России. – М.: 2011, т. XXVI. – С. 17-23.

12. Forsline P. et al. Recovery and longevity of cryopreserved dormant apple buds // J. Amer. Soc. Hort. Sci. 1998. V. 123. № 3. P. 365 – 370.
13. Попов А.С. Криоконсервация культивируемых клеток. Методы культивирования клеток. СПб., 2008. С. 236-250.
14. Ермаков А.И., и др. Методы биохимического исследования растений. Л.: Агропромиздат, 1987. 430 с.

Список литературы на английском языке/References

1. Tumanov I.I. Fiziologija zakalivaniya i zimostojkosti rastenij [Physiology of planthardening and winter-hardiness] / I.I. Tumanov. -Moscow: Nauka, 1979. - 350 p.[in Russian]
2. Kuznetsov V.V. Fiziologija rastenij [Plantphysiology] / V.V. Kuznetsov and G.A. Dmitrieva. - Moscow: Vysshaya Shkola, 2005. - 736 p. [in Russian]
3. Trunova T.I. Rastenie i nizkotemperaturnyj stress [Theplantandlow-temperaturestress]. / T.I. Trunova - Moscow: Nauka, 2007. - 60 p. [in Russian]
4. Koshkin E.I. Fiziologija ustojchivosti sel'skhozajstvennyh kul'tur [Physiologyofcropresistance]. / E.I. Koshkin. - Moscow: Drofa, 2010. - 638 p. [in Russian]
5. Bobko A.L. Vliyanie antioksidantov v drevesnoj tkani plodovyh rastenij v zimnee-vesennij period na holodil'noe hranenie sobrannogo urozhaja. Sbornik nauchnyh rabot [The effect of antioxidant sinligneous tissue of fruit plants during the winter/spring season on cold storage of the harvest. Collection of scientific papers] / A.L. Bobko, S.V. Murashev and, V.G. Verzhuk. Low-temperature and food technologies in the 21st century. St. Petersburg, 2013. - P. 381–383. [in Russian]
6. Bobko A.L. Sposob predvaritel'nogo prognozirovaniya lezhkosti plodov i jagod pri hranenii. Patent RF No. 2485759 [A method of early prognostication of the shelf life of fruits and berries during storage. RF Patent No. 2485759] / A.L. Bobko, S.V. Murashev and V.G. Verzhuk. - Published: Newsletter, 27.06.2013. [in Russian]
7. Murashev S.V. Sposob prognozirovaniya hranenija plodovo-jagodnoj produkcii (varianty). Patent RF, № 2485 [A method of prognosticating the keeping quality of fruit and berry products (variants). RF Patent No. 2485754] / S.V. Murashev, A.L. Bobko and V.G. Verzhuk. - Published: Newsletter, 27.06.2013. [in Russian]
8. Verzhuk, V.G. Sposob diagnostiki rastitel'nyh tkanej dlja rannego prognozirovaniya hranenija plodov i jagod. Patent RF, № 2486417 [A method of diagnosing plant tissues for early prognostication of fruit and berry keeping quality. RF Patent No. 2486417] / V.G. Verzhuk, S.V. Murashev and A.L. Bobko. - Published: Newsletter, 20.06.2013. [in Russian]
9. Verzhuk V.G. Kriokonservacija pobegov i pochetk cheremuhi (*Padus* Mill) s primeneniem razlichnyh krioprotektorov i rezhimov zamorazhivaniya [Cryoconservation of sprouts and buds of bird cherry (*Padus* Mill) applying various cryoprotectants and freezing conditions] / V.G. Verzhuk, A.V. Pavlov *et al.* – Kiev, 2011. - P. 233–237. [in Russian]
10. Verzhuk V.G. Zhiznesposobnost' genoplazmy chernoj smorodiny (*Ribes nigrum* L.) obrabotannoj krioprotektorami i bez nih posle hranenija v parah zhidkogo azota. [Viability of blackcurrant (*Ribes nigrum* L.) germplasm treated with cryoprotectants and without such treatment after storage in liquid nitrogen vapor] / V.G. Verzhuk, A.V. Pavlov, O.A. Tikhonova and L.Y. Novikova. – Kiev, 2012. - P. 417–421. [in Russian]
11. Verzhuk V.G. Vliyanie jendogennyh veshhestv mono- i disaharidov na zhiznesposobnost' plodovyh rastenij posle hranenija v parah zhidkogo azota [The effect of endogenous substances, monosaccharides and disaccharides on the viability of fruit plants after storage in liquid nitrogen vapor] / V.G. Verzhuk, S.V. Murashev, N.G. Tikhonova, A.S. Zhestkov, A.L. Bobko and D.S. Dorokhov. // Plodovodstvo i jagodovodstvo Rossii [Fruit and Berry Production in Russia]. - Moscow, 2011. Vol. XXVI. - P. 17–23. [in Russian]
12. Forsline P. *et al.* Recovery and longevity of cryopreserved dormant apple buds // J. Amer. Soc. Hort. Sci. 1998. V. 123. № 3. P. 365–370.
13. Попов А.С. Криоконсервация культивируемых клеток. Методы культивирования клеток [Cryoconservation of cultivated cells. Cellcultivationmethods] / A.S. Popov - St. Petersburg, 2008. - P. 236–250. [in Russian]
14. Yermakov A.I. *et al.* Методы биохимического исследования растений [Methods of biochemical research on plants] / A.I. Yermakov *et al.* Leningrad: Agropromizdat, 1987. - 430 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.122

Гордеева И.В.

Кандидат биологических наук

Уральский государственный экономический университет

ВЛИЯНИЕ ФРУКТОЗЫ НА ПРОРАСТАНИЕ СЕМЯН И РАЗВИТИЕ ПРОРОСТКОВ FAGOPYRUM ESCULENTUM**Аннотация**

Воздействие растворов моносахаридов на прорастание семян и дальнейшее развитие растений неоднозначно и зависит как от концентрации раствора, так и видовой принадлежности конкретных растений. В настоящей работе изучалось влияние водных растворов фруктозы концентраций от 0,25% до 3% на прорастание семян и развитие проростков гречихи посевной на протяжении пяти суток. Результаты эксперимента показывают, что растворы данного моносахарида всех концентраций, за исключением 3%, оказывают однозначное стимулирующее влияние на всхожесть семян. В то же время эффект от воздействия растворов фруктозы на массу и длину проростков не столь однозначен: раствор 0,25%-й концентрации не оказывал статистически значимого влияния на данные показатели, раствор 3%-й концентрации оказывал ингибирующий эффект, а наиболее оптимальным для развития оказался раствор 1%-й концентрации.

Ключевые слова: гречиха посевная, проростки, прорастание семян, фруктоза.

Gordeeva I.V.

PhD in Biology,

Ural State University of Economics

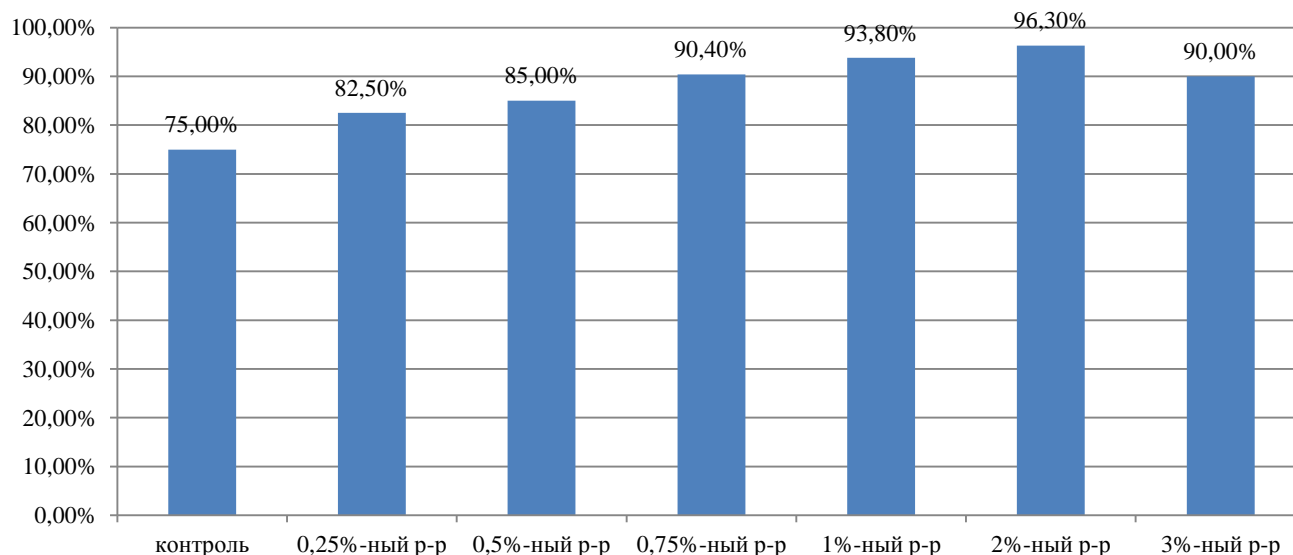
FRUCTOSE EFFECT ON SEED GERMINATION AND SEEDLING DEVELOPMENT OF FAGOPYRUM ESCULENTUM**Abstract**

Monosaccharides' effect on seed germination and further plants development is ambiguous and depends both on solution concentration and plant species identification. This paper is devoted to study of effect of water fructose solution of different concentrations from 0,25% to 3% on seed germination and seedling development of buckwheat during five days. The results of experiment show that all concentrations of this monosaccharide, except 3% have stimulating effect on seed germination. At the same time the result of fructose solution effect on mass and length of seedlings was not straightforward: a solution of 0,25% concentration had no significant effect on these parameters, a solution of 3% concentration had inhibitory effect and the solution of 1% concentration was the most optimal for seedling development.

Keywords: buckwheat, seedling, seed germination, fructose.

Произрастание семян представляет собой совокупность сложных физиолого-биохимических процессов, контролируемых на генетическом уровне и подверженных воздействию целого ряда факторов и внешних условий, включая температурный режим, соленость и увлажненность субстрата и пр. [1-4]. Известно, что целый ряд органических соединений, таких как гибберелловая кислота и бензиламинопурины способны в низких концентрациях оказывать стимулирующий эффект как на всхожесть семян, так и на дальнейшее развитие проростков ряда видов однодольных и двудольных травянистых растений [5]. В то же время влияние на прорастание семян олиго- и моносахаридов растительного происхождения изучено недостаточно, хотя представлен целый ряд публикаций, в которых показано, что растворы сахарозы, фруктозы и глюкозы могут оказывать на всхожесть как стимулирующий, так и ингибирующий эффект в зависимости от конкретного вида исследуемого растения, наличия или отсутствия дополнительных компонентов в растворе сахаров и, наконец, от концентрации самого раствора [3, 6]. Так например F. Xu and others отмечают, что сахароза и глюкоза снижают всхожесть и ингибируют развитие семян *Brassica napus* и других представителей семейства крестоцветных [2]. Аналогичные выводы делают S. Rognoni and others по поводу влияния сахарозы на ранние стадии онтогенеза *Arabidopsis thaliana*, отмечая, что высокие концентрации экзогенных сахаров ингибируют прорастание семян, а также препятствуют нормальному формированию листьев и корневой системы [4]. В то же время R. Ontiveros and others не отмечают достоверных различий между прорастанием семян того же вида растений (*A. thaliana*) в контрольных условиях и в среде, содержащей 1%-й раствор сахарозы или фруктозы [3]. К сходному заключению приходят Г.Н. Федотов и др., исследовавшие влияние различных органических соединений на прорастание семян яровой пшеницы и не зафиксировавшие ни стимулирующего, ни ингибирующего эффекта сахарозы, глюкозы и фруктозы на данный процесс [7].

В настоящей работе изучалось влияние фруктозы на прорастание семян и дальнейшее развитие проростков гречихи *Fagopyrum esculentum* (гречихи посевной), ценной пищевой однолетней культуры. Методика эксперимента заключалась в следующем. Семена гречихи в количестве 40 штук помещались в стеклянные чашки Петри с фильтровальной бумагой, на которую наносился водный раствор фруктозы различных концентраций – 0,25%, 0,5%, 0,75%, 1%, 2% и 3% (по 3 чашки на каждую концентрацию раствора) в количестве 5 мл или раствор дистиллированной воды (контрольный опыт). Проращивание семян осуществлялось при комнатной температуре 23-24⁰С на протяжении 5 суток. В течение данного интервала времени ежесуточно производили взвешивание семян и проростков, с помощью штангенциркуля измеряли длину проростков (на вторые сутки проращивания), длину корешка и гипокотилиа (на третьи-пятые сутки проращивания), а также оценивали итоговую всхожесть семян. Эксперимент осуществлялся в пяти повторностях на протяжении июня-августа 2016 г. Обработку результатов осуществляли с помощью стандартной статистической программы Microsoft Excel. Достоверность различий между всхожестью семян и параметрами проростков, обрабатываемых растворами фруктозы, и контролем оценивали на основании t-критерия. Результаты проведенных экспериментов представлены на рис.1 и в табл.1-2.

Рис. 1 – Влияние фруктозы на прорастание семян *Fagopyrum esculentum*Таблица 1 – Влияние фруктозы на массу проростков *Fagopyrum esculentum*

Концентрация р-ра фруктозы, %	2-е сутки		3-и сутки		4-е сутки		5-е сутки	
	m, мг	CV, %	m, мг	CV, %	m, мг	CV, %	m, мг	CV, %
0	58,9±4,1	6,9	77,7±3,6	4,6	113,1±7,2	6,4	128,5±2,2	3,8
0,25	68,4±3,0*	4,5	88,8±3,8**	4,3	115,5±4,9	4,2	132,9±12,1*	9,9
0,50	67,2±3,4*	5,1	86,2±3,5**	4,2	118,3±5,2	4,4	140,2±4,3*	3,1
0,75	68,1±4,2*	6,2	87,4±4,6**	5,3	129,2±6,1*	5,1	163,4±8,7**	5,3
1,00	69,2±3,8*	5,5	91,3±5,8**	6,3	136,4±6,7**	4,9	177,2±11,4**	6,4
2,00	70,1±4,3*	6,2	83,4±4,8**	5,8	123,1±7,3*	5,9	158,4±12,1**	7,6
3,00	71,2±5,4*	7,6	82,4±5,2*	6,3	119,4±6,9	5,8	132,4±10,2	7,7

Примечание: * – статистически достоверное различие между выборкой и контролем $P < 0,05$; ** – $P < 0,01$.

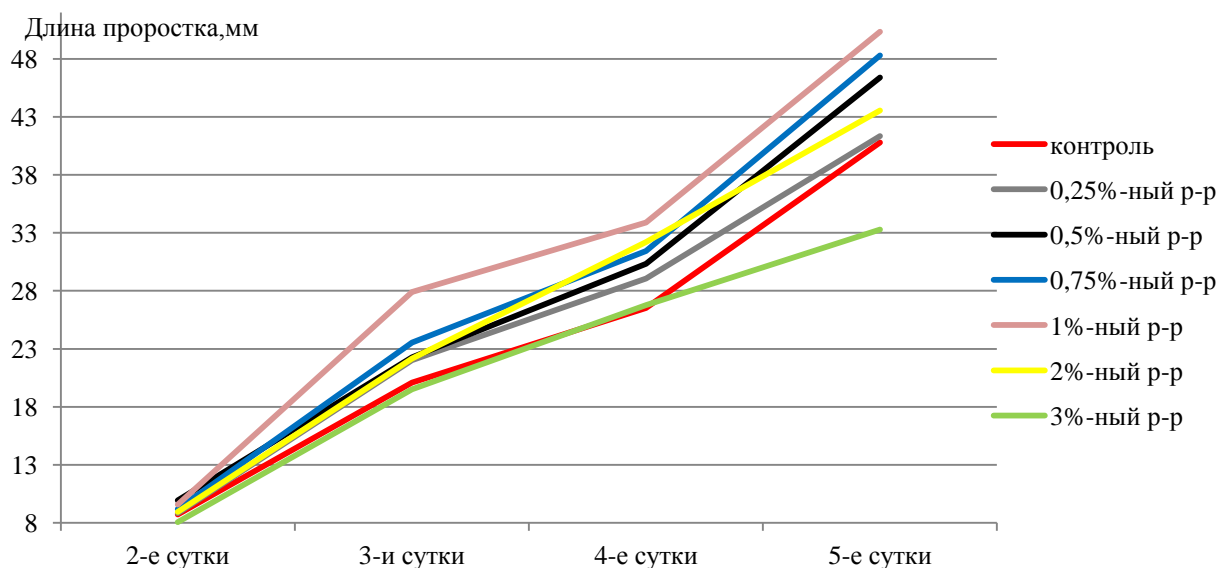
Как следует из данных, представленных на рис.1, раствор фруктозы в концентрациях 0,25-1% оказывает достоверный стимулирующий эффект на всхожесть семян гречихи по сравнению с контролем, причем по мере увеличения концентрации раствора наблюдается прогрессивное возрастание данного показателя от 82,5% при обработке семян 0,25%-м раствором до 96,3% (максимальная всхожесть) при использовании раствора моносахарида 2%-й концентрации. В то же время при дальнейшем увеличении концентрации раствора мы наблюдаем начинающееся снижение всхожести (данный эффект фиксировался во всех повторностях эксперимента), хотя последняя все еще превышает контрольный уровень (75%). Что касается массы проростков, то уже на вторые сутки эксперимента наблюдалось достоверное увеличение значений данного показателя по сравнению с контрольными значениями (табл.1). Причем различия в массе проростков, обрабатываемых растворами различных концентраций, первоначально были незначительны, то есть ключевую роль играл сам факт наличия фруктозы в растворе, а не конкретный градиент концентрации. В дальнейшем (начиная с третьих суток проращивания) фиксировалась постепенная дифференциация массы проростков гречихи в зависимости от концентрации раствора и наибольшее расхождение по данному показателю отмечено на четвертые-пятые сутки наблюдения, когда, с одной стороны, средние значения массы проростков, обрабатываемых растворами 0,25%-й и 3%-й концентраций не отличались от контрольных, а с другой – проростки, подвергшиеся воздействию растворов 0,75%-й и 1%-й концентрации демонстрировали максимальное увеличение массы. Полученные данные можно интерпретировать следующим образом: если концентрация раствора фруктозы 0,25% является слишком низкой для того, чтобы обеспечить достоверный эффект влияния на развитие проростков, то концентрация 2-3% начинает оказывать явное ингибирующее воздействие на ряд протекающих в онтогенезе процессов, что согласуется с литературными сведениями [2, 4].

Таблица 2 – Влияние фруктозы на длину проростков *Fagopyrum esculentum*

Концентрация р-ра фруктозы %	2-е сутки	3-и сутки		4-е сутки		5-е сутки	
	Длина проростка, мм	Длина корешка, мм	Длина гипокотил, мм	Длина корешка, мм	Длина гипокотил, мм	Длина корешка, мм	Длина гипокотил, мм
0	8,71±0,24	8,88±0,26	11,22±0,32	11,42±0,86	15,10±0,98	18,88±1,21	21,92±1,17
0,25	8,83±0,32	9,82±0,28*	12,21±0,56*	13,96±0,87*	15,11±1,02	18,13±0,98	23,22±1,21
0,50	9,94±0,38*	10,03±0,26*	12,23±0,41*	14,22±0,92*	16,12±1,02*	20,56±0,84*	25,83±1,16*
0,75	9,18±0,26*	11,10±0,76*	12,44±0,53*	15,01±0,88*	16,41±0,97*	22,08±1,04*	26,22±1,14*
1,00	9,56±0,35*	11,17±0,64*	16,74±0,61*	16,29±0,71*	17,61±0,99*	22,48±1,12*	27,87±1,24*
2,00	8,95±0,27	9,74±0,51*	12,43±0,59*	15,56±0,89*	16,65±1,05*	20,16±0,86*	23,39±1,13*
3,00	8,06±0,25*	8,34±0,47	11,17±0,48	11,38±0,63	15,38±0,93	14,04±0,57*	19,23±0,78*

Примечание: * – статистически достоверное различие между выборкой и контролем
 $P < 0,05$; ** – $P < 0,01$.

Аналогичная тенденция наблюдается для значений длины проростков (табл.2): низкая концентрация раствора фруктозы (0,25%) практически не оказывает достоверного влияния на длину проростка (вторые сутки эксперимента), а также, в дальнейшем, корешка и особенно гипокотил (четвертые-пятые сутки наблюдений); растворы концентраций 0,5%, 0,75% и 1% оказывают статистически значимое стимулирующее воздействие на величину данного показателя, в то время как растворы 3%-й концентрации начинают оказывать уже ингибирующее воздействие, так как длина проростков на вторые сутки и длина корешков и гипокотилей растений на третьи-пятые сутки эксперимента после обработки раствором данной концентрации либо не отличались от контрольных значений, либо отличались в меньшую сторону. Таким образом, на основании сопоставления данных табл.1 и табл.2 мы можем констатировать, что снижение массы проростков гречихи при обработке 3%-м раствором фруктозы обусловлено негативным влиянием данного моносахарида в достаточно высокой концентрации на деление клеток и сопряженные с этим биохимические процессы, что также ранее отмечалось рядом авторов [2-4, 6]. Данная тенденция наиболее отчетливо прослеживается на рис.2, где представлены результаты измерений совокупной длины проростков (включая корешок и гипокотиль), подвергшихся воздействию растворов фруктозы разных концентраций, на протяжении всего эксперимента. Из данных рис.2 следует, что дифференциация значений длины начинается на третьи сутки проращивания, в дальнейшем отличия от контрольной величины усиливаются для проростков, обрабатываемых 0,5-2%-м раствором; в то время как значения для проростков, обрабатываемых раствором минимальной концентрации, на пятые сутки эксперимента постепенно сближаются с контрольной величиной, а длина проростков, обрабатываемых раствором максимальной концентрации (3%), первоначально практически не отличавшаяся от контрольной, к концу эксперимента достоверно отличается от последней, но уже в меньшую сторону.

Рис. 2 – Влияние фруктозы на совокупную длину проростков *Fagopyrum esculentum*

Низкомолекулярные сахара и моносахариды оказывают влияние на целый ряд процессов, происходящих в растениях как на молекулярном, так и организменном уровне, – от роста и развития последних до экспрессии генов, хотя биохимические механизмы подобного воздействия до сих пор недостаточно изучены [2-3]. Кроме того, как

отмечалось ранее, не существует единого мнения о последствиях влияния растворов моносахаридов различной концентрации на всхожесть семян, а также конкретные количественные показатели роста. Результаты данного исследования показывают, что растворы фруктозы всех концентраций от 0,25% до 2% включительно оказывают однозначный стимулирующий эффект на прорастание семян гречихи посевной (концентрация 3% уже являлась избыточной). В то же время для дальнейшего развития проростков существенное значение имеет уже конкретная концентрация данного моносахарида – 0,25%-й раствор не оказывает статистически достоверного воздействия, 3%-й раствор является ингибитором по отношению к развитию проростков гречихи, а наиболее оптимальное влияние на все процессы наблюдается для 1%-го раствора фруктозы. Требуются дальнейшие исследования, которые позволили бы сравнить эффект воздействия растворов фруктозы на семена *F. esculentum* с аналогичным влиянием данного моносахарида на семена и проростки других посевных культур.

Список литературы/ References

1. Бутенко Л.И., Лига Л.В. Исследование химического состава пророщенных семян гречихи, овса, ячменя и пшеницы / Л.И. Бутенко, Л.В. Лига // Фундаментальные исследования.– 2013.– №4.– С.1128-1133.
2. Xu F. Effects of sucrose on germination and seedling development of Brassica napus / F. Xu, X. Tan, Zh. Wang // International Journal of Biology.– 2010.– Vol. 2, № 1.– P. 150-155.
3. Ontiveros R. Fructose signaling unbalancing effect on Arabidopsis growth and the photosynthetic pigments content / R. Ontiveros, M. Cortes, F. Rodrigo and others // High School Students for Agricultural Science Research.– 2013.– Vol. III.– P.8-14.
4. Rognoni S. Sugar effects on early seedling development in Arabidopsis / S. Rognoni, Sh. Teng, L. Arru and others // Plant Growth Regulation.– 2007.–Vol.52.– P.217-228.
5. Nadeem M. Effect of some chemical treatments on seed germination and dormancy breaking in important medicinal plant *Ochradenus arabicus* Chaudhary / M. Naddem, F. Al-Qurainy, S. Khan and others // Pakistan Journal of Botany.– 2012.– Vol. 44(3).– P.1037-1040.
6. Федорова В.Я. Влияние 1,3;1,6-β-D-глюкана и продуктов его ферментативной трансформации на формирование проростков гречихи *Fagopyrum esculentum* Monch. / В.Я. Федорова, Е.Л. Чайкина, И.Ю. Бакунина и др. // Химия растительного сырья.– 2009.– №3.– С.139-146.
7. Федотов Г.Н. К вопросу о стимуляции прорастания семян с неглубоким покоем / Г.Н. Федотов, М.Ф. Федотова, В.С. Шалаев и др. // Лесной вестник.– 2016.– №1.– С.147-157.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Butenko L.I., Ligaj L.V. Issledovanie himicheskogo sostava proroshennyh semjan grechihi, ovsa, jachmenja i pshenicy [Researches of the chemical composition of germinated seeds of the buckwheat, oats, barley and wheat] / L.I. Butenko, L.V. Ligaj // Fundamental'nye issledovaniya [Fundamental research].–2013.– №4.– P. 1128-1133.[in Russian]
2. Xu F. Effects of sucrose on germination and seedling development of Brassica napus / F. Xu, X. Tan, Zh. Wang // International Journal of Biology.– 2010.– Vol. 2, No. 1.– P. 150-155. [in English]
3. Ontiveros R. Fructose signaling unbalancing effect on Arabidopsis growth and the photosynthetic pigments content / R. Ontiveros, M. Cortes, F. Rodrigo and others // High School Students for Agricultural Science Research.– 2013.– Vol. III.– P.8-14. [in English]
4. Rognoni S. Sugar effects on early seedling development in Arabidopsis / S. Rognoni, Sh. Teng, L. Arru and others // Plant Growth Regulation.– 2007.–Vol.52.– P.217-228. [in English]
5. Nadeem M. Effect of some chemical treatments on seed germination and dormancy breaking in important medicinal plant *Ochradenus arabicus* Chaudhary / M. Naddem, F. Al-Qurainy, S. Khan and others // Pakistan Journal of Botany.– 2012.– Vol. 44(3).– P.1037-1040. [in English]
6. Fedorova V.Ja. Vlijanie 1,3;1,6-β-D-gljukana i produktov ego fermentativnoj transformacii na formirovanie prorostkov grechihi *Fagopyrum esculentum* Monch. [Effect of 1,3;1,6-β-D-glucan and products of its fermentative transformation on seedling development of buckwheat *Fagopyrum esculentum* Monch.] / V.Ja. Fedorova, E.L. Chajkina, I.Ju. Bakunina i dr. // Himija rastitel'nogo syr'ja [Chemistry of plant material].–2009.– №3.– P.139-146.[in Russian]
7. Fedotov G.N. K voprosu o stimuljácii prorstaniya semjan s neglubokim pokoem [To the issue of stimulation of germination of seed with shallow dormancy] / G.N. Fedotov, M.F. Fedotova, V.S. Shalaev i dr. // Lesnoj vestnik [Forest Issue].– 2016.– № 1.– P.147-157. .[in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.046

Ерофеевская Л.А., Попова Л.Л., Салтыкова А.Л.

¹Научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем нефти и газа
Сибирского отделения Российской академии наук,
²генеральный директор, ООО «Зеленая лаборатория»,
³инженер, ООО «СахаНефтеБиоСорб»

СВОЙСТВА ШТАММА *EXIGUOBACTERIUM MEXICANUM*

Аннотация

Из нефтезагрязненных мерзлотных почв выделен штамм факультативно-анаэробных бактерий рода *Exiguobacterium*. Изучены его свойства и филогенетическая характеристика. Исследовано влияние штамма на активацию биологической деструкции нефти и нефтепродуктов. Установлено, что метод интродукции полученного штамма в загрязненные объекты способствует сокращению сроков деградации нефтяных углеводородов, как в почвенных, так и водных экосистемах. За 7 суток утилизация нефтепродуктов в водной среде под влиянием штамма достигает 13-81%, в зависимости от температуры окружающей среды.

Ключевые слова: микроорганизмы, углеводороды, нефть, почва, штамм, *E. mexicanum*.

Erofeevskaia L. A.¹, Popova L. L.², Saltycova A.L.³

¹Research associate, Institute of oil and gas problems Siberian branch of the Russian Academy of Sciences,
²CEO, LLK «Green laboratory»,
³engineer, LLK «SakhaOilBioSorbents»

PROPERTIES OF STRAIN OF *EXIGUOBACTERIUM MEXICANUM*

Abstract

A strain of facultative anaerobic bacteria of the genus *Exiguobacterium* is isolated from oil-contaminated permafrost-affected soils. Its properties and phylogenetic characteristics have been studied. Also the influence of strain on the activation of the biological degradation of oil and oil products was tested.

It is found that the method of introduction of the resulting strain at contaminated sites helps shorten the petroleum hydrocarbon degradation in the soil and aquatic ecosystems.

Depending on the ambient temperature a 7 days recycling oil in an aqueous medium under the influence of the strain reaches 13-81%.

Keywords: microorganisms, hydrocarbons, oil, soil, strain, *E. mexicanum*.

Currently, the problem of environmental pollution with petroleum hydrocarbons (HC) is an important area of concern. Rehabilitation of affected areas after accidental oil spills is particularly demanded in the Far North, where the main oil and gas fields are operated by the Russian Federation.

Regardless of its geography and fine chemical differences oil is a unique substance in many ways, and first of all in that it degrades spontaneously very slowly, and its components often acquire high resistance to oxidation [1].

Without the use of special technologies for the rehabilitation of affected lands, self-healing process of oil-contaminated soils in the areas with certain climatic conditions may take 10-25 years, while the decomposition of oil and its derivatives in the North may last up to 50 years and beyond [2-4].

Among frequently applicable solutions for effective recovery of the soil from oil contamination in the north, biological processes based on the intensification of degradation of oil hydrocarbons by some microbes has been environmentally justified [5]. A search for highly effective, non-toxic and non-pathogenic strains of hydrocarbon-oxidizing microorganisms (LCS), has therefore become a task of an outmost importance.

The aim of the present study was to isolate and study the properties of a new non-pathogenic LCS strain, capable of cleaning up soil contamination with oil and oil products.

Objectives of research:

- 1) to isolate a not pathogenic strain of bacteria capable for degradation of petroleum hydrocarbons from permafrost soils;
- 2) to analyze the nucleotide sequence of the 16S pPHK gene fragments and to determine the phylogenetic position of the selected strain;
- 3) to study cultural, morphological, physiological, biochemical and chemo-taxonomic characteristics of the strain;
- 4) to test the resulting strain for its suitability for the environmental remediation of soils.

The materials and methods of research.

We focused on the strain *E. mexicanum* IPNG-ELA-5 deposited in the Russian National Collection of Industrial Microorganisms (VKPM), GosNIIgenetika FSUE (Moscow). A method of liquid enrichment cultures in the mineral medium described by Muntz was used for initial cultures of the bacteria [6]. Talakan oil, containing 0.82% wax and 12.4% of resinous substances, was used as a carbon source [7]. Evaluation of viability of the strain was carried out by the Koch method [8].

Identification of the isolated strain was carried out on the basis of morphological, cultural, physiological and biochemical properties [9, 10], and was confirmed by 16S pPHK gene nucleotide sequencing. For that, isolation of DNA for PCR was conducted by the method of Ribosomal Database Project II [11]. PCR was performed using a GeneAmp PCR System 2700 instrument [12, 13]. Phylogenetic trees were built up with the aid provided by the website software [14].

The sensitivity of the strain to antibiotics was determined by a standard agar diffusion method [15].

The presence of oil in water was determined by spectrometry using Oil Detector instrument [16]. The content of oil in the soil was determined by cold extraction by chloroform. Structural and group composition of the extracts and their fractions was studied by infrared Fourier spectroscopy. Group component composition of the extracts was determined by column chromatography [17].

The results of the study.

A strain of bacteria *E. mexicanum* IPNG-ELA-5 had been isolated from permafrost soils contaminated with oil. The species characteristics have been studied and are presented below.

Morphological and cultural properties.

The bacterium is a Gram (+) mobile rod, 0.8 - 1.0 µm in size. It has numerous (peritrichally organized) flagella. In a smear the rods are assembled in doublets and larger clusters. It is a facultative anaerobe which doesn't form spores or capsules. On a meat-peptone agar, the strain forms humid dirty-yellowish colonies of round shape. The appearance of colonies change after 1-2 days: they turn dry, and their edges become uneven.

In the Saburo medium the bacteria form large colonies with yellowish-orange color and the maximum diameter reaching 0.5 cm.

In a meat-peptone broth (weight %: enzymatically treated peptone – 1.0, NaCl - 0.5, meat water extract – 98.5; pH 7.0 to 7.2) it grows forming a diffuse opacity.

In the mineral Muntz medium with oil and its derivatives (gasoline and others) (Content, wt.%: Potassium Nitrite – 0.4; Magnesium sulfite, hydrous – 0.08; sodium chloride – 0.1; Potassium Hydrophosphate K₂ HPO₄ -0.14; Potassium Dihydrophosphate KH₂ PO₄, 0.06; agar-2.0; oil or its derivatives– 1.0; distilled water – up to 100%, pH 7.2) the strain forms non-glossy, non-transparent grayish-yellow colonies 0.1-0.3 cm in diameter.

Physiological and enzymatic features.

The strain can accommodate to temperatures from +4 to +37°C. Under aerobic conditions it grows better. In completely anaerobic environment, the strain survives, but its replication slows down considerably. The best growth is observed at temperatures between of +20 and 30°C, and at pH between 6.0 and 8.0. The strain grows in a salt broth supplemented with 0.1-2.0% sodium chloride.

The bacterium is catalase positive and oxidase negative, and possesses metabolism of oxidative type. Enzymatic activity of the strain in regards of substrate fermentation is weak. It is not capable of able to utilize polyhydric alcohols, poorly ferments glucose and sucrose, while other carbohydrates are not fermented at all. The strain does not utilize lysine and ornithine, neither does it use citrate and sodium malonate. It does not hydrolyze gelatin and starch. The strain is indole negative and behaves negative in the reaction of Voges - Proskauer. It does not contain phenylalanine desoxaminase, but has beta galactosidase.

Phylogenetic characteristics.

When the variable regions of 16Sp RNA were sequenced, the following nucleotide sequence for the tested strain was obtained:

(See Attachment)

Further analysis by RDP II 16Sp PHK database showed homology with the same bacterial species.

According to the sequence analysis, a phylogenetic tree with homologous strains was constructed (figure 1), where unknown is the researched strain

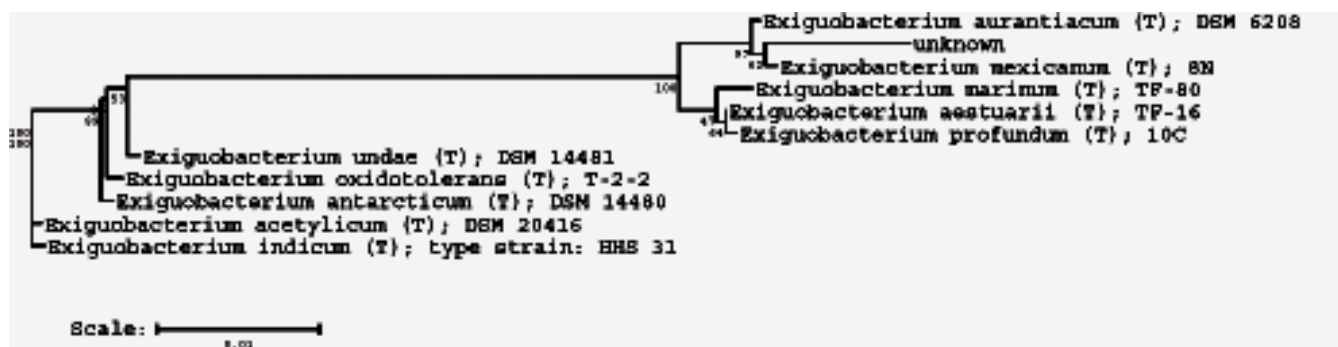

Fig. 1 – *E. mexicanum* phylogenetic tree

Sequences were aligned with the corresponding nearest sequences of bacterial species available from GenBank database. The results of processing of sequences using the software of the website RDB II (Ribosomal Database Project II), designed to determine the relationship of microorganisms and constructing phylogenetic trees, are presented in a graphic form.

Initial screening of GenBank database and RDP-II showed that the strain belongs to the following systematic groups of *Bacteria*; *Firmicutes*; *Bacillales*; *Bacillaceae*; *Exiguobacterium*, and homology to some species of the genus *Exiguobacterium* is 99%.

S000417444	0.938	0.711	1403	<i>Exiguobacterium indicum</i> (T); HHS 31; AJ846291
S000439502	0.940	0.723	1423	<i>Exiguobacterium oxidotolerans</i> (T); AB105164
S000466589	0.975	0.870	1405	<i>Exiguobacterium profundum</i> (T); 10C; AY818050
S000504076	0.977	0.898	1422	<i>Exiguobacterium aestuarii</i> (T); TF-16; AY594264
S000504078	0.973	0.872	1420	<i>Exiguobacterium marinum</i> (T); TF-80; AY594266
S000571530	0.990	0.972	1321	<i>Exiguobacterium mexicanum</i> (T); 8N; AM072764
S000650873	0.942	0.716	1458	<i>Exiguobacterium antarcticum</i> (T); DSM 14480;
S000650874	0.943	0.725	1458	<i>Exiguobacterium undae</i> (T); DSM 14481; DQ019165
S000650875	0.990	0.930	1448	<i>Exiguobacterium aurantiacum</i> (T); DSM 6208;
S000650876	0.936	0.709	1451	<i>Exiguobacterium acetylicum</i> (T); DSM 20416.

Allocation of a microbe to a particular species is based on homology of at least 97%. According to this criterion, the investigated strain can be any of several species of the genus *Exiguobacterium*. Analysis of phylogenetic relationships, built using standard strains of closely related bacteria showed that the best fit to the test strain is *E. mexicanum*.

Toxicology tests performed in white mice and seeds of the higher plants demonstrated that the strain is not virulent, non-toxic, non-toxicogenic, and is not phytotoxic.

A study of oil-oxidizing activity of the *E. mexicanum* IPNG-ELA-5 strain found that, during 7 days culture in the mineral medium at +4°C the bacteria utilize 6,38 - 13,34% of oil and its derivatives; at +20°C this activity increased up to 24,62 - 54,60%; at +30°C reached 51,9 - 69,25%; at the temperature of +37°C could become as high as 57,78 - 81,46 %, depending on the xenobiotic type (table 1).

The ability of *E. mexicanum*, to recycle oil in the soil has been proved in a separate experiment set in an open ecosystem. The experiment was set on a heavy loam type of soil. Mean temperature of the soil during the whole period of the experiment was +8°C at the depth of 20 cm, and +14°C at the depth of 10 cm.

A suspension of *E. mexicanum*, with a titer of at least 10^9 cells / cm³ was added into the contaminated soil at the amount of 1 liter of the product per 1 m³ of soil.

The soil was mixed thoroughly using shovels and left for 60 days. Degradation of oil by the bacteria determined at the end of the incubation was of 86.9% (table 2).

Table 1 – The degree of utilization of oil and oil products

Option experience		t°C			
Xenobiotic, mg/dm ³	The term	+4	+20	+30	+37
Oil	Before experience	1000,0	1000,0	1000,0	1000,0
	after experience	936,2	502,4	481,0	422,2
	% degradation	6,38	49,76	51,9	57,78
Diesel fuel	before experience	1000,0	1000,0	1000,0	1000,0
	after experience	902,0	454,8	333,3	185,4
	% degradation	9,8	54,60	66,67	81,46
Oil motor	before experience	1000,0	1000,0	1000,0	1000,0
	after experience	866,6	753,8	400,6	398,2
	% degradation	13,34	24,62	59,94	60,18
Gas condensate	before experience	1000,0	1000,0	1000,0	1000,0
	after experience	923,6	533,9	307,5	296,6
	% degradation	7,64	46,61	69,25	70,36

Table 2 – The dynamics of degradation of oil in soil

Variant of the experiment	Oil content before the experiment, mg/kg	Oil content, after the experiment, mg/kg	Destruction of oil, %
Soil + oil + cells of strain <i>E. mexicanum</i>	34675	4517	86,97
Soil + oil	13771	12762	7,32

Conclusions: Our study demonstrates that the isolated procariote species *E. mexicanum* IPNG-ELA-5 rapidly (in 7 to 60 days) degrades oil and its derivatives. The bacterium can be used for cleaning of soils and for purification of water contaminated with oil and its derivatives in a wide temperature range from +4 to +37°C, making it a promising candidate microbe for biotechnological scale production.

Attachment:

GACGGAACCCTTCGGGGGGAAGTCGACGGAATGAGCGGCGGACGGGTGAGTAACACGTAA
 AGAACCTGCCCTCAGGTCTGGGATAACCACGAGAAATCGGGGCTAATACCGGATGGGTCA
 TCGGACCGCATGGTCCGAGGATGAAAGGCGCTTCGGCGTCGCTGGGGATGGCTTTGCGG
 TGCATTAGCTAGTTGGTGGGGTAATGGCCACCAAGGCGACGATGCATAGCCGACCTGAG
 AGGTGATCGGCCACACTGGGACTGAGACACGGCCAGACTCCTACGGGAGGCAGCAGTA
 GGGAACTCTCCACAATGGACGAAAGTCTGATGGAGCAACGCCGCTGAACGATGAAGGCC
 TTCGGGTGCTAAAGTTCTGTTGTAAGGGAAGAACAAGTGCCGCGAGGCAATGGCGGCACCT
 TGACGGTACCTTGCGAGAAAGCCACGGCTAACTACGTGCCAGCAGCCGCGGTAAATACGTA
 GGTGGCAAGCGTTGTCCGGAATTATTGGGCGTAAAGCGCGCGCAGGCGGCCTCTTAAGTC
 TGATGTGAAAGCCCCCGGCTCAACCGGGGAAGGCNTTGAACGGGAAGCTGAGTATA

Список литературы/ References

1. Гриценко А.И., Аكوпова Г.С., Максимов В.М. Экология. Нефть и газ. – М.: Наука, 1997. – 557 с.
2. Пиковский Ю.И. Трансформация техногенных потоков нефти в почвенных экосистемах // Восстановление нефтезагрязненных почвенных экосистем. – М.: Наука, 1988. – С. 7-31.
3. Оборин А.А., Калачникова И.Г., Масливец Т.А., Базенкова Е.И., Плещева О.В., Оглоблина А.И. // Восстановление нефтезагрязнённых почвенных экосистем. — М.: Наука, 1988. С. 140-159.
4. Foght J.M., Westlike D.W.S. Bioremediation of oil spills // Spill Technol. Newslett., 1992. – V. 17. – P. 1-10.

5. Коронелли Т.В., Комарова Т.И., Ильинский В.В. и др. Интродукция бактерий рода *Rhodococcus* в тундровую почву, загрязненную нефтью // Прикладная биохимия и микробиология. 1997. Т. 33. №2. С. 198-201.
6. Керстен Д.К. Морфологические и культуральные свойства индикаторных микроорганизмов нефтегазовой съемки // Микробиология, 1963, №5, С.1024-1030.
7. Чалая О.Н., Зуева И.Н., Лифшиц С.Х., Трущелева Г.С., Иванова И.К. Состав и свойства нефти Талаканского месторождения // Малотоннажная переработка нефти и газа в Республике Саха (Якутия): Материалы конференции (26-27 июля 2001 г., г. Якутск). – Якутск, Изд-во ЯЧНЦ СО РАН, 2001. – С.165-170.
8. Сакович Г.С., М.А. Безматерных Физиология и количественный учет микроорганизмов: Методические указания. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. – 40 с.
9. Красильников Н. А. Определитель бактерий и актиномицетов, М. — Л., Изд. АН СССР, 1949. – 830 с.
10. Определитель бактерий Берджи / под Ред. Д. Хоулта, Н. Крига, П. Снута и др. М.: Мир, 1997, т. 1-2. – 800 с.
11. PCR Protocols. A Guide to methods and applications. Innis M, Gelfand D., Sninsky J. - P.14-15.
12. Каталог MBI Fermentas 1998\1999. – P. 146-157.
13. Pavlicek A et al "Fre-Tree-freeware program for construction of phylogenetic trees on the basis of distance data and bootstrap\jackknife analysis of tree robustness. " Application in the RAPD analysis of genus *Frenkelia* Folia Biol (Praha) 1999 45(3). – P. 97-99. 14. Ribosomal Database Project II (<http://rdp.cme.msu.edu>).
15. Егоров Н.С. Основы учения об антибиотиках М.: Высшая школа, 1986. – 448 с.
16. ФР.1.31.2007.03234 МВИ 01.02.117 Методика выполнения измерений массовой концентрации нефтепродуктов в питьевых, природных и сточных водах ИК-спектрометрическим методом с использованием концентратомера «ИKN-025».
17. РД 52.18.647-2003. Методические указания определения массовой доли нефтепродуктов в почвах. Методика измерений гравиметрическим методом.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Gritsenko A. I., Akopova G. S., Maksimov, V. M. Jekologija. Neft' i gaz [Ecology. Oil and gas]. – М.: Nauka, 1997. – 557 p. [in Russian]
2. Pikovsky, Y. I. Transformacija tehnogenykh potokov nefti v pochvennykh jekosistemah [Transformation of technogenic flows of petroleum in soil ecosystems] // Vosstanovlenie neftezagryaznennykh pochvennykh jekosistem [Restore oil-polluted soil ecosystems]. – М.: Nauka, 1988. – P. 7-31. [in Russian]
3. Oborin A. A., Kalashnikova I. G., Maslivets A. T., Bazankova E. I., Plesea O. V., Ogloblina, A. I. // Vosstanovlenie neftezagryaznennykh pochvennykh jekosistem [Restore oil-polluted soil ecosystems]. — М.: Nauka, 1988. - P. 140-159. [in Russian]
4. J. M. Foght, D. W. S. Westlike Bioremediation of oil spills // Spill Technol. Newslett., 1992. – V. 17. – P. 1-10.
5. Koronelli T. V., Komarova T. I., Ilyinsky V. V. Introdukcija bakterij roda *Rhodococcus* v tundrovuju pochvu, zagryaznennuju neft'ju [Introduction bacteria of the genus *Rhodococcus* in tundra soil contaminated with oil] // Prikladnaja biohimija i mikrobiologija [Applied biochemistry and Microbiology]. 1997. T. 33. No. 2. - P. 198-201. [in Russian]
6. Kersten, D. K. Morfologicheskie i kul'tural'nye svojstva indikatornykh mikroorganizmov neftegazovoj s#emki [Morphological and cultural properties of indicator microorganisms in the oil and gas shooting] // Mikrobiologija [Microbiology], 1963, No. 5, - P. 1024-1030. [in Russian]
7. Chalaya O. N., Zueva I. N., Lifschitz C. H., Trushelev G. S., Ivanov K. I. Sostav i svojstva nefti Talakanskogo mestorozhdenija [The Composition and properties of the Talakan oil Deposits] // Malotonnazhnaja pererabotka nefti i gaza v Respublike Saha (Jakutija): Materialy konferencii (26-27 ijulja 2001 g., g. Jakutsk) [Small-scale processing of oil and gas in the Republic of Sakha (Yakutia): Materials of the conference (July 26-27, 2001, Yakutsk)]. – Yakutsk, Publishing house of SB RAS ACNC, 2001. – P. 165-170. [in Russian]
8. Sakovich G. S., Bezmaternyh M. A. Fiziologija i kolichestvennyj uchet mikroorganizmov: Metodicheskie ukazanija [Physiology and quantitative accounting of microorganisms: a manual]. - Yekaterinburg: GOU VPO UGTU-UPI, 2005. - 40 p. [in Russian]
9. Krasilnikov N. A. Opredelitel' bakterij i aktinomiceto [The Determinant of bacteria and actinomycetes], М. — Л., Ed. AN SSSR, 1949. - 830 p. [in Russian]
10. Opredelitel' bakterij Berdzhii [The determinant of bacteria Berge] / Ed. D. Holt, N. Krieg, P. Sota, etc. М.: Mir, 1997, vol. 1-2. - 800 P. [in Russian]
11. PCR Protocols. A Guide to methods and applications. Innis M, Gelfand D., Sninsky J. - R. 14-15.
12. Katalog MBI Fermentas 1998\1999 [Directory MBI Fermentas 1998\1999]. – P. 146-157. [in Russian]
13. Pavlicek A, et al "Fre-Tree-freeware program for construction of phylogenetic trees on the basis of distance data and bootstrap\jackknife analysis of tree robustness. Application in the RAPD analysis of genus *Frenkelia*. Folia Biol (Praha) 1999 45(3). – P. 97-99.
14. Ribosomal Database Project II (<http://rdp.cme.msu.edu>).
15. Egorov N. Osnovy uchenija ob antibiotikah [Basic principles of antibiotics]. – Moscow: Higher school, 1986. - 448 p. [in Russian]
16. FR.1.31.2007.03234 MVI 01.02.117 Metodika vypolnenenija izmerenij massovoj koncentracii nefteproduktov v pit'evykh, prirodnykh i stochnykh vodah IK-spektrometricheskim metodom s ispol'zovaniem koncentratomera «IKN-025» [FR.1.31.2007.03234 MIM 01.02.117 procedure of measurement of mass concentration of petroleum products in drinking, natural and wastewater. IR-spectrometric method using concentratometer "IRH-025"]. [in Russian]
17. RD 52.18.647-2003. Metodicheskie ukazanija opredelenija massovoj doli nefteproduktov v pochvah. Metodika izmerenij gravimetricheskim metodom. [RD 52.18.647-2003. How to determine the mass fraction of oil products in soil. Measurement technique gravimetric method] [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.227

Иваченко Л. Е.¹, Трофимцова И. А.², Чернышук Д. К.³¹Доктор биологических наук, профессор кафедры химии,²кандидат химических наук, профессор кафедры химии,³ORCID: 0000-0002-5342-4857, аспирант кафедры химии,

Благовещенский государственный педагогический университет

Исследования выполнены в рамках финансирования НИР № 343 Госзадания

Министерства образования и науки Российской Федерации

ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ ВЫРАЩИВАНИЯ НА АКТИВНОСТЬ КИСЛЫХ ФОСФАТАЗ АМАРАНТА**Аннотация**

Изучена динамика изменения удельной активности и множественных форм кислых фосфатаз семян амаранта, полученных в разные вегетационные периоды. Установлено, что максимальная активность фермента наблюдалась в 2014 году, когда погодные условия региона соответствовали среднесезонным значениям. При проращивании семян амаранта в растворе сульфата цинка ($C = 56 \text{ мг/л}$) на ранней стадии онтогенеза наблюдается значительное падение удельной активности фермента, что свидетельствует о высокой токсичности соли в данной концентрации. Выявлены множественные формы кислых фосфатаз проростков амаранта ($R_f = 0,48$ и $R_f = 0,75$), адаптивные к действию сульфата цинка.

Ключевые слова: амарант, кислая фосфатаза, удельная активность, множественные формы, тяжелые металлы, погодные условия.

Ivachenko L.E.¹, Trofimtsova I.A.², Chernyshuk D.K.³¹PhD in Biology, Professor, Department of Chemistry,²PhD in Chemistry, Professor, Department of Chemistry,³postgraduate student, Department of chemistry,

Blagoveshchensk State Pedagogical University

Researches are executed within financing of NIR No. 343 of State assignment

of Ministry of Education and Science of the Russian Federation

**INFLUENCE OF CONDITIONS OF CULTIVATION
ON THE ACTIVITY OF ACID PHOSPHATASE AMARANTH****Abstract**

The dynamics of change in the specific activity and the multiple forms of acid phosphatases amaranth seeds obtained in the different growing seasons. It was found that the highest enzyme activity was observed in 2014, when the weather conditions in the region consistent with long-term averages. When amaranth seed germination in a solution of zinc sulphate ($C = 56 \text{ mg/L}$) in the early stages of ontogenesis there is a significant drop in the specific activity of the enzyme, indicating that the toxicity of high salt concentrations in the art. Identified multiple forms of acid phosphatases seedlings amaranth ($R_f = 0,48$ and $R_f = 0,75$), responsive to the action of zinc sulfate.

Keywords: amaranth, acid phosphatase, specific activity, multiple forms, heavy metals, weather conditions.

Проблемы интродукции овощных растений с высоким содержанием белка, незаменимых аминокислот и биологически активных веществ (БАВ) актуальны во всем мире в связи с недостатком этих соединений в рационе питания населения многих стран [4].

Растение амарант относится к числу культур, которые отличаются высоким содержанием белка, а также высокими адаптационными свойствами и большой продуктивностью биомассы, приспособленной к произрастанию практически по всей территории России [3].

В связи с ухудшением состояния окружающей среды актуальными на сегодняшний день являются исследования окислительного стресса сельскохозяйственных культур на повышенные концентрации тяжелых металлов (ТМ) в почвах [7]. Ганс Селье разделял стрессовую реакцию организма на три стадии («триада Селье»): первичную индуктивную стрессовую реакцию, адаптацию (резистентность) и истощение ресурсов надёжности. На период третьей фазы защитные возможности растения истощаются, клеточные структуры (хлоропласты и митохондрии) разрушаются и вызывают энергетическое истощение клетки, что приводит к физико-химическим изменениям цитоплазмы. Как правило, это необратимый процесс и дальнейшее воздействие приведет к гибели растения [6].

Проблема адаптации организма к изменяющимся условиям среды на уровне биохимических реакций приобрела в последние годы фундаментальный характер. Особым вниманием в настоящее время пользуется феномен неспецифической адаптации, включающий биохимические процессы, которые происходят в клетке вне зависимости от того, какой стрессовый фактор их вызвал (неспецифический адаптационный синдром) и, вместе с тем, позволяют живому организму сохранять гомеостаз. Ведущую роль в поддержании внутриклеточного гомеостаза и адаптации к стрессорам играют ферменты [2].

Фосфатазы относятся к классу гидролаз, это ферменты катализирующие гидролиз сложных эфиров фосфорной кислоты. Функция фосфатаз в организме состоит в поддержании концентрации фосфата, необходимого для различных биохимических процессов, и, возможно, для транспорта фосфата в клетку [1].

Цель исследования – изучить влияние условий выращивания амаранта сорта Крепыш на активность кислой фосфатазы семян и проростков.

Материалом для исследований служили семена овощного амаранта сорта Крепыш (*Amaranthus hypochondriacus* L.), выращенные в 2012, 2013, 2014 годах на агробиостанции ФГБОУ ВО «БГПУ». Метеорологические условия в южной зоне Амурской области в эти годы характеризовались значительными отклонениями от среднесезонных показателей (табл. 1). В 2012 году весь период вегетации амаранта стояла очень

жаркая погода (на 1-2 оС выше нормы), особенно на ранней стадии онтогенеза. 2013 год оказался сложным как по температуре, так и по осадкам. Самым жарким в этом году оказался май, со средней температурой на 2 оС выше нормы. Обильные осадки в июле и августе (на 70 % выше нормы) привели к переувлажнению почвы и большому наводнению в нашем регионе. Вегетационный период 2014 года был более благоприятным для роста и развития амаранта. Температурные условия соответствовали среднемноголетним значениям региона, только в мае температура была ниже нормы на 2 оС. Существенное влияние на рост и развитие амаранта в 2014 году оказали осадки. После наводнения 2013 года и при достаточной влаге в 2014 году были отмечены дружные всходы амаранта.

Таблица 1 – Метеорологические условия Амурской области в 2012-2014гг

Месяцы	Среднемноголетня	2012	2013	2014
Средняя температура воздуха, °С				
V	12,4	14,2	14,5	10
VI	18,8	21,4	19,7	19
VII	21,5	22,6	21,7	22
VIII	19,2	20,2	19,8	18
IX	12,2	13,2	13,1	14
Среднее	16,8	18,3	17,8	16,6
Сумма осадков, мм				
V	39	21	78,7	114
VI	85	61	61,3	112
VII	106	208	184,9	84
VIII	103	43	243,4	119
IX	66	131	54,9	58
Среднее	399	464	623,2	487

Для изучения устойчивости амаранта к ТМ семена проращивали в растворе сульфата цинка ($C = 56$ мг/л) в чашках Петри в термостате при 25 °С в течение 7 суток. Контролем служили семена амаранта, обработанные дистиллированной водой.

Активность кислых фосфатаз (КФ 3.1.3.2) определяли спектрофотометрически с п-нитрофенилфосфатом в качестве субстрата. Фракционирование кислых фосфатаз (КФ) вели методом электрофореза в полиакриламидном геле (ПААГ) по Дэвису с последующим окрашиванием гелевых блоков α -нафтилфосфатом, путем последовательного азосочетания с прочным синим Б [5]. Статистическую обработку материала и расчет коэффициентов корреляций проводили по методу Плохинского [8].

Первым этапом работы стало исследование активности КФ семян амаранта в течение трех лет (рис. 1).

В ходе исследований было показано, что в 2012 году, при выращивании амаранта в условиях жаркого лета, активность КФ в семенах была самой низкой. В 2014 году, когда погодные условия соответствовали среднемноголетним, выявлена высокая активность фермента. В семенах амаранта, полученных в 2014 году, обнаружена удельная активность кислой фосфатазы в 5 раз выше, чем в 2012 году (рис. 1А).

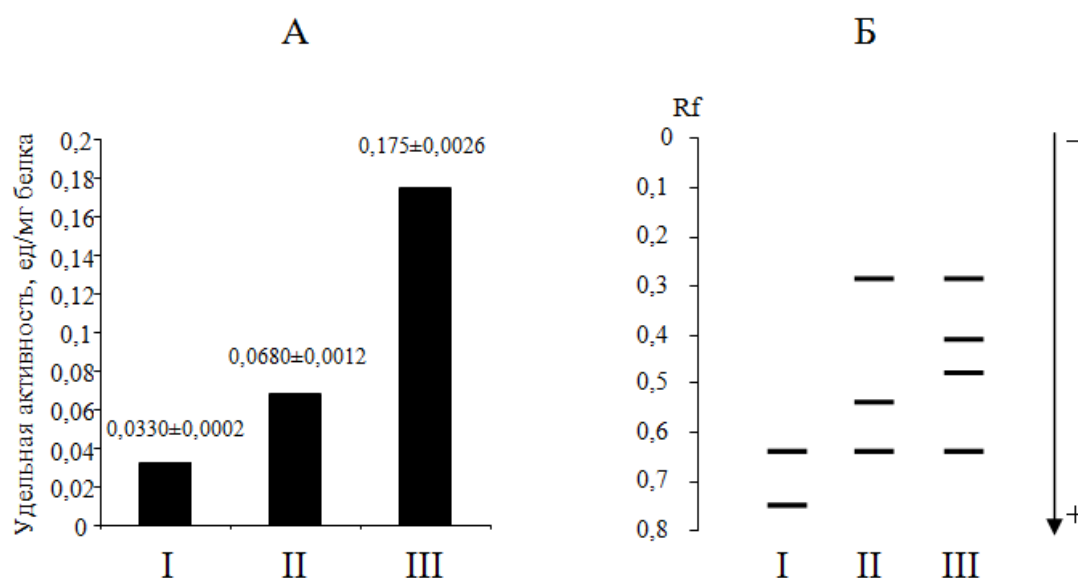

Рис. 1 – а – удельная активность кислых фосфатаз семян амаранта;
б – схемы энзимогамм кислых фосфатаз семян амаранта;
I – 2012г, II – 2013г, III – 2014г.

Стрелка – направление электрофореза (от катода к аноду)

Летнее наводнение 2013 года, охватившее огромные территории российского Дальнего Востока и северо-востока Китая губительно повлияло на почву и урожай сельскохозяйственных культур. Наводнения приводят к изменению структуры почвы, вымыванию значительного количества полезных веществ, необходимых для растений, и повышенной влажности. Все эти факторы могут оказаться губительными для урожая. Но, исходя из полученных данных, семена амаранта сорта Крепыш, полученные в условиях высокой влажности воздуха и переувлажнения почвы, обладали повышенной удельной активностью фермента - в 2 раза выше по сравнению с 2012 годом и большим числом множественных форм.

Анализ энзимограмм позволил выявить шесть форм КФ. В зависимости от погодных условий выявлено от двух до четырех форм фермента (рис. 1Б).

Таким образом, повышенная температура воздуха и переувлажнение почвы в период вегетации амаранта отрицательно влияют на биохимические процессы в растениях. Анализ полученных результатов позволил установить корреляцию между удельной активностью и количеством множественных форм фермента.

На следующем этапе исследований изучена активность КФ при интоксикации семян амаранта сорта Крепыш урожая 2013 года сульфатом цинка (табл. 2).

Таблица 2 – Активность кислых фосфатаз семян амаранта сорта Крепыш при интоксикации сульфатом цинка (C = 56 мг/л)

Концентрация раствора соли ТМ и экспозиция опыта	Удельная активность фермента, ед/мг белка
Контроль, 1 сутки	0,136±0,001
ZnSO ₄ , 1 сутки	0,149±0,001
Контроль, 3 суток	0,831±0,001
ZnSO ₄ , 3 суток	0,543±0,002
Контроль, 5 суток	0,370±0,006
ZnSO ₄ , 5 суток	0,453±0,022
Контроль, 7 суток	0,615±0,014
ZnSO ₄ , 7 суток	0,514±0,024

Изучение удельной активности КФ семян амаранта, обработанных сульфатом цинка, показало, что на третьи сутки воздействия наблюдается значительное падение удельной активности фермента относительно контроля, что свидетельствует о высокой токсичности сульфата цинка в данной концентрации для проростков амаранта. Стадия адаптации (резистентности) длится короткий период и на седьмые сутки воздействия изучаемой соли удельная активность КФ вновь уменьшается относительно контроля, наступает третья фаза (истощение) (рис. 2).

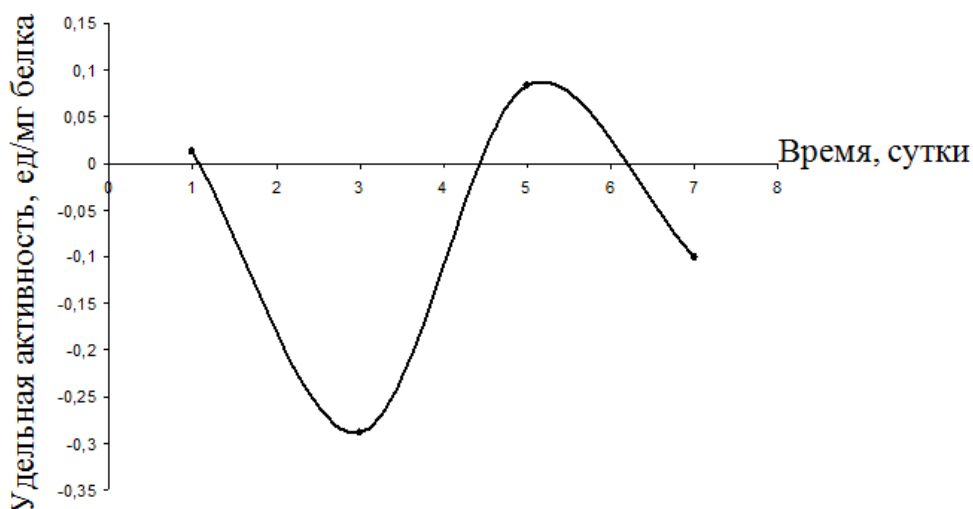

Рис. 2 – Динамика изменения удельной активности кислых фосфатаз при интоксикации семян амаранта сорта Крепыш раствором сульфата цинка

Анализ электрофореграмм позволил установить, что количество множественных форм кислых фосфатаз в контроле не изменяется на ранней стадии онтогенеза. В опытных образцах количество множественных форм КФ не превышает двух в течение всего времени эксперимента, но меняется лишь их электрофоретическая подвижность: появляется новая форма с $R_f=0,75$ и исчезает форма с $R_f=0,48$. Следует отметить, что форма с $R_f=0,64$, обнаруженная в контроле, встречается при обработке семян раствором сульфата цинка на протяжении всего периода воздействия соли (рис. 3).

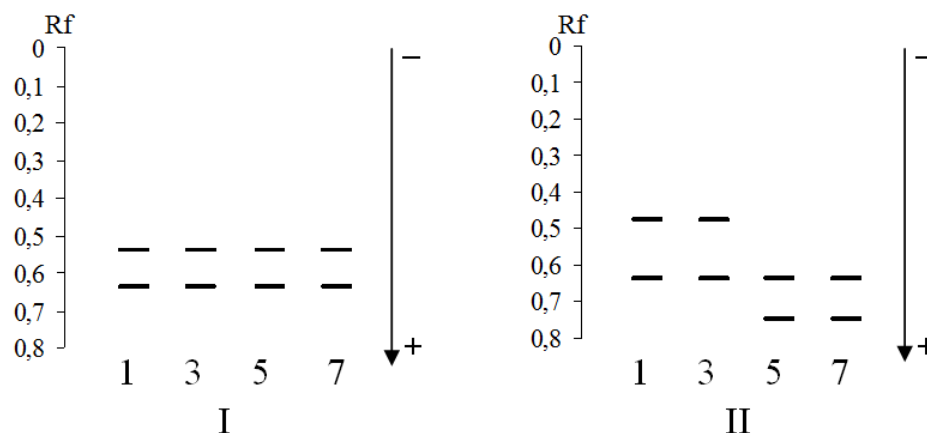

Рис. 3 – Схемы энзимограмм кислых фосфатаз при проращивании семян амаранта сорта Крепыш:

1,3,5,7 – продолжительность воздействия (сутки);

I – в воде, II – в растворе сульфата цинка;

Стрелка – направление электрофореза (от катода к аноду)

Установлена корреляция между удельной активностью и множественными формами кислых фосфатаз семян и проростков амаранта сорта Крепыш. Отмечена наибольшая удельная активность и количество множественных форм фермента (четыре) в 2014 году, когда температура при выращивании амаранта соответствовала среднегодовым значениям. Проращивание семян амаранта в растворе сульфата цинка изменяет активность кислых фосфатаз. Сульфат цинка в исследуемой концентрации оказывает угнетающее действие на проростки амаранта. При воздействии сульфата цинка (в зависимости от времени экспозиции) в проростках амаранта происходит не только изменение удельной активности кислых фосфатаз, но и изменяется набор множественных форм фермента. На 5-7 сутки исчезает форма кислой фосфатазы с $Rf=0,48$ и появляется форма с $Rf=0,75$, которая сохраняется в фазу истощения и была ранее выявлена при выращивании амаранта в 2012 году в условиях повышенной температуры (рис.1).

Список литературы/ References

1. Диксон, М. Ферменты / М. Диксон, Э. Уэбб. – М.: Иностранная литература, 1996. – 814 с.
2. Иваченко, Л.Е. Ферменты как маркеры адаптации сои к условиям выращивания: монография / Л.Е. Иваченко. – Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет. – С. 21–32.
3. Кононков, П. Ф., Гинс, М. С., Гинс, В. К. Амарант – перспективная культура XXI века / П. Ф. Кононков, М. С. Гинс, В. К. Гинс // 2-е изд. – Москва, 1999. – 296 с.
4. Кононков, П. Ф., Пивоваров, В. Ф., Гинс, М. С., Гинс, В. К. Интродукция и селекция овощных культур для создания нового поколения продуктов функционального действия / П. Ф. Кононков, В. Ф. Пивоваров, М. С. Гинс, В. К. Гинс // М.: 2008. – 170 с.
5. Левитес, Е.В. Генетика изоферментов растений / Е.В. Левитес. – Новосибирск: Наука, 1986. – 145 с.
6. Селье, Г. Очерки об адаптационном синдроме. Пер. с англ. – М.: Медицина, 1960. – 254 с.
7. Степанок, В.Б. Влияние сочетания соединений тяжелых металлов на урожай сельскохозяйственных культур и поступление тяжелых металлов в растениях / Агрохимия. – 2000. – № 1. – С. 74-80.
8. Плохинский, Н.А. Биометрия / Н.А. Плохинский // Учебное пособие. 2-е издание. – Москва: Издательство Московского университета, 1970. – 146 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Dikson, M. Fermenty [Enzymes] / M. Dikson, E. Ujebb. – М.: Inostrannaja literatura, 1996. – 814 s. [in Russian]
2. Ivachenko, L.E. Fermenty kak markery adaptacii soi k uslovijam vyrashhivaniya [Enzymes like soybean markers adaptation to growing conditions] : monografiya / L.E. Ivachenko. – Blagoveshhensk: Blagoveshhenskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. – S. 21–32. [in Russian]
3. Kononkov, P. F., Gins, M. S., Gins, V. K. Amarant – perspektivnaja kul'tura XXI veka [Amaranth - a promising culture of the XXI century] / P. F. Kononkov, M. S. Gins, V. K. Gins // 2-e izd. – Moskva, 1999. – 296 s. [in Russian]
4. Kononkov, P. F., Pivovarov, V. F., Gins, M. S., Gins, V. K. Introdukcija i selekcija ovoshhnyh kul'tur dlja sozdaniya novogo pokolenija produktov funkcional'nogo dejstviya [Introduction and selection of vegetables to create a new generation of functional foods actions] / P. F. Kononkov, V. F. Pivovarov, M. S. Gins, V. K. Gins // М.: 2008. – 170 s. [in Russian]
5. Levites, E.V. Genetika izofermentov rastenij [Plant Genetics isoenzymes] / E.V. Levites. – Novosibirsk: Nauka, 1986. – 145 s. [in Russian]
6. Sel'e, G. Oчерki ob adaptacionnom sindrome [Essays about adaptation syndrome]. Per. s angl. – М.: Medicina, 1960. – 254 s. [in Russian]
7. Stepanok, V.B. Vlijanie sochetanija soedinenij tjazhelyh metallov na urozhaj sel'skohozjajstvennyh kul'tur i postuplenie tjazhelyh metallov v rastenijah [Effect of combinations of compounds of heavy metals on crop yields and heavy metals in plants] / Agrohimiya. – 2000. – № 1. – S. 74-80. [in Russian]
8. Plohinskij, N.A. Biometrija [Biometrics] / N.A. Plohinskij // Uchebnoe posobie. 2-e izdanie. [Tutorial. 2nd edition.] – Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1970. – 146 s. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.167

Киричук Н.Н.¹, Худякова Ю.В.², Пивкин М.В.³¹ORCID: 0000-0002-5882-5158, Кандидат биологических наук,²ORCID: 0000-0002-1134-6184, Кандидат биологических наук,³ORCID: 0000-0002-4352-4408, Доктор биологических наук,

Тихоокеанский институт биоорганической химии ДВО РАН им. Г.Б. Елякова

МИКОБИОТА МОРСКИХ ЭКОСИСТЕМ КАК ИСТОЧНИК ТАКСОНОМИЧЕСКОГО РАЗНООБРАЗИЯ МИЦЕЛИАЛЬНЫХ ГРИБОВ**Аннотация**

Проведен анализ имеющихся в литературе сведений о морских грибах, а также оценка степени изученности группы вторичноводных морских грибов как перспективного источника новых для науки таксонов. На сегодняшний день группа вторичноводных морских грибов остается одной из наименее изученной группой микромицетов. Представлены обобщенные сведения по видовому богатству вторичноводных морских грибов, полученные нами в ходе изучения микобиоты дальневосточных морей. Анализ литературы и полученных данных показал, что в настоящее время весьма актуальными остаются вопросы об объеме группы вторичных морских грибов, таксономии и филогении, их роли в морских экосистемах, а накопленные сведения требуют критического пересмотра и переосмысления на основе современных методов анализа.

Ключевые слова: вторичноводные морские грибы, морские автотрофные сообщества, таксономическое разнообразие.

Kirichuk N.N.¹, Khudyakova Yu.V.², Pivkin M.V.³¹ORCID: 0000-0002-5882-5158, PhD in Biology,²ORCID: 0000-0002-1134-6184, PhD in Biology,³ORCID: 0000-0002-4352-4408, PhD in Biology,

G.B. Elyakov Pacific Institute of Bioorganic Chemistry FEB RAS

MYCOBIOTA OF MARINE ECOSYSTEMS AS A SOURCE OF TAXONOMIC DIVERSITY OF FILAMENTOUS FUNGI**Abstract**

The literature analysis and evaluation of state of knowledge of marine fungi as a perspective source of new taxons were carried on. To date secondary marine fungi are one of the less studied group of micromycetes. The summarized data of species richness of secondary marine fungi obtained by us during the study of mycobiota in the Far Eastern seas were presented. The analysis of literature and obtained data showed that problem of scope of secondary marine fungi group, their taxonomy and phylogeny and role in marine ecosystems are of great current interest at present time. Besides, all available information concerning marine fungi requires a critical revision on the basis of modern methods of analysis.

Keywords: secondary marine fungi, marine autotrophic cenosis, taxonomic diversity.

Грибы, обитающие в море, на сегодняшний день остаются наименее изученной группой, по сравнению с наземными микромицетами. Их целенаправленные исследования начались лишь в первой половине XX столетия. Этот период ознаменовался не только описаниями новых видов грибов, но и попытками определить статус морских грибов. Было показано, что морские грибы являются не таксономической, а эколого-физиологической группой микромицетов. В 70-х годах большое влияние на развитие морской микологии оказала работа J. Kohlmeier "Marine mycology, The Higher fungi" (1979), в которой авторами было предложено разделить все грибы, обитающие в море, на две эколого-физиологические группы – облигатные (первичноводные) и факультативные (вторичноводные) морские грибы. В отличие от облигатных морских грибов, обширная группа факультативных морских грибов до настоящего времени остается наименее изученной, что связано не только с укрепившимися тенденциями в морской микологии, но сопряжено и с некоторыми методическими трудностями, связанными с их выделением из морской среды и выращиванием на питательных средах в лабораторных условиях. К тому же, в морской микологии надолго закрепилось мнение о том, что виды, требующие выделения на питательных средах, находятся в морской среде в неактивном состоянии, хотя подобное предположение является лишь гипотетическим. Ряд исследований показал наличие в аквапочвах активно растущего мицелия грибов (Pivkin et al., 2001). Кроме этого, работами Пивкина М.В. была показана способность вторичных морских грибов расти в море, меняя морфологию бесполой прогаметной структуры согласно условиям среды (Пивкин и др., 2002), что позволило выдвинуть предположение о существовании морских экоформ наземных видов.

Результатом сложившейся в морской микологии ситуации стали немногочисленные сведения о разнообразии вторичноводных морских грибов. Среди отечественных работ можно отметить единственную до недавнего времени монографическую работу Артемчук Н.Я. (1981), обобщившую результаты исследований морских грибов Белого, Баренцева, Черного, Балтийского морей. В 2006 году вышла в свет монография Пивкина М.В. с соавторами, объединившая все известные сведения о морских грибах и их метаболитах (Пивкин и др., 2006). В настоящее время, на фоне роста интереса мировой науки к морским грибам как ценным продуцентам биоактивных веществ, в России лишь единицы ученых занимаются вопросами морской микологии. Начиная с 1995 года нами получены сведения о разнообразии вторичноводных морских грибов различных акваторий дальневосточных морей. Впервые было изучено разнообразие грибов аквапочв в различных акваториях Охотского моря, где выделено и идентифицировано более 2000 штаммов грибов, относящихся к 131 виду из 45 родов (Слинкина, Пивкин, 2007; Слинкина и др., 2010; Киричук и др., 2012). Впервые получены сведения о мицелиальных грибах губок южной части острова Сахалин (залив Анива), где выделено и идентифицировано 78 видов мицелиальных грибов (Пивкин и др., 2006). Впервые в мировой микологической практике было выделено 27 видов грибов из трех видов голотурций, что представляет особый интерес

с точки зрения экологии и физиологии микромицетов (Pivkin, 2000). География наших исследований включает также акватории Южно-Китайского моря, где впервые были изучены грибные комплексы аквапочв (28 видов из 16 родов) и гидробионтов (морские травы, водоросли, мягкие кораллы). Из ядовитых мягких кораллов рода *Palythoa* было впервые выделено 26 видов грибов из 14 родов. Анализ данных по микобиоте морских растений Южно-Китайского моря показал, что видовое богатство микромицетов в тропической и субтропической зонах в 2-3 раза ниже видового богатства грибов морских растений умеренной зоны. В аквапочвах субтропической зоны выявлено более высокое содержание меланинсодержащих грибов. В настоящее время активно проводятся исследования вторичных морских грибов, ассоциированных с морскими автотрофными сообществами. Выявлено разнообразие грибов бурых водорослей рода *Sargassum* (*S. pallidum*, *S. miyabei*), включающее в общей сложности 29 видов грибов из 11 родов (Киричук, Пивкин, 2015); 28 видов мицелиальных грибов из 9 родов было выделено из морской травы *Zostera marina*, изучено их зональное распределение в биотической среде морской травы (Киричук, Пивкин, 2015а). Разнообразие выделенных микромицетов представлено в основном космополитными видами, относящимися к группе анаморфных грибов. Таксономический анализ вторичных морских грибов, ассоциированных с морскими растениями, выявил преобладание видов из родов *Penicillium* и *Trichoderma*, присутствие видов *Cladosporium*, *Aspergillus*, *Paradendryphiella* и др. Штаммы грибов, полученные в ходе проведенных исследований, вошли в состав коллекции морских микроорганизмов (официальный акроним КММ, <http://www.piboc.dvo.ru/tmp/KMM.pdf>), которая в настоящее время насчитывает более 2000 штаммов грибов (в том числе продуценты биоактивных соединений) и постоянно пополняется.

Пристальное внимание и рост интереса мировой науки к морским грибам как продуцентам новых биоактивных соединений обосновывают важность и актуальность таксономических и филогенетических исследований этой группы грибов. XXI век в микологии в целом ознаменовался внедрением современных методов исследования систематики грибов и активным развитием геносистематики. Вопросы таксономии и филогении, в том числе выявление и описание новых таксонов морских грибов на основе современных молекулярно-генетических методов, на сегодняшний день являются ключевыми для современной морской микологии. Анализ литературных данных показал, что еще в 70-80-х годах прошлого столетия насчитывалось не более 500 видов морских грибов, в том числе 42 вида грибов из мангров, и считалось, что пополнение списка новыми видами облигатных морских грибов в будущем маловероятно (Kohlmeyer, Kohlmeyer, 1979). Однако уже в 1996 году Jones и Mitchell насчитали порядка 1500 видов, а по данным Jones и Alias число видов мангровых грибов достигло 200. По мнению некоторых авторитетных микологов источниками новых таксонов морских грибов могут быть необычные субстраты и малоизученные районы. Однако накопленные сведения по вторичноводным морским грибам позволяют смело утверждать, что эта группа грибов является одним из перспективных источников новых таксонов. Например, описан ряд новых видов из моря, не встречающихся в наземных условиях, но принадлежащие к родам вторичноводных морских грибов: *Penicillium dimorphosporum* H.J. Swart, *Emericellopsis maritima* Beljak., *Eupenicillium limosum* Ueda, *Alternaria litorea* Simmons (Pivkin et Zvereva), *Aphanoascus aciculatus* Pivkin et Khudyakova, *Acremonium fuci* Summerb., Zuccaro et W. Gams. Выявление новых видов морских грибов из группы вторичноводных возможно при использовании молекулярно-генетических методов. Исследования последних 15 лет показали, что генетически грибы гораздо более разнообразны, чем это можно наблюдать, основываясь лишь на фенотипических признаках. Не всякое генетическое изменение проявляется фенотипически, что затрудняет идентификацию грибов. Как показал анализ литературы, а также полученные нами в ходе исследований данные, подавляющую часть вторичноводных морских грибов составляют анаморфные (или митоспоровые) грибы, лишенные в процессе эволюции репродуктивных органов и размножающиеся исключительно бесполым путем (агамные виды). Поэтому определить границы таких видов возможно лишь на основе их молекулярных признаков. В ряде работ на основе молекулярно-генетических признаков было показано, что многие из известных видов анаморфных грибов генетически разнородны и представляют собой группу видов. Подобные сведения заставляют пересмотреть концепцию многих известных на сегодняшний день видов анаморфных грибов. Нами проведено таксономическое и филогенетическое исследование выделенных штаммов грибов на примере представителей рода *Penicillium*. Виды этого рода составляют почти половину видового разнообразия мицелиальных грибов в морских местообитаниях. Изучены фенотипические и молекулярно-генетические признаки штаммов *Penicillium* spp., выделенных из аквапочв, а также различных субстратов растительного и животного происхождения (бурых водорослей, морских трав, мягких кораллов и др.) Изучение их молекулярных признаков проводилось методом мультилокусного анализа, основанного на анализе участков ДНК, содержащих гены ITS (локус ITS1-5.8S-ITS2), β -тубулина и калмодулина. С помощью программы BLAST-n был проведен сравнительный анализ секвенированных последовательностей с последовательностями из базы данных GenBank с целью поиска имеющихся гомологов. В результате проведенной работы было показано, что больше половины изученных штаммов не могут быть отнесены к каким-либо известным на сегодняшний день видам *Penicillium*, проявляя сходство с уже известными видами на уровне 80-98%.

Таким образом, инвентаризационный период в морской микологии далек от завершения. Анализ данных по морским грибам показывает, что сведения в области биологии, экологии и систематики даже культурабельных морских грибов остаются весьма ограниченными. Актуальными остаются вопросы об объеме группы вторичных морских грибов, таксономии и филогении, их роли в морских экосистемах. На сегодняшний день морская микология находится на этапе активного накопления новых сведений в области экологии и систематики морских грибов, а также пересмотра и переосмысления уже имеющегося материала на основе современных методов анализа.

Работа выполнена при финансовой поддержке ФАНО России по Программе «Биоресурсные коллекции».

Список литературы/ References

1. Артемчук Н.Я. Микофлора морей СССР.-М.: Наука, 1981.- 192 с.
2. Киричук Н.Н., Пивкин М.В., Полохин О.В. Грибные комплексы акваземов восточносахалинского шельфа // Биол. моря.- 2012.-Т. 38, №5.- С. 363-369.

3. Киричук Н.Н., Пивкин М.В. Вторичные морские грибы, ассоциированные с бурыми водорослями рода *Sargassum* залива Петра Великого (Японское море) // Микология и фитопатология.- 2015.- Т. 49.- С. 146-150.
4. Киричук Н.Н., Пивкин М.В. Мицелиальные грибы морской травы *Zostera marina* Linnaeus, 1753 бухты Рифовой (залив Петра Великого, Японское море) // Биол. моря.- 2015а.- Т. 41, №5.- С. 319-323.
5. Пивкин М.В., Бурцева Ю.В., Худякова Ю.В., Журавлева Н.В. Вторичная адаптация грибов в море: Современная микология в России: тез. докл. Первого съезда микологов.-М: Национальная академия микологии, 2002.- С. 77.
6. Пивкин М.В., Кузнецова Т.А., Сова В.В. Морские грибы и их метаболиты.- Владивосток: Дальнаука, 2006.- 248 с.
7. Пивкин М.В., Алешко С.А., Красохин В.Б., Худякова Ю.В. Комплексы грибов губок южного побережья острова Сахалин // Биол. моря.- 2006.- Т. 32.- С. 249-254.
8. Слинкина Н.Н., Пивкин М.В. Биоразнообразие грибов аквапочв южной части Сахалина // Микология и фитопатология.- 2007.- Т. 41, № 1.- С. 48–56.
9. Слинкина Н.Н., Пивкин М.В., Полохин О.В. Мицелиальные грибы аквапочв Сахалинского залива (Охотское море) // Биол. моря.- 2010.- Т. 36, № 6.- С. 410–414.
10. Kohlmeyer J., Kohlmeyer E. Marine mycology. -N.Y.: Academic Press, 1987.- 690 p.
11. Pivkin M.V. Filamentous fungi associated with holothurians from the Sea of Japan, of the Primorye coast of Russia// Biol. Bull.- 2000.- Vol. 198.- pp. 101-109.
12. Pivkin M.V., Khudyakova Yu.V., Burtseva Yu. V., Zhuravleva N.V., Frolova G.M. Re-adaptation of fungi in the sea: Abstract of the 8th International Marine and Freshwater Mycology Symposium, 7-12 July 2001, Hurghada, Egypt, 2001.-P. 66.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Artemchuk N.Ja. Mikoflora morej SSSR [Mycoflora of seas of USSR].-М.: Nauka, 1981.- 192 p. [in Russian]
2. Kirichuk N.N., Pivkin M.V., Polohin O.V. Gribnye komplekсы akvazemov vostochnosahalinskogo shel'fa [Fungal assemblages of submarine soils of the Eastern Sakhalin shelf] // Biol. morja. [Russian Journal of Marine Biology]- 2012.-V. 38, №5.- P. 363-369. [in Russian]
3. Kirichuk N.N., Pivkin M.V. Vtorichnye morskije griby, associirovannye s burymi vodorosljami roda *Sargassum* zaliva Petra Velikogo (Japonskoe more) [Secondary marine fungi associated with brown algae *Sargassum* spp. from Peter The Great Bay (the Sea of Japan)] // Mikologija i fitopatologija [Mycology and phytopathology].- 2015.- V. 49.- P. 146-150. [in Russian]
4. Kirichuk N.N., Pivkin M.V. Micelial'nye griby morskoi travy *Zostera marina* Linnaeus, 1753 buhty Rifovoj (zaliv Petra Velikogo, Japonskoe more) [Filamentous fungi associated with the seagrass *Zostera marina* Linnaeus, 1753 of Rifovaya Bay (Peter the Great Bay, the Sea of Japan)] // Biol. morja [Russian Journal of Marine Biology].- 2015а.- V. 41, №5.- P. 319-323. [in Russian]
5. Pivkin M.V., Burceva Ju.V., Hudjakova Ju.V., Zhuravleva N.V. Vtorichnaja adaptacija gribov v more [Secondary adaptation of fungi in the sea]: Sovremennaja mikologija v Rossii: tez. dokl. Pervogo s#ezda mikologov [Modern mycology in Russia: materials of the 1st Congress of mycologists].-М: Nacional'naja akademija mikologii, 2002.-P. 77. [in Russian]
6. Pivkin M.V., Kuznecova T.A., Sova V.V. Morskije griby i ih metabolity [Marine fungi and their metabolites].- Vladivostok: Dal'nauka, 2006.- 248 p. [in Russian]
7. Pivkin M.V., Aleshko S.A., Krasohin V.B., Hudjakova Ju.V. Komplekсы gribov gubok juzhnogo poberezh'ja ostrova Sahalin [Fungal assemblages of sponges of the south coast of Sakhalin island] // Biol. morja [Russian Journal of Marine Biology]. – 2006. – V. 32. – P. 249-254. [in Russian]
8. Slinkina N.N., Pivkin M.V. Bioraznoobrazie gribov akvapochv juzhnoj chasti Sahalina [Fungal biodiversity of submarine soils from south part of Sakhalin island] // Mikologija i fitopatologija [Mycology and phytopathology].- 2007.- V. 41, № 1.- P. 48–56. [in Russian]
9. Slinkina N.N., Pivkin M.V., Polohin O.V. Micelial'nye griby akvapochv Sahalinskogo zaliva (Ohotskoe more) [Filamentous fungi of submarine soils of the Sakhalin Bay] // Biol. morja [Russian Journal of Marine Biology]. – 2010.- V. 36, № 6.- P. 410–414.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.065

Леготкин А.Н.

Кандидат педагогических наук,

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

ВЕГЕТАТИВНЫЙ СТАТУС В СПОРТЕ

Аннотация

Данный материал приводит описание нарушений, обусловленные педагогическими факторами, основанными на особенностях проведения тренировочной и соревновательной деятельности, которые возможно, но не обязательно формируют последствия вегетативных нарушений, а также описание методов исследования вегетативных нарушений и их коррекции. Проведенная работа показывает важность учета вегетативного статуса спортсменов подросткового возраста в формировании перспектив спортивной карьеры и здоровья спортсмена.

Ключевые слова: борьба, вегетативный статус.

Legotkin A.N.

PhD in Pedagogy, Perm National Research Polytechnic University

VEGETATIVE STATUS IN SPORT

Abstract

This material provides a description of disorders caused by pedagogical factors, based on the peculiarities of training and competitive activity, which is possible, but not necessarily form the consequences of autonomic disorders, as well as the research methods of vegetative disorders and their correction. The work shows the importance of considering the vegetative status of adolescent athletes in shaping the prospects of his sports career and athlete health.

Keywords: fight, vegetative status.

Статья изъята

Статья изъята

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Science Index

Мы настоятельно рекомендуем всем нашим авторам зарегистрироваться в системе **Science Index РИНЦ**.

Таким образом, авторы могут более детально контролировать список своих публикаций, не только в нашем журнале, но и во всех научных изданиях, входящих в РИНЦ. Регистрация в системе также позволит узнать индекс научного цитирования автора и его публикаций.

Подробную инструкцию по регистрации в системе Science Index РИНЦ Вы можете найти на нашем сайте <http://research-journal.org/> в разделе «Полезно знать».

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.131

Полохин О.В.

ORCID: 0000-0002-5519-5808, Кандидат биологических наук,

Биолого-почвенный институт ДВО РАН

**РЕКУЛЬТИВАЦИЯ ТЕХНОГЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ НА БУРОУГОЛЬНЫХ РАЗРЕЗАХ
ПРИМОРСКОГО КРАЯ****Аннотация**

Исследованы формирующиеся почвы и растительность техногенных ландшафтов лесостепной зоны и зоны хвойно-широколиственных лесов Приморского края. Установлено, что стадии развития растительного покрова и эмбриоземов зависят от положения их в рельефе, гранулометрического и минералогического состава пород, биоклиматических условий природной зоны. Процесс естественного лесовозобновления протекает медленно, поэтому на нарушенных землях следует сочетать самовосстановления аборигенной растительности и создание искусственных фитоценозов из местных видов.

Ключевые слова: нарушенные земли, рекультивация, почва, почвообразование.

Polokhin O.V.

ORCID: 0000-0002-5519-5808, PhD in Biology, Institute of Biology and Soil Science FEB RAS

MINED-LAND RECLAMATION IN PRIMORSKY TERRITORY**Abstract**

Forming soils and vegetation of man-made landscapes of forest-steppe zone and the coniferous-deciduous zone of the Primorsky Territory have been studied. Course of evolution is determined by specifics of biological processes development. It has been proved that development stages of forming vegetation and forming soils depend on their position in relief, particle-size distribution and mineralogical characteristics of parent rock, bioclimatic conditions of soil-geographical zone.

Keywords: disturbed soils, reclamation, soil, soil formation.

Today Primorsky Territory seeks to become one of leaders of social and economic center in the Asian-Pacific Region. In the same time all have to understand that successful development of Primorye region depends on that, how rationally and carefully we will use natural resources. According to official reports, the area of disturbed lands in the Primorsky Territory is 16,8 thousand hectares. 70,4% of the area disturbed lands is attributed to industrial facilities. The main way for brown coal mining in the Primorsky Territory is the opencast mining method. The major part of land allotments granted to the open-pit coal mine (over 40%) are covered by overburden dumps. Today these post-industrial lands remain virtually unused by agriculture and forest industries. Only insignificant portions of such lands undergo of reclamation. The vast majority of the rock dumps remain non-reclaimed (up to 98%). As a result, a huge amount of waste rock, rock dumps overburden rocks and enclosing rock, non-recultivated industrial quarries and pits now occupy substantial area. These lands undergo natural pedogenesis and vegetation recovery. The result of these processes is mining landscape formation featuring environmental wedge with specific composition and development of edaphic and ecological functions [3, 4, 6]. It should be noted that we consider reclamation as a complex of procedures aimed at formation on the disturbed lands some territories (habitats, landscapes, fields of reclamation) with certain characteristics of economic and/or soil and ecological capabilities as provided for in respective working project for land reclamation [3].

Our study covered the soils and vegetation emerged on the external dumps of different age containing overburdening and enclosing waste rock at Pavlovsky and Luchegorsky coal-mining open pits in the Primorsky Territory. In geomorphologic aspect the dumps were low ridges and were considered to be anthropogenic catenas at the stage of forming. The dumps selected into the study were similar in terms of relief and slope exposition. The rock material in the dumps differed in grain-size, mineralogy, and petrography [5]. Three stations were picked out on each dumps: eluvial (El) on the top, trans-accumulative (Transacc) on the slope, and accumulative (Acc) by the foot. The stations were chosen on the basis of topography and type of vegetation. Substantive-genetic classification of soils mane-made landscapes was applied in the study [3].

Gross compound of soil samples was defined by roentgen-fluorescent spectrometer Shimadzy EDX 800 (made in Japan) and organic matter content- on carbon and nitrogen elemental analyzer Flash 2000 (made in the USA). Determination of chemical characteristics of rocks forming dump was made by accepted methods [1].

The initial stages of soil formation are Embryozems initial. They are syngenetic phytocenosis stages of development. characterized by the almost complete absence of pedogenic differentiation into genetic horizons of the soil profile. [2]. Soil profile is represented by several layers that are usually different in density. Organogenetic layer is absent. Organic carbon content in soils annual is 0,1-0,2 % of soil weight. Accumulative positions are the first to overgrow with pioneering vegetation. The phytocenoses on trans-accumulative positions in the first 1-3 years behind in its development from the stages of phytocenosis in accumulative positions.

Organo-accumulative Embryozems like initial are soils of the very first stages of evolution. Expressed biogenic characteristic organo-accumulative Embryozems that is genetic layer represented by ground litter and is diagnostic indicator [3, 5, 7]. Low development of pedogenesis processes is observed. On overburden dumps of Luchegorsky fuel and energy complex there are primitive plant phytocenosis of pioneer type: *Equisetum arvense*, *Sonchus arvensis*, *Calamagrostis langsdorffii*, *Artemisia umbrosa*, *Artemisia selengensis*, *Lathyrus pilosus*, *Lysimachia davurica*, *Vicia amurensis*, *Phragmites australis*, *Artemisia mandshurica*, *Elymus sibiricus* *Cirsium setosum*, *Chamerion angustifolium*. Herbs may be rarely observed. Profile formula is O(0-1sm) + C1(1-5sm) + C2(5-10sv) + C3(10-22sm) + C4(22-70sm). Duration of this period is 3 – 18 years.

On overburden dumps of Pavlovsky coal-mining open pits this stage lasts 3-12 years. That means that in forest-steppe zone this period is shorter than in coniferous-deciduous zone.

Soddy Embryozems with complex grouping of vegetation are being formed on trans-accumulative and accumulative positions in forest-steppe zone after 10-12 years (on Luchegorsky fuel and energy complex after 13-15 years). Gley processes

are frequently observed on accumulative positions. Soddy embryozems profile is expressly differentiated on biogenic (soddy horizon) and lithogenic (formula profile is $Ao(0-1sm) + Ad(1-3sm) + C1(3-17sm) + C2(17-45sm) + C3(45-100sm)$). Profile has low differentiation in physical and chemical properties.

Humus-accumulative Embryozems with developed small capacity humus horizon are formed on dumps of Pavlovsky coal-mining open pits after 20 years under closed phytocenosis. Humus-accumulative horizons existing in humus-accumulative Embryozems along with ground litter and soddy horizon layer is common feature for all zones. Forming of this horizon is accompanied aggregation of substrate, differentiation of the soil profile chemical, physical and chemical and physical characteristics. Transient layers are difficult to define in morphologic examination.

Table 1 – 20-year Embryozems of forest-steppe zone features in self-overgrowing

Depth, sm	dv, г/см ³	pH	Humus, %	Gross content, % of tempered weighth								
				SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MgO	P ₂ O ₅	K ₂ O	CaO	TiO ₂	MnO
3-5	0.64	6.51	7.02	72.43	15.69	1.85	0.33	0.07	2.82	1.22	0.39	0.11
5-10	0.94	6.27	2.43	76.38	16.75	1.90	0.25	0.08	3.11	0.52	0.44	0.05
10-15	1.04	5.36	1.05	74.86	18.56	2.04	0.29	0.03	2.87	0.28	0.41	0.03
15-20	1.19	5.31	0.50	72.52	17.43	3.33	0.29	0.05	2.79	0.41	0.53	0.04
20-30	1.25	5.25	0.53	71.34	17.40	3.20	0.28	0.03	2.62	0.34	0.50	0.04

Though studied dumps situated in different soil and climatic zones, they all showed common features in the development. It was found out that in all zones evolution of developing soils progressively passed four main types of Embryozems: initial Embryozem – organo-accumulative Embryozem – soddy Embryozem – humus-accumulative Embryozems. The main factors contributing to the topsoil evolution were the surface topography, grain-size distribution and mineralogy of the rock, biological and climatic conditions of the natural zone, and the biogenic factor. Pronounced mosaicity (parcelarity) and small outlines of soil was detected in all zones, which are increased by more mature stages of the evolution of soils, as well as horizontal and slightly inclined surfaces.

Evolution of soil cover reveals itself in changing ratio of different Embryozems with time. Featured formed young anthropogenic soils newly formed horizons small capacity. As a rule, these horizons were of organogenic or organo-accumulative type. Rudimentary eluvial, illuvial, gleyed etc. horizons were way more seldom. Soil formation in man-made landscapes under different biological and climatic conditions was associated with different rates of organic matter accumulation (in forest-steppe zone it was higher than in taiga). A portion of Embryozems in late stages of development in soils of the forest-steppe zone was higher than in taiga ones. Taiga zone was characterized by prolonged stage of organo-accumulative Embryozems. Pioneered the overgrowth is ecologically adaptable species capable of withstanding extreme conditions existing in the anthropogenic environment. On the surveyed dumps there were no cenosis reflecting typical zonal vegetation found. Biological reclamation based on planting only homogeneous forest of alien species was ineffective. The process of natural reforestation was slow; therefore disturbed lands require combination of self-restoration of native vegetation and creation of artificial phytocenosis. At the same time, reforestation must utilize native tree species with respect to biological and ecological characteristics of the plants.

Список литературы/ References

1. Agrochemical methods of research of soils. Moscow, Nauka. – 1975. – 656 p.
2. Androkhonov, V. A., Kurachev V. M. Principles of Assessment of the Soil-Ecological State of Technogenic Landscapes // Contemporary Problems of Ecology. – 2009. – V.2. – № 6. – P. 642-644.
3. Androkhonov, V.A., Kurachev V.M. Soil-ecological condition of technogenic landscapes: the dynamics and evaluation. Novosibirsk, Nauka. – 2010. – 221 p.
4. Kostenkov N.M., Nesterova O.V., Purtova L.N., Derbenceva A.M., Krupskaya L.G., Nazarkina A.V., Pilipushka V.N., Semal V.A., Starozhilov V.T. Soils of landscapes of Primorye (Working classification). The manual. Vladivostok, Far Eastern State University. – 2011.
5. Polokhin, O.V. Humus state of Primary soils in technogenical landscapes // Vestnik KrasGAU. – 2010. – № 10. – P. 40-44.
6. Purtova L.N. Sibirina L.A., Polokhin O.V. Stock of plant organic matter and humus accumulation processes in soil of man-made landscapes in the south Primorye // Fundamental'nye issledovaniya. – 2012. – №3. – 535-538.
7. Sibirina, L.A., Polokhin O.V., Zhabyko E.V. Initial stages of the formation of plant cover on industry-caused ecotopes of the Primorsky Territory // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj Akademii Nauk. – 2012. – V.14. – № 1-6. – P. 1539-1542.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.228

Саблина О.А.

ORCID: 0000-0001-8666-8041, Кандидат биологических наук,
Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ**ГУМУСНОЕ СОСТОЯНИЕ ЧЕРНОЗЕМОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ****Аннотация**

Исследовано гумусное состояние агрогенно трансформированных черноземов южных на территории Зауралья в Оренбургской области. Выявлено, что нарастание признаков дегумификации почв отмечается в ряду сенокос–пастбище–залежь–пашня. Гумусная деградация почв выражается: 1) в сокращении гумусового профиля; 2) в снижении содержания и запасов гумуса; 3) изменении фракционно-группового состава гумуса за счет падения степени гумификации органического вещества и снижения доли фракции гуминовых кислот, связанных с кальцием.

Ключевые слова: агроценоз, гумус, чернозем, сенокос, пастбище, залежь, пашня.

Sablina O.A.

ORCID: 0000-0001-8666-8041, PhD in Biology,
Orsk Humanitarian-Technological Institute (branch) of Orenburg State University**HUMUS STATE OF SOIL IN FARMLAND OF SOUTH ZAURALYE****Abstract**

Humus condition of agrogen transformed chernozems southern in the territory of Trans-Ural in Orenburg region are investigated. It was found that the increase of evidences of soil dehumification is noted in the following sequence: hayfield – grazing areas – fallow land – arable land. Humus soil degradation is expressed by: 1) the reduction of the humus profile; 2) the reduction of the humus content and humus stocks; 3) change in fractional-group composition of humus due to the fall of the degree of humification of organic matter and to reduce the proportion of the fraction of humic acids bound with calcium.

Keywords: agroecosystems, humus, chernozem, virgin land, hayfield, grazing areas, fallow land, arable land.

Проблема ухудшения гумусного состояния почв под влиянием различных видов сельскохозяйственного использования занимает важное место в как в российских, так и в зарубежных исследованиях по экологии почв. Изменения качественных и количественных параметров органического вещества почв на различных типах сельхозугодий описаны такими ведущими специалистами в этой области как R. Lal [1], G. F. Dominguez [2], S. M. Ogle [3], G. P. Robertson [4], Л. Н. Александрова [5], Д. С. Орлов [6] и др. Однако следует отметить, что имеются существенные региональные различия как в особенностях землепользования, так и в нативных свойствах почв даже одного типа. В связи с этим изучение гумусного состояния почв на обширных, но малоисследованных в этом отношении территориях, таких как степное Зауралье, остается актуальной научной задачей.

Данное исследование проводилось на территории Южного Зауралья в пределах Оренбургской области. Зональными типами почв Оренбургского Зауралья являются черноземы обыкновенные, занимающие небольшую площадь в северной части рассматриваемого региона, черноземы южные, занимающие центральную часть изучаемой территории, и темно-каштановые почвы, охватывающие юго-восточную часть региона. Среди черноземов распространены карбонатные, средне- и малогумусные, маломощные разности преимущественно тяжелосуглинистого гранулометрического состава.

Объектом настоящего исследования послужили черноземы южные карбонатные малогумусные маломощные тяжелосуглинистые. Выбор данного объекта был обусловлен рядом причин: 1) именно черноземы южные покрывают наибольшую площадь пахотных земель Оренбургского Зауралья; 2) почвы с такой родо-видовой принадлежностью являются наиболее распространенными в соответствующем подтипе на территории Южного Зауралья, поэтому полученные результаты можно экстраполировать на значительные площади изучаемого региона.

Исследованные черноземы располагались под сельскохозяйственными угодьями с разной степенью агрогенной трансформации: многолетняя пашня под зерновыми культурами, 10-12-летняя залежь под горькопыльнично-молочайной растительной ассоциацией, среднесбитое пастбище с тонконогово-типчачковым сообществом, естественный сенокос с пырейно-типчачковой ассоциацией. Указанные угодья располагались в Гайском районе Оренбургской области (в окрестностях с. Лылово – пашня, пастбище и сенокос; в окрестностях с. Новоникольск – залежь). [7].

Пробы почвы отбирались послойно через каждые 10 см из горизонтов А и АВ (до глубины 40 см). Подготовка проб почвы осуществлялась по ГОСТ 26269-91. Содержание органического углерода определяли по ГОСТ 26213-91), фракционно-групповой состав гумуса – по методике И. В. Тюрина в модификации В. В. Пономаревой – Т. А. Плотниковой. Измерения проводились в 3-5-кратной повторности. Показатели гумусного состояния почв приведены в табл. 1 и классифицированы по Д. С. Орлову, О. Н. Бирюковой, М. С. Розановой (2004) [8].

Гумусное состояние черноземов можно визуальнo оценить еще на этапе отбора проб и изучения почвенного профиля. При этом важным диагностическим и экологическим показателем является мощность гумусовых горизонтов. Почвы кормовых угодий (сенокоса и пастбища), характеризуются суммарной мощностью горизонтов А+АВ, достигающей 38-39 см. Залежный и пахотный участки имеют по сравнению с ними укороченный гумусовый профиль: 36 см и 35 см соответственно. Таким образом, под влиянием распахивания (имеющей место в настоящее время или осуществляемой ранее) могут трансформироваться даже достаточно консервативные морфологические признаки почв.

Таблица 1 – Показатели гумусного состояния черноземов южных в различных угодьях Оренбургского Зауралья

Показатель	Угодье			
	Пашня	Залежь	Пастбище	Сенокос
Мощность гумусных горизонтов, см	35 типичный	36 типичный	38 типичный	39 типичный
Содержание гумуса в гумусных горизонтах, %	2,93 низкое	3,57 низкое	4,03 ниже среднего	3,84 низкое
Запас гумуса в слое 0-20 см, т/га	65,97 низкий	84,36 низкий	90,00 низкий	81,07 низкий
Степень гумификации, Сгк/С _{общ} , %	35,4 высокая	35,5 высокая	36,6 высокая	36,9 высокая
Тип гумуса, Сгк/Сфк	1,77 фульватно-гуматный	1,82 фульватно-гуматный	1,92 фульватно-гуматный	1,92 фульватно-гуматный
Содержание свободных ГК, % от суммы ГК	17,51 очень низкое	18,03 очень низкое	15,85 очень низкое	14,91 очень низкое
Содержание ГК, связанных с Ca ²⁺ , % от суммы ГК	56,21 среднее	56,34 среднее	59,56 среднее	62,06 высокое
Содержание прочно связанных ГК, % от суммы ГК	26,27 высокое	25,63 высокое	24,59 высокое	23,04 высокое

Явными признаками дегумификации агропочв являются снижение содержания органического углерода и запасов гумуса. Как видно из данных табл. 1, последовательное падение содержания гумуса отмечается в ряду: пастбище (4,03%) – сенокос (3,84%) – залежь (3,57%) – пашня (2,93%). Что характерно, подобный ряд почв в целом соответствует снижению объемов поступающих растительных и животных остатков – основного материала для синтеза гумуса, поэтому приведенные данные весьма ожидаемы.

Запасы гумуса во всех исследованных почвах по классификации Д. С. Орлова и соавт. [8] могут быть охарактеризованы как низкие, то есть имеют значения менее 100 т/га в слое 0-20 см. Пахотные черноземы южные имеют достоверно более низкие значения запасов гумуса, чем почвы остальных сельскохозяйственных угодий (меньше на 23-36%). При расчете данного показателя учитывается плотность почвы, по этой причине черноземы на залежи, имеющие объемную массу 1,12-1,15 г/см³ в слое 0-20 см, не уступают в запасах гумуса, например, сенокосам с плотностью 0,98-1,0 г/см³.

Таким образом, основной причиной дегумификации почв Южного Зауралья является их многолетнее пахотное использование. Как показано в предшествующих работах [9], распашка почв приводит не только к сведению естественной растительности – основного источника органического вещества для синтеза гумуса, но и к изменению гидротермического режима почв в сторону их аридизации, деградации водно-физических свойств и структуры почв, а также снижению их биологической активности.

В ответ на агрогенное воздействие изменяется не только количество, но и качество гумуса, то есть его фракционно-групповой состав. Высокая степень гумификации органического вещества и фульватно-гуматный тип гумуса являются характерными признаками для черноземов южных, однако при усилении степени сельскохозяйственной трансформации экосистемы эти показатели могут снижаться. Так, отношение доли углерода гуминовых кислот к фульвокислотам на кормовых угодьях составляет 1,92, что приближает качество их гумуса к гуматному типу. В почвах залежей и пашни показатель Сгк:Сфк заметно меньше (1,82 и 1,77 соответственно).

Величина отношения доли углерода гуминовых кислот к доли углерода фульвокислот снижается за счет определенных фракций. Анализ данных табл. 1 позволяет заключить, что при нарастании степени трансформации почв (от кормовых угодий до залежи и пашни) отмечается увеличение доли фракций свободных и прочно связанных гуминовых кислот (ГК1 и ГК3) и снижение содержания гуминовых кислот, связанных с кальцием (ГК2).

При этом важно отметить, что высокое содержание фракции ГК2 не только является диагностическим признаком для черноземов, но и играет важную роль в создании и поддержании водопрочной комковато-зернистой структуры, а следовательно, и благоприятного гидротермического режима, аэрации, биологической активности и т.д. Изменение перечисленных условий гумусообразования может также усилить процесс дегумификации, то есть запускается механизм положительных обратных связей.

Изучение гумусного состояния агрогенно трансформированных черноземов южных на территории Оренбургского Зауралья позволяет сделать следующие выводы: 1) наиболее явные признаки дегумификации, проявляющиеся в сокращении гумусового профиля, уменьшении содержания и запасов гумуса, снижении показателя Сгк:Сфк, имеют пахотные почвы, испытывающие непосредственное воздействие тяжелой техники и развивающиеся в условиях постоянного отчуждения растительной фитомассы; 2) за 10-12-летний период залежные почвы не способны полностью восстановиться до прежнего, доагрогенного состояния; по ряду признаков, таких как малая мощность гумусовых горизонтов, фракционно-групповой состав, они остаются ближе к пахотным почвам; 3) почвы кормовых угодий (сенокосы и пастбища) характеризуются близкими и наиболее высокими из всех исследованных черноземов показателями содержания органического вещества, это свидетельствует о том, что благоприятное гумусное состояние почв может поддерживаться только под фитоценозами, близкими к естественной степной растительности.

Список литературы/ References

1. Lal R. Agricultural activities and the global carbon cycle // Nutrient Cycling in Agroecosystems. – 2004. V. 70. N 2. P. 103-116.
2. Dominguez G. F. Soil organic C and N fractions under continuous cropping with contrasting tillage systems on mollisols of the southeastern Pampas / G. F. Dominguez, N. V. Diovisalvi, G. A. Studdert, M. G. Monterubbianesi // Soil and Tillage Research. – 2009. V. 102. P. 93–100.
3. Ogle S. M. Agricultural management impacts on soil organic carbon storage under moist and dry climatic conditions of temperate and tropical regions / S. M. Ogle, F. J. Breidt, K. Paustian // Biogeochemistry. – 2005. V. 72. N 1. P. 87–121.
4. Robertson G. P. Soil System Management in Temperate Regions / G. P. Robertson, A. S. Grandy // Biological Approaches to Sustainable Soil System / edit. by N. Uphoff. – Boca Raton: CRC Press, 2006. – P. 27–39.
5. Александрова Л. Н. Органическое вещество почвы и процессы его трансформации. – Л. : Наука, 1980. – С. 122–133.
6. Бирюкова О. Н. Содержание и состав гумуса в основных типах почв России / О. Н. Бирюкова, Д. С. Орлов // Почвоведение. – 2004. № 2. С. 171–188.
7. Саблина О. А. Агрогенная трансформация и гумусное состояние почв сельскохозяйственных угодий Оренбургского Зауралья // Электронное периодическое издание «Живые и биокосные системы». – 2015. № 14. URL: <http://www.jbks.ru/archive/issue-14/article-1>
8. Орлов Д. С. Дополнительные показатели гумусного состояния почв и их генетических горизонтов / Д. С. Орлов, О. Н. Бирюкова, М. С. Розанова // Почвоведение. – 2004. № 8. С. 918–926.
9. Саблина О. А. Экология гумусообразования степных почв Зауралья: Диссертация на соискание ученой степени к.б.н. – Оренбург: ОГУ, 2011. – 185 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Lal R. Agricultural activities and the global carbon cycle // Nutrient Cycling in Agroecosystems. – 2004. V. 70. N 2. P. 103-116.
2. Dominguez G. F. Soil organic C and N fractions under continuous cropping with contrasting tillage systems on mollisols of the southeastern Pampas / G. F. Dominguez, N. V. Diovisalvi, G. A. Studdert, M. G. Monterubbianesi // Soil and Tillage Research. – 2009. V. 102. P. 93–100.
3. Ogle S. M. Agricultural management impacts on soil organic carbon storage under moist and dry climatic conditions of temperate and tropical regions / S. M. Ogle, F. J. Breidt, K. Paustian // Biogeochemistry. – 2005. V. 72. N 1. P. 87–121.
4. Robertson G. P. Soil System Management in Temperate Regions / G. P. Robertson, A. S. Grandy // Biological Approaches to Sustainable Soil System / edit. by N. Uphoff. – Boca Raton: CRC Press, 2006. – P. 27–39.
5. Aleksandrova L. N. Organicheskoe veshchestvo pochvy i processy ego transformacii [Soil organic matter and its transformation processes]. – L. : Nauka, 1980. – S. 122–133. [in Russian]
6. Birjukova O. N. Soderzhanie i sostav gumusa v osnovnyh tipah pochv Rossii [Content and composition of humus in the main types of soil in Russia] / O. N. Birjukova, D. S. Orlov // Pochvovedenie [Eurasian Soil Science]. – 2004. № 2. S. 171–188. [in Russian]
7. Sablina O. A. Agrogennaja transformacija i gumusnoe sostojanie pochv sel'skhozajstvennyh ugodij Orenburgskogo Zaural'ja [Agrogene Transformation and Humus State of Soil in Farmland of Orenburg Zauralye] // Jelektronnoe periodicheskoe izdanie «Zhivye i biokosnye sistemy» [Electronic periodical issue «Living and bioinert systems»]. – 2015. № 14. URL: <http://www.jbks.ru/archive/issue-14/article-1> [in Russian]
8. Orlov D. S. Dopolnitel'nye pokazateli gumusnogo sostojanija pochv i ih geneticheskikh gorizontov [Additional indicators of soil humus and their genetic horizons] / D. S. Orlov, O. N. Birjukova, M. S. Rozanova // Pochvovedenie [Eurasian Soil Science]. – 2004. № 8. S. 918–926. [in Russian]
9. Sablina O. A. Jekologija gumusoobrazovanija stepnyh pochv Zaural'ja [Ecology of humus formation of steppe soil in Trans-Urals Region]: Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni k.b.n [Thesis for the degree of Ph.D.]. – Orenburg: OGU, 2011. – 185 s. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.186

Терехов И.В.

ORCID: 0000-0002-6548-083X, Кандидат медицинских наук, Тульский государственный университет

ПРОДУКЦИЯ ЦИТОКИНОВ, ФАКТОРОВ РОСТА, РАСТВОРИМЫХ ФОРМ ИХ РЕЦЕПТОРОВ В ФАЗУ РАЗРЕШЕНИЯ ВНЕБОЛЬНИЧНОЙ ПНЕВМОНИИ НА ФОНЕ НИЗКОИНТЕНСИВНОЙ ДЕЦИМЕТРОВОЙ ТЕРАПИИ**Аннотация**

Цель – исследование концентрации цитокинов, растворимых форм их рецепторов, факторов роста в межклеточной жидкости в стадию разрешения внебольничной пневмонии на фоне облучения клеток цельной крови низкоинтенсивным излучением частотой 1 ГГц.

Материал. В супернатантах клеток цельной крови на 14-20 сутки внебольничной пневмонии методом иммуноферментного анализа определяли концентрацию интерлейкинов (ИЛ): ИЛ-2, ИЛ-4, ИЛ-11, ИЛ-12 (p40 и p70), ИЛ-13, ИЛ-15, ИЛ-17A, ИЛ-18, ИЛ-19, ИЛ-21, ИЛ-22, ИЛ-23, ИЛ-24, ИЛ-28A, факторов роста – G-CSF, TGF- β , FGF- β , VEGF-A, VEGF-C, а так же растворимых форм рецепторов цитокинов – ИЛ-2, ИЛ-4, VEGF-A, растворимой формы гликопротеина gp130.

Выводы. Проведенный анализ выявил у реконвалесцентов повышенный уровень в межклеточной среде ИЛ-2, -13, -18, -19, -21, -23, -24, FGF- β , а так же растворимой формы рецептора I-типа к VEGF-A и ИЛ-4.

В ходе исследования выявлено активирующее действие низкоинтенсивной микроволновой терапии на продукцию клетками цельной крови факторов роста (VEGF-A, VEGF-C, TGF- β) и цитокинов (ИЛ-21, ИЛ-22, ИЛ-15, ИЛ-12, ИЛ-28A). Спустя 3 часа после воздействия отмечено угнетение продукции ИЛ-2, ИЛ-19 и ИЛ-13. Показано, что эффекты облучения, проявляющиеся спустя 3 часа после воздействия, регистрируются в течение суток после однократного облучения.

Ключевые слова: пневмония, цитокины, факторы роста, микроволны.

Terekhov I.V.

ORCID: 0000-0002-6548-083X, MD, Tula State University

PRODUCTION OF CYTOKINES, GROWTH FACTORS, SOLUBLE FORMS OF THEIR RECEPTORS IN A PHASE RESOLUTION OF COMMUNITY-ACQUIRED PNEUMONIA WHEN EXPOSED TO LOW-INTENSITY UHF RADIATION**Abstract**

Objective – to study the concentration of cytokines, their soluble receptors, growth factors in the extracellular fluid in the stage of approval of community-acquired pneumonia on a background of the irradiation of whole blood cells to low-intensity radiation of 1 GHz.

Material. In the supernatants of whole blood cells on day 14-20 of community-acquired pneumonia by ELISA determined the concentration of interleukins (IL): IL-2, IL-4, IL-11, IL-12 (P40 and P70), IL-13, IL-15, IL-17A, IL-18, IL-19, IL-21, IL-22, IL-23, IL-24, IL-28A, growth factors – G-CSF, TGF- β , FGF- β , VEGF-A, VEGF-C and soluble forms of the receptors of the cytokines IL-2, IL-4, VEGF-A, soluble form of glycoprotein gp130.

Conclusions. The analysis revealed convalescents elevated levels in the extracellular environment, IL-2, -13, -18, -19, -21, -23, -24, FGF- β and soluble forms of the receptor, I-type to a VEGF-A and IL-4.

The study identified the activating effect of low-intensity microwave treatment on production by whole blood cells growth factors (VEGF-A, VEGF-C, TGF- β) and cytokines (IL-21, IL-22, IL-15, IL-12, IL-28A). After 3 hours after exposure to marked inhibition of production of IL-2, IL-19 and IL-13. It is shown that the radiation effects manifested after 3 hours after exposure recorded during days after a single exposure.

Keywords: cytokines, subclinical inflammation, community-acquired pneumonia, growth factors, microwave radiation.

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

ВЕТЕРИНАРНЫЕ НАУКИ / VETERINARY SCIENCE

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.020

Былгаева А.А.¹, Тарабукина Н. П.², Неустроев М.П.³, Парникова С.И.⁴¹ ORCID: 0000-0001-6582-4543, кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник,² доктор ветеринарных наук, профессор,³ доктор ветеринарных наук, профессор,⁴ кандидат ветеринарных наук, старший научный сотрудник

ФГБНУ «Якутский научно-исследовательский институт сельского хозяйства» имени М.Г. Сафронова, г. Якутск

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОБИОТИКА В КАЧЕСТВЕ КОНСЕРВАНТА ПРИ ЗАГОТОВКЕ РАСТИТЕЛЬНЫХ КОРМОВ**Аннотация**

*При заготовке растительных кормов главной задачей является сохранения качества кормов. Снизить потерю питательных веществ, предотвратить плесневение помогут строгое соблюдение технологии заготовки кормов и использование консервантов. При заготовке кормов был использован пробиотический препарат «Сахабактисубтил» изготовленный на основе спорообразующих микроорганизмов *Bacillus subtilis*. Представлены результаты анализа микрофлоры растительных кормов, а также результаты изучения влияния скармливания обработанного сена молодняку крупного рогатого скота.*

Ключевые слова: плеснеобразующие грибы, микотоксины, пробиотик, *Bacillus subtilis*, молодняк крупного рогатого скота.

Bylgaeva A.A.¹, Tarabukina N.P.², Neustroev M.P.³, Parnikova S.I.⁴¹ORCID: 0000-0001-6582-4543, PhD in Veterinary Medicine and Science, Senior Researcher,²PhD in Veterinary Medicine and Science, professor,³PhD in Veterinary Medicine and Science, professor,⁴PhD in Veterinary Medicine and Science, Senior Researcher

Federal State Budgetary Scientific Institution

«Yakut Scientific Research Institute of Agriculture» named after Safronov M.G., Yakutsk

THE USE OF PROBIOTICS AS A PRESERVATIVE IN THE HARVESTING OF VEGETABLE FEED**Abstract.**

*The main task in the harvesting of vegetable feed is to preserve the quality of feed. The strict observance of technology of fodder and the use of preservatives will help to reduce the loss of nutrients and to prevent mold. The probiotic-preparation «Sakhabactisubtil» made on the basis of spore-forming microorganism *Bacillus subtilis* was used in the harvesting. The paper presents the results of the analysis of microflora of vegetable feed, as well as the results of studying the effect of feeding processed hay to young cattle.*

Keywords: mold-forming fungi, mycotoxins, probiotic, *Bacillus subtilis*, young cattle.

При анализе статистических данных Департамента Ветеринарии Республики Саха (Якутия) за последние 10 лет, подавляющую часть микрофлоры растительных кормов и зернопродуктов составляют сапрофиты и фитопатогенные грибы. Чаще всего выделяют грибы рода *Mucor* (65%), *Penicillium* (12%) и *Aspergillus* (10%). В ходе дальнейших исследований выявлено, что корма нередко контаминированы не только плеснеобразующими грибами, но также и микотоксинами – токсичными метаболитами грибов, имеющими еще большую сферу поражений. Например, метаболитами грибов рода *Penicillium* и *Aspergillus* являются такие опасные микотоксины как афлатоксин В₁, В₂, G₁, G₂, охратоксины А, С, В, Д, цитринин, патулин и стеригмотоцистин [3].

Растительные корма, сомнительного качества, на практике загрязнены фоновыми уровнями различных микотоксинов, которые в комплексе вызывают у животных труднодиагностируемые хронические интоксикации снижающие продуктивные показатели хозяйства [4]. Молодняк в этом случае, всегда будет отставать в росте, развитии и чаще заболевать. Поэтому, крайне актуальным является разработка способов профилактики микотоксикозов животных в условиях Крайнего Севера, в частности – создание условий препятствующих образованию продуцентов (грибов) и их метаболитов (токсинов) в растительных кормах для сельскохозяйственных животных.

Для вышеуказанных целей используют различные консерванты при заготовке кормовых продуктов, таких как сено, сенаж, силос. Консерванты – это вещества угнетающие рост микроорганизмов в кормах, способны предупреждать плесневение кормов, нейтрализовать токсины микробного происхождения. Консерванты могут быть химической и микробиологической природы. Химические консерванты в большинстве случаев, отличаются своей дороговизной и высокой токсичностью.

Известно, что растительная масса служит хорошей питательной средой для большинства микроорганизмов. После скашивания в растениях исчезают преграды, которые препятствуют проникновению паразитарных грибов в их ткани. При этом проявляется деятельность, находящихся в анабиотическом состоянии, эпифитных микроорганизмов, среди которых большое количество плесневых грибов. При их развитии, происходят потери больших количеств питательных веществ и порча корма [2].

Проблемы, возникшие в результате применения химических средств в отраслях сельского хозяйства и медицины, дали новый стимул исследования по изысканию альтернативных методов, более эффективных и экологически безопасных [1]. В этом аспекте особо следует отметить пробиотики, которые становятся неотъемлемой, а зачастую и главной частью в профилактике и лечении алиментарных болезней и человека и животных. Популярность их объясняется тем, что основой пробиотических продуктов являются живые микроорганизмы входящие в группу

«полезной» микрофлоры, это представители, преимущественно лакто- и бифидо- бактерий. Спорообразующие пробиотики реже используются, хотя по своим пробиотическим свойствам они намного эффективнее [5].

Материалы и методы. Пробиотический препарат «Сахабактисубтил», изготовлен на основе спорообразующих микроорганизмов выделенных из мерзлотных почв Якутии и широко используется для коррекции желудочно-кишечной микрофлоры при различных заболеваниях молодняка крупного рогатого скота, свиней и птиц [1]. Изучение антагонистических свойств штаммов *Bacillus subtilis* ТНП-3 и ТНП-5 (основы препарата) в отношении ряда плесневых грибов, показали перспективность использования пробиотического препарата «Сахабактисубтил» в санации кормов [3].

В качестве консерванта кормов использовался маточный раствор пробиотического препарата «Сахабактисубтил» 1×10^{12} КОЕ, содержащийся в емкости по 200 мл. Перед использованием был приготовлен рабочий раствор содержащий 50 млрд КОЕ в 1 дозе. Таким образом, на обработку 1 тонны растительных кормов было израсходовано 10 доз (100 мл) препарата Сахабактисубтил.

Обработка сена была проведена при влажности 10-15% растительного субстрата в валках бытовым опрыскивателем до легкой степени увлажнения. Обработка сенажа – при 30-35% влажности. Экспозиция составила 3 часа при температуре внешней среды 25-27°C. Затем обработанное сено подверглось дальнейшему рулонованию и сенажированию, а также транспортировке до места хранения. Были взяты пробы растительных кормов до обработки и после обработки из рулонов, для анализа влияния пробиотического препарата «Сахабактисубтил» на количественное содержание питательных веществ, а также на изменения в микрофлоре растительного корма. При постановке научно-хозяйственного опыта, обработанное сено в рулонах скармливали молодняку крупного рогатого скота по 5 кормовых единиц на голову в течение одного месяца.

Результаты исследований. Микробиологические исследования растительных кормов показали, что в опытном сене в результате обработки пробиотическим препаратом «Сахабактисубтил», количество плеснеобразующих грибов значительно сократилось на 89,4%, сенаже – на 55,6%, по сравнению с необработанными кормами, а число патогенных микроорганизмов сократилось в сене на 89,4%, в сенаже на 25,07%. Данный факт объясняется тем, что спорообразующие микроорганизмы являются природными антагонистами большинства патогенных и условно-патогенных микроорганизмов [5].

При включении в рацион молодняка крупного рогатого скота обработанного пробиотиком «Сахабактисубтил» сена были взяты пробы крови и фекалий до и после постановки опыта. В результате, в организме молодняка, принимавшего обработанные препаратом «Сахабактисубтил» корма, отмечается повышение бактерицидной и лизоцимной активности сыворотки крови, достоверное повышение содержания гемоглобина ($10,9 \pm 0,2$ г%), достоверное повышение показателей общего белка ($8,22 \pm 0,02$ г%), α – ($1,34 \pm 0,05$ г%) и β – глобулиновых ($1,46 \pm 0,11$ г%) фракций. Показатели минерального обмена у обеих групп в ходе опытов изменились незначительно.

Изучение кишечного микробиоценоза молодняка показало, что в опытной группе, получавшей корм обработанный препаратом «Сахабактисубтил», регистрируется увеличение представителей нормальной микрофлоры: бифидобактерий, и значительное повышение лактобактерий ($14,04 \pm 1,395$ млн. м. к. в г), при одновременном снижении количества лактозоотрицательных эшерихий ($0,142 \pm 0,086$ млн. м. к. в г), энтерококков ($0,5148 \pm 0,425$ млн. м. к. в г), также условно-патогенных микроорганизмов – протей.

В контрольной группе в конце опыта отмечено небольшое увеличение лактобактерий ($1,0173 \pm 0,9282$ млн. м. к. в г) – что в 13 раз меньше, чем в опытной группе и уменьшилось количество бифидобактерий. Лактозонегативные (потенциальные энтеропатогены - $2,267 \pm 1,9$ млн. м. к. в г) преобладают над лактозоположительными эшерихиями ($0,278 \pm 0,161$ млн. м. к. в г), а количество стафилококков ($8,866 \pm 7,18$ млн. м. к. в г) увеличилось более чем в 5 раз.

Полученные данные указывают, что обработка растительных кормов препаратом «Сахабактисубтил» уменьшает в них количество патогенной микрофлоры, в частности - плесневых грибов, кроме того, включение в рацион животных обработанных препаратом «Сахабактисубтил» кормов, способствует стимуляции иммунитета, а именно корректирует кишечный микробиоценоз, нормализует внутренние процессы макроорганизма, что способствовало повышению привесов опытной группы молодняка крупного рогатого скота корма на 29,5% по сравнению с контрольной группой, получавшей необработанный корм.

Список литературы/ References

1. Neustroev M.P., Tarabukina N.P., Fedorova M.P., Parnikova S.I. Broad spectrum probiotic (Sakhabactisubtil) recovered from Yakutia permafrost soil. *Veterinary World*. 2011. T. 4. № 5. С. 222-224.
2. Асонов Н.Р. Микробиология – М.: Высшая школа, 1989. 448 с.
3. Былгаева А.А. Плесневые грибы в кормах и их обеззараживание в условиях Якутии: Диссертация на соискание ученой степени кандидата ветеринарных наук. – Якутск, 2004. – 141 с.
4. Былгаева А.А. Профилактика контаминации кормов плесневыми грибами // Труды ВНИИЭВ им. Я.Р. Коваленко. 2009. Т.75. С. 111-114.
5. Похиленко В.Д., Перелыгин В.В. Пробиотики на основе спорообразующих бактерий и их безопасность // Химическая и биологическая безопасность. 2007. №2-3 (32-33). С. 20-41.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Neustroev M.P., Tarabukina N.P., Fedorova M.P., Parnikova S.I. Broad spectrum probiotic (Sakhabactisubtil) recovered from Yakutia permafrost soil. *Veterinary World*. 2011. T. 4. № 5. S. 222-224.
2. Asonov, N.R. Mikrobiologija [Microbiology] – М.: Vysshaja shkola [Moscow: Higher school], 1989. – 448 s. [in Russian]
3. Bylgaeva A.A. Plesnevye griby v kormah i ih obezrazhivanie v usloviyah Jakutii: dis.kand.veter.nauk. [Mold fungi in forages and their decontamination in the conditions of Yakutia. Dissertation for the degree of Candidate of Veterinary Sciences.] – Yakutsk, 2004. – S.88-94. [in Russian]

4. Bylgaeva A.A. Profilaktika kontaminatsii kormov plesnevymi gribami [Prevention of contamination of feed by mold fungi] // Trudy VNIIEV im. Ja.R. Kovalenko [Proceedings of Institute of experimental veterinary medicine named after Y. R. Kovalenko]. 2009. V.75. S. 111-114. [in Russian]

5. Pohilenko V.D., Pereygin V.V. Probiotiki na osnove sporoobrazujushhih bakterij i ih bezopasnost' [Probiotics on the basis of spore-forming bacteria and their safety] // Himicheskaja i biologicheskaja bezopasnost' [Chemical and Biological Safety] №2-3 (32-33). – 2007. – S. 20-41. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.163

Гламаздин И.Г.¹, Сысоева Н.Ю.², Верховская Г.Л.³, Панова О.А.⁴, Крюковская Г.М.⁵,
Марюшина Т.О.⁶, Матвеева М.В.⁷

¹Доктор ветеринарных наук, профессор, ²кандидат ветеринарных наук, доцент, ³заведующий лабораторией,
⁴кандидат биологических наук, ⁵кандидат ветеринарных наук, доцент, ⁶кандидат ветеринарных наук,
⁷кандидат ветеринарных наук.

ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет пищевых производств»

ВЛИЯНИЕ АЛБЕНДАЗОЛА НА МИКРОФЛОРУ КИШЕЧНИКА

Аннотация

В статье анализируется влияние антгельминтика широкого спектра действия албендазола на кишечную микрофлору в условиях *in vivo* и *in vitro*. После дегельминтизации в кишечном микробиоценозе ягнят резко снижается количество бифидо- и лактобактерий, доминирующее положение занимают эшерихии, в том числе с атипичными ферментативными свойствами. Наблюдается рост условно-патогенной транзитной микрофлоры. Особенно четко эти изменения проявлялись у ягнят с высокой интенсивностью инвазии гельминтами. В условиях *in vitro* албендазол обладает выраженными ингибирующими свойствами по отношению к бифидобактериям, лактообактериям, стафилококкам и энтерококкам.

Ключевые слова: албендазол, гельминты, микрофлора, бифидобактерии, лактобактерии, эшерихии.

Glamazdin I.G.¹, Sysoeva N.Y.², Verkhovskaya G.L.³, Panova O.A.⁴,
Kryucovskaya G.M.⁵, Maryushina T.O.⁶, Matveeva M.V.⁷

¹PhD in Veterinary Medicine and Science, Professor, ²PhD in Veterinary Medicine and Science, Associate Professor;
³Head of Laboratory; ⁴PhD in Biology; ⁵PhD in Veterinary Medicine and Science, Associate Professor; ⁶PhD in Veterinary
Medicine and Science; ⁷PhD in Veterinary Medicine and Science

FGBOU VPO MGUPP "Moscow State University of Food Production"

THE IMPACT OF ALBENDAZOLE ON INTESTINAL MICROFLORA

Abstract

The article analyzes the impact of broad spectrum anthelmintics albendazole on the intestinal microflora of the *in vivo* and *in vitro*. After deworming in the intestinal microbiocenosis lambs sharply reduced the number of *Bifidobacterium* and *Lactobacillus*, dominated by *Escherichia*, including atypical enzymatic properties. There is a growth of opportunistic transient microflora. Especially clearly these changes manifest in lambs with a high intensity of infestation by helminths. *In vitro* albendazole has strong inhibitory properties against *Bifidobacterium*, *Lactobacillus*, *Enterococcus* and *Staphylococcus*.

Keywords: Albendazole, helminths, microflora, *Bifidobacterium*, *Lactobacillus*, *Escherichia*.

Важнейшей функцией микрофлоры кишечного тракта является ее участие в формировании резистентности организма к различным заболеваниям и обеспечение предотвращения колонизации организма животных посторонними микроорганизмами [3]. Антгельминтики, наряду с активным гельминтоцидным действием, оказывают негативное действие на нормальный биоценоз желудочно-кишечного тракта [2]. Поэтому, изучение влияния антгельминтиков на микрофлору пищеварительного тракта животных является актуальным.

Целью нашего исследования явилось изучение влияния антгельминтика албендазола на микрофлору кишечника ягнят при спонтанной стронгилятозной инвазии.

Исследования выполнены на овцах ставропольской породы. При проведении гельминтооувоскопии пользовались методом флотации по Фюллеборну, количество яиц в 1 грамме фекалий подсчитывали с помощью счетной камеры, модернизированной в ВИГИС. Упитанность овец определяли согласно ГОСТ 5111-55. Для определения количественных показателей микроорганизмов использовали метод серийных разведений. Пробы фекалий отбирали из прямой кишки. Количество бифидобактерий определяли посевом в среду Блаурокка, лактобактерии – посевом на агар с гидролизированным молоком и мелом. Микроорганизмы семейства энтеробактерий выделяли путем посева материала на среду Эндо. Гемолитические свойства определяли на 5 % кровяном агаре. Количественное содержание бактерий рода *Enterococcus* определяли посевом на селективную среду Л.Е. Моисеевой. Бактерии рода *Proteus* выделяли по методу Шукевича. Для обнаружения *Staphylococcus* использовали глюкозо-солевой агар. Для определения числа спорных аэробных бактерий материал прогревали в водяной бане 20 минут при 80° С, после чего высевали на МПА в чашки Петри. Родовую принадлежность бактерий определяли на основании характерных для них культуральных, морфологических и тинкториальных свойств. Количество дрожжей и грибов рода *Candida* определяли посевом под агар Сабуро. Для изучения влияния антгельминтика на рост микроорганизмов *in vitro* использовались следующие тест-культуры: бифидобактерии, лактобактерии, *E. coli*, *B. subtilis*, стафилококки и энтерококки. Культуры высевали газомом на специальные среды в чашках Петри, антгельминтик вносили в лунки диаметром 8 мм в количестве 0,2 мл. Чашки ставили в термостат при температуре 37° С. Учет результатов

проводили через 48 часов. Измеряли диаметр зон задержки роста микроорганизмов в мм. Достоверность различий определяли при помощи критерия Манна-Уитни.

Исследования проводились на ягнятах трехмесячного возраста, выпасавшихся на пастбищах и спонтанно инвазированных стронгилятами. Опытные группы были сформированы по принципу аналогов, критериями отбора служили упитанность животных и интенсивность инвазии. В первую группу отобрали 10 ягнят ниже средней упитанности, в одном грамме фекалий которых находили 55 ± 8 яиц стронгилят, во вторую группу - 10 ягнят средней упитанности, в одном грамме фекалий насчитывали 15 ± 5 яиц стронгилят ($p < 0,01$).

Бактериологические исследования фекалий ягнят проводили до дегельминтизации и на 3, 7, и 21 дни после дегельминтизации. В качестве антгельминтика использовали албендазол в виде 2,5 % суспензии в дозе 0,005 г/кг массы по активно действующему веществу (АДВ). Препарат задавали индивидуально *per os*. На третий и седьмой день после дегельминтизации яиц гельминтов в фекалиях обнаружено не было.

Албендазол является антгельминтиком широкого спектра действия из группы бензимидазолов, впервые был синтезирован фирмой "Smith/KlineBeechamAnimalHealth" (США) в 1972 году. Албендазол эффективен против нематод пищеварительного тракта и легких, цестод и трематод. В терапевтических дозах албендазол хорошо переносится животными, препарат малотоксичен, его токсическая доза для жвачных в 30-50 раз выше лечебной. Преимуществом этого препарата является то, что он обладает гельминто-, ларво- и овоцидным действием. О высокой эффективности албендазола против стронгилят желудочно-кишечного тракта овец сообщают многие отечественные и зарубежные авторы [1].

До дегельминтизации у ягнят первой группы с более высокой интенсивностью инвазии, доминирующей микрофлорой кишечника являлись эшерихии, которые выделяли в количестве $9,61 \pm 0,76$ lg/г КОЕ, из них 7,4 % составляли эшерихии со слабой лактозной активностью и 1 % гемолитические эшерихии. Бифидо- и лактобактерии выделялись в количестве $8,27 \pm 0,43$ lg/г КОЕ и $5,42 \pm 0,62$ lg/г КОЕ соответственно.

У ягнят второй группы в микробиоценозе кишечника преобладали бифидобактерии, их выделяли в количестве $9,48 \pm 0,65$ lg/г КОЕ, лактобактерии - в количестве $7,30 \pm 0,35$ lg/г КОЕ. Эшерихии с гемолитическими свойствами, лактозонегативные энтеробактерии, бактерии рода *Proteus* и гнилостные грамотрицательные бактерии у ягнят средней упитанности не выделялись.

На третий день после дегельминтизации содержание индигенных бифидо- и лактобактерий резко снизилось по сравнению с предыдущими показателями и составляло у ягнят первой группы $6,48 \pm 0,62$ lg/г КОЕ ($p < 0,01$) и $4,30 \pm 0,53$ lg/г КОЕ ($p < 0,01$) соответственно, и $7,10 \pm 0,44$ lg/г КОЕ ($p < 0,01$) и $5,59 \pm 0,71$ lg/г КОЕ ($p < 0,01$) у ягнят второй группы. Доминирующей микрофлорой кишечника стали эшерихии. У ягнят первой группы эшерихии выделяли в количестве $9,72 \pm 0,90$ lg/г КОЕ ($p > 0,05$), у ягнят второй группы - в количестве $8,25 \pm 0,47$ lg/г КОЕ ($p < 0,05$). При этом у ягнят первой группы увеличилось содержание эшерихий со слабой лактозной активностью до 12,5% и с гемолитическими свойствами до 3,5 %, до 16% увеличилось соотношение лактозонегативных энтеробактерий, возросло содержание протея, гнилостных грамотрицательных бактерий до $2,10 \pm 0,50$ lg/г КОЕ. У ягнят второй группы содержание эшерихий со слабой лактозной активностью увеличилось до 5,3 %, эшерихии с гемолитическими свойствами и гнилостные грамотрицательные бактерии не выделялись. Выраженных изменений в количественном содержании стафилококков, дрожжей, плесеней, грибов рода *Candida* у ягнят обеих групп не наблюдалось.

На седьмой день после дегельминтизации доминирующей микрофлорой кишечника у ягнят обеих групп оставались эшерихии, при этом 7,25 % из них составляли эшерихии со слабой лактозной активностью, у ягнят первой группы 1 % приходился на эшерихии с гемолитическими свойствами. Количественное содержание бифидо- и лактобактерий практически не изменялось. В фекалиях ягнят второй группы были обнаружены лактозонегативные энтеробактерии в количестве 5 % от общего числа энтеробактерий, протей в количестве 2,0 lg/г КОЕ, гнилостные грамотрицательные бактерии в количестве $1,65 \pm 0,3$ lg/г КОЕ, которые ранее не выделялись. У ягнят первой группы лактозонегативные энтеробактерии составляли 10% от общего числа энтеробактерий, протей выделяли в количестве $2,00 \pm 0,33$ lg/г КОЕ, гнилостные грамотрицательные бактерии - в количестве $2,65 \pm 0,6$ lg/г КОЕ.

Спустя 21 день после дегельминтизации у ягнят второй группы наблюдалось полное восстановление кишечного микробиоценоза, доминирующей микрофлорой кишечника становились бифидобактерии, которые выделяли в количестве $9,13 \pm 0,32$ lg/г КОЕ ($p < 0,05$), лактобактерии выделяли в количестве $6,15 \pm 0,60$ lg/г КОЕ ($p > 0,05$). Эшерихии выделяли в количестве $8,11 \pm 0,65$ lg/г КОЕ ($p > 0,05$), при этом эшерихии с атипичными свойствами, лактозонегативные бактерии, бактерии рода *Proteus*, гнилостные грамотрицательные бактерии не обнаруживались.

У ягнят же первой группы полного восстановления нарушений в составе кишечной микрофлоры за период наблюдения не происходило, доминирующей микрофлорой кишечника оставались эшерихии, которые выделяли в количестве $9,42 \pm 0,42$ lg/г КОЕ ($p > 0,05$), из них 8 % составляли эшерихии со слабой лактозной активностью. Лактозонегативные энтеробактерии составляли 4% от общего числа энтеробактерий, протей выделяли в количестве $2,15 \pm 0,18$ lg/г КОЕ, гнилостные грамотрицательные бактерии в количестве $1,88 \pm 0,39$ lg/г КОЕ.

Нами было установлено, что в условиях *in vitro* албендазол в количестве 0,2 мл (5 мг АДВ) оказывает значительное ингибирующее воздействие на рост стафилококков и бифидобактерий - диаметр зон задержки роста $25,3 \pm 0$ мм и $22,3 \pm 1,5$ мм соответственно, диаметр зон задержки роста лактобактерий, энтерококков составляет $17 \pm 0,7$ мм и $15,7 \pm 0,4$ мм, меньшее воздействие албендазол оказывает *E. coli*, *B. subtilis*. - диаметр зон задержки роста $13,3 \pm 0,4$ мм и 11 ± 0 мм соответственно [4]. Таким образом, в условиях *in vitro* албендазол обладает выраженными ингибирующими свойствами, в основном, по отношению к грамположительной микрофлоре (бифидобактериям, лактообактериям, стафилококкам, энтерококкам).

Одной из важнейшей функций микрофлоры кишечника является ее участие в формировании колонизационной резистентности макроорганизма. Представители нормальной индигенной микрофлоры предохраняют организм от

проникновения и быстрого размножения патогенных и условно-патогенных микроорганизмов [3]. Паразитирование стронгилят приводит к нежелательным сдвигам в составе кишечной микрофлоры ягнят. Албендазол позволяет избавить животных от паразитов, но усугубляет нарушения в качественном и количественном составе кишечной микрофлоры, приводя к длительному дисбактериозу, особенно у ослабленных животных ниже средней упитанности, за счет резкого снижения бифидо- и лактофлоры, делая их организм более уязвимым к инфекционным и паразитарным заболеваниям.

Список литературы/ References

1. Архипов И.А. Антигельминтики: фармакология и применение. - Москва: Типография Россельхозакадемии. - 2009. - 406 с.
2. Галимова В.З., Галиуллина А.М., Арсланова И.З. Патогенетическая терапия животных при гельминтозах (микробиоценоз, микробиологические и метаболические процессы в желудочно-кишечном тракте). Уфа: БГАУ. - 2008. - 152 с.
3. Субботин В.В., Данилевская Н.В. Микрофлора кишечника собак: физиологическое значение, возрастная динамика, дисбактериозы. //Ветеринар. - 2002. - №1. - С.25-47.
4. Сысоева Н.Ю., Журавлева Д.А. Влияние антигельминтиков на рост микроорганизмов в условиях in vitro. Наука и образование в современной конкурентной среде. - 2016. №1 (3). - С. 3-5.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Arkhipov I.A. Antigelmintiki: farmakologiya i priminenie [The anthelmintic: pharmacology and application]./Arkhipov I.A.// - M.: Rosselkhozakademii's printing house. - 2009. - 406 P. [in Russian]
2. Galimova V.Z., Galiullina A.M., Arslanova I.Z. Patogeneticheskaya terapiya zhivotnih pri gelmintozah (microbiocenosis, microbiological and metabolic processes in the gastro-intestinal tract) [Pathogenetic therapy of animal helminthiasis (microbiota, microbial and metabolic processes in the gastro-intestinal tract)] /Galimova V.Z.// Ufa: BGAU. - 2008. - 152 P. [in Russian]
3. Subbotin V.V., Danilevskaya, N.V Mikroflora kishechnika sobak: fiziologicheskoe znachenie, voznrastnaja dinamika, disbakteriozy [Intestinal microflora of dogs: physiological value, age dynamics, dysbacterioses] /Subbotin V.V.// Veterinar [Vet.] - 2002. - N. 1. - P. 25-47. [in Russian]
4. Sysoeva N.Y., Zhuravleva D.A. Vliyanie antgel'mintikov na rost mikroorganizmov v usloviyah in vitro [The effect of Anthelmintics on the growth of microorganisms in vitro] /Sysoeva N.Y/ Nauka i obrazovanie v sovremennoj konkurentnoj srede [Science and education in today's competitive environment] . - 2016. №1 (3). - P. 3-5. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.111

Костеша Н.Я.¹, Иванов А.Г.², Дементьева Е.С.³

¹Доктор биологических наук, профессор, ²кандидат ветеринарных наук, доцент,

³кандидат биологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО Новосибирский ГАУ Томский сельскохозяйственный институт – филиал

РОЛЬ РЕГУЛЯТОРНЫХ СИСТЕМ ОРГАНИЗМА ТЕЛЯТ В УСЛОВИЯХ ПРИМЕНЕНИЯ БИОВЕСТИНА

Аннотация

Показана эффективность применения препарата «Биовестин», при выращивании молодняка. У животных, получавших препарат, со стороны эндокринной системы наблюдалась картина, характеризующая формирование адаптационных процессов организма телят опытной группы: исследование сыворотки крови показало, что в опытной группе телят содержание кортизола достоверно увеличивалось относительно контрольной группы. Содержание эритроцитов периферической крови телят увеличивалось относительно контрольной группы. Масса телят опытной группы достоверно увеличивалась с 7-х суток исследования до 20% относительно контрольной группы.

Ключевые слова: резистентность, продуктивность, сохранность, пробиотик, биовестин, стресс, адаптация.

Kostesha N.Y.¹, Ivanov A.G.², Dementeva E.S.³

¹PhD in Biology, Professor, ²PhD in Veterinary Medicine and Science, Associate Professor,

³PhD in Biology, Associate Professor,

FGBOU VO in Novosibirsk HAU Tomsk Institute of Agriculture-Branch

THE ROLE OF THE REGULATORY SYSTEMS OF THE ORGANISM CALVES IN BIOVESTIN

Abstract

The efficiency of the drug "Biovestin" is shown in rearing of calf. The animals that received the drugs from the endocrine system observed pattern that characterized the forming of the adaptation processes of the organism of experimental group of calves: the study of blood serum showed that the content of cortisol increased significantly in the test group calves relatively to the control group. The contents of erythrocytes in peripheral blood of the experimental group of calves was increased relative to the control group. Mass (weight) calves experimental group was significantly increased from the 7th days of the study up to 20% relative to the control group.

Keywords: resistance, productivity, safety, probiotic, biovestin, stress, adaptation.

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

СТАТЬЯ ИЗЪЯТА

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.174

Пальчиков А.Ю.⁴, Резниченко Л.В.¹, Воробьевская С.В.², Сыровицкий В.А.³¹Доктор ветеринарных наук, профессор,²кандидат биологических наук, доцент;³кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

ФГБОУ ВО «Белгородский государственный аграрный университет им В.Я. Горина»

⁴начальник отдела государственного ветеринарного надзора на государственной границе, транспорте и внутреннего ветеринарного надзора Управления Россельхознадзора Белгородской области**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ****НОВОЙ ВИТАМИНО-ФЕРМЕНТНОЙ ДОБАВКИ В РАЦИОНАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПТИЦЫ****Аннотация**

В статье рассматривается проблема обеспечения цыплят-бройлеров новой эффективной витаминно-ферментной добавкой. Установлена высокая фармакологическая эффективность применения стимулара цыплятам-бройлерам, которая проявлялась увеличением среднесуточных приростов птицы и повышением конверсии корма. После применения изучаемой кормовой добавки в сыворотке крови цыплят произошло увеличение белка, витамина А и кальция. В пределах физиологической снизилась активность ферментов перенаминирования. Для увеличения продуктивности сельскохозяйственной птицы можно рекомендовать вводить в рационы цыплят-бройлеров стимулар из расчёта 1,0 г/кг массы тела на протяжении всего периода выращивания.

Ключевые слова: цыплята-бройлеры, витаминно-ферментная добавка, аспартаминотрансфераза.

Palchikov A.Y.⁴, Reznichenko L.V.¹, Vorobievskaya S.V.², Syrovitskiy V.A.³¹PhD in Veterinary Medicine and Science, Professor,²PhD in Biology, Associate Professor;³PhD in Agriculture, Associate Professor FSBEI of Higher Education «V. Gorin Belgorod State Agriculture University»;⁴Chief of branch of State veterinary surveillance on the state border, transport and internal veterinary surveillance of Directorate of the Rosselkhoz nadzor for the Belgorod Oblast.**USAGE EFFICIENCY OF THE NEW VITAMIN-ENZYME PREMIX IN POULTRY RATIONS****Abstract**

The problem of providing broiler chickens with new effective vitamin-enzyme premix came into review in this article. High pharmacological efficiency of stimular usage on broiler chickens was observed and was evidenced in average daily increasing of poultry and rising of feed conversion. After the usage of examined feed premix in blood serum of broiler chickens was increased proteic substance, vitamin A and calcium. Alkaline phosphatase activity was decreased within normal physiological limits. For the increasing of poultry productivity stimular is possible to recommend to add into broiler chickens rations assuming 1,0 g/kg bwt during the whole raising period.

Keywords: broiler chickens, vitamin-enzyme premix, alkaline phosphatase (AP).

Introduction

Increasing of the poultry production yielding depends significantly not only on fodder base quality, but also on efficient use of feed availability. It is known, that full value condition of ration is possible to provide by adding to it bioeffecting agents and enzymes [3, 4].

In poultry breeding as basic concentrated feeds are used barley, oats, rye, maize, non-food wheat and its derivatives. Low food-value of some of the cereals is due to the fact that together with fibre they massively contain other non-starch polysaccharides, to which belong beta-glucans and pentosanes. They can be found in cell walls of cornel albumen and are not removed while processing. Beta-glucans adversely affect to nutrient intake in barley, pentosans – in wheat, rye and triticale [5].

Feed rations breeding with enzyme preparations minimizes young stock mortality, significantly increases fodders take and decreases its unit cost, allows partly replace expensive and deficit fodders of animal origins with cheaper of vegetable ones, and also allows to increase poultry productivity while simultaneous improvement of obtainable production quality [1, 6].

Consequently, necessity of using in poultry rations effective vitamin-enzyme complexes comes to our heads. From there we together with staff members of CJSC «Petrokhim» produce new vitamin-enzyme premix stimular.

The aim of this study was to examine stimular influence over broiler chickens organisms for its practical application as source of vitamins, enzymes and calcium.

Stimular – feed vitamin-enzyme premix, contained fermentolysate of lien (70% mass); pepsin (2,6% mass); fodder lime (26,85% mass) and vitamin premix (3%) at 1g of stimular: vitamin A – 500ME, vitamin D3 – 44ME, vitamin E – 0,7 mg, B vitamins (B1 – 0,17 mg, B2 – 0,17 mg, B6 – 0,18 mg, B12 – 0,36µ), vitamin PP – 2mg, folic acid – 0,06mg, pantothenic – 0,8mg, biotin – 0,022mg, vitamin C – 9mg.

Material and methods

Pharmacological effectiveness of stimular was identified by broiler chickens from «Hubbard».

About stimular influential character to animals organisms we went by clinical score, changing of protein, carbohydrate, mineral metabolism, general non-specific organism resistance, growth intensiveness and productivity of livestock [2]. Trials were taken place in Belgorod region in on-the-farm conditions.

Group forming was carried out according to analogues principle. Biochemical incites was identified according to standard methods. By doing that Hematology Analyzer «Hitachi» was used. Lysozyme activity in blood serum was found out using turbidimetric method (V. Doropheychuk, 1968), phagocytic activity by phagocytizing neutrophils counting from 100 organules, blood serum bactericidal activity – according to I. Karput [2].

Obtained in all experiments digital information was subjected to statistical analysis on the personal computer according to standard methods of variation statistic with evaluation of Student's argument (td). The difference between compared quantities was considered to be authentic, when $p < 0,05$ (G. Lackin, 1973).

Results and discussion

For conducting of the trial of growth-stimulating effect of stimular there were formed 2 groups with broiler chickens 14-days old with 50 heads in each. Poultry was kept in one place in contiguous hutches. First group was control one and was given ration according to passed in estation scheme. Experimental group was given ration with added stimular at 1g/head during 15 days.

As a result of experiment it was found positive effect of stimular to poultry organisms (table 1).

Table 1 – Trial results of using stimular in broiler chickens ration

groups	dw 1 day	dw 5 days	dw 10 days	dw 15 days	dw 20 days	dw 25 days	dw 30 days	Slaug hter dw 35 days	Daily dw gain	saved	Spent feed
control	42 g	122	272	501	807	1198	1628	2022	56,6	94,0	1,74
experime ntal	42 g	122	270	502	808	1206	1636	2095	58,7	100	1,71

From submitted in the table indices we can see, that in the end of the trial period daily chickens gains of experimental group exceed indices of control one for 3,7%. After using stimular, spent feed was lower than in control group for 1,8%. Besides, in experimental group safety of poultry was 100%, while in control one it was only 94%.

At the end of the trials was checked the biochemical blood composition of chickens. (table 2).

Table 2 – Results of biochemical blood analysis of broiler chickens

Indices	Groups	
	control	experimental
Total protein, g/l	27,5±0,53	30,4±0,55**
Calcium, mmol/L	2,21±0,19	2,95±0,20*
Phosphorus, mmol/L	4,96±0,37	3,84±0,41
Cholesterol mmol/L	3,02±0,24	3,01±0,27
Glucose, mmol/L	11,29±0,76	11,50±0,80
Ferrum μ %	75,9±0,94	80,75±0,86
Vitamin A, μ M	1,30±0,18	1,88±0,16*
Alkaline phosphatase u/L	3848,1±81,34	3644,5±85,34
AST u/L	201,3±6,38	170,1±7,20*
ALT u/L	51,62±1,35	52,6±2,18

Note: * $p < 0,05$

From submitted in the table data we can see the differences in biochemical blood composition between control and experimental groups. This applies especially to total protein, calcium, vitamin A and aspartate transaminase. For example, after using stimular protein level in experimental group exceeds control group indices for 10,5%, calcium – for 33,4%, vitamin A – for 44,6%. In all cases the difference between control and experimental groups was proved statistically. ($p < 0,05-0,01$).

It should be emphasized also considerable reduction of aspartate transaminase activity (for 15,5%) in comparison with control ($p < 0,05$).

These changes show positive effect of stimular to liver function and metabolism recovery in poultry organisms.

Results of stimular influence over broiler chickens autarcesis indices are presented in Table 3.

Table 3 – Broiler chickens autarcesis indices

Indices	groups	
	control	experimental
Bactericidal activity, %	45,24±2,34	56,13±2,33*
Phagocytic activity, %	45,74±2,11	52,22±2,14*
Lysozyme activity, %	17,13±0,74	17,24±0,91
Immunoglobulins, unit	3,21±0,29	3,76±0,22

From submitted in the table indices we can see, that stimular usage causes proved increasing of blood serum bactericidal activity and pseudoeosinophiles phagocytic activity for 18,9% and 15,6% therefore ($p < 0,05$) in comparison with control indices.

Thus, our trials showed that stimular had growth-stimulating effectiveness, high bioactivity and increased immunological status.

Conclusion

For autarcesis gain and poultry productivity increasing stimular is possible to use as vitamin-enzyme premix. Speciment is to be added into food assuming 1,0 g/hd during the whole poultry raising period.

Contra-indications for the speciment usage weren't found out.

Список литературы/ References

1. Draganov I. Influence of multienzymatic preparation over broiler chickens metabolism and productivity / I. Draganov, G. Rabadanova // Problem of production animals biology. - 2011. - № 3. - P. 105-113.
2. Karpit I. Immunology and immunopathology of young stock disorders / I. Karpit. - Minsk: Uradzhaj, 1993. - P. 288.
3. Noskov S. Monitoring of farm livestock biochemical blood composition / S. Noskov, L. Reznichenko, Y. Kharchenko // Achievements of science and technology AIC. - 2011. - № 2 - P. 55-57.
4. Okolelova T., Kulakova N. and others Feeding-stuffs and enzymes. - Sergiyev Posad, 2001. - P. 112.
5. Plesovskikh N. The usage of enzymes preparations in wheat-barley feed mixes during raising broiler chickens. Omsk, 1999. - P. 16.
6. Temiraeve R. Usage efficiency of enzyme preparation and phospholipids during raising broiler chickens. / R. Temiraeve, A. Baeva.

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.051

Савельева Л.Н.¹, Куделко А.А.², Бондарчук М.Л.³, Мальцев Т.С.⁴

¹ORCID: 0000-0002-9196-4731, кандидат биологических наук,

²ORCID:0000-0002-1980-3554, кандидат ветеринарных наук,

³ORCID:0000-0002-4542-3344, младший научный сотрудник,

⁴ORCID:0000-0002-4055-3537, старший научный сотрудник

^{1,2,3,4}Научно-исследовательский институт ветеринарии Восточной Сибири-филиал СФНЦ РАН, г. Чита, Россия

¹Забайкальский аграрный институт-филиал ФГБОУ ВО Иркутский ГАУ им. А.А. Ежевского, г. Чита, Россия

К ВОПРОСУ О ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНЫХ РАССТРОЙСТВАХ

У ПОРОСЯТ И УЩЕРБЕ, НАНОСИМОМ СВИНОВОДСТВУ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

Аннотация

Проведен анализ распространения желудочно-кишечных заболеваний поросят в свиноводческих хозяйствах Забайкальского края, структуры падежа за 2013-2015 гг. Определен экономический ущерб от падежа поросят в результате расстройств желудочно-кишечного тракта за 3 отчетных года. Согласно полученным данным, наиболее часто встречаемые случаи заболевания органов пищеварения у молодняка свиней, зарегистрированы в сельскохозяйственных предприятиях, наименьший процент больных животных отмечен в КФХ Забайкальского края. Болезни органов пищеварения молодняка в структуре занимают первое место. Экономический ущерб от падежа молодняка свиней, за 3 отчетных года составил 468 580 рублей.

Ключевые слова: поросята, желудочно-кишечные расстройства, экономический ущерб.

Savelyeva L.N.¹, Kudelko A.A.², Bondarchuk M.L.³, Maltsev T.S.⁴

¹ORCID: 0000-0002-9196-4731, PhD in Biology,

²ORCID: 0000-0002-1980-3554, PhD in Veterinary Medicine and Science,

³ORCID: 0000-0002-4542-3344, junior researcher,

⁴ORCID: 0000-0002-4055-3537, senior researcher,

^{1,2,3,4}Research Institute of Veterinary Medicine East Sibiri-

LEAD Academy of Sciences Branch, Chita, Russia

¹Trans-Baikal Institute of Agrarian-branch VPO Irkutsk GAU named after. A.A. Ezhevsky, Chita, Russia

THE ISSUE OF GASTRO - INTESTINAL INDIGESTION

PIGLETS AND DAMAGE TO PIG FARMING TRANS-BAIKAL TERRITORY

Abstract

The analysis of the spread of gastrointestinal diseases of pigs in pig farms in the Trans-Baikal Territory, the structure of mortality for the 2013-2015 biennium. Determine the economic damage caused by mortality of piglets as a result of disorders of the gastrointestinal tract for 3 accounting years. According to information received, the most frequent cases of diseases of the digestive organs from young pigs were registered in the agricultural enterprises, the lowest percentage of sick animals observed in the Trans-Baikal Territory KFH. Diseases of the digestive system in the young structure occupy the first place. The economic damage caused by mortality of young pigs, was 468,580 rubles for 3 accounting years.

Keywords: pigs, gastrointestinal disorders, analysis, economic damage.

Введение: Заболевания пищеварительной системы у молодняка составляют одну из актуальных проблем внутренней патологии свиней и занимают как первое место среди всех форм внутренних незаразных болезней, так и по наносимому экономическому ущербу. Желудочно-кишечные заболевания новорожденных животных, в том числе поросят, принято рассматривать как комплексную патологию организма. Гибель новорожденных поросят от диареи, как правило, наступает на 3-7 день после рождения. Они имеют широкое распространение во всех регионах страны, в том числе и в Забайкальском крае. Переболевшие животные сильно отстают в росте и развитии, что в конечном итоге сказывается на их дальнейшей продуктивности. Арсенал имеющихся препаратов не всегда оправдан, поскольку не обеспечивает достаточную эффективность лечения и

профилактики данных болезней, оказывая воздействие только на возбудителей, вызывающих патологические процессы в организме животного [1, 2, 4].

Не смотря на значительное количество разработанных комплексных препаратов, проблема постнатальных патологий желудочно-кишечного тракта поросят не теряет своей актуальности.

По многолетним данным ветеринарной отчетности форма № 2 - Вет в неблагополучных хозяйствах Забайкальского края заболеваемость гастроэнтеритами новорожденных поросят колеблется - от единичных случаев до 15 - 30%, летальность же может достигать 40-60 % от количества заболевших, кроме того для переболевших животных характерно снижение мясной продуктивности в пределах 10-18 %.

Массовые гастроэнтериты новорожденного молодняка относят к факторным ассоциативным инфекциям, этиологическим обусловленным, вирусами, бактериями, простейшими и грибами. Данные заболевания носят эпизоотический характер и отличаются стационарностью, повсеместным распространением и наличием потенциально вирулентных свойств микробных ассоциаций [1, 2, 3, 4].

Доказано, что период отъема поросят от свиноматок, является ответственным при их выращивании и сказываться на здоровье поросенка. А переход от молока свиноматки к твердому корму, считается испытанием для пищеварительной системы молодняка.

Особенности этиопатогенеза, клинического проявления и течения заболевания определяются взаимодействием макро- и микроорганизмов, характером ассоциаций, вирулентность которых повышается на фоне неблагоприятных факторов окружающей среды [5, 6].

Характерным для отъемного периода так же является изменение микробного баланса в сторону патогенных бактерий, которые повышают риск возникновения болезней органов пищеварения. Поэтому послеотъемный период у поросят характеризуется низким потреблением корма и привесом, возникновением диареи с уменьшением количества молочных бактерий и увеличения патогенных микроорганизмов. Следовательно, микрофлора желудочно-кишечного тракта может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на состояние пищеварительной системы у поросят.

Несмотря на успехи ветеринарной и фармацевтической науки в лечении массовых гастроэнтеритов новорожденного молодняка с использованием биопрепаратов, комплексных вакцин, гипериммунных сывороток, пробиотиков, бактериальные гастроэнтериты новорожденных животных остаются проблемой требующей безотлагательного решения [7, 8].

Цель исследований: Цель наших исследований состояла в изучении статистических данных по поголовью свиней, количества заболевших и павших животных от желудочно-кишечных расстройств в хозяйствах Забайкальского края, а так же расчет экономического ущерба.

Материал и методы. Материалом для исследования явились статистические данные по поголовью свиней, отчеты формы 2 Вет за 2013-2015 гг. по Забайкальскому краю. Экономический ущерб от падежа вследствие расстройств желудочно-кишечного тракта оценивали по методике определения экономической эффективности ветеринарных мероприятий [7].

Результаты исследований.

Проведя анализ данных о падеже свиней на территории Забайкальского края, за последние три года выявили следующие:

Лидирующее место в структуре потерь от незаразных заболеваний занимают патологии органов пищеварения, на их долю приходится от 45,9% до 47,6% от общего числа павших.

В абсолютных цифрах потери от заболеваний органов желудочно-кишечного тракта составили в 2013 году – 2465 голов, в 2014-2015 годах по 2008 и 1826 голов, соответственно. Кишечная микрофлора, находясь в тесной взаимосвязи с микроорганизмами, всегда реагирует на изменение условий содержания, кормления, наличия патологического процесса. Любое воздействие, вызванное с плохими гигиеническими условиями внутри производственных помещений, не правильным переходом на новый рацион или стрессом, способно существенно повлиять на экосистему желудочно-кишечного тракта поросят.

Наиболее распространенные болезни свиней, проявляющиеся диарейным синдромом-колибактериоз, сальмонеллез, вирусный трансмиссивный гастроэнтерит, энтеровирусный пневмоэнтерит, дизентерия и др. Возбудители этих болезней широко распространены в свиноводческих хозяйствах края.

Несмотря на положительную тенденцию к снижению потерь от данной патологии, среднегодовое отношение павших от болезней органов пищеварения, к общему поголовью свиней принципиально не изменилось, и колеблется по годам в пределах от 2,0 % до 2,8 %.

При этом из числа павших на долю поросят приходится от 66,4% в 2015 году, до 74,7 % в 2013 году. В структуре потерь молодняка свиней от незаразной патологии, заболевания органов пищеварения также занимают доминирующие значение. Этот показатель по годам колеблется от 46,1% в 2014 году, до 52,4 % в 2015 году.

Общее поголовье свиней в разных формах хозяйств Забайкальского края с 2013 года по 2015 год снизилось в среднем на 3 тыс. голов.

Таблица 1 – Уровень падежа от заболеваний органов пищеварения в хозяйствах в зависимости от форм собственности

Формы сельскохозяйственных предприятий	Отношение количества павших от заболеваний органов пищеварения к общему поголовью (%)		
	2013	2014	2015
Сельхоз предприятия	11,82	15,34	9,81
Индивидуальные хозяйства населения	3,27	2,90	2,95
КФХ	2,55	3,11	1,63

Изучив летальность от заболеваний органов ЖКТ свиней выявили четкую среднегодовую закономерность падежа в хозяйствах в зависимости от их формы собственности (Рис 1).

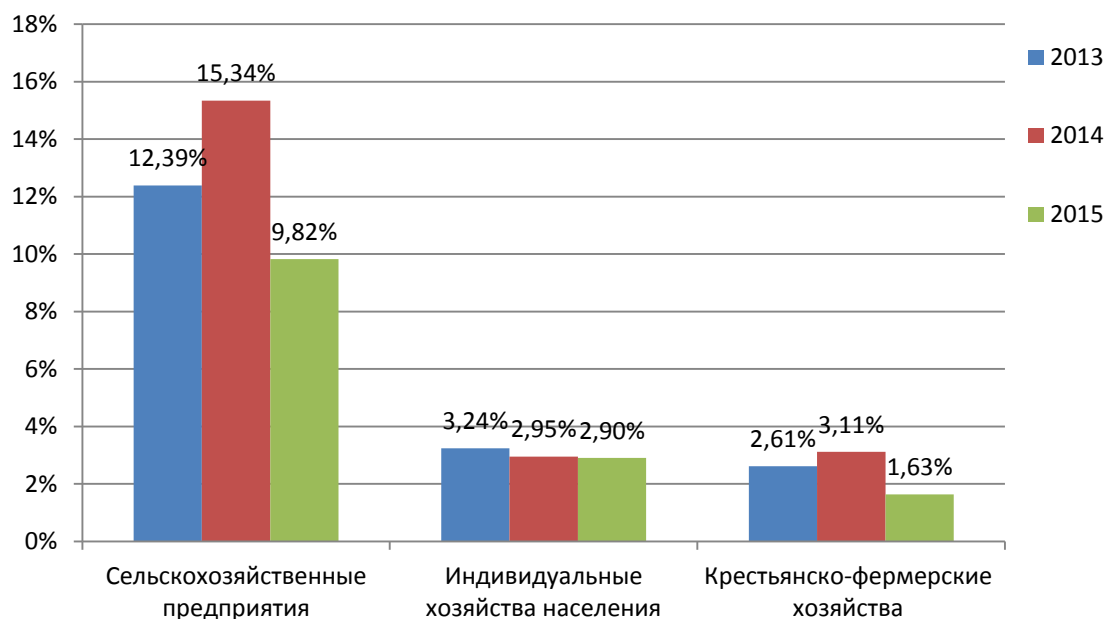

Рис. 1 – Отношение количества зарегистрированных случаев заболеваний органов пищеварения у свиней к их численности в свиноводческих хозяйствах разных категорий (%)

Согласно полученным данным, наиболее часто встречаемые случаи заболевания органов пищеварения у молодняка свиней, зарегистрированы в сельскохозяйственных предприятиях, наименьший процент больных животных отмечен в КФХ Забайкальского края. Так как в современных условиях ведения животноводства существенное отрицательное влияние на состояние здоровья животных и их продуктивность оказывает, в том числе и технологический стресс.

Экономический ущерб от падежа молодняка свиней от заболеваний желудочно-кишечного тракта составил в 2013 г. - 247 760 руб; 2014 г. – 155 720 руб; в 2015 г. – 65 100 руб.

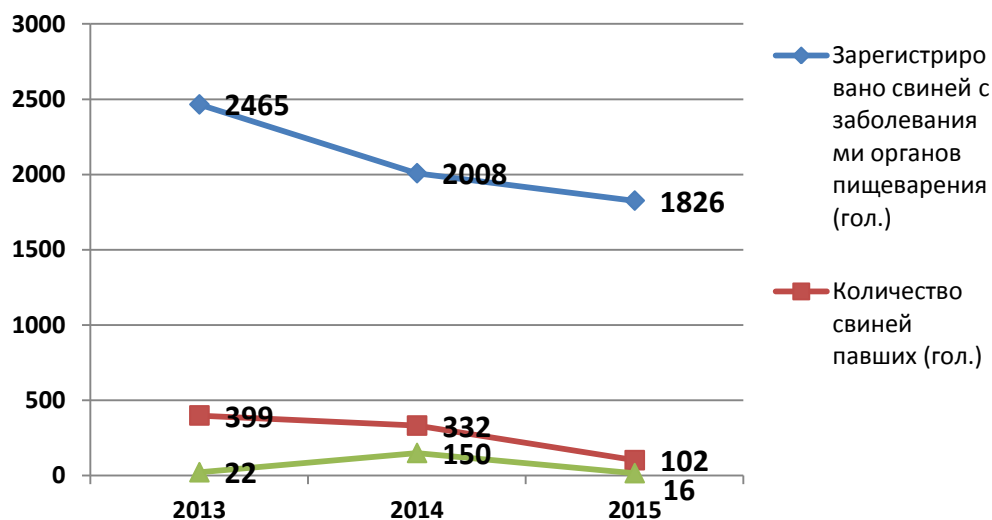

Рис. 2 – Отношение павших и вынужденно убитых свиней к количеству зарегистрированных случаев заболеваний органов пищеварения.

По нашим данным количество вынужденно убитых поросят с расстройством органов пищеварения было отмечено в 2014 году. Прослеживается динамика снижения павших животных из-за желудочно-кишечных расстройств.

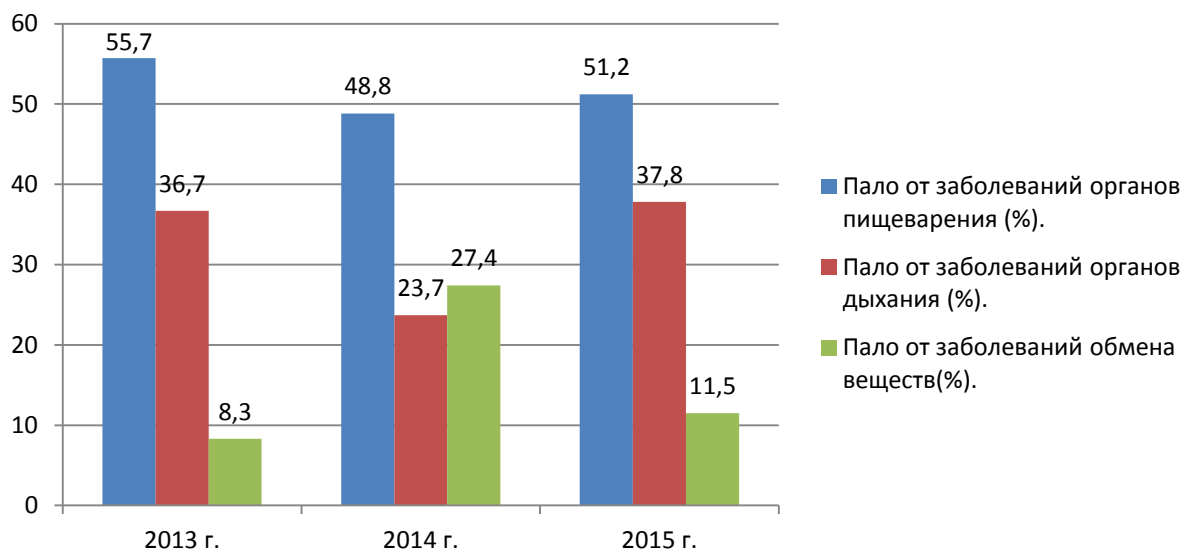

Рис. 3 – Отношение количества павших поросят от заболеваний органов пищеварения в структуре падежа от основных заболеваний незаразной этиологии (%)

Заключение.

Таким образом, анализируя полученные данные, видим, что болезни органов пищеварения молодняка в структуре занимают первое место. Экономический ущерб от падежа молодняка свиней, за 3 отчетных года составил 468 580 рублей. Прослеживается снижение количества заболевших животных на 27,5 %, благодаря своевременным лечебно-профилактическим мероприятиям в хозяйствах Забайкальского края. Тем не менее, перед ветеринарными специалистами и наукой, остается вопрос о снижении потерь продукции свиноводства результате болезней органов пищеварения поросят.

Список литературы/ References

- Алимов А. М. Желудочно-кишечные болезни поросят и их профилактика / А. М. Алимов // Ветеринария сельскохозяйственных животных. – 2008. – №3. – С. 6-10.
- Воскобойник В. Ф. Сравнительная оценка различных методов лечения диареи при диспепсии новорожденных телят / В. Ф. Воскобойник, Б. М. Авакянц, А. И. Шретер и др. // Новое в диагностике, лечении и профилактике болезней животных. – М., 1996. – С. 4-5.
- Дунин И. М. Состояние племенного и товарного свиноводства России на начало 2015 года / И. М. Дунин // Сб. матер. XXII Межд. научно-практич. «Научный фактор в стратегии инновационного развития свиноводства», Гродно 2015 г. – С. 9–17.
- Каврук Л. Этиология желудочно-кишечных заболеваний поросят – сосунов, их профилактика и лечение, ежемесячный научно-практический журнал / Л. Кравчук // Ветеринария сельскохозяйственных животных. – 2009. – № 6.
- Куделко А. А. Сравнительный анализ терапевтической и экономической эффективности нового препарата для профилактики и лечения желудочно-кишечных заболеваний новорожденных ягнят / А. А. Куделко, Л. Н. Савельева // Вестник БГСХА. – 2015. – №4. – С. 35-38.
- Статистический ежегодник Забайкальского края. 2014-2015: Стат. Сб./Забайкалкрайстат. – Чита, 2015.
- Шатохин Ю. Е. Методика определения экономической эффективности ветеринарных мероприятий: утверждена Департаментом ветеринарии / Ю. Е. Шатохин, Н. И. Никитин. – М., 1997. – 54 с.

Список литературы на английском языке / References in English

- Alimov A. M. Zheludочно-kishechnye bolezni porosjat i ih profilaktika [Gastro - intestinal diseases of pigs and their prevention] / A. M. Alimov // Veterinarija sel'skoxozjajstvennyh zhivotnyh [Veterinary agricultural animals]. – 2008. – № 3. – P. 6-10 [in Russian]
- Voskobojnik V.F. Sravnitel'naja ocenka razlichnyh metodov lechenija diarei pri dispepsii novorozhdennyh teljat [Comparative assessment of various methods of treatment of diarrhea with dyspepsia of newborn calves] / V. F. Voskobojnik, B. M. Avakjanc, A. I. Shreter and others. // Novoe v diagnostike, lechenii i profilaktike boleznej zhivotnyh [New in the diagnosis, treatment and prevention of animal diseases]. – M., 1996. - S. 4-5. [in Russian]
- Dunin I.M. Sostojanie plemennogo i tovarnogo svinovodstva Rossii na nachalo 2015 goda [State commercial pig breeding and Russia at the beginning of 2015] / I. M. Dunin // Sb. mater. HHII Mezhd. nauchno-praktich. «Nauchnyj faktor v strategii innovacionnogo razvitija svinovodstva» [Coll. Mater. XXII Int. Scientific-practical. Scientific factor in the strategy of innovative development of pig breeding "]. – Grodno-2015. P. 9-17. [in Russian]
- Kavruk L. Etiology of gastrointestinal diseases of pigs - suckling, their prevention and treatment, a monthly scientific journal Jetiologija zheludочно-kishechnyh zabojevanij porosjat – sosunov, ih profilaktika i lechenie, ezheemesjachnyj nauchno-prakticheskij zhurnal / L. Kravchuk // Veterinarija sel'skoxozjajstvennyh zhivotnyh [Veterinary farm animals]. – 2009. – №6. [in Russian]

5. Kudelko A. A. Sravnitel'nyj analiz terapevticheskoj i jekonomicheskoj jeffektivnosti novogo preparata dlja profilaktiki i lechenija zheludochno-kishechnyh zabolevanij novorozhdennyh jagnjat [Comparative analysis of therapeutic and economic efficiency of a new drug for the prevention and treatment of gastrointestinal diseases of newborn lambs] / A. A. Kudelko, L. N. Savel'eva // Vestnik BGSBA [Herald BSAA]. – 2015. – №4. – P. 35-38. [in Russian]

6. Statisticheskij ezhegodnik Zabajkal'skogo kraja. 2014-2015: Stat. Sb./Zabajkalkrajstat [Statistical Yearbook of the Trans-Baikal Territory. 2014-2015: Stat. Sat / Zabaykalkrajstat]. – Chita, 2015. [in Russian]

7. Shatohin U.E. Metodika opredelenija jekonomicheskoj jeffektivnosti veterinarnyh meroprijatij: utverzhdena Departamentom veterinarii [Method of determining the cost-effectiveness of veterinary measures: approved by the Department of Veterinary] / Ju. E. Shatohin, N. I. Nikitin. – M., 1997. – 54 p. [in Russian]

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.191

Тарасов А.В.¹, Кузьмина Е.В.², Семенов М.П.³, Родин И.А.⁴

¹ORCID: 0000-0001-6743-5517, аспирант, ²ORCID: 0000-0003-4744-0823, Доктор ветеринарных наук, ³ORCID: 0000-0001-8266-5900, Доктор ветеринарных наук, Краснодарский научно-исследовательский ветеринарный институт

⁴ORCID: 0000-0002-8850-5358, Доктор ветеринарных наук, Кубанский государственный аграрный университет

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПАРАМЕТРОВ ТОКСИЧНОСТИ МАЗИ ГЕНТАДИОВЕТ**Аннотация**

В статье приведены результаты изучения параметров токсичности мази гентадиовет на лабораторных животных. Авторами установлено, что гентадиовет классифицируется как препарат малотоксичный и по ГОСТ 12.1.007-76 «Вредные вещества» относится к 4-му классу опасности (малоопасные вещества). Применение гентадиовета в течение месяца *per os* лабораторным животным в токсичных дозах только в максимальном объеме приводит к развитию сдвигов в метаболизме организма (лимфопения и «сдвиг вправо» в лейкоцитарной формуле, а также более напряженному функционированию печени). В группах же с меньшей дозировкой вводимого образца подобных изменений не установлено.

Ключевые слова: раны, мази, токсичность, животные, ветеринария.

Tarasov A.V.¹, Kuzminova E.V.², Semenenko M.P.³, Rodin I.A.⁴

¹ORCID: 0000-0001-6743-5517, graduate student, ²ORCID: 0000-0003-4744-0823, PhD in Veterinary Medicine and Science, ³ORCID: 0000-0001-8266-5900, PhD in Veterinary Medicine and Science, Krasnodar Research Veterinary Institute

⁴ORCID: 0000-0002-8850-5358, PhD in Veterinary Medicine and Science, Kuban State Agrarian Universities

DETERMINATION OF TOXICITY PARAMETERS OF THE SALVE GENTADIOVET**Abstract**

The results of the study of the toxicity parameters of the salve gentadiovet on laboratory animals are presented in the article. The authors found out that gentadiovet is classified as low-toxic drug and in accordance with GOST 12.1.007-76 "Harmful substances" refers to 4th class of hazard (low hazardous substances). Application of gentadiovet within a month *per os* to laboratory animals at toxic doses only in the maximum extent leads to the development of changes in the metabolism of the body (lymphopenia and «rightward shift» in leucocyte count and a more intense functioning of the liver). In the groups with the lower dosage of introduced sample such changes has not been established.

Keywords: wounds, salves, toxicity, animals, veterinary.

Лечение инфицированных ран остается одной из важных проблем современной ветеринарной медицины, что делает актуальным разработку отечественных лекарственных препаратов, позволяющих повысить эффективность терапии при гнойной хирургической инфекции [2,4]. Развитие резистентности у микроорганизмов является основным фактором, обуславливающим создание комплексных антимикробных лекарственных средств, в состав которых входят отличающиеся по структуре и фармакологическому действию вещества, проявляющие различную степень антимикробной активности [1,5].

Для безопасного использования новых фармакологических препаратов необходимо полноценное изучение параметров их безвредности. Токсикологическая оценка, позволяющая определить интервал токсических доз, дает возможность сделать первичное заключение о действии вещества на организм и обуславливает режимы его дальнейшего применения [3,6].

Целью исследований явилось изучение параметров токсичности мази гентадиовет на лабораторных животных.

Материалы и методы исследований. Токсические параметры мази гентадиовет определяли в остром опыте при однократном пероральном введении белым беспородным крысам. Исследуемый образец мази животным вводился внутривентрально в дозах от 0,42 г/кг до 7,1 г/кг массы тела.

Изучение хронической токсичности гентадиовета было проведено на крысах, которых разделили на 4 группы – по 10 особей в каждой. Первая группа животных получала препарат в дозе 1/5 от максимально введенной в остром опыте (2080 мг/кг массы тела), вторая – 1/10 (1040 мг/кг массы тела), третья – 1/20 (520 мг/кг массы тела) и четвертая группа была контрольной (интактные здоровые животные). Навеску препарата вводили в болюсы, которые задавали животным опытных групп (индивидуально течение 1 месяца, один раз в сутки), контрольная группа получала только болюсы без действующего вещества в эквиваленте и в том же режиме дозирования.

За всеми крысами в течение срока эксперимента велись наблюдения: учитывали массу тела (в начале опыта и по его окончанию), клиническое состояние, потребление пищи и воды, двигательные и поведенческие реакции.

Кровь для морфо-биохимических исследований брали в конце опыта у пяти животных из каждой группы. По окончании срока наблюдения всех крыс забивали декапитацией под эфирным наркозом, после чего проводили патологоанатомическое изучение внутренних органов.

Результаты исследований. В первой серии опытов по определению острой токсичности мази установлено, что однократное введение гентадиовета в дозах от 420 до 7100 мг/кг массы тела не вызывает гибели и острой интоксикации животных, не влияет отрицательно на их общее состояние и поведение. Лишь при введении исследуемого образца мази в дозах 3,2; 4,7 и 7,1 г/кг массы тела наблюдалось кратковременное (до 60 минут) угнетение, связанное с манипуляциями.

Последующее двухнедельное наблюдение за крысами показало, что по всем показателям подопытные животные не имели отличий от контрольных. Они охотно поедали корм, демонстрировали нормальные реакции на тактильные, болевые, звуковые и световые раздражители, имели удовлетворительный внешний вид.

Во второй серии опытов при изучении хронической токсичности гентадиовета гибели не зарегистрировано ни в одной из групп. На протяжении первых двух недель эксперимента общее состояние подопытных крыс ничем не отличалось от контрольных. На 3-й и 4-й неделях опытного периода в 1-й группе крыс (с максимальной дозировкой препарата) отмечалось некоторое снижение моторной активности по сравнению с остальными группами животных. При исследовании шерстного покрова выпадения шерсти, алопеций, изменения цвета и структуры не установлено. Отклонений в функциях пищеварения и мочеотделения отмечено не было.

Гравиметрическими исследованиями установлено, что при применении гентадиовета в течение 30-ти дней наблюдался прирост массы тела лабораторных животных как опытных (во 2-й на 3,6% и в 3-й на 5,1%), так и контрольной групп (на 4,8%). В группе же с максимальной дозировкой препарата зарегистрировано снижение массы тела крыс на 2,3%, при этом отклонения показателей были не достоверны по отношению к фоновым данным.

При изучении гематологических показателей крови крыс выявлено, что применение гентадиовета в самой большой дозе (466,7 мг/животное) приводит к увеличению доли сегментоядерных нейтрофилов, что проявляется «сдвигом вправо» лейкоцитарной формулы. При этом зарегистрировано снижение доли лимфоцитов, все эти изменения носили достоверный характер, как относительно контроля, так и относительно нижнего предела видовой нормы.

У опытных крыс после 30-дневного введения гентадиовета в наивысшей дозе выявлено достоверно значимое уменьшение количества тромбоцитов до $81,6 \pm 5,4 \cdot 10^9/\text{л}$ (разница с контролем 5,2 раза), не выходящее за пределы нормы.

Во второй и третьей опытной группе (1/10 и 1/20 от максимально введенной) средние значения всех определяемых показателей системы периферической крови значимо не отличались от контроля, что позволяет констатировать отсутствие патологических нарушений в организме животных.

При оценке биохимического профиля крови установлено, что в первой опытной группе содержание мочевины и триглицеридов имело тенденцию к снижению в сравнении с животными других групп. В группах же с меньшей дозировкой вводимого образца подобных изменений не установлено.

О возросшей нагрузке на печень при применении максимальной дозы (466,7 мг/животное) гентадиовета свидетельствует увеличение активности гепатоиндикаторных ферментов. Так, в первой опытной группе разница в сравнении с контролем по содержанию аспаратаминотрансферазы составила в 2,5 раза, а в уровне аланинаминотрансферазы в 4,7 раз (при степени достоверности $P \leq 0,05$ по отношению к контролю). О наличии холестатических отклонений у этих крыс свидетельствует увеличение уровня щелочной фосфатазы на 31,7%, в сравнении с интактными животными. У крыс, получавших препарат в меньших дозах, концентрация определяемых ферментов значимо не отличалась от показателей контрольной группы.

Таким образом, длительное применение исследуемого образца препарата гентадиовет лабораторным животным в самой большой дозе (466,7 мг/животное – 1/5 от максимально введенной) привело к напряженному функционированию печени, при более низких дозировках препарата его токсическое действие не установлено.

Результаты некропсии и гистологических исследований показали, что ежедневное применение препарата гентадиовет в течение 30 дней крысам в дозах 233,4 мг/животное и 116,7 мг/животное не вызывает раздражения, воспаления или деструкции тканей, а также не сопровождается развитием дистрофических и очаговых склеротических изменений в паренхиматозных клетках и стромах внутренних органов. Применение препарата в наивысшей дозе 1/5 от максимально введенной в остром опыте повышает нагрузку на печень, при отсутствии явных клинических признаков интоксикации.

Заключение. Таким образом, на основании результатов исследований установлено, что однократное введение исследуемого образца мази гентадиовет в дозах от 420 до 7100 мг/кг переносится животными без видимых последствий и он классифицируется как препарат малотоксичный и по ГОСТ 12.1.007-76 «Вредные вещества» относится к 4-му классу опасности (малоопасные вещества).

Применение гентадиовета в течение месяца лабораторным животным в токсичных дозах только в максимальном объеме (466,7 мг/животное) приводит к развитию сдвигов в метаболизме организма (лимфопения и «сдвиг вправо» в лейкоцитарной формуле, а также более напряженному функционированию печени). В группах же с меньшей дозировкой вводимого образца подобных изменений не установлено.

Список литературы/ References

1. Антипов В.А. Повышение сохранности и продуктивного здоровья импортного молочного скота /В.А. Антипов, М.П. Семененко, Н.Ю. Басова и др. – Краснодар, 2009. – 63 с.
2. Антипов В.А. Эффективные зооветеринарные технологии по повышению воспроизводства, сохранности и продуктивности животных /В.А. Антипов, А.Н. Меньшенин, А.Н. Турченко и др. – Краснодар, 2005. – 79 с.
3. Дорожкин В.И. Принципы токсикологической оценки новых лекарственных средств /В.И. Дорожкин, Д.Н. Уразаев //Ветеринарная медицина. – 2006. – № 1–4. – С. 26.

4. Жолобова И.С. Эффективность использования активированных растворов хлоридов при лечении собак с хирургическими заболеваниями /И.С. Жолобова, А.Г. Коцаев, А.В. Лунова //Ветеринария Кубани. – 2012. – №5. – С. 11–13.
5. Перес Куэвас А. Комплексные лекарственные средства при бактериальных инфекциях /А. Перес Куэвас, А.В. Семенчев //Ветеринария. – 2006. – № 5. – С. 6–9.
6. Тяпкина Е. Рациональное использование лекарственных препаратов в ветеринарии /Е. Тяпкина, Л. Хахов, М. Семененко и др. – Краснодар, 2014. – 57 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Antipov V.A. Povyshenie sohrannosti i produktivnogo zdorov'ja importnogo molochnogo skota [Improving safety and reproductive health of imported dairy cattle] /V.A. Antipov, M.P. Semenenko, N.Ju. Basova i dr. – Krasnodar [Krasnodar] – 2009. – 63 p. [in Russian]
2. Antipov V.A. Jeffektivnye zooveterinarnye tehnologii po povysheniju vosproizvodstva, sohrannosti i produktivnosti zhivotnyh [Effective veterinarian technologies to improve reproduction, animal safety and productivity] /V.A. Antipov, A.N. Men'shenin, A.N. Turchenko i dr. – Krasnodar [Krasnodar] – 2005. – 79 p. [in Russian]
3. Dorozhkin V.I. Principy toksikologicheskoy ocenki novyh lekarstvennyh sredstv [Principles of the toxicological evaluation of new medicines] /V.I. Dorozhkin, D.N. Urazaev //Veterinarnaja medicina [Veterinary medicine] – 2006. – № 1–4. – P. 26. [in Russian]
4. Zholobova I.S. Jeffektivnost' ispol'zovaniya aktivirovannyh rastvorov hloridov pri lechenii sobak s hirurgicheskimi zabolevanijami [Efficiency of use of activated chloride solutions in the treatment of dogs with surgical diseases] /I.S. Zholobova, A.G. Koshhaev, A.V. Luneva //Veterinarija Kubani [Kuban Veterinary] – 2012. – №5. – P. 11– 13. [in Russian]
5. Peres Kujevas A. Kompleksnye lekarstvennye sredstva pri bakterial'nyh infekcijah [Complex medicines for bacterial infections] /A. Peres Kujevas, A.V. Semenychev //Veterinarija [Veterinary] – 2006. – № 5. – P. 6– 9. [in Russian]
6. Tjapkina E. Racional'noe ispol'zovanie lekarstvennyh preparatov v veterinarii [Rational use of drugs in veterinary medicine] /E. Tjapkina, L. Hahov, M. Semenenko i dr. – Krasnodar [Krasnodar] – 2014. – 57 p. [in Russian]

ХИМИЧЕСКИЕ НАУКИ / CHEMISTRY

DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.234

Рубашкин А.А.¹, Конев Д.В.², Цыганов А.Б.³

¹ORCID: 0000-0002-9054-0574, Кандидат химических наук, Институт цитологии РАН, Санкт-Петербург, ²Кандидат химических наук, Институт проблем химической физики РАН, Черноголовка, ³ORCID: 0000-0003-2245-3097, Кандидат физико-математических наук, ООО «Интро-Микро», Санкт-Петербург

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 14-03-00221

ЭФФЕКТЫ ВЫРЕЗАНИЯ ОБЪЕМА ИОНА И ПЕРЕЭКРАНИРОВАНИЯ ДИЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РАСТВОРИТЕЛЯ В НЕЛОКАЛЬНО- ЭЛЕКТРОСТАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ СОЛЬВАТАЦИИ

Аннотация

В статье рассмотрено развитие нелокально-электростатической теории сольватации ионов, учитывающей переэкранирование диэлектрической функции растворителя, на случай, когда учитывается эффект вырезания растворителя из объема, занятого ионом. Рассчитанная энергия сольватации иона в этой модели сравнивается с расчетом по теории (J. Chem. Phys., 1996), в которой не учитывается эффект вырезания. Развитая теория объясняет различие энергий сольватации катионов щелочных металлов и анионов галогенидов одинакового радиуса.

Ключевые слова: энергия сольватации, эффект переэкранирования, диэлектрическая функция растворителя, нелокальная электростатика.

Rubashkin A.A.¹, Konev D.V.², Tsyganov A.B.³

¹ORCID: 0000-0002-9054-0574, PhD in Chemistry, Institute of Cytology, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia, ²PhD in Chemistry, Institute of Problems of Chemical Physics, Russian Academy of Sciences, Chernogolovka, Moscow region, Russia, ³ORCID: 0000-0003-2245-3097, PhD in Physics and mathematics, Intro-Micro LLC, Saint-Petersburg, Russia

This work was supported by RFBR grant number 14-03-00221

EFFECTS OF CUT-OUT ION VOLUME AND OVERSCREENING OF DIELECTRIC FUNCTION OF THE SOLVENT IN THE NONLOCAL ELECTROSTATICS SOLVATION THEORY

Abstract

The article considers the development of nonlocal electrostatic theory of ion solvation in the case when taken into account the effect of cut-out the ion volume from solvent and the overscreening of dielectric function of solvent. The calculated energy of ion solvation in this model is compared with the calculation on theory (J. Chem. Phys., 1996), which does not take into account this effect. The theory developed explains the difference in solvation energies of alkali metal cations and anions of halogens of the same radius.

Keywords: solvation energy, overscreening effect, dielectric function of solvent, nonlocal electrostatics.

В предыдущей работе [1] мы рассматривали роль комбинации эффектов вырезания объема иона и размытия его заряда за пределы борновской сферы в расчёте электростатической составляющей энергии сольватации. При этом в [1] для диэлектрической функции растворителя были выбраны полюсные модели. В настоящей работе

рассматривается эффект переэкранирования диэлектрической функции [2] в комбинации с двумя вышеназванными эффектами. В [3, 4] мы рассчитывали энергию сольватации иона для случая комбинации эффекта переэкранирования диэлектрической функции растворителя с эффектом размывания заряда иона за пределы его борновской сферы. При этом эффект вырезания объёма иона не учитывался, как и в работе [2].

Расчет энергии сольватации в модели с переэкранированием диэлектрической функции растворителя.

Электростатическая составляющая энергии сольватации иона W для сферически-симметричного распределения заряда иона радиуса r_i согласно теории [5] рассчитывается по формуле (1)

$$W(r_i) = \frac{1}{\pi} \int_0^\infty [\rho(k)]^2 \left[1 - \frac{1}{\varepsilon(k)} \right] dk \quad (1)$$

В настоящей работе используется диэлектрическая функция растворителя $\varepsilon_{OS}(k)$, учитывающая эффект переэкранирования [2]:

$$\varepsilon_{OS}(k) = \left\{ 1 - \frac{(1 - 1/\varepsilon_s) F(k)}{1 + (\lambda k)^2} \right\}^{-1}, \quad (2)$$

где: аббревиатура “OS” означает “overscreening” – переэкранирование; $\varepsilon_s = 78.8$; λ – подгоночный параметр модели; $F(k)$ – вспомогательная функция:

$$F(k) = 1 + k^2 \left(\frac{A + Bk^2}{G(k)} - \frac{\Lambda^2}{1 + (\Lambda k)^2} \right), \quad (3)$$

где функция $G(k)$ – определяется как:

$$G(k) = \left[\alpha^2 + (\kappa - k)^2 \right] \left[\alpha^2 + (\kappa + k)^2 \right]. \quad (4)$$

Используемые нами параметры в (2)-(4) соответствуют BKLS модели [2, с. 1526]: $A = 50$, $B = 5$, $\lambda = 0.15$, $\alpha = 0.8$, $\kappa = 3$ (все размерности: \AA^{-1}), $\Lambda = 3 \text{ \AA}$.

Впервые рассмотрение эффекта вырезания объёма иона из растворителя в нелокальной электростатике было введено в работе [6], а в монографии содержится [7] изложение методов нелокальной электростатики.

В [1] нами был разработан метод расчета энергии сольватации иона W_{VR} для случая, когда имеется комбинация эффект вырезания объёма иона из растворителя с эффектом проникновения части заряда иона за пределы его борновской сферы. Однако в [1] не приводились результаты расчёта для $\varepsilon(k)$ с эффектом переэкранирования. В данной работе мы представляем результаты расчёта с эффектом переэкранирования. Формулы для $\rho(k)$, которые надо подставлять в формулу (1) были приведены в [1].

Определение параметров размытого распределения заряда, при которых рассчитанные W для катионов щелочных металлов и анионов галоидов совпадают с экспериментальными данными работы Маркуса [10]

В таблице 1 приведены значения параметров SBS модели [2] (a – координата максимума плотности распределения заряда иона и η – ширина размытия заряда), для которых расчёт энергии сольватации ионов по формуле (1) даёт значения W , приведённые во второй колонке. Эти значения W совпадают с W_{Mar} – энергиями сольватации из статьи Маркуса [10]. При расчёте использовалась диэлектрическая функция, учитывающая эффект переэкранирования (формулы (2)-(4)), а её параметры были приведены после формулы (4) (BKLS модель).

Таблица 1 – Расчёт энергий сольватации W для катионов щелочных металлов и анионов галоидов
Расчёт выполнен для одномодовой модели диэлектрического отклика, учитывающей эффект переэкранирования при размытом распределении заряда иона (SBS)

r_i (Å) радиус иона (по Гуарри- Адриану)	W (kJ/mol) Расчёт W по формуле (1) и экспериментальные данные W_{Mar} [10] (Marcus, 1991) $W = W_{Mar}$	η (Å) для теории VR с вырезанием объёма	a (Å) для теории VR с вырезанием объёма	η (Å) для теории KS без вырезания объёма	a (Å) для теории KS без вырезания объёма
Li^+ : 0.94	475	0.48	0.46	0.52	0.42
Na^+ : 1.17	365	0.59	0.58	0.55	0.63
K^+ : 1.49	295	0.70	0.79	0.53	0.97
Rb^+ : 1.63	275	0.72	0.91	0.53	1.10
Cs^+ : 1.86	250	0.74	1.12	0.55	1.31
F^- : 1.16	465	0.50	0.66	0.45	0.71
Cl^- : 1.64	340	0.60	1.04	0.43	1.21
Br^- : 1.8	315	0.60	1.20	0.43	1.37
I^- : 2.05	275	0.63	1.42	0.44	1.61

На рис. 1 приведены результаты расчёта энергии сольватации для катиона натрия и для аниона фтора при варьировании модельного параметра ширины размывания заряда иона. Сплошная кривая (VR) – расчёт по нашей

теории [1], учитывающей эффект вырезания объёма иона; штриховая кривая (KS) – расчёт по теории работы [2], не учитывающей вырезание объёма иона. Приведён расчёт для Na^+ и F^- , причём в виду близости их радиусов кривая для W_{Na} на графике не отличается от кривой для W_{F} . Значения параметра η в таблице 1 найдены из пересечения кривых на Рис. 1 с пунктирными линиями, соответствующими экспериментальным данным Маркуса [10]. Для нахождения параметров в таблице 1 для других ионов нами были построены аналогичные графики для каждого из них.

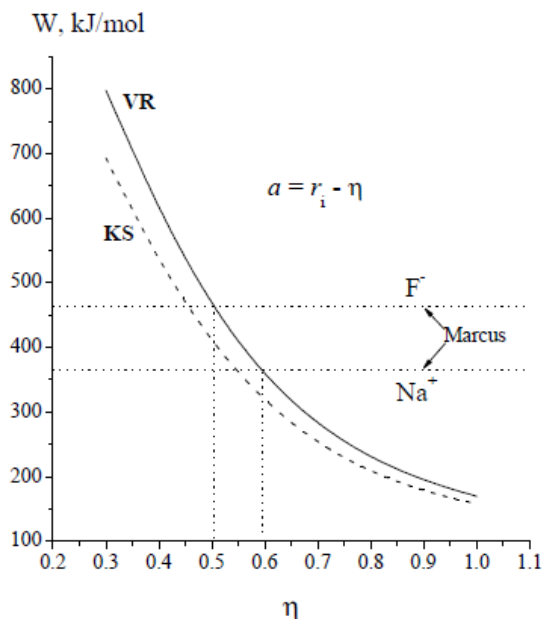

Рис. 1 – Энергия сольватации ионов W (кДж/моль) в зависимости от ширины размытия η (Å) плотности заряда иона $\rho(r)$ в SBS модели [2]. Координата a максимума $\rho(r)$ связана с радиусом иона как: $a = r_i - \eta$. Кривые VR и KS рассчитаны для диэлектрической функции (2)-(4), учитывающей эффект переэкранирования

На Рис.2 представлены энергии сольватации W катионов щелочных металлов и анионов галоидов, рассчитанные нами как по нашей теории [1], учитывающей эффект вырезания объёма иона, так и по теории работы [2], не учитывающей вырезание объёма иона. Параметры, использованные для расчёта, приведены в таблице 1. Расчётные величины W совпадают с экспериментальными данными Маркуса [10].

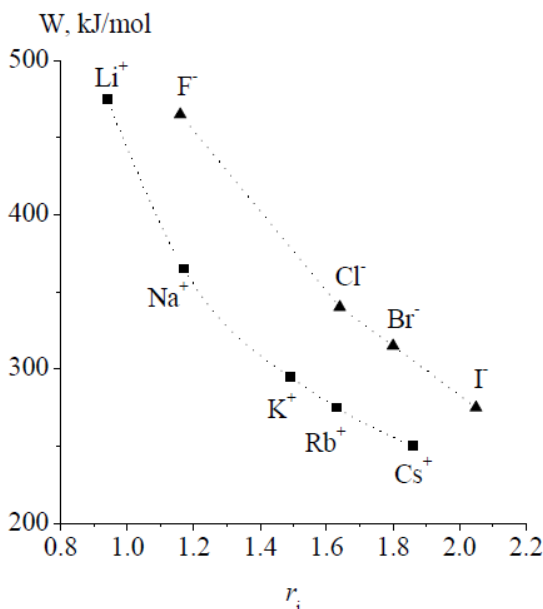

Рис. 2 – Рассчитанные энергии сольватации W (кДж/моль) для катионов щелочных металлов и анионов галоидов для параметров таблицы 1

Как видно из Рис. 2 расчёт энергии сольватации для катионов и анионов близкого радиуса (Na^+ и F^- , Rb^+ и Cl^-) приводит к разным значениям W . При этом ширина размывания заряда иона для катионов больше, чем для анионов (см. таблицу 1). Этот результат справедлив как для расчёта по нашей теории с учётом эффекта вырезания объёма, так и для расчёта по теории, не учитывающей этого эффекта. Однако для расчётов по нашей теории надо выбрать большие значения параметра размытия. Отметим, что согласно работе [11] невозможно в рамках расчётов по

нелокально-электростатической теории объяснить различие энергии сольватации для катионов щелочных металлов и анионов галоидов одинакового радиуса.

Для приложения развитой нами теории к транспорту ионов через мембраны животных клеток особое значение имеет расчёт W катионов натрия и калия. Поэтому в таблице 2 мы приводим значения параметров η для этих катионов, расчёты W для которых совпадают с экспериментальными данными работ [9-10] и [12-13]. Во всех случаях величина η , рассчитанная по теории с вырезанием объёма больше, чем для расчёта по теории, не учитывающей этого эффекта.

Таблица 2 – Расчёт параметров размытия плотности заряда иона η в SBS модели для Na^+ и K^+ соответствующих экспериментальным значениям энергии сольватации работ Фосета и Маркуса [9-10], а также Рэндлеса и Саломона [12-13]

	W_{Na} (кДж/моль) Расчёт и эксперимент для Na^+	W_{K} (кДж/моль) Расчёт и эксперимент для K^+	η_{Na} (Å) расчёт для теории VR для Na^+	η_{K} (Å) расчёт для теории VR для K^+	η_{Na} (Å) расчёт для теории KS для Na^+	η_{K} (Å) расчёт для теории KS для K^+
Фосет Fawcett	424	352	0.53	0.61	0.48	0.36
Рэндлес Randles	411	337	0.54	0.63	0.50	0.46
Маркус Marcus	365	295	0.59	0.7	0.55	0.53
Саломон Salomon	303	230	0.66	0.84	0.62	0.67

Основным выводом работы является то, что, пользуясь нелокально-электростатической теорией, можно объяснить различие энергий сольватации катионов щелочных металлов и анионов галоидов одинакового радиуса.

Список литературы / References

1. Рубашкин А. А. Эффекты вырезания объёма иона и проникновения заряда иона в растворитель в нелокально-электростатической теории сольватации для полюсных моделей диэлектрической проницаемости растворителя / А. А. Рубашкин, Д. В. Конев, М. А. Воротынцев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 5 (47). – Часть 5. – С. 112-115. doi: 10.18454/IRJ.2016.47.106
2. Kornyshev A. A. The shape of the nonlocal dielectric function of polar liquids and the implications for thermodynamic properties of electrolytes: A comparative study / A. A. Kornyshev, G. Sutmann // J. Chem. Phys. – 1996. – Vol. 104. – P. 1524-1544.
3. Рубашкин А. А. Нелокально-электростатическая теория ионной сольватации: комбинация эффекта переэкранирования в диэлектрическом отклике среды с размытым распределением заряда иона / А. А. Рубашкин, М. А. Воротынцев, Е. М. Антипов и др. // ДАН. – 2015. – Т. 464. – № 1. – С. 56-60.
4. Rubashkin A. A. Electrostatic contribution to the ion solvation energy: overscreening effect in the nonlocal dielectric response of the polar medium / A. A. Rubashkin, M. A. Vorotyntsev // Curr. Phys. Chem. – 2016. – V. 6(2). – P. 120-129.
5. Dogonadze R. Polar-solvent structure in theory of ionic solvation / R. Dogonadze, A. A. Kornyshev // J. Chem. Soc. Faraday Trans. Pt.II. – 1974. – V. 70. – P. 1121-1132.
6. Vorotyntsev M. A. Model nonlocal electrostatics. II. Spherical interface / M. A. Vorotyntsev // J. Phys. C: Solid State Physics – 1978. – V. 11. – P. 3323-3331.
7. Воротынцев М. А. Электростатика сред с пространственной дисперсией / М. А. Воротынцев, А. А. Корнышев - М. : Наука, 1993 - 240 с.
8. Gourary B. S. Wave function for electron-excess color centers in alkali halide crystals / B. S. Gourary, F. J. Adrian // Solid State Phys. – 1960. – V. 10. – P. 127-247.
9. Fawcett W. R. Thermodynamic parameters for the solvation of monatomic ions in water / W. R. Fawcett // J. Phys. Chem. – 1999 - V. 103. – P. 11181-11185.
10. Marcus Y. Thermodynamics of Solvation of Ions. Part 5 - Gibbs Free Energy of Hydration at 298.15 K / Y. Marcus // J. Chem. Soc. Faraday Trans. – 1991 - V. 87(18) – P. 2995-2999.
11. Fedorov M. V. Unravelling the solvent response to neutral and charged solutes / M. V. Fedorov, A. A. Kornyshev // Molecular Physics – 2007 – V. 105 – P. 1-16.
12. Randles J. E. B. The real hydration energies of ions / J. E. B. Randles // Trans. Faraday Soc. – 1956 – V. 52 – P. 1573-1581.
13. Salomon M. Thermodynamics of ion solvation in water and propylene carbonate / M. Salomon // J. Phys. Chem. B – 1970 – V. 74 (12) – P. 2519-2524.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Rubashkin A.A. Effects of cut-out ion volume and of penetration of the ion charge to the solvent in the nonlocal electrostatics solvation theory for the pole models of dielectric function of the solvent / A. A. Rubashkin, D. V. Konev, M. A. Vorotyntsev // International research journal – 2016. – № 5(47). – Part 5. – P. 112-115. doi: 10.18454/IRJ.2016.47.106
2. Kornyshev A. A. The shape of the nonlocal dielectric function of polar liquids and the implications for thermodynamic properties of electrolytes: A comparative study / A. A. Kornyshev, G. Sutmann // J. Chem. Phys. – 1996. – Vol. 104. – P. 1524-1544.

3. Rubashkin A. A. Nonlocal-electrostatics theory of ion solvation: combination of the overscreening effect in the dielectric response of the medium with a smeared distribution of the ion charge / A. A. Rubashkin, M. A. Vorotyntsev, E. M. Antipov and others // Dokl. Phys. Chem. – 2015. - V. 464(1) – P. 198-201.
4. Rubashkin A. A. Electrostatic contribution to the ion solvation energy: overscreening effect in the nonlocal dielectric response of the polar medium / A. A. Rubashkin, M. A. Vorotyntsev // Curr. Phys. Chem. – 2016. – V. 6(2). – P. 120-129.
5. Dogonadze R. Polar-solvent structure in theory of ionic solvation / R. Dogonadze, A. A. Kornyshev // J. Chem. Soc. Faraday Trans. Pt.II. – 1974. - V. 70. – P. 1121-1132.
6. Vorotyntsev M.A. Model nonlocal electrostatics. II. Spherical interface / M. A. Vorotyntsev // J. Phys. C: Solid State Physics – 1978. - V. 11. – P. 3323-3331.
7. Vorotyntsev M. A. Elektrostatika sred s prostranstvennoj dispersiej [Electrostatics of media with spatial dispersion] / M. A. Vorotyntsev, A. A. Kornyshev - M. : Nauka, 1993. - 240 p. [in Russian]
8. Gourary B. S. Wave function for electron-excess color centers in alkali halide crystals / B. S. Gourary, F. J. Adrian // Solid State Phys. – 1960. - V. 10. – P. 127-247.
9. Fawcett W. R. Thermodynamic parameters for the solvation of monatomic ions in water / W. R. Fawcett // J. Phys. Chem. – 1999 - V. 103. – P. 11181-11185.
10. Marcus Y. Thermodynamics of Solvation of Ions. Part 5 - Gibbs Free Energy of Hydration at 298.15 K / Y. Marcus // J. Chem. Soc. Faraday Trans. – 1991 - V. 87(18) – P. 2995-2999.
11. Fedorov M. V. Unravelling the solvent response to neutral and charged solutes / M. V. Fedorov, A. A. Kornyshev // Molecular Physics – 2007 – V. 105 – P. 1-16.
12. Randles J. E. B. The real hydration energies of ions / J. E. B. Randles // Trans. Faraday Soc. – 1956 – V. 52 – P. 1573-1581.
13. Salomon M. Thermodynamics of ion solvation in water and propylene carbonate / M. Salomon // J. Phys. Chem. B – 1970 – V. 74 (12) – P. 2519-2524.